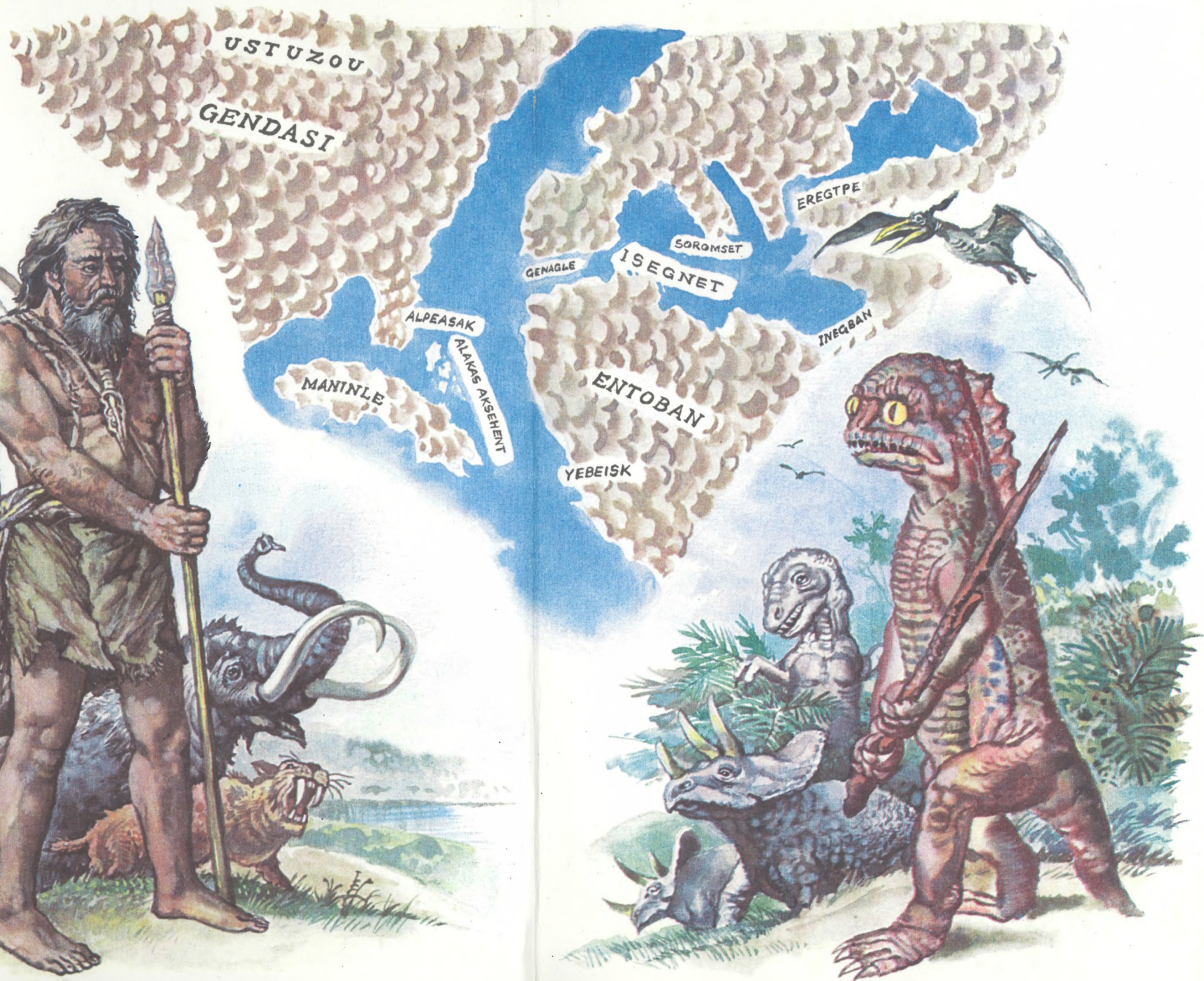

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

RETURN TO EDEN

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ

Издательская фирма «Полярис»
1993

Return to Eden

Copyright © 1988 by Harry Harrison

Возвращение в Эдем

**© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык**

**© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии**

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

**Перепечатка романа запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издателя.**

ISBN 5-88132-057-3

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ

перевод с английского Ю. Соколова

Предисловие Керрика	9
Возвращение в Эдем	15
Заключение	308
Приложение	311

И насадил Господь Бог рай в Эдеме,
на востоке, и поместил там человека,
которого создал...

И пошел Каин от лица Господня и
поселился в земле Нод, *на восток*
от Эдема

Бытие, гл. II, ст. 8

Это рассказ о мире в наши дни.

Таким был бы он, если бы шестьдесят миллионов лет назад на землю не упал метеорит.

Тот мир населяли огромные рептилии. Они были самой распространенной формой жизни на Земле. Целых сто сорок миллионов лет они господствовали на суше, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками, вроде землеройки; крупные, быстрые и более смелые завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменялось. Метеорит диаметром целых шестьдесят миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет. Так родился мир, который мы знаем.

Это рассказ о том мире...

В наши дни...

Предисловие Керрика

Жизнь нынче нелегка. Слишком многое изменилось, слишком многие погибли, и зимы длятся теперь так долго. Так было не всегда. Я еще помню ту стоянку, на которой рос, помню три семьи, долгие сытые дни, приятелей. В теплое время года мы жили на берегу озера, так и кишевшего рыбой. И первое, что я помню на этом свете — белые вершины гор над тихой водой, знак приближения зимы. Когда снег покрывал наши шатры и жухлую траву, наступало время отправляться в горы. Я рос и мечтал стать охотником, чтобы вместе со всеми добывать оленя и большого оленя.

Но сгинул этот простой мир с его бесхитростными радостями. Все изменилось — и не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью и думаю: если бы всего этого не было. Глупо, конечно, ведь мир есть мир, и он полностью изменился. И то, что я считал целой Вселенной, оказалось лишь кусочком реального мира, а мое озеро и горы — одним из уголков огромного континента, со всех сторон окруженного морем.

Помню я и про тех тварей, которых мы зовем мургу. Я научился их ненавидеть задолго до того, как увидел первого марага. Наше тело теплое, их плоть холодна. У нас на головах растут волосы, и каждый охотник гордится своей бородой. Звери, на которых мы охотимся, тоже теплые и лохматые. Но мургу не такие. Они гладкие и холодные, шкура их покрыта чешуйками, а еще у них есть зубы и когти — чтобы рвать и терзать. Среди них есть огромные и ужасные, вселяющие страх. И ненависть. Я знаю, что живут они у теплого океана, на юге, в дальних жарких краях. Мургу не переносят холода и потому прежде не беспокоили нас.

Но все изменилось. Страшно подумать, что прошлого не вернуть. А все потому, что есть среди мургу разумные существа, разумные, как и мы сами. Эти мургу

зовут себя иилане'. На несчастье свое я знаю, что весь мир тану составляет крошечную часть владений иилане'. Мы живем на севере огромного континента. А на необъятных просторах к югу от нас обитают одни лишь мургу и иилане'.

Хуже того, к востоку за океаном лежат огромные равнины континентов, где не ступала еще нога охотника. Никогда. Там повсюду иилане', только иилане'. Весь мир принадлежит им, а нам только горсть земли.

А теперь я поведаю вам самое плохое. Иилане' ненавидят нас, как и мы их. И все бы ничего, будь они огромными, неразумными тварями. Тогда мы жили бы спокойно в холодных краях и никогда не встречались с ними.

Но среди них есть и такие, что разумом и свирепостью не уступают охотнику. Даже не счесть, сколько на свете мургу, достаточно сказать, что они занимают все земли огромного мира.

Я знаю об этом, потому что иилане' взяли меня в плен ребенком, вырастили и обучили. Ужас я впервые познал, когда они убили моего отца и всех, кто был с ним, но с годами забылся и ужас. И когда я научился разговаривать на языке иилане', то стал одним из них, забыл, что рожден среди охотников, даже привык называть свой народ «устузоу» (грязные твари). Власть и порядок у иилане' шли вниз от вершины, и я очень гордился собой. Ведь я был близок к Вейнте', эйстаа города — правительнице его. И я сам себе казался правителем.

Живой город Алпеасак недавно начал расти на наших берегах, в нем поселились прибывшие из-за моря иилане', которых выгнали из родного города холода, с каждой зимой становившиеся все свирепее. И те же зимы гнали на юг моего отца со всеми другими тану. Так заложили иилане' город на наших берегах и убивали тану, едва заметив. И тану отвечали им тем же.

Много лет ничего не знал я об этом. Я рос среди иилане' и думал так, как думали они. И когда они пошли войной на тану, то своих кровных братьев я считал врагами. Так было до тех пор, пока не попал к ним в плен Херилак. Мудрый саммадар и вождь тану, он понимал меня куда лучше, чем я сам. Я говорил с ним

словно с врагом, а он видел во мне плоть от плоти своей. И тогда вспомнил я позабытый с детства язык, сама собой вернулась и память о прежней жизни, о матери, семье, друзьях. У иилане' нет семьи, яйцекладущие ящерицы не знают молочного запаха младенца, нет и дружбы среди холодных самок, которые всю жизнь держат самцов под замком.

Херилак сумел разбудить во мне тану, я освободил его, и мы бежали. Поначалу я сожалел, но пути назад не было — ведь я поразил копьем Вейнте', правительницу иилане', и едва не убил ее. Потом я жил в саммадах — семейства тану объединяются в такие небольшие группы — и с ними бежал от тех, кого еще недавно считал своими. Теперь у меня появились другие спутники, да такие, о которых я даже никогда не думал, живя среди иилане'. У меня была Армун, она сама пришла ко мне и научила тому, чего я прежде не ведал, пробудила во мне чувства, которых я не мог испытать среди чуждой мне расы. Армун, которая дала мне сына.

Но мы жили все время под угрозой смерти. Вейнте' со своими воительницами преследовала нас, гнала без пощады. Мы отбивались, иногда побеждали, иногда захватывали живое оружие иилане' — палки смерти, убивающие любого зверя, каким бы огромным он ни был. С таким оружием мы могли уходить далеко на юг, убивать мургу, мясо которых можно было есть, отбиваться от хищных и злобных. И снова бежали, когда Вейнте' и неистощимое воинство ее, пополнявшееся из-за моря, выслеживали нас и нападали.

Наконец мы, те, кто уцелел, отправились туда, куда мургу не было пути. Через снежные хребты в дальние земли. Иилане' не живут в снегах, и мы считали себя в безопасности.

И обрели ее, но ненадолго. За горами мы встретили тану, которые не только охотятся, но и выращивают урожай в своей уютной долине, а еще умеют лепить горшки из глины, ткать одежду и делать прочие чудесные вещи. Имя им было саску, и они наши друзья, потому что поклоняются богу-мастодонту. Мы привели к ним мастодонтов и жили одним народом. Хорошо было в долине саску.

Но Вейнте' вновь отыскала нас.

И, когда это случилось, я понял, что бежать уже некуда. Словно загнанные в угол звери, мы должны были биться с ними. Сначала меня не хотели слушать, ведь никто не знал врагов так, как я. Но потом они поняли, что иилане' неведом огонь. А чтобы они узнали, что это такое, мы подожгли их город.

Да, так мы и сделали. Спалили их город Алпеасак, а немногие уцелевшие бежали обратно в свою заморскую страну, в свои дальние города. И хорошо, что среди уцелевших оказалась Энге, учительница моя и друг. Она не верила в кровопролитие, как другие, и возглавляла малую часть иилане', называвших себя Дочерьми Жизни, которые верили, что жизнь священна. Если бы уцелели только они...

Но спаслась и Вейнте'. Исполненная ненависти, она пережила гибель города и бежала в море на урукето, огромной живой лодке иилане'.

Мне некогда было думать о ней — у меня были дела поважнее. Хотя все мургу в городе погибли, большая часть горевшего города сохранилась. Саску решили остаться со мной, охотники же тану вернулись в свои саммады. Я не мог пойти с ними, ибо та часть меня, которая думает, как иилане', удерживала меня в городе. Я остался еще и из-за двух спасшихся самцов иилане'. Из-за них и из-за этого полуразрушенного города я забыл о своем долге перед Армун и сыном, что в результате едва не стоило им жизни.

Мы трудились, стараясь сделать город мургу пригодным для жизни, — и мы преуспели в этом. Но все было напрасно. Вейнте' нашла за океаном новых союзников и вернулась, вооруженная непобедимой наукой иилане'. На сей раз она не стала нападать с оружием в руках — а попыталась уничтожить нас с помощью ядовитых животных и ядовитых растений. Как раз в это время с севера пришли обратно и саммады: стреляющие палки не вынесли стужи и погибли, а без них у охотников не было шансов выжить. Город оказался наводненным смертоносными существами, но саммадам пришлось остаться, невзирая на опасность.

Охотники принесли мне страшную новость. От них я узнал, что, поскольку я не вернулся к Армун, она

попыталась найти меня сама — и затерялась вместе с нашим сыном где-то в морозной пустыне.

Я бы покончил с собой, если бы не слабая искорка надежды. Охотник, который промышлял далеко на севере вместе с народом парамутанов, живущим в этой стыллой глуши, сказал, что среди них видели женщину тану с ребенком. Может, это они? Может, они еще живы? Судьба города и поселившихся в нем тану и саску в тот момент не занимала меня. Я должен был идти на север и разыскать Армун. Ортнар — мой друг и моя правая рука — все понял и пошел со мной.

Вместо Армун мы чуть было не нашли там свою гибель. Если бы на нас случайно не наткнулись парамутаны, остались бы мы в тех снегах на веки вечные. Мы выжили, хотя Ортнар отморозил ногу и до сих пор прихрамывает. Нас спасли охотники, и, к моей великой радости, среди них я нашел Армун. Позже, весной, парамутаны помогли нам добраться до города на юге.

Но в городе уже были иилане'. Теснимые беспощадным войском Вейнте', саммады и саску отступили на равнину. И я ничем не мог им помочь. Мой маленький саммад и двое самцов иилане' укрылись в глухом лесу у озера, но остальные были обречены, и я не мог их спасти.

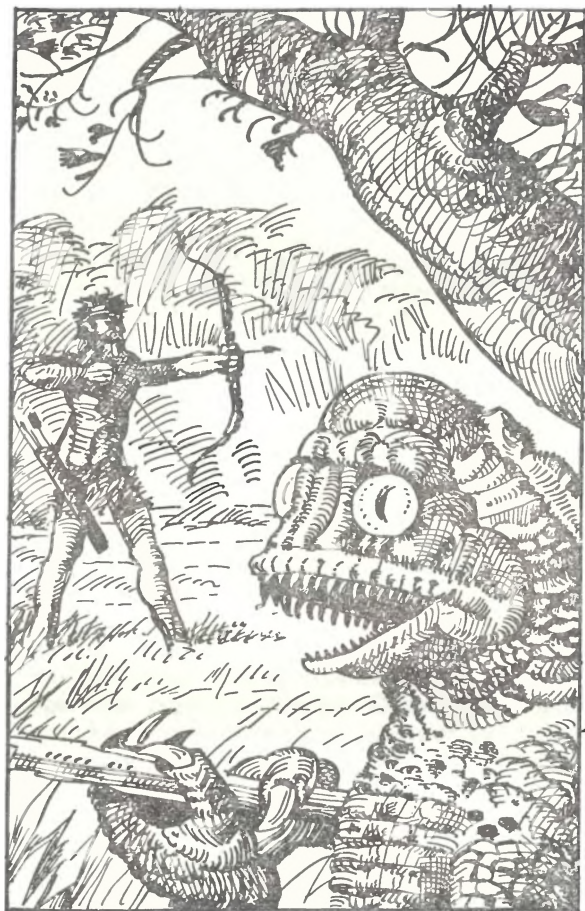
Да и наше убежище иилане' рано или поздно наверняка бы обнаружили. Я узнал, что парамутаны, которые привезли нас сюда, собираются пересечь океан, чтобы поохотиться на том берегу, и подумал: может, там будет безопаснее? Присоединившись к охотникам, мы с Армун переплыли океан — и обнаружили, что иилане' опередили нас. Но из смерти рождается жизнь. Нам удалось одолеть врага, и я узнал, где находится Икхалменетс — город на острове, который помогал Вейнте' вести войну.

То, что я сделал, было или очень смело, или очень глупо. А может, и то и другое вместе. Я заставил эйстаа Икхалменетса прекратить войну и таким образом остановил Вейнте', которая была уже близка к победе. Мне удалось сделать это, и в мире вновь воцарилось спокойствие. Мой саммад вернулся на озеро. Война окончилась.

Однако я долго еще не ведал о том, что Энге, моя учительница и друг, тоже осталась в живых. Вместе со своими подругами, Дочерьми Жизни, она нашла убежище далеко на юге. Там, вдали от тех, кто желал их гибели, они вырастили новый город. Так появился еще один мирный уголок, свободный от распрей и раздоров.

И еще об одном я не знал тогда. Вейнте', порождение ненависти и смерти, тоже осталась в живых.

Вот что было. А теперь я стою у маленького озера в лесной глуши и стараюсь представить себе, что еще случится, что придется делать в грядущие годы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ

Глава первая

*Uveigil as lok at mennet,
homennet thorpar ey vat
marta ok etin.*

*Река чиста, но течение всегда
гонит вниз какую-то муть.*

Марбакская поговорка

И был мир, и был покой.

Стояли жаркие дни — здесь не бывало иначе. Только по вечерам легкий ветерок с воды приносил прохладу. Керрик прищурился на солнце, вытер пот с лица. Здесь, на жарком юге, нетрудно было и вовсе забыть, как медленной чередой сменяют друг друга времена года на севере. Солнце как всегда опускалось за озеро, последний луч блестел на его безмятежной глади, в которой отражалось алое небо. Плеснула рыбина — и по воде разошлись цветные круги. Все было так, как всегда. Иногда набегали облака, лил дождь, но холодно не было, и ничто вокруг не менялось. Только дожди и ночная прохлада говорили о том, что наступает зима. И не было ни весенней зелени, ни осеннего листопада.

Не знали эти края и глубоких зимних снегов, о чем Керрик, впрочем, не жалел. До сих пор в сырую погоду ныли его помороженные пальцы. Уж лучше жара, чем снег. Он вновь, прищурившись, взглянул на закат... Высокий, стройный мужчина. Длинные, до плеч, светлые волосы перехвачены кожаной лентой. За последние годы в уголках его глаз пролегли морщинки; на загорелой коже бледнели шрамы от старых ран.

Вода заходила волнами, послышалось знакомое фыркание — Керрик обернулся. Вечерами к поверхности поднимались стаи хардальтов, и Имехеи научился ловко ловить их. Пыхтя он выбирался на берег, волоча за собой полную сеть. Раковины отсвечивали красным, сквозь ячеи свешивались щупальца. Бросив сеть перед хижинкой, в которой жили оба самца иилане', Имехеи издал торжествующий возглас. Откуда ни возьмись появился Надаске', взглянул на добычу и ответил звуками удовлетворения. Мир царил в Керрик-саммаде, но — на определенном расстоянии. Иилане' жили на одном краю поляны, тану — на другом. Только Керрик и Арнхвит везде чувствовали себя как дома.

Нахмурившись при этой мысли, Керрик пригладил бороду, коснулся металлического кольца на шее. Он знал, что Армун не радовали визиты сына к иилане'. Для нее самцы по-прежнему оставались мургу — тварями, которым лучше и вовсе не жить, а тем более не бродить поблизости и водить дружбу с ее сыном. Но у нее хватало ума помалкивать. Так что по крайней мере внешне в саммаде был мир.

Из шатра, укрытого под ветвями дерева, показалась Армун. Она заметила Керрика, стоявшего у воды, и подошла поближе.

— Зачем стоишь здесь? — спросила она. — Почему не прячешься под деревьями? Ведь ты сам велел не забывать про птиц, которые днем и ночью следят за нами?

— Да, велел. Но теперь я думаю, что нам нечего бояться. Прошло уже два года с тех пор, как мы с Ортнаром и этими двумя пришли сюда. И все это время нас никто не тревожил. Ланефенуу прекратила войну, как я ей приказал. Сказала — и сделала. Мургу не умеют лгать. Они вернулись в город и более не покидали его.

— Но охотницы могут найти нас.

— Мы далеко от них и все время на чеку.

— И все-таки страшно...

Он бережно обнял ее — Армун была беременна — и вдохнул сладкий запах длинных волос.

— Тебе сейчас нельзя путешествовать, — сказал он. — Потом, когда родится ребенок, мы с Харлом

пойдем на север. Он вырос, настоящий охотник, Ортнар хорошо выучил его. Он уже не ребенок, это его шестнадцатое лето. Он умеет управляться с копьем. Поищем на севере. Я знаю, там есть другие озера — Ортнар говорил мне.

— Я не хочу оставаться здесь. Если ты пойдешь, то и я с тобой.

— Мы поговорим об этом, когда придет время.

— Это решено. Мне бы хотелось перебраться к другому озеру... А если мы уйдем, мургу останутся здесь?

Не ответив, Керрик повернулся и, обняв ее за плечи, направился к шатру. Роды близились, может быть, даже запаздывали. Он знал, что Армун чувствовала себя неважно, хоть и не подавала виду. Не время было говорить о судьбе самцов мургу.

Полог шатра подняли кверху — было очень жарко, — и Керрик увидел спящего Арнхвита. Ему было уже шесть лет, веселый и беззаботный, мальчишка рос быстро. Даррас еще не спала — ведь она была гораздо старше — и молча лежала, поглядывая на взрослых. Она была очень тихой девочкой и говорила только тогда, когда к ней обращались. Если она и вспоминала погибших родителей, то никому не рассказывала об этом. Армун и Керрику она стала как родная дочь.

Вечер был тих, и из охотничьего шатра доносился приглушенный шум голосов, один из говоривших рассмеялся — Керрик улыбнулся. В этом шатре жил хромой Ортнар. Теперь он учил охотничьему искусству двоих мальчишек и уже не говорил о том, что уйдет в лес и не вернется.

Где-то далеко заухала ночная птица; одинокий крик нарушил безмолвие. Здесь было спокойно, еды хватало и для семьи, и для всего саммада. И Керрику больше ничего не было нужно. Он молча улыбался в темноте, пока шепот Армун не отвлек его.

— Скорее бы родить, я так устала ждать.

— Уже скоро. Не беспокойся. Все будет хорошо.

— Нет! Не говори так. Нельзя быть заранее уверенным в том, что все сложится хорошо. Моя мама всегда говорила: река чиста, только течение всегда гонит вниз какую-то муть.

— Отдохни.

Он отыскал в темноте ее рот и нежно погладил щель в верхней губе. Она что-то пробормотала, засыпая, но Керрик не разобрал, что она хотела сказать...

Когда Керрик проснулся, все вокруг казалось серым от утреннего тумана. Скоро летнее солнце разгонит дымку. Он осторожно вытащил руку из-под головы Армун — она глубоко вздохнула во сне. Потом он встал, зевнул и, стараясь ступать как можно тише, вышел из шатра. Арнхвит, должно быть, встал, едва рассвело, и уже возвращался с озера, набив рот сырой рыбой.

— Надаске' и Имехеи сегодня пойдут на тот берег озера, — объявил он. — Туда, где живет-растет-кишит-рыба.

Для вящей убедительности мальчик повел бедрами. Как всегда, поговорив с самцами, он обращался к Керрику на иилане'. Отца с матерью не было почти год, и он весьма преуспел в изучении чужого языка. Прежде чем ответить, Керрик взглянул на безмолвный шатер. В присутствии Армун оба старались разговаривать на марбаке.

— Хорошая прогулка полезна для жирных самцов иилане'. Но сегодня молодой устузоу охотится со мною в лесу.

— Да, да! — Арнхвит захлопал в ладоши и перешел на марбак: — И Харл тоже?

— И Ортнар. Они отыскиали дерево с гнездом бансемниллы, и им нужна помощь, чтобы выгнать оттуда зверьков. Бери копье. Ортнар собирается выйти, пока не начало припекать.

Заслышав разговор, Армун вышла из шатра.

— Надолго? — озабоченно спросила она, положив руку на круглый живот.

Керрик качнул головой.

— Это близко. До рождения ребенка я от тебя надолго не уйду. Не бойся.

Покачав головой, Армун тяжело села.

— Возвращайся скорее. Даррас будет со мной, — добавила она, когда девочка подошла к ней. — Это может случиться сегодня.

— Тогда я останусь.

— Пока признаков нет. Так быстро это не бывает.

— Значит, вечером будем есть бансемнилл, запеченных в глине на углях.

— Я бы с удовольствием.

Прежде чем отправиться на охоту, Керрик пошел к заросшему лианами укрытию, которое самцы соорудили на берегу озера. Один из них вышел навстречу гостю.

— Имехеи.

Улыбнувшись про себя, тану подумал, что имя означает «мягкий-на-ощупь» и совершенно не подходит коренастому угрюмому самцу, в приветственном жесте расставившему руки. В его круглых глазах, устремленных на Керрика, не было никаких эмоций. В знак удовольствия Имехеи открыл огромный рот с белыми остроконечными зубами.

— Поешь с нами.

— Уже поел, сожалею-благодарю. Арнхвит сказал, что сегодня вы решили посмотреть мир.

— Для маленького влажного-из-моря скромное путешествие — великое событие. У берега есть глубокие места с ключами на дне. Там водятся большие рыбыны... Хотим ловить-есть. Мягкий-маленький пойдет с нами?

— В другой раз. Мы собираемся поохотиться в лесу на бансемнилл.

— Недостаток знаний. Название-животное неизвестно.

— Маленькое, мохнатое, с длинным хвостом и сумкой на животе. Вкусное.

— Удовольствие-есть, примите в долю. Взамен принесем отменной рыбы.

— Пусть сети ваши будут полны, пусть крючки опускаются глубже.

Тут появился Надаске' и, услышав последние слова Керрика, сделал жест благодарности. Потом самцы взвалили на плечи сложенные сети, выбрали хесотсаны, вошли в воду и побрели вдоль заросшего берега. Беспечная лень ханане осталась в прошлом. Теперь самцы знали свою силу и были уверены в себе.

Раздался громкий крик. Керрик обернулся и увидел Арнхвита, размахивавшего руками.

— Атта, мы здесь! — закричал он.

Рядом с мальчиком стоял Ортнар. Левой рукой он опирался на костыль. Тяжелая болезнь не убила его, но бывшая сила так и не вернулась. Зажав под мышкой костыль и волоча левую ногу, Ортнар мог передвигаться. При этом он испытывал мучительную боль, но никогда не подавал виду. Лицо охотника избородили глубокие морщины; Ортнар никогда не улыбался. Но правая рука не ослабела, и копье в ней оставалось по-прежнему смертоносным.

Увидев Керрика, Ортнар взмахнул копьем.

— Добрая будет охота? — спросил Керрик.

— Да... и хорошая еда. Их там много. Нужно постараться добыть самого толстого. Я его видел.

— Показывай путь.

У мальчиков были луки и копья, а Керрик взял с собой хесотсан. Прохладное тело живого оружия пошевеливалось в руках. Шипы, которые оно выплевывало, были смертельны для всякого живого существа, какой бы величины оно ни было. Без этого оружия иилане' — стреляющей палки, как называли его тану, — выжить в лесу было бы невозможно. Копьями и стрелами не сразить огромных мургу, бродивших здесь повсюду. Только яд иилане' мог сделать это. У них осталось лишь три хесотсана, один случайно утопили. Заменить их было нечем. Когда умрут остальные — что будет? Но пока они живы, беспокоиться рано. Керрик отогнал мрачные мысли. Лучше думать об охоте и жаренном на углях мясе.

Они молча шагали по тропинке. Неподвижный воздух под пологом леса был таким горячим, что скоро они взмокли. Вдруг Ортнар, обернувшись, коснулся губ наконечником копья. Охотники насторожились. Ортнар показал на ветвистое дерево.

— Там, — шепнул он, — видите дупло.

В ветвях промелькнул темный силуэт, Арнхвит от возбуждения захихикал. Ортнар жестом приказал ему молчать.

Убивать бансемнил оказалось делом нелегким: ловко цепляясь за ветви хвостами, зверьки быстро исчезали среди листвы. Вдогонку им летели стрелы, но не достигали цели и падали в траву. Ортнар отпускал колкие словечки по поводу мальчишечьей меткости.

Керрик не принимал участия в охоте. Стоя в сторонке, он напряженно вглядывался в лесную чащу — не таится ли где-нибудь опасность.

Наконец мальчишки полезли на дерево и принялись колотить по нему луками. Из дупла выскочил зверек и тут же был сражен копьем Ортнара. Завизжав, бансемнилла свалилась в кусты, откуда ее извлекли восторженно вопящие мальчишки. Керрик обрадовался — наконец-то, а Ортнар стал ворчливо выговаривать ребятам за то, что подняли такой шум. Привязав добычу к палке, которую тут же схватили мальчишки, охотники пустились в обратный путь.

Едва они вышли из леса, Ортнар предупреждающе поднял копье. Охотники замерли. Ветер шевелил листья над головами, и вдруг Керрик услышал далекий крик.

— Армун! — воскликнул Керрик и бросился бежать к шатрам... Она вышла из шатра, сжимая в одной руке копье и другой обнимая за плечи всхлипывающую девочку.

— Что случилось?

— Эта тварь... мараг... Он явился сюда и, визжа и дергаясь, напал на нас. Я схватила копье. И он ушел...

— Какой мараг? Куда ушел?

— Твой мараг! — завопила она с искаженным от гнева лицом. — Там, на берегу! Эти твари, с которыми ты никак не можешь расстаться! Когда-нибудь они убьют нас...

— Тихо. Самцы безобидны. Тут что-то не так. Оставляйтесь здесь.

Подбежав к хижине, Керрик увидел Надаске'. Тот стоял на берегу, обхватив себя руками, и раскачивался из стороны в сторону. На губах его выступила пена, из рта торчал кончик языка.

— Что случилось? — крикнул Керрик и, не получив ответа, потряс его за плечи. — Где Имехеи? Говори!

Открыв мигательную мембрану, Надаске' взглянул на Керрика покрасневшим глазом.

— Мертв, хуже... неизвестно-конец жизни... — пробормотал он, нерешительно и медленно дергая руками. Его гребень покраснел и судорожно дергался.

Керрик так и не понял, что случилось. Уложив впавшего в отчаяние иилане' на траву, он вернулся к своим.

— Кажется, Имехеи погиб, но он в этом не уверен.

— Они убивают друг друга, нападают на меня! — завизжала Армун. — Убей же эту тварь, прикончи ее наконец!

Керрик взял себя в руки: он понимал состояние жены. Отдав оружие Харлу, он обнял Армун.

— Ничего подобного. Он хотел тебе что-то сказать, пытался объяснить, что должен найти меня. Они были на той стороне озера, рыбачили. Там на них напали.

— Мургу? — спросил Ортнар.

— Да, мургу. — Голос Керрика был холоден, как смерть. — Такие же мургу. Иилане', самки. Охотницы.

— Значит, они обнаружили нас?

— Не знаю. — Он мягко отстранил Армун и взглянул в ее испуганные глаза. — Он пытался заговорить с тобой. Мургу поймали его друга. Может быть, даже убили. А этот убежал и не видел, что случилось потом.

— Значит, мы должны выяснить, что эти твари делают у озера и известно ли им о нас, — сказал Ортнар, в бессильной ярости потрясая копьем. — И убить их. — Он шагнул в сторону озера, оступился и едва не упал.

— Оставайся здесь и охраняй, — велел Керрик. — Оставляю саммад на тебя. Мы с Надаске' пойдем на разведку и выясним, что случилось. Нужно быть осторожными. Помните, что охотницы видели только своих и могут не знать о нашем существовании.

«Но если Имехеи жив, он расскажет им о нас», — с тревогой подумал Керрик.

— Идем немедленно.

Поколебавшись, он взял второй хесотсан. Ортнар мрачно взглянул на него.

— Стреляющие палки наши. Мы не выживем без них.

— Я принесу ее назад.

Надаске' понуро сидел на хвосте и лишь слегка пошевелился, заметив приближение Керрика.

— Я растерялся, — произнес он виновато. — Был глуп, как фарги на берегу. Потерял хесотсан. Это были их голоса, это они говорили, схватив Имехеи. Я словно обезумел. И убежал. А нужно было остаться.

— Ты поступил правильно. Ты пришел ко мне. Вот тебе оружие. И не теряй больше.

Керрик протянул ему хесотсан, и Надаске' поспешно схватил его. Впопыхах он сунул большой палец прямо в рот существа и сразу не почувствовал боли от острых зубов, недоумевающе глядя на выступившие капли крови.

— Теперь у меня есть оружие, — сказал он, поднимаясь на ноги. — У нас есть оружие, надо идти.

— Но я не могу плыть, как ты.

— И не надо. Вдоль берега тянется тропка. Я пришел по ней назад.

Он решительно заковылял вперед. Керрик двинулся за ним.

Они долго шли под палящим солнцем. То и дело приходилось останавливаться, чтобы Надаске' мог охладиться в воде. А Керрик тем временем отдыхал в тени. Солнце уже спустилось к горизонту, когда Надаске' сделал предостерегающий знак.

— Там, за этой высокой травой. Двигаться-вода-молчание-тихо.

Он шел первым по колено в болотной воде, бесшумно раздвигая густую речную траву. Керрик шел следом, стараясь ступать как можно тише. Трава редела, и они пошли медленнее... И тут у Надаске' вырвался невольный стон.

Керрик не сразу понял, что происходит. Вдруг прямо перед ними оказалась спина сидящей иилане' с хесотсаном в руках. Рядом лежали дорожные мешки и два хесотсана. За ней виднелась группа иилане', группа неподвижно застывших в странных позах... И тут Керрик понял, что случилось.

На земле лежал Имехеи. На нем восседала самка, прижимая к земле его раскинутые руки. Рядом с ней так же неподвижно сидела другая. Имехеи корчился и тихо стонал. Самки же застыли, словно каменные изваяния.

В памяти Керрика возникла полузабытая картина. Вейнте', сидя на нем, прижимает его, еще мальчишку, к земле. Боль и удовольствие — новое, странное и ужасное.

Это ощущение было новым тогда, но не теперь. В теплых объятиях Армун он нашел счастье и блаженство. Забвение.

И теперь, глядя на то, что предстало его взору, он ощутил жгучую ненависть. Керрик с шумом выскочил из воды на берег. Надаске' предостерегающе крикнул, увидев, как караулившая охотница вскочила и подняла хесотсан.

И повалилась, когда оружие Керрика выплюнуло смертоносный шип. Керрик переступил через тело и шагнул к неподвижной совокупляющейся группе.

Самки не шевелились, словно ничего не замечали. Имехеи задыхался под тяжестью их тел, корчился, с мукой в глазах глядя на Керрика. Попытался что-то сказать, но не смог.

Самок убил Надаске'. Дважды выстрелив, он бросился стаскивать с друга их тела. Они умерли, еще не коснувшись земли.

Тела самок обмякли, высвобождая Имехеи. Выскользнул один его орган, потом второй... Мешочек закрылся. Но у него уже не было сил пошевелиться. Керрик не знал, что делать.

А Надаске' знал. Смерть от шипа слишком легка. И хоть они уже ничего не почувствуют, самец не мог не излить свою ненависть. Повалившись сверху на одну из них, он впился в ее горло зубами и разорвал его. Потом сделал то же самое с другой. Хлынула кровь. Шатаясь, Надаске' бросился в озеро и стал умываться в чистой воде.

Когда он вернулся, Имехеи уже сидел, обессиленный, молчаливый. Надаске' сел рядом и крепко прижался к другу.

Произошло что-то ужасное.

Глава вторая

*Efenenot okolsetanke'nin
anatile'ne' efeneleiaa teseset.*

*Жизнь наша — между большими
пальцами Эфенелейаа, Духа Жизни.*

Первый принцип Угуненапсы

— Хорошая нога. Прекрасная нога. Новая нога, — медленно говорила Амбаласи. По ее ладоням пробегали разноцветные волны, складываясь в простые слова сорогетсо.

Перед ней в густой траве лежала Ичикчи. Она дрожала, широко открыв глаза в страхе перед неизвестным. Взглянув на свою ногу, она сразу отвернулась. Нелепая розовая кожа была так не похожа на ту, зеленую, что покрывала все ее тело. Это очень беспокоило Ичикчи. Чтобы ее утешить, Амбаласи легко коснулась ее лодыжки, но больная затряслась еще сильнее.

— Простые создания, — проговорила Амбаласи, жестом подзывая к себе помощницу Сетессей. — Столь же простые, как и их речь. Дай ей чего-нибудь поесть, это всегда успокаивает. Отлично, видишь — ест и выражает удовольствие. Идем. Следуй за мной.

В том, что посещения Амбаласи сделались привычными для сорогетсо, было больше умысла, чем случайности. С терпением истинной ученой она не торопила события. Дикие создания всегда держались застенчиво в обществе рослых иилане', и она следила за собой, контролируя речь и движения. Энге преуспела в изучении языка сорогетсо и научила ему Амбаласи, чей словарный запас и непринужденность в общении уже

превосходили Энге — ведь той приходилось столько времени уделять городу. И теперь при любых недомоганиях и ранах сорогетсо обращались за помощью к Амбаласи. Она приходила и спрашивала лишь о симптомах... ну, может быть, еще о каких-нибудь мелочах, имевших отношение к делу. Познания ее росли.

— Они же совершенно ничего не знают. Сетессеи, смотри и удивляйся. Перед тобой твои собственные предки, такие, какими они были, когда лопнуло яйцо времен. Защищаясь, они бросают ядовитых пауков, — а у нас были раки и крабы. А вот смотри, как они увязали траву. Из этих снопов можно сделать великолепные укрытия для сорогетсо — впрочем, и для насекомых тоже. Из них сооружают небольшие навесы, под которыми сорогетсо укрываются от дождя. Мы так привыкли к нашим спальням, что совсем позабыли, как жили предки.

— Предпочитаю городские удобства, не люблю спать на сырой земле.

— Конечно. Но пока забудь об удобствах, думай как ученая. Наблюдай, размышляй и учись. Водяных плодов у них нет, поэтому им приходится использовать предметы: воду из реки они носят в сушеных тыквах. В прошлый раз я была здесь одна и обнаружила нечто еще более важное...

— Усиленные извинения за отсутствие — важные работы с грибами, необходимыми для заражения растений.

— Не извиняйся — ведь я сама отдала это распоряжение. Теперь здесь...

— Назад, назад, не ходить сюда! — крикнул Еассасиви, выпрыгнув из укрытия в кустах; ладони его ярко атели.

Сетессеи остановилась и попятилась. Амбаласи тоже остановилась, но не испугалась.

— Ты Еассасиви. А я Амбаласи. Поговорим?

— Назад!

— Почему? В чем дело? Еассасиви сильный самец и не боится слабых самок.

Сделав отрицательный жест, Еассасиви с опаской взглянул на Амбаласи. На его физиономии еще читалось недоверие, но ладони заметно побледнели.

— Вот вкусная еда. — Амбаласи поманила к себе Сетессей с контейнером. — Ешь. У Амбаласи много еды. Ты думаешь, я хочу отобрать еду у тебя?

Поколебавшись, Еассасиви принял дар и, бормоча что-то под нос, принялся жевать мясо утря, не сводя глаз с незнакомцев. Когда Амбаласи повернулась и шагнула в сторону, лицо его выразило облегчение. Она потянулась к оранжевому плоду, свисавшему с ветки дерева, возле которого стоял Еассасиви. Ему это не понравилось, но возражать он не стал.

Отойдя подальше, Амбаласи остановилась и протянула плод помощнице.

— Ты знаешь, что это такое?

Сетессей посмотрела на него, потом разломилась и откусила кусочек. Сплюнув, она зажеликовала: такой же, как тот, который ты давала мне для исследования.

— Да. И что ты обнаружила?

— Глюкозу, сахарозу...

— Конечно же, — перебила ее Амбаласи. — Что еще может обнаружиться в плодах. Но ведь ты нашла и кое-что неожиданное?

— Простой энзим, очень близкий к коллагеназе.

— Хорошо. И какие же выводы следуют отсюда?

— Никаких. Я просто сделала анализ.

— Спишь при ясном солнце, мозг усох до размеров орешка! Неужели кроме меня никто в мире не умеет думать? А если я скажу тебе, что под деревом заметила яму с мясом — свежая туша аллигатора, — что ты на это скажешь?

Сетессей охнула и остановилась.

— Но, великая Амбаласи, это же просто невероятное открытие. Энзим размягчает соединительные ткани мяса, грубая плоть становится съедобной. Так же, как у нас в чанах с энзимами. Неужели мы видим...

— Именно. Первый шаг от грубых манипуляций с предметами, начало контроля над химическими и биологическими процессами. Первый шаг на пути, который приведет их к вершинам знания иилане'. Теперь ты должна понять, почему я приказала, чтобы сорогетсо не пускали в город, чтобы они пребывали в своем естественном состоянии.

— Понимание достигнуто — великое одобрение. Твои исследования невероятно расширяют-знания.

— Конечно. По крайней мере ты представляешь значимость моих великих трудов. — С этими словами Амбаласи, удобно усевшись на хвост, с кряхтением выпрямилась. — Старость тела и вечная сырость портят все удовольствие от интеллектуальной жизни.

Сердито нахмурившись, она поманила к себе Сетессеи. И, бормоча под нос, принялась рыться в сумке, которую та подала. Понимая, что ищет старая ученая, Сетессеи пришла ей на помощь и достала небольшую корзиночку.

— Болеутолитель, — сказала она.

Амбаласи раздраженно выхватила корзиночку из рук помощницы — неужели потребности ее тела столь очевидны всем? — и достала из нее за хвост крошечную змейку. Потом взяла извивающееся существо за голову и его острым единственным зубом проткнула кожу над веной. Модифицированный токсин немедленно принес облегчение. Вновь усевшись на хвост, она вздохнула.

— Амбаласи не ела целый день, — произнесла Сетессеи, отправив змейку обратно в корзинку, и запустила руку в контейнер. — Вот консервированный угорь, такой же прохладный, как в чане.

Глядевшая куда-то вдаль Амбаласи опустила один глаз и посмотрела на кусок консервированного мяса. Действительно, сегодня она еще не ела.

Она медленно прожевала один кусок и потянулась за вторым.

— Как растет город? — невнятно пробормотала она с набитым ртом.

Но верная Сетессеи прекрасно понимала старую ученую.

— Необходимо удобрение для внутренних рощ водяных плодов. Все остальное растет прекрасно.

— Ну, а жительницы города тоже прекрасно растут?

Сетессеи шевельнулась, давая понять, что уловила двусмысленность, и, закрыв контейнер, выпрямилась.

— Служить Амбаласи — удовольствие-рост познаний. Видеть, как подрастает город, работать с новым видом иилане' — радость, превосходящая все труды.

Но жить среди Дочерей Жизни — труд, не приносящий никакого удовольствия.

— Точное наблюдение. Еще утря. Значит, тебя не привлекают все эти умствования и ты не испытываешь желания стать одной из Дочерей?

— Служа тебе, я радуюсь и становлюсь сильнее; я не хочу ничего, кроме этого.

— Ну, а если эйстаа прикажет тебе умереть — ты умрешь?

— Какая эйстаа? Мы жили в стольких городах. Служба тебе и есть мой город, значит ты — моя эйстаа.

— Если так — живи, я никому не желаю смерти. Но вот эти Дочери... Иногда так и хочется... Впрочем, развиваю предыдущее утверждение. Роща нуждается в одобрении, — последовал знак неполноты действия, — а Дочери?

— Амбаласи знает все, видит сквозь камень. Дважды просили помощи, дважды отказывались.

— Третьего раза не будет. — Амбаласи сделала решительный жест, потом потянулась, и у нее в спине что-то хрустнуло. — Расхлябанность растет, работа уменьшается.

Они возвращались по лесной тропинке, зная, что сорогетсо следят за ними. Впереди на тропе промелькнула какая-то фигура, и, когда иилане' добрались до плавающего дерева, оно уже лежало поперек протоки. Это сделала Ичикчи. Когда Амбаласи в знак одобрения обратила к ней зелено-красную ладонь, она, потупившись, отвернулась.

— Благодарит, — проговорила Амбаласи, — трудом платит за лечение. Простые-то они простые, но кое в чем и не очень. Нужно внимательнее к ним приглядеться.

Она первой перебралась по плавающему дереву на другой берег.

— Утря, — приказала Амбаласи, протягивая руку. — Сетессей, тебе не хочется узнать, почему мы перебираемся на остров по дереву вместо того, чтобы вброд перейти это мелководье?

— Такие вещи меня не интересуют.

— Меня же интересует все, потому-то я и понимаю все. Обратившись к возможностям своего могучего разума, я разрешила и эту маленькую загадку.

Амбаласи бросила в протоку кусочек мяса, и вода вокруг него словно вскипела.

— Видишь, сколько мелких хищных рыб. Живой барьер. Воистину новый континент полон чудес. Пойду на амбесид погреться на солнышке. Пришли ко мне Энге.

Сетессеи с контейнером шагала впереди, голова ее раскачивалась при ходьбе. Амбаласи заметила, что гребень помощницы уже посерел и начал лохматиться по краям. Так рано? Она еще помнила юную фарги, стремившуюся стать иилане'; слушавшую, запоминавшую и наконец ставшую бесценной помощницей. Годы и годы терпеливо трудясь, она, Амбаласи, открывала секреты мира. Чтобы окончить жизнь здесь, в своем еще новом городе, среди его вздорных обитательниц? Быть может, пора отправляться в путь? Уж во всяком случае следует записать все, что было открыто здесь. Еще не рожденные иилане' науки будут благоговейно вздыхать, признавая ее великие открытия. А современницы почернеют лицом и умрут от зависти. Приятно об этом думать.

Амбаласи удобно уселась, прислонившись к теплomu корню дерева, жаркое солнце грело бока. Закрыв глаза и приоткрыв рот, она всем телом впитывала тепло, успокаивавшее боль в натруженных мышцах. Поиск новых познаний — процесс приятный и долгий, но все-таки утомительный. Ее размышления прервали звуки привлечения внимания к присутствию. Амбаласи открыла один глаз.

— Это ты, Энге?

— Мне сказали, что ты хочешь меня видеть.

— Я недовольна. Твои Дочери Уклонения с каждым днем все более и более уклоняются от работы. Тебе это известно?

— Да. Это моя вина. Я просто не способна найти решение этой задачи. Я стараюсь, но, к моему отчаянию, не могу изыскать необходимого в принципах Угуненапсы. Я знаю, что выход где-то здесь, прямо перед моими глазами, но не могу его увидеть.

— Путаешь теорию с действительностью. Последняя существует, а вот первая... неизвестно.

— Но не для нас, великая Амбаласи, — кому как не тебе знать об этом. — В глазах Энге засветился ого-

нек, и, усевшись на хвост, она приступила к проповеди. Амбаласи коротко вздохнула. — Истинность слов Угуненапсы не может быть оспорена. Когда эйстаа приказывает любой иилане' умереть — она умирает. А мы живем.

— Это легко объяснить. Я закончила исследования. Ты остаешься жить, потому что не срабатывает гипоталамус. И только.

— Отсутствие-знаний, желание-наставлений.

— Было бы хорошо, если бы эти твои Дочери Разброда тоже попросили наставлений. Слушай и запоминай. Так же, как из яйца мы переходим в океан, а из фарги становимся иилане', наш вид меняется от древней формы к современной. Форма наших зубов свидетельствует о том, что прежде иилане' питались моллюсками. Прежде чем мы создали свои города, добились изобилия пищи и безопасности, для выживания вида была необходима хibernация.

— Стыд-унижение, признание в еще большем невежестве. Мы ее ели, эту самую хibernацию?

Амбаласи сердито стукнула зубами.

— Больше внимания моим словам. Хibernация — это оцепенение тела, промежуточное состояние между сном и смертью, когда все жизненные функции существенно замедлены. Она представляет собой гормональную реакцию, вызываемую пролактином. В обычном состоянии он регулирует обмен веществ и сексуальное поведение. Но слишком большое количество пролактина перегружает гипоталамус и вызывает несбалансированное физиологическое состояние, заканчивающееся смертью.

— Выживание... и смерть?

— Да, смерть личности позволяет выжить всей группе. Некая форма гена альтруизма, невыгодная для личности, но весьма полезная для вида. Пока правит эйстаа, в обществе существует социальный порядок. Ошибающиеся умирают по приказанию. На деле они сами себя убивают. Они верят, что умрут, — вот и умирают. Ужас перед неизбежной смертью высвобождает пролактин. И личность сама себя убивает.

— Мудрая Амбаласи, неужели ты утверждаешь, что великие идеи Угуненапсы основаны лишь на способно-

сти управлять физиологической реакцией? — ужаснулась Энге.

— Вот ты сама все и сказала, — с удовлетворением отозвалась Амбаласи.

Энге долго молчала, оцепенев в глубоком раздумье. Наконец она шевельнулась, жестом выразив понимание и одобрение.

— Амбаласи, мудрость твоя бесконечна. Ты предлагаешь мне физическую истину, которая заставляет меня сомневаться, заставляет меня вновь обратиться к основам всех известных мне истин, чтобы я обрела ответ, подтверждающий их справедливость. Ответ есть, он существует и нуждается лишь в истолковании. Вся мудрость Угуненапсы отражена в ее восьми принципах...

— Площади мою старость — не угрожай всеми сразу.

— Это не угроза, это откровение. Но один из них объемлет все остальные. Он первый и самый важный. Он и был самым большим откровением Угуненапсы, которое и породило все остальные. Она говорила, что словно прозрела. Это было нечто сокрытое, вдруг явившееся взору. Правда, которую нельзя забывать. Она говорила так: мы живем между двумя большими пальцами великой Эфенелейаа, Духа Жизни.

— Ум немеет! Какую чушь ты несешь?

— Истину. Признавая существование Эфенелейаа, мы принимаем жизнь и отвергаем смерть. Когда мы становимся частью Эфенелейаа и Эфенелейаа входит в нас, эйстаа более не властвует над нами.

— Довольно! — взревела Амбаласи. — Хватит теорий — нужны практические действия. С каждым днем вы, Дочери, работаете все меньше, город страдает. Что вы собираетесь делать?

— Я намереваюсь еще глубже погрузиться в восемь принципов Угуненапсы, ведь ты, великая Амбаласи, сказала мне, что в них и следует искать решение наших проблем.

— Неужели? Остается надеяться, что ты его найдешь. Но советую погружаться быстрее и не слишком глубоко — потому что даже у моей прославленной кротости есть пределы. Без меня город умрет. А я так устала от ваших бесконечных разногласий. Урегулируйте их.

— Мы сделаем это. Только подари нам еще кроху твоего знаменитого терпения.

Когда Энге закончила говорить, Амбаласи закрыла глаза, поэтому жестов, означавших истинное отношение Дочерей к ее терпению, она не увидела. Энге медленно пошла прочь в поисках уединения, необходимого, чтобы разглядеть в себе непокорную истину. Но дойдя до тенистого перехода, она обнаружила у входа ту, которую меньше всего хотела видеть. Низкая и эгоистичная мысль. Ведь наклонность этой Дочери к прекословию вызвана только ее любовью к истине.

— Приветствую тебя, Фар<, и спрашиваю, о чем ты хочешь говорить в моем присутствии.

Худенькая Фар< теперь стала еще тоньше, ребра ее торчали. Ела она немного и в основном думала. Волнуясь, она стиснула большие пальцы обеих рук. Она с трудом подбирала слова, и глаза ее еще более округлились от усердия.

— Я боюсь... твои слова, мои мысли и учение Угуненапсы противоречат друг другу. Мне нужны наставления и указания.

— Ты их получишь. Что тебя волнует?

— Твой приказ. Чтобы все повиновались Амбаласи, как эйстаа. И мы исполняем его, хотя, приняв принципы Угуненапсы, отвергли власть эйстаа.

— Ты забываешь, что мы пошли на это временно — пока не вырастет город. Ведь без него мы не можем жить, и всякие прочие действия будут направлены против жизни.

— Да, но посмотри — город вырос. В нем есть все, значит, время покорности закончилось. И я сама, и многие из тех, с кем я говорила, считают, что дальше так продолжаться не может...

Подняв вверх ладони, Энге остановила ее жестом, требующим немедленного повиновения.

— Не говори об этом. Скоро, очень скоро я открою вам то, что открылось мне только сегодня. Секрет нашей будущей жизни таится в глубинах восьми принципов Угуненапсы. Мы отыщем его, если посмотрим внимательнее.

— Энге, я искала его и не нашла.

Неужели в ее ответе промелькнул знак отвержения и даже презрения? Энге решила не заметить его. Сейчас не время для спора.

— Ты будешь работать ради существования города под руководством Амбаласи... и все сестры, и я сама. Наши проблемы будут разрешены очень скоро. Очень, очень. Можешь идти.

Энге глядела вслед удалявшейся тощей спине и снова ощутила бремя своих убеждений и поняла, насколько свободна эйстаа, которая мгновенно разрешила бы проблему, приказав Фар< умереть.

А пока Фар<, живая, уходила прочь в тени деревьев.

Далеко за морем, на берегу Энтобана, тоже в тени деревьев, Вейнте' бродила по прибрежному песку. Она часто останавливалась, и следы за спиной были такими же запутанными, как ее мысли.

Иногда, словно просыпаясь, она ясно понимала, что с ней случилось. Изгнанная, отвергнутая, покинутая на негостеприимном берегу. Оставшись одна, она долго посылала проклятия вслед урукето, скрывшемуся в морской дали, вслед предательнице Ланефенуу. Все это сделала с ней Ланефенуу, и ненависть к этой эйстаа не отпускала Вейнте'. Она докричалась до того, что охрипла, руки ее бессильно упали, морская пена забрызгала лицо.

Но это не помогло. Будь здесь дикие звери, они сожрали бы ее во время одного из приступов безумства. Но вокруг не было никого. За узкой илистой прибрежной полоской тянулись болота, зыбучие пески... гнилые места. В кронах деревьев порхали птицы, в грязи кое-где копошились какие-то твари. В самый первый день, когда от ярости пересохло в горле, она напилась воды из болота. Вода была нечиста, и Вейнте' занемогла и сильно ослабела. Позже она обнаружила в лесу родник с чистой водой, выбегавший на морской берег, и теперь пила только из него.

Поначалу она ничего не ела. Валяясь на солнце почти без сознания, Вейнте' не думала о еде много дней. Но, оправившись, она поняла, что это глупо. Так можно и

умереть, — но ее ожидает иная смерть. Гнев и голод погнали ее к морю. В нем было много рыбы, но поймать ее было трудно — прошлые навыки давно позабылись. Но чтобы выжить, улова хватало. Разыскивать моллюсков в прибрежном песке было легче, и скоро они стали основной частью рациона Вейнте'.

Так прошло много дней; Вейнте' не ждала никаких перемен. Изредка, просыпаясь на рассвете, она смотрела на свои облепленные глиной ноги, на грязную кожу, с которой исчез замысловатый узор, на пустое небо и море. И удивлялась. Неужели это конец? Что же с ней случилось? Но недолгое беспокойство быстро отступало. Солнце пригревало, и оцепенение было все же лучше приступов бешенства.

Здесь была вода, а когда она ощущала голод, всегда находилась какая-нибудь еда. Ничто не тревожило ее. Темные мысли, не дававшие ей поначалу покоя, отступили.

Теперь мыслей не было вовсе. Медленно переставляя ноги, она бродила вдоль берега. И след ее был неровен и спутан. Ямки быстро заполнялись водой.

Глава третья

*Bruka assi stakkiz tina faralda —
den ey gestarmal faralda markiz.*

*Наслаждайся летом своей жизни —
за ним всегда идет зима.*

Пословица тану

Надаске' зашел в озеро по грудь и принялся смывать с себя кровь. Он долго плескался и полоскал рот, выплевывая остатки чужой крови. Наконец он вышел на берег и всеми четырьмя большими пальцами указал на скрючившегося Имехеи. Это был жест отчаяния, полной безнадежности.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Керрик, потрясенный происшедшим.

Надаске' поежился, но не ответил. Молчал и Имехеи, но недолго. Наконец он шевельнулся, потер синяки на руках и бедрах и медленно поднялся на ноги, пустыми круглыми глазами глядя на Надаске'.

- Долго? — спросил Надаске'.
- Их же было двое, я думаю, хватит.
- Ты мог ошибиться.
- Скоро узнаем. Давай вернемся.
- Идем.

Имехеи пошатнулся, но не сумел ступить и шагу.

Надаске' бросился к нему и крепко обнял за плечи. Имехеи сделал один неверный шаг, потом другой. Вместе они побрели вдоль озера и исчезли за деревьями. Назад не оглядывались, к Керрику не обращались, словно совсем позабыли о его существовании.

Он хотел поговорить с ними, но решил не пытаться, почувствовав, что явился свидетелем настоящей траге-

дии, хотя не мог понять, в чем она состояла. Вспомнились мрачные песни самцов в ханане, полные страха перед родильными пляжами.

— Довольно! — громко сказал он, разглядывая истерзанные тела.

Он хотел знать, что теперь будет с Имехеи, но с этим придется подождать. Когда-нибудь он поймет истинный смысл случившегося. Какое-то время самцы будут заняты собой. Нужно подумать об остальных. Что теперь делать? Как поступить с телами и припасами?

Иилане' было трое. Все погибли. Когда их хватятся? Ни узнать, ни догадаться, как скоро их станут разыскивать, нельзя. Однако действовать надо быстро, не исключая возможности скорых поисков. Надо сделать так, чтобы от совершенных здесь убийств не осталось и следа. Сначала трупы. Хоронить? Глупо. Трупоеды разнюхают, выкопают тела и разбросают кости. Трупы должны исчезнуть. Остается озеро — другого не придумаешь.

Одну за другой Керрик отволол убитых иилане' по отмели туда, где поглубже. Однако тела плавали, окрашивая воду в розовый цвет. Плохо. Недовольный, он выбрался на берег и принялся рассматривать их вещи. Еще сырые шкуры, но в основном пузыри с мясом. Он принялся вспаривать ножом прочные оболочки и забрасывать мясо подальше в воду: об остальном позаботятся рыбы. Дело было нелегким и неприятным, но в конце концов он покончил с ним. Потом набил галькой и мелкими камнями походные мешки и, зайдя в воду поглубже, привязал их к убитым. Трупы опустились на дно. Дождь смывает впитавшуюся в землю кровь. Если здесь и пройдет кто-нибудь из посланных на розыски иилане', — они ничего не заметят. Пусть исчезновение охотниц останется тайной.

Заметив забытый Надаске' хесотсан, Керрик укоризненно покачал головой. Оружие так нужно им, чтобы выжить, — а он бросил его и ушел. Вернее он не мог бы выразить своего горя словами. Длинным пучком травы Керрик связал его вместе с теми, которые принесли охотницы. Хесотсаны не могут быть лишними — хоть какая-то польза от этих ужасных событий. Подхватив свой хесотсан, он медленно огляделся, проверяя, не

упустил ли он чего-нибудь, а потом отправился в обратный путь.

Теперь, когда у него было время подумать, стало до боли понятно: отсюда надо уходить, уходить всем. Если уж здесь оказались охотницы иилане', значит, его саммад расположился слишком близко к городу. Пропавших начнут искать и придут сюда. Но даже если не придут — все равно город слишком близко. Рано или поздно саммад обнаружат. Надо идти на север. Но Армун не в состоянии двигаться. Ему пришлось убить привезшего их сюда мастодонта. Это было необходимо, иначе нельзя было укрыться здесь. Как ему теперь не хватало слона. Ничего. Они возьмут лишь то, что сумеют унести. Он сделает травоис и сам потащит его. Харл вырос, окреп и сможет тянуть вторую волокушу. Ортнару придется идти самому. Он сможет, не очень быстро, но сможет.

Что-то темное шевельнулось в тени деревьев. Керрик нагнулся и бросился к ближайшему кусту. Там прятались мургу — молчаливые убийцы. Он выставил вперед хесотсан.

И только тут увидел, что это два самца. Один из них отдыхал, растянувшись на траве, другой сидел рядом.

— Внимание-присутствию, — сказал Керрик, встал и подошел поближе.

Надаске' взглянул на Керрика одним глазом и отвернулся. Он ничего не сказал, даже не пошевелился. Закрыв глаза, рядом неподвижно лежал Имехен.

— Что это? — спросил Керрик.

Надаске' нехотя ответил, в его словах сквозила глубокая печаль:

— Он ушел на пляж. В его сумке яйца.

— Не понял.

— Это потому, что ты самец устузоу, а не иилане'. Вы все делаете иначе. Ты говорил мне, что у вас яйца вынашивают самки, хотя я не понимаю, каким образом это возможно. Но ты же видел, что они с ним сделали. И теперь в его сумке яйца, и он будет лежать, закрыв глаза, словно во сне, но это не сон. Он будет таким до тех пор, пока не проклюнется молодняк и не уйдет в воду.

— А можно как-то прекратить это?

— Нельзя. Если уж так случилось, остается ждать конца. Он будет таким до последнего дня.

— А он... не умрет?

— Может быть, да, может быть, нет. Одни живут. Другие умирают. Остается только ждать. Его придется доставить домой, а потом заботиться и кормить. Я все сделаю сам.

— Понесем его?

— Нет. Спустим в воду. Он должен находиться в воде, как в теплой влаге родильных пляжей. Тогда яйца созреют, и проклюнется молодняк. Если же они погибнут, то погибнет и он. Все должно идти своим чередом. Помоги мне опустить его в озеро.

Тяжелое тело забывшегося Имехеи было трудно сдвинуть с места. Вдвоем они донесли его до воды и затащили в прибрежные заросли.

С помощью Керрика иилане' забрались поглубже, и Надаске' поплыл. Держа Имехеи за плечи, он медленно, но уверенно продвигался вперед. Керрик вышел на берег, подобрал хесотсан и быстро зашагал обратно. Было уже поздно, и ему хотелось добраться до стоянки еще засветло.

Его ждали. Армун взглянула на тропу за его спиной — никого — и одобрительно кивнула.

— Хорошо. Наконец-то ты убил мургу. Давно пора.

— Нет, они живы. По крайней мере пока. (Как объяснить ей, что случилось, ведь он и сам толком ничего не знал.) Мы наткнулись на троих охотниц-мургу из города. Я убил одну, Надаске' двоих. А Имехеи... ранен и без сознания. Надаске' потащил его домой.

— Нет! — завизжала Армун. — Ненавижу их, ненавижу! Видеть их не хочу!

— Сейчас у нас дела поважней, нечего думать о них. Главное, теперь мы не можем чувствовать себя в безопасности. Раз охотницы из города забредают так далеко, когда-нибудь придет новый отряд.

— Они приходили за этими двумя. Они искали своих. Убей их скорее...

Керрик начал злиться, но сдерживал себя, понимая причину ее волнения. Роды запаздывали. Армун плохо себя чувствовала и беспокоилась. Нужно понять ее и ободрить.

— Все будет хорошо. Подождем, пока родится ребенок и ты окрепнешь. А потом пойдем на север. Здесь нельзя оставаться.

— А что будет с твоими драгоценными мургу?

— Они останутся здесь. Мы уйдем одни. А теперь все, хватит. Я голоден. Смотри, у нас три новых стреляющих палки. Все будет хорошо.

Да, с ними все будет в порядке. А вот с самцами? Им придется остаться здесь. Пока Имехеи неподвижно лежит в озере, уйти они не могут. Но при первой же возможности и эта часть его саммада должна уйти отсюда. Вот так. Другого не остается.

К вечеру следующего дня появился Надаске', таща за собой Имехеи. Он совсем обессилел и двигался медленно, часто и подолгу отдыхая. Остановив устремившегося за ним Арнхвита и прихватив хесотсан Надаске', Керрик отправился помогать. Мальчик повиновался и в тревоге стал покусывать костяшки пальцев, понимая, что с его друзьями случилось что-то плохое. Он молча смотрел, как Имехеи вытащили на берег, так что голова его оказалась на песке, а нижняя часть тела осталась в воде.

Керрик думал, что Имехеи без сознания, но губы самца дрогнули, и, словно во сне, не открывая глаз, он прошептал, едва шевеля губами:

— Пища... Хочу есть... голод.

Надаске' отправился за рыбой к вырытому ими крошечному пруду, где держали улов. Оторвав кусок рыбы, он затолкнул его в рот Имехеи. Тот стал медленно и вяло жевать.

— И долго он будет таким? — поинтересовался Керрик.

— Долго. Числа дней я не знаю. Может быть, самкам известно, но я не знаю.

— А потом?

Надаске' знаками изобразил надежду, страх и неведение.

— Яйца лопаются, элининийл появляются и уходят в озеро. Имехеи умирает или остается жить. Узнаем только потом.

— Я собираюсь уйти отсюда на север, как только Армун сможет ходить. Нам опасно здесь оставаться.

Взглянув на Керрика одним глазом, Надаске' сделал жест согласия и понимания.

— Я тоже думал об этом. Убитых будут искать. Они могут появиться и здесь. Но я не могу идти с тобой.

— Понимаю. Но я вернусь за вами, как только разыщу безопасное место.

— Я тебе верю, Керрик-устузоу-иилане'. Я понимаю твои чувства. Конечно, в первую очередь ты должен позаботиться о своем эфенбуру. Уведи их в спокойное место.

— Об этом мы еще поговорим. Пройдет несколько дней, прежде чем мы сможем уйти.

На обратном пути Керрик встретил Ортнара, ковылявшего ему навстречу.

— Скоро родится ребенок. Армун велела позвать тебя. В этих делах я ничего не смыслю и помочь не могу.

— Охраняй нас, Ортнар, — это дело могучий охотник знает прекрасно. Я тоже ничего не соображаю в женских делах, но постараюсь помочь.

Он заторопился к лагерю. Трудный день. Один, быть может, умирает, другой просится на свет...

Даррас взглянула на вошедшего Керрика, но не выпустила ладони Армун и с места не сдвинулась. Та устало улыбнулась. Волосы ее были влажными, на лице выступили капельки пота.

— Не надо волноваться, мой охотник. Ребенок поздний, но сильный. Не беспокойся.

«Это я должен ее успокаивать», — подумал Керрик. Увы, ему не приходилось сталкиваться с делами подобного рода. В каждом саммаде была повивальная бабка.

— И зачем мы оставили свои саммады? — сокрушался Керрик. — Ты не осталась бы без помощи.

— Женщинам иногда приходится в одиночку справляться с этим, — ответила Армун. — Как моей матери. Саммад ее был невелик, других женщин не было. Так было, так есть. А теперь ступай, поешь и отдохни. Когда будет нужно, я пришлю за тобой Даррас.

Вконец растерявшись, Керрик пошел к костру, на котором Ортнар жарил мясо. Отхватив большой кусок, он протянул его Керрику. Тот принялся задумчиво жевать. Харл и Арнхвит уже поели, измазавшись в жире

по уши. Ортнар поглядел в сгущающуюся тьму и сделал знак Харлу, который быстро забросал костер песком. Теперь нужно быть настороже.

Взошла луна. Негромко перекликались болотные птицы, устраиваясь на ночлег. На берегу виднелась темная фигура Имехеи, наполовину погруженного в воду. Керрик понимал, что самцам иилане' он ничем не может помочь.

Позади, в шатре, слышались голоса — он обернулся. Но там было темно. Вдруг потеряв аппетит, Керрик отбросил в сторону недоеденный кусок. В том, что сейчас происходит, виноват только он сам. Того и гляди умрет ребенок, или хуже... он боялся думать об этом... умрет Армун. Умрет из-за него. Если бы они вовремя вернулись к саммадам... Там нашлось бы кому помочь. Женщины знают, как помочь в таких случаях. Это его вина.

Он вскочил и в беспокойстве принялся расхаживать под деревьями, бессмысленно глядя на освещенное луной озеро. Но он не замечал тихих вод, погрузившись в горестные размышления. Зачем они здесь, а не с саммадами, в спокойной и мирной долине саску?

Глава четвертая

Ядовитые лианы побурели, засохли и осыпались на дно долины саску. Их побросали в реку, и вода унесла их вместе с воспоминаниями о последнем нападении мургу.

Херилак сидел у огня и крутил в руках поблескивавшее лезвие. Нож Керрика из небесного металла. Тот всегда носил его на шее — на прочном металлическом обруче, который на него надели мургу. Сидевший по другую сторону костра Саноне кивнул и улыбнулся.

— А я по невежеству своему решил, что это знак его смерти, — сказал он.

— Жизнь — его и наша, вот что он означает.

— Поначалу я не мог поверить тебе и уже примирился с мыслью, что Кадайр оставил нас, что мы уклонились с указанного пути.

— Что мне твой Кадайр, Саноне, — это Керрик спас нас. И я храню его нож, чтобы не забывать об этом...

— Мне не нравятся твои слова о Кадайре.

Взглянув через огонь на старика, Херилак решил говорить откровенно: они были вдвоем и уже научились понимать друг друга.

— Я ценю твоего Кадайра не менее, чем ты моего Ерманпадара, который покровительствует тану. Это правда. Давай оставим разговоры о незримых силах, что властвуют над нами, и поговорим о том, что нам делать. Я имею в виду двух моих охотников.

— Не хочу слышать их имена, не произноси их — ибо их проступок велик. Священное порро Кадайра... они украли его и выпили.

— Для тебя священное, а для них — развлечение. Другие охотники завидуют им и просят, чтобы ты дал нам еще этого питья.

— Ты не можешь просить об этом!

— Могу, но я о другом. Выпившие порро охотники изгнаны из долины. Их шатер на берегу реки. Сдается мне, саммадам пора присоединиться к ним.

Саноне поглядел на угли, пошевелил их палкой и ответил:

— Я ждал, что ты это скажешь, мой друг. Не будем говорить о порро. Не вспоминай о нем. Пришло время уходить?

— Пришло. Мы вместе сражались и вместе жили. И в городе у моря, и здесь, в долине. В войне с мургу мы забывали обо всем. Но битва закончилась, мургу ушли, и охотники мои забеспокоились. Случай с порро — только знак. Для тебя долина — дом родной. А для них — ловушка. Они привыкли бродить по лесам и равнинам. Они беспокойный, кочевой народ. Но есть у меня и еще одна причина.

Заметив, что Херилак посмотрел на нож, Саноне все понял.

— Керрик. Ты рассказывал о ссоре между вами. Угли ее погасли?

Херилак медленно покачал головой.

— Не знаю. Это я и должен выяснить. Он жив — я уверен, — иначе мургу не ушли бы и нас всех уже не было бы в живых. Но жива ли Армун?.. И ее сын? Если нет — виноват в этом я. И я должен покаяться перед ним. Он больше не враг мне. И я удивляюсь, почему считал его врагом. Но во мне он может видеть злодея. С этим надо покончить. Нашей ссоры могло не быть. Я понял, что сам во всем виноват. Ненависть к мургу переполняла меня, и я срывал злость на всех, кто был рядом.

— И она до сих пор терзает тебя?

— Нет. — Херилак поднял нож. — Вот разница между нами. Невзирая на зло, которое я причинил ему и его семье, он сделал это. Остановил мургу и велел им отдать нам этот нож, чтобы мы знали: именно он прекратил войну. — Опустив нож, Херилак посмотрел в огонь. — Скажи мне, Саноне, все ли обещанное мы выполнили? Когда умерли наши стреляющие палки и мы пришли в тот город на берегу, Керрик рассказал нам, что следует делать, и саммадары приняли его условия.

Он дал нам эти палки только после того, как мы пообещали ему остаться с тобой в городе и защищать его. Сделали мы это, а?

— Дело кончено. Мы защищали город, пока не вынуждены были уйти. Когда мургу нас преследовали, тану убивали их, как подобает великим охотникам. Теперь мы все в безопасности — если верить ножу. Если ты хочешь уйти со своими охотниками, значит, пора отправляться в путь.

— А стреляющие палки?

— Они ваши. Что решили другие саммадары?

— Они ждут твоего согласия.

— И куда вы пойдете?

— На север! — Херилак раздул ноздри, словно почувствовал запах снега и далеких лесов. — Жаркие края не для нас, мы не можем остаться здесь на всю жизнь.

— Тогда иди к тану и расскажи всем о том, что мы с тобой знаем. Что Керрик избавил нас от мургу. И вам более нет нужды здесь оставаться.

Херилак вскочил на ноги и, высоко подняв нож, радостно закричал, и гулкое эхо ответило ему. Саноне согласно кивал. Долина — дом саску, их убежище и жизнь. Действительно, для охотников-северян она тесновата.

Саноне знал, что они уйдут еще до следующего заката. И что Херилак не пойдет со всеми. Могучий охотник отправится к океану, к городу мургу. Его жизнь более не принадлежит ему. Он отдаст ее Керрику, а уж тот решит — принять дар или отказаться.

Лишь перед рассветом Керрик уснул. Он долго сидел у погасшего костра и смотрел на озеро. На тихую воду и на звезды, неторопливо шествовавшие по небу, — тхармы погибших воинов совершали свой еженощный путь. Пройдя над его головой, они опускались в воды озера. А потом туда опустилась и луна, ночь стала черной... тогда-то он наверное и заснул.

Проснулся он в серых предутренних сумерках, вздрогнув от прикосновения к плечу. Повернувшись, он увидел Даррас.

— Что... что? — Он задыхался от страха.

— Иди.

Она повернулась и побежала к шатру. Вскочив на ноги, он бросился следом и, обогнав девочку, приподнял полог.

— Армун!

— Все хорошо, — ответил из темноты ее голос. — Все в порядке. Посмотри на свою дочь.

Откинув полог, он увидел улыбку на лице Армун.

— Я так волновалась, — сказала она. — Боялась, что у ребенка будет такая же губа, как у меня, но теперь опасаться нечего.

Он опустился рядом с нею и приподнял шкуру, прикрывавшую лицо младенца. Морщинистое красное личико, глазки закрыты... Дитя тихо попискивало.

— Она нездорова — что с ней?

— Да нет же. Новорожденные всегда такие. А теперь мы с ней будем спать, но прежде ты дашь ей имя. Все знают, что ребенку, у которого нет имени, грозит беда.

— Как же ее назвать?

— Не мне решать. Дочь твоя. Ты и должен дать ей имя. Женское имя, которое тебе дорого.

— Мне дорого только одно женское имя — Армун.

— Так нельзя. Двое не должны носить одно и то же имя. Лучше называть именем того, кто умер или был тебе дорог.

— Исель! — Это имя само слетело с языка, он не вспоминал о ней много лет. — Она умерла, а я остался жив. Вейнте' убила ее.

— Тогда это очень хорошее имя. Если она умерла, чтобы ты мог жить — более дорогого имени быть не может. А теперь мы с Исель поспим.

Утро было теплым, свежий воздух, новый день — так и должно быть всегда. Ликующий Керрик отправился к озеру умыться и обдумать дневные дела. До отбытия нужно сделать так много. Они уйдут сразу, как только Армун оправится. Она сама решит. А теперь надо подготовиться к этому дню. Он зачерпнул пригор-

шню воды, плеснул в лицо и фыркая принялся умываться. Смахнув с ресниц капли воды, увидел, что первые лучи солнца уже позолотили песок.

На песке темнела фигура Имехеи. Надаске' сидел рядом, застыв в привычной для иилане' неподвижной позе.

И дневной свет померк. Керрик медленно и тихо подошел, взглянул на неподвижного Имехеи. Тот медленно дышал полуоткрытым ртом. На губах показался пузырек слюны и исчез. Надаске' одним глазом посмотрел на Керрика.

— Через несколько дней мы уйдем. Но сначала поохотимся, оставим вам мясо.

— Не надо, оно позеленеет и протухнет. Я буду ловить рыбу, нам хватит. Почему вы не уходите прямо сейчас?

Армун с младенцем, Имехеи в нежеланном положении — здесь усматривалось определенное сходство, которого Керрик подчеркивать не хотел.

— Пока не время. Надо закончить приготовления. Я принесу мясо.

Надаске' молчал. Керрику нечего было сказать, ничем помочь он тоже не мог — и медленно побрел к лагерю.

Ортнар уже проснулся и следил, как Харл прилаживает наконечники к древкам стрел.

— Стрел нужно много, — говорил Ортнар. — В дороге не всегда есть время разыскивать выпущенную стрелу. Ребенок родился, можно идти.

— Когда Армун окрепнет. Нужно только подготовиться, чтобы выступить, не теряя времени. И еще надо решить, куда нам идти?

— Туже, туже затягивай ремешок, иначе наконечник слетит. Зубами. — Ортнар повернулся и показал подбородком на север. — Только туда. Я знаю тропу. Там есть местечко, где мы можем пожить, пока не умрут стреляющие палки. В снега с ними не полезешь — сдохнут. И здесь нам делать нечего. Смотри. — Острием копья Ортнар начертил на песке линию, ткнул в ее нижний конец. — Вот побережье, здесь город мургу. — Он нарисовал на песке озеро. Потом повел копьем вверх вдоль берега. — А здесь то место, о котором я

тебе толкую. Мы там уже охотились. До него примерно столько же, сколько до города. Достаточно?

— Будем надеяться. Близо ли, далеко ли, мургу все равно разыщут нас, если захотят. Если они выследят нас, придется бежать на север, а они будут гнаться по пятам. А что вы там видели во время охоты?

— Реку с чистой водой, мелководную лагуну, где полно морских птиц. А за ней остров, с другой стороны опять вода, потом узкая цепь островков, а за ней море. Я думаю так: переберемся на самый большой остров и убьем всех опасных мургу. Охота и рыбалка там великопные. К тому же остров не в океане. Так что если там объявятся живые лодки мургу, они нас не заметят. Лучшего не придумаешь.

— Прекрасный план. Отправимся туда, как только Армун почувствует себя лучше. А пока поохотимся, накопим мяса, засушим эккота. Чем меньше придется охотиться по пути, тем скорее доберемся до места.

Из шатра вдруг послышался громкий плач младенца. Архвит подбежал к Керрику, схватил его за руку и тревожно посмотрел на отца. Керрик улыбнулся, почесал в затылке.

— Не волнуйся. Младенцы всегда так пищат. Теперь у тебя есть сестра, очень крепкая девочка, если судить по голосу.

Архвит успокоился.

— Пойду, поговорю с друзьями.

Последнее слово он сопровождал жестами иилане', обозначавшими то же самое. Видно было, что с ними ему куда интереснее, чем с маленькой сестрой.

— Да, иди. Надаске' будет приятно. Но ты не сможешь поговорить с Имехен. Он спит в воде. Так уж заведено у иилане', и зачем им это нужно, я объяснить не могу.

— Спрошу у Надаске', может быть, он объяснит.

«Может быть», — подумал Керрик и отвернулся. Нужно еще столько сделать.

Глава пятая

*Enotanke' ninenot
efendasiaskaa gaaselu.*

Все мы живем в Городе Жизни.

Второй принцип Угуненапсы

Проснувшись наутро, Амбаласи не почувствовала себя отдохнувшей — словно и не ложилась. Она конечно понимала, что она уже далеко не фарги, вышедшая из моря. И даже не молодая иилане', полная свежего сока жизни. Амбаласи знала, что стара, но впервые по-настоящему ощутила свои годы. Сколько живут иилане'? Она не знала. Однажды Амбаласи решила выяснить, но вынуждена была оставить это занятие. Если уж даже о важных событиях в городах не велось никаких записей, то откуда иилане' могли знать, сколько лет прожили на свете. Десять лет Амбаласи следила за некоторыми иилане', каждый год отмечая изменение положения созвездий в ночном небе. Но за это время одни ее подопытные покинули город, другие умерли. Наконец, она куда-то задевала все свои записи. Когда же это было? Она не помнила — потому что не записала и этого.

— Отмечать ход времени не в природе иилане', — решила она и протянула руку к сочному водяному плоду.

И все-таки она стара. Когти пожелтели, кожа на руках покрылась морщинами и обвисла. Это факт. Завтрашнее завтра будет таким же, как и вчерашнее вчера, но ее скоро не будет среди тех, кто увидит его.

В мире станет меньше на одну иилане'. И никого это не тронет — а ей уже не о чем будет беспокоиться.

Отгнав неприятную мысль, невесть откуда взявшуюся в солнечный день, она нажала на гулаватсан, распластавшийся на стене. Существо издало пронзительный вопль, и вскоре Амбаласи услышала торопливые шаги Сетессеи.

— Амбаласи рано поднялась для неизменных трудов. Мы сегодня опять пойдем к сорогетсо?

— Нет. Сегодня я не собираюсь работать. Сегодняшний день я посвящу созерцанию, отдыху под теплым солнцем, наслаждению размышлениями.

— О, Амбаласи, — мудрейшая из мудрых. Фарги работают собственными руками, но только несравненный ум Амбаласи позволяет ей работать мыслью. Не расписать ли твои руки изысканными знаками, дабы все видели, что грубый физический труд ниже твоего достоинства?

— Великолепнейшая из мыслей, наиболее подходящее из предложений.

Сетессеи пошла за краской и кистями и, обернувшись, к своему удовольствию заметила, что Амбаласи уселась на хвост в самом светлом и теплом месте и предалась блаженству. Отлично. Возвратившись, она обнаружила у дверей тощую иилане', которую, увы, знала прекрасно.

— Я услышала громкие голоса из места, где работает-спит Амбаласи, — сказала Фар<. — Я хочу поговорить с ней.

— Запрещено-неправильно-опасно, — ответила Сетессеи, подкрепляя слова жестами решительного приказа.

— Но это очень важно.

— Гораздо важнее, чтобы сегодня Амбаласи не разговаривала ни с кем. Так она приказала. Или для тебя ее приказ ничего не значит?

Фар< открыла рот, чтобы ответить, но, припомнив Амбаласи в гневе, сделала отрицательный жест, дав понять, что изменила намерение.

— Мудрое решение, — произнесла Сетессеи. — А теперь иди в город и скажи всем, чтобы никто не смел нарушать покой Амбаласи, пока солнце не закатилось.

Солнце грело, Амбаласи блаженствовала, наслаждаясь отдыхом. Ощувив легкие прикосновения, она открыла глаза, посмотрела на узоры, которые наносила на ее руки Сетессеи, и одобрительно кивнула.

— Сетессеи, сегодня важный день. Прекращение физического труда и переход к размышлениям уже дали определенные результаты. Я должна осмотреть выращенный мной город и описать, как он растет.

— Я приказала, чтобы сегодня никто не мешал тебе ходить по городу.

— Ты великолепная помощница, Сетессеи. Ты угадываешь все мои желания.

Сетессеи смиренно потупилась, лишь гребень ее зарделся. Этот день она запомнит — никогда еще Амбаласи не говорила ей столь приятных слов. А кроме одобрения и признания ей ничего не было нужно.

Утолив жажду и раскрасив руки, Амбаласи вступила в город Амбаласокеи, который сама вырастила на чужом берегу. Она шла по городу, и никто не смел заговорить с ней.

Город разрастался во все стороны от главного ствола. Среди ветвей и корней жили сотни живых существ. Они размножались и взаимодействовали: перегоняли воду из корней в листья, перекачивали ее в водяные плоды, поили ею симбионтов, животных и растения. Амбаласи шла по живому полу, который содержали в чистоте вечно голодные насекомые. Она осмотрела плодовую рощу, где паслось небольшое стадо элиноу. Потом вышла к пристани на берегу реки, у которой стоял урукето, невозмутимо смотревший на нее огромным глазом, окруженным роговым кольцом. Наконец она подошла к терновой стене, надежным кольцом окружавшей весь город.

По перешейку она перебралась на другой берег. Там как раз тянули сети и вскоре на берегу оказался огромный угорь. Он медленно извивался, но был уже неопасен. Сестры усыпили его токсином, созданным Амбаласи.

Проходя по городу, она увидела закрытую дверь и остановилась около нее в раздумье. Она глядела на дверь, еще ни разу не открывавшуюся, и размышляла. И все более погружалась в раздумья.

Солнце медленно ползло по небу. Наконец тень дерева упала на нее, Амбаласи ощутила холодок и очнулась. Она выбралась на солнцепек и, согревшись, отправилась дальше. Она прошла мимо рощи, где среди деревьев росли дикие цветы. Это было нововведение — в других городах иилане' не найдешь таких живых украшений. Было в них нечто подобное раскрашиванию рук — занятию легкомысленному и совершенно несерьезному с точки зрения строгих Дочерей.

Наконец Амбаласи добралась до амбесида. И это сердце города, где жизнь должна бить ключом, оказалось совершенно пустынным. В самом теплом месте, у стены, обращенной к солнцу, где подобает сидеть эй-таа, была лишь грубая кора. Она медленно подошла поближе и привалилась спиной и теплему дереву. И стояла так, поглощенная мыслями, пока какое-то движение вдалеке не привлекло ее внимание: какая-то иилане' пересекала амбесид.

— Внимание к словам! — завопила Амбаласи.

Иилане' вздрогнула, замерла и повернулась.

— Твой покой запрещено нарушать...

— Это ваши бесконечные словопрения раздражают меня. Молчи и слушай. Сию минуту разыщи Энге. Скажи, пусть немедленно придет сюда. Иди.

Дочь Жизни тут же забубнила о соотношении принципов Угуненапсы и отдаваемых другими приказаниях, но, заметив угрожающие жесты Амбаласи, передумала и, закрыв рот, поспешила уйти.

Амбаласи расслабилась и вновь предалась блаженству. Наконец ход ее мыслей нарушило какое-то движение. Амбаласи открыла глаза — перед ней, сложив руки, стояла Энге. Она ждала распоряжений.

— Ты их получишь, Энге. Пришло время решать. Я хочу встретиться кое с кем из Дочерей, которые хоть что-то соображают, и поговорить с ними о будущем городе. Я скажу тебе имена тех, кого я хотела бы увидеть.

— Трудности с приказами, великая Амбаласи. Дочери Жизни прежде всего стремятся к равенству во всем. И принимать решения хотят совместно.

— Пусть будет так, как вы хотите, но лишь после того, как я переговорю с избранными. Или это трудно устроить?

— Некоторая сложность есть, но все будет сделано по твоему слову.

— Какая сложность?

— Дочери с каждым днем все менее охотно повинуются твоим приказам как эйстаа. Они говорят, что город уже вырос...

— Меня не интересует, что они говорят. Я прекрасно знаю, на что они способны, потому-то и хочу говорить лишь с теми, кого выбрала сама. Среди них будешь ты, моя помощница Сетессей и Элем, капитан урукето, — она уважает науку. Еще Фар<, толкующая мысли Угуненапсы с наибольшей простотой и доходчивостью. Есть ли еще кто-нибудь из обладающих разумом, кого я пропустила?

— Да. Эфен, ближайшая ко мне. Омал и Сатсат — из всех сосланных в Алпеасак выжили только мы.

— Пусть будет так. Прикажи всем немедленно собираться.

— Я потребую их прибытия жестами неотложной необходимости, — ответила Энге, повернулась и ушла.

Раздражение Амбаласи сменилось признательностью. Есть разум у этой иилане'. Если бы она смогла отвлечься от учения Угуненапсы, стала бы известной ученой или эйстаа великого города. Огромная потеря.

Приглашенные прибывали по одной. Две последние прибежали, запыхавшись, — им пришлось идти изда-лека. Молча оглядев всех, Амбаласи шевельнула хвостом, требуя внимания.

— И молчания тоже, в особенности от тебя, Фар<, — ведь ты родилась спорщицей — пока я не закончу говорить. Я буду толковать о важных вещах, а потом вы выскажетесь. Затем, как сказала мне Энге, соберутся все сестры и примутся трещать одновременно, но я не буду присутствовать при сем долгом споре. Итак, слушайте молча — перебивать запрещаю. Как все великие мыслители и ораторы, от общего я буду переходить к конкретному, от наблюдений к выводам.

Вот наблюдения. Оглянитесь. Знаете ли вы, где сейчас находитесь? Конечно, знаете, ведь вы — иилане',

а каждая иилане' знает, что в каждом городе есть амбесид. Хромосомы для его роста заложены в семя каждого города, как и хромосомы, определяющие развитие ханане. Сегодня я была возле него и видела никогда не открывавшуюся дверь. Ведь здесь нет самцов, и некого держать за нею.

Она сделала паузу, чтобы слушавшие сумели подумать, заметила, что Фар< уже открыла рот, — но Сетессеи быстро наступила ей на ногу. Амбаласи сделала жест удовлетворения, но затем неодобрительно шевельнулась, не заметив мыслей в их позах.

— Вам дан разум, но вы не пользуетесь им. Я привела вам факты и не вижу ваших выводов. Поэтому мне снова придется проделать за вас всю мыслительную работу, как я делала в прошлом и как мне еще придется делать в будущем.

Вывод прост — этот город неполноценен, так как и вы, Дочери Бездарности, не образуете полноценного общества. Ах, вы неодобрительно ежитесь, выражаете непонимание? Но, по крайней мере, хотя бы слушаете. Объясняю-определяю, что есть общество. Это научный термин, о котором вы не имеете представления, как и о многом другом. Общество представляет собой совокупность организмов, принадлежащих к одному виду и связанных воедино взаимной зависимостью и разделением труда. Вот примеры.

Насекомые. Они образуют общество, состоящее из рабочих особей, солдат, царицы — эйстаа, откладывающей яйца, взаимодействующих в полной гармонии. Или возьмем рогатых устузоу — оленей. Самец отгоняет врагов, чтобы самка могла выносить детенышей. Или представьте себе эфенбуру в океане, где все элининйил совместно преследуют добычу. Примеров достаточно. А теперь вспомните город, в который вы пришли, сделавшись фарги, где выросли и стали иилане'. Все города одинаковы, все они похожи на этот. Вот амбесид, где восседает и правит эйстаа. Вот ханане, где живут самцы. Чтобы жизнь в городе не прекратилась, они по очереди уходят на пляжи. Это живой город, это жизнеспособное общество. Жизнеспособное... такое, которое будет жить и расти и никогда не умрет.

Оглядевшись, Амбаласи увидела неудовольствие в позах собравшихся.

— А что мы имеем здесь? Ваше общество мертво в своей основе. Этот город жив, пока я распоряжаюсь в нем, он умрет, когда я его покину, вместе с системой нежизнеспособных верований, ведь мысли Угуненапсы умрут вместе с вами. Наверное, звать вас Дочерьми Смерти все же вернее. Ведь вы умрете, и идеи Угуненапсы тоже умрут. И я, например, вовсе не считаю такой исход несправедливым.

Она покивала головой ошеломленной аудитории, позами выражавшей несогласие и неодобрение.

— А теперь, — произнесла она, предвкушая развлечение, — заканчиваю. Я привлекла ваше внимание к важным вопросам и желаю слышать мнение Дочерей.

Задвигались руки, послышались крики. Но протесты утихли, едва Энге выразила намерение говорить. Она начала с жестов почтения к Амбаласи.

— Смените гнев благодарностью к премудрой Амбаласи, которая все знает и видит. Или же иилане' убивают вестницу, принесшую недобрые вести? Разве этому учила нас Угуненапса? Мы благодарим Амбаласи, указавшую истину, заметившую недостатки в нашей жизни. Задачу можно решить, лишь поставив ее. Теперь мы можем обратиться к решению ее весь разум Дочерей. Мы должны вновь продумать все слова Угуненапсы — решения не может быть в ином месте. Если же его нет — мы умрем, как сказала сейчас Амбаласи. — Отогнув большой палец, Энге подняла его. — У задачи две части. И пустота обеих открыта нам, потому что ответа нет. Мы стоим на пустом амбесиде — в одиночестве. У нас не будет эйстаа, но мы должны создать систему приказов, которые будут идти с амбесида. Эту проблему следует решить в первую очередь. И только потом можно будет обратить свое внимание к пустому ханане. Приведя мысли в порядок, наведем порядок и в собственной жизни, и тогда мы создадим порядок и в городе. В ужасной правоте Амбаласи трудно усомниться. Что мы видим вокруг? Город, полный идеальной гармонии и... смерти. Мы состаримся и умрем одна за другой, и здесь воцарится пустота. Подумайте об этом.

Горестные движения пробежали по телам внимавших иилане', лишь Амбаласи кивала с мрачным одобрением. Теперь Дочери Жизни были безмолвны, как смерть. Конечно же, кроме Фар<. Пронзительным от волнения голосом, беспорядочно шевеля конечностями, она начала, — не обращая внимания на то, что ее трудно понять.

— Я слышала твои слова, Энге, но ты заблуждаешься. Амбаласи — сведущая ученая, но она не последовательница Угуненапсы. В этом ее ошибка и недостаток. Но теперь она вводит в заблуждение и тебя своими речами об эйстаа и ее власти. Мы отвергли ее и потому оказались здесь. Слушая растлевающие речи Амбаласи, мы забываем об Угуненапсе. Мы забываем о третьем принципе Угуненапсы. Эфенелейаа. Дух Жизни, великая эйстаа Города Жизни царит над всеми нами. Вспомним об этом и отвергнем низменный город Амбаласи с его примитивными амбесидом и ханане. Говоря обо всем этом, она только вводит нас в заблуждение. Повернемся же спиной к ней, обратим свои лица к Угуненапсе, последуем за ней по пути ее. Уйдем же с этого амбесида и навсегда закроем его вход, пусть зарастет лианами и дверь в ханане — и то и другое нам не нужно. Если этот город нам не подходит — оставим его. Уйдем в леса и на пляжи, чтобы жить на свободе, как сорогетсо. Нам не нужна эйстаа, нам не нужны затворники самцы. Уйдем на берег, где юные эфенбуру резвятся в морских волнах. Мы будем говорить с фарги, еще влажными от воды, мы введем их в свет и направим к светлому будущему дорогой Угуненапсы.

Потрясенная, она умолкла: Амбаласи издала грубейший из известных звуков, крепче которого еще никто не слышал, руки ее сложились в немыслимом оскорблении.

— Твои слова подобны помету тысячи гигантских ненитесков, одна такая лепешка заполнила бы весь амбесид, — загромыхала Амбаласи. — Я приказывала думать, а не заявлять о своей немыслимой тупости. Оставить город? Пожалуйста — первый же хищник тебя и сожрет. Приветствовать выходящих из волн фарги? Пожалуйста — только ближайший из родильных пляжей находится на том берегу океана. — Она

медленно оглядела собравшихся Дочерей, свирепо изогнув тело и царапая когтями ног пол в едва сдерживаемом гневе. — Я оставляю вас, потому что уже слышать не могу всех этих глупостей. Обсудите все, когда я уйду. Город ваш, и ваши судьбы тоже принадлежат вам. Решайте же, нужны они вам или нет. У вас будет время на это: я поплыву на урукето вверх по реке, чтобы обследовать ее. И для поправки здоровья: вы, Дочери Отчаяния, подрываете его. А теперь скажи мне, Элем, ты поведешь урукето или мне придется самой управлять им?

В тревожном молчании все взоры обратились к капитану урукето. Некоторое время она стояла, задумчиво склонив голову, а потом сказала:

— Я следую учению Угуненапсы во всем. Но я следую и науке. Сюда нас привели наука и Угуненапса, воплотившаяся в Амбаласи, что создала этот город и тем дала нам жизнь. Энге и все присутствующие здесь умудрены в словах Угуненапсы. И я последую за ними куда угодно. Но пока решение принимается, я не нужна здесь. Поэтому я повезу Амбаласи и буду охранять ее, пока вы размышляете о будущем. Я считаю, что Фар< не права, потому что Амбаласи никогда прежде не ошибалась. И я говорю — не слушайте Фар<, найдите путь, ведущий нас в будущее дорогой Угуненапсы и Амбаласи. Больше мне сказать нечего, я ухожу.

Она повернулась и ушла с амбесида. Следом заторопилась Сетессей: к путешествию нужно было еще столько подготовить. Амбаласи удалялась величественно и неторопливо, но прежде чем уйти, она остановилась, оставив за собой последнее слово.

— Ну, Дочери Отчаяния, ваше будущее — между вашими большими пальцами. Я считаю, что всех вас ждет смерть: вы слишком глупы, чтобы жить. Если это не так — докажите. Если сумеете.

Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, восседала на почетном месте амбесида, над нею возвышался урукето, пенились волны, но радости не было. Совершенно. Это ее амбесид, ее город, ее остров. Все, что она видела

вокруг, принадлежало ей. Прежде это было причиной радости, теперь — черных мыслей. Она поглядела на деревья за стенами амбесида — туда, где они карабкались вверх по склонам давно погасшего вулкана. А потом выше — на мерзкую белую шапку на его вершине, державшуюся там несмотря на летнюю жару. Тело ее изогнулось и задергалось от злости — и Элилеп, разрисовывавший ее руки, отодвинулся подальше, опасаясь получить затрещину. Второй самец, державший поднос с красками, деликатно поежился, глядя на гневающуюся Ланефенуу.

Заметив его движение, Ланефенуу обратила к нему один глаз, потом вновь посмотрела на снежную шапку. Симпатичный самец, нежный такой. Сейчас его?.. Нет, не стоит, — не сегодня, когда они покидают город.

Элилеп затрясся так, что кисть в его руке заходила ходуном.

— Заканчивай, — приказала Ланефенуу. — Я хочу, чтобы ты нарисовал у меня на груди океан и эту гору посреди него в мельчайших подробностях.

— Великая эйстаа, говорят, что сегодня мы покидаем город?

— Да, уже почти никого не осталось. Мы уплывем на последнем урукето.

— Но я никогда не плавал на урукето. Страшно.

Погладив его гребешок, Ланефенуу жестом приказала художнику оставить неразумные страхи.

— Это потому что ты всего лишь бесхитростный самец, из океана попавший в ханане, где самцам и подобает пребывать. Ты ни разу не покидал остров — теперь придется. Тебе и всем нам. Мы поплывем за океан, а тебе я приказываю оставить все страхи. Мы отправляемся в далекий Алпеасак, он больше Икхалменетса и изобилует вкусными животными, и ханане в нем — просто прелесть.

Но чувствительный к чужим настроениям, как все самцы, Элилеп не успокаивался.

— Почему же эйстаа горюет и сердится, если далекий город так хорош?

— Сержусь на зимнюю белизну, изгоняющую меня из моего города. Горюю о нем. Довольно. Что сделано, то сделано. На берегах далекой Гендаси нас ожидает

новый город, город золотого песка. Куда более удобный, чем эта скала в океане. Пошли.

Она встала и пошла через амбесид, самцы заторопились за нею. Подняв голову, она гордо шествовала к выходу. Может быть, и к лучшему, что она навсегда оставляет этот амбесид — место, где устузоу унизил ее, где добился повиновения эйстаа. Воспоминания заставили ее сжать пальцы, но выбора тогда не было. Ведь погибли два ее урукето. Выбора не было. Лучше окончить свару. Довольно смертей. Если бы тогда она не поверила Вейнте', ничего этого не было бы. Тело ее дергалось, выражая эмоции. Прошрое можно забыть вместе с островом и городом.

Урукето ожидал ее, как она приказала, остальные уже отправились в путь. Приказав самцам подниматься вверх, она пошла следом и невольно оглянулась. Зеленень внизу — над ней белизна.

Рот ее сам собой открылся от нахлынувших чувств — она заставила себя стиснуть зубы. Довольно. Кончено. Ее город теперь зовется Алпеасак. Пусть зима приходит в Икхалменетс, теперь это не ее забота...

Она стояла наверху в одиночестве и смотрела, смотрела, пока белая шапка над Икхалменетсом не исчезла в волнах.

Глава шестая

*Es alithan hella, man fauka
naudinzan. Tigil hammar ensi tharp
i theisi darrami thurla.*

*Олень идет — охотники следом.
Издалека зверя стрелой не сразить.*

Пословица тану

Саноне не одобрял таких собраний тану. У саску был заведен другой порядок. Мандукто думали головой — не руками же работать тем, кто знал Кадайра, его пути в этом мире и прочие тайны. Когда дело касалось важных вещей, они и думали, и решали. А тут разброд и разговоры. Всякий может высказаться. Даже женщина!

Но на морщинистом смуглом лице Саноне не отражались эти мысли. Невозмутимая физиономия ничего не выражала. Скрестив ноги, он сидел у огня, слушал и наблюдал, но не произносил ни слова. Не время. У него была причина сидеть здесь, хотя он саску, а не тану, и причина эта маячила в темноте, среди женщин, за рядом сидящих охотников. Почувствовав на себе его взгляд, Малаген быстро спряталась в тени. Выражение лица Саноне не изменилось... не изменилось и позже — хотя ноздри его раздувались от негодования, — когда орда визжащих детей промчалась мимо, засыпав его песком. Отряхнувшись, он обратил лицо к Херилаку, поднявшемуся, чтобы говорить.

— Сделано многое. Вырезали новые шесты для травойсов, починили кожаную упряжь, мяса накопили. По-моему, сделали все, что нужно было сделать. Говорите, кто знает — что еще не закончено?

Меррис вскочила на ноги, отвечая оскорбительными жестами охотникам, пытавшимся ее остановить. Ростом с любого охотника и не слабее мужчины, эта женщина со дня смерти Улфадана управлялась с хозяйством одна.

— Ты говоришь — уходить из долины саску. А я говорю — остаться.

Женщины вокруг нее молчали, охотники разразились возмущенными воплями. Она подождала, пока голоса умолкли, и вновь заговорила:

— Охотники, у вас рты не с того конца, говорите — говорите, а слышится вовсе не то. Здесь есть еда, в горах хорошая охота. Зачем уходить?

Женщины отозвались одобрительным ропотом, разгорелась жаркая перебранка. Невозмутимый Саноне прислушивался. Подождав немного, Херилак понял, что тишины ему не дожидаться, и рывкнул, призывая к молчанию. Ему повиновались — ведь он командовал охотниками в битвах с мургу и они уцелели.

— Здесь не место обсуждать такие вопросы. Тану не убивают тану. И не командуют другими тану. Уйдут те охотники, кто хочет. А те, кто не желает, пусть остаются.

— Только охотники! — прогремела Меррис. — А у женщин больше нет голоса?

Сдержав гнев, Херилак подумал: неплохо бы ей утомониться.

— Пусть каждая женщина разговаривает со своим охотником, пусть все сами решают, чего хотят. Мы собрались здесь для того, чтобы выяснить, готовы ли те, кто хочет уйти из долины.

— А вот я не хочу уходить! — Меррис протолкалась к огню и огляделась. — Разве что меня отсюда выгонят. Что скажет мандукто саску Саноне?

Все с интересом уставились на Саноне. Он поднял руки к плечам ладонями наружу. И ответил на марбаке почти без акцента:

— Саску и тану вместе воевали на берегу, потом воевали здесь, в этой долине. Мы рады видеть тану здесь, но мы отпускаем всех, кто хочет уйти. Тану и саску как братья.

— И сестры, — коротко дополнила Меррис. — Я остаюсь! — С этими словами она повернулась и отошла.

Женщины сочувствовали ей, но молчали. Все они свободны, как заведено у тану, всяк живет сам по себе. Не нравится саммадар — можешь искать новый саммад. Но с охотником — отцом твоих детей — связывает нечто более крепкое. Охотники рвутся в лес, их не остановишь.

Разговор все шел и шел. Костры догорели, дети отправились спать. Саноне терпеливо ждал своего часа и, почувствовав, что он настал, поднялся.

— Я пришел сюда по двум причинам... Могу ли я говорить с тану?

— Не спрашивай, говори, — велел Херилак. — Боевая дружба — прочные узы.

— Тогда я требую, чтобы родившийся здесь мастодонт по имени Арнхвит, через которого с нами говорит Кадайр, остался в долине. Ясно ли это вам?

— Об этом никто и не думал спорить.

— Саску благодарят. Теперь второе. Среди вас есть не тану, но саску. Это Малаген, женщина храброго воина Симмахо.

— Убитого!.. — гневно выкрикнул Невасфар.

Саноне печально кивнул.

— Погибшего в битве с мургу. Но женщина эта, Малаген, жива, и она — саску.

— Теперь она моя женщина, и не о чем говорить! — крикнул Невасфар, шагнув вперед со сжатыми кулаками. — Она уйдет со мной.

— А я слышал, что у тану каждый говорит за себя. Что же ты решаешь за Малаген?

Саноне прищурившись смотрел на охотника снизу вверх. Невасфар затрясся от гнева. Взяв его за руку, Херилак успокаивающе сказал:

— Охотник уважает седины. Садись. — Подождав, пока Невасфар, бурча под нос, возвратится на место, Херилак ткнул пальцем в сторону женщины саску. — Хочешь говорить, Малаген?

Со страхом глянув в сторону саммадара, Малаген закрыла лицо руками. Херилак не хотел никаких неприятностей. Женщина, конечно, промолчит — так положено у саску. Он знал, что Малаген решила уйти с Невасфаром. Понимал Херилак, что Саноне вниматель-

но глядит на него, ожидая ответа. Выбирать было не из чего.

— Я не вижу ничего сложного. Разве Саноне не говорил, что тану и саску вместе бились в городе на берегу океана, а потом пришли в эту долину, где снова вступили в бой. И по великодушию своему он сказал, что тану вольны как остаться здесь, так и беспрепятственно уйти отсюда. Мы ведь братья... и сестры тоже. Так говорят и тану. Пусть Малаген уходит с нами, если желает.

Саноне ощутил недовольство, оказавшись побежденным собственными словами, но он не стал проявлять его — просто в знак согласия поднял руку, встал и отправился восвояси. Глядя в удаляющуюся спину мандукто, Херилак надеялся, что саску не сочтут случившееся поводом для раздоров и несогласия. Вместе бились, можно и спокойно расстаться. Он опять повернулся к саммадам.

— Утром уходим. Все ли согласны с выбранным путем? На севере слишком холодно, не стоит возвращаться к заснеженным перевалам. Идем на восток — тем же путем, которым пришли, до великого моря. Там осмотримся и примем решение.

— Там же широкая река. Через нее придется переправляться, — заныл Фракен.

Он был уже стар и немощен, к тому же не пользовался почти никаким уважением. Никто не обращал внимания на его прорицания над совиными шариками.

— Эту реку мы уже пересекали, алладжекс. Сделаем плоты, а мастодонты переплывут сами в нешироком месте. Это нетрудно. Кто-нибудь еще хочет говорить? Значит, решено. Утром уходим.

Как всегда перед дальней дорогой, протестующих и сердито похрюкивающих мастодонтов запрягли еще до рассвета. К восходу все уже было готово. Стоя у тропы, Херилак проводил первого слона взглядом. Путь знакомый, и не в обычае было, чтобы саммадары предводительствовали в пути. С огромным облегчением он заметил Саноне среди провожавших саску. Подойдя к мандукто, Херилак положил руку на его плечо.

— Мы еще встретимся, друг мой.

Печальный Саноне отрицательно качнул головой.

— Не думаю, мой друг. Я не молод и более не хочу покидать нашу долину. Я повиновался указаниям Кадайра, видел такое, чего прежде саску не знали. И теперь я устал. А ты? Мне кажется, что и ты более не пройдешь этим путем.

Херилак грустно кивнул.

— Теперь в этом нет нужды. Я буду искать тебя на небе среди звезд.

— Все мы идем путем Кадайра. Если Керрик жив и ты встретишь его, передай: Саноне от имени всех саску благодарит его за подаренную жизнь.

— Я передам, — ответил Херилак, отвернулся и более не смотрел на долину саску, с которыми многое связывало его народ.

Возле реки он нагнал медленно шествующие саммады, миновал их. Саммад Келлиманса был невелик — всего один мастодонт. Но, проходя мимо, Херилак заметил, что саммад вырос вдвое. Шагая широко, как воин, Меррис вела вперед своего мастодонта.

— Вижу среди тану тех, кто хотел остаться у саску, — сказал Херилак.

Меррис вышагивала, набив рот копченым мясом. Достав изо рта непрожеванный кусок и сплюнув, она заговорила:

— Разве саммадар Херилак не рад меня видеть?

— Ты тану.

— Конечно. Поэтому я и решила, что мне нечего делать в этой тесной долине — работать в полях и судачить о пустяках с женщинами саску. Тану не может жить без леса, тану вольны идти, куда захотят.

Херилак был озадачен.

— Тогда зачем ты все это наговорила? Я не вижу причин... — Он недоумевал, пока не заметил хитринки во взгляде женщины. Тут его осенило. Херилак разразился хохотом и одобрительно хлопнул женщину по плечу. — Ты хитра, как женщина, и решительна, как охотник. Ты знала, что Саноне недоволен тем, что Малаген, женщина саску, оставляет долину. И ты лишила его возможности протестовать, прежде чем он решился на это. Ты вовсе не собиралась оставаться!

— Это ты сказал, отважный Херилак. Слабой женщине приходится прибегать ко всяким уловкам, чтобы уцелеть в мире могучих мужчин.

И с этими словами она угостила его не менее дружеским ударом, так что Херилак даже пошатнулся, но не перестал хохотать.

«Понял ли Саноне, что его провели?» — гадал Херилак. Он мог заподозрить это еще вчера, но теперь, узнав об уходе Меррис, конечно же догадается... Как все-таки хорошо вновь идти. Он тронул металлический нож Керрика, висевший теперь у него на груди, и подумал: жив ли он... Если жив — Херилак разыщет его.

Тропа шла вдоль леса к северу — к броду через реку. Там, возле воды, их дожидались Ханат и Моргил, изгнанные из долины за кражу священного порро. Заметив их приближение, Ханат замахал руками, а Моргил лежал на траве без движения. Херилак встревожился. Может быть, что-то случилось или где-то рядом мургу? Схватив стреляющую палку и копье, он сбежал к воде.

Увидев его, Ханат замахал вновь и грузно осел на землю возле приятеля.

— Что случилось? — спросил Херилак, ожидая увидеть раны и кровь, но не находя их.

— Это порро, — сильным голосом произнес Ханат, указывая на глиняный кувшин возле входа в шатер. — Плохой порро.

— Надо было думать, прежде чем красть.

— Э-э, украденный порро был вовсе недурен. — Охотник облизал пересохшие губы. — Но вот когда мы сами приготовили его, получилась гадость. На вкус то, что надо, но на следующий день охотник такой больной...

— Значит, вы научились его делать? Как же? — заглянув в горшочек, Херилак понюхал.

— Достаточно просто. Мы следили за ними. Саску такие охотники, что даже не слышали нас. Сделать его легко. Берешь эту штуку, которую они выращивают, — тагассо, кажется... Растираешь, доливаешь воды, выставляешь на солнце, добавляешь мха — и готово.

Моргил шевельнулся и, открыв налитый кровью глаз, простонал:

— Точно, мох — он всему виной. Переложили, должно быть.

Херилак не выносил таких глупостей.

— Саммады уходят.

— Мы пойдем следом. Завтра, должно быть. Все будет в порядке.

— Если вы не будете пить этого зелья, — добавил Херилак, ногой опрокинув горшок с порро. Вонючая жидкость быстро впиталась в песок.

— Это мох, только мох, — пробормотал Моргил.

Глядя на младенца, Керрик встревожился.

— Она что, больна? Открыла глаза и смотрит... По-моему, она ничего не видит.

В ответ Армун залиvisto расхохоталась.

— Ты не помнишь, что Арнхвит когда-то смотрел точно так же? С младенцами так всегда бывает. Она будет очень хорошо видеть. Просто нужно немного потерпеть.

— Ну, ты готова идти?

— Я уже не первый день говорю тебе об этом. Мне просто нетерпится уйти отсюда.

Она не смотрела на укрытие мургу, но Керрик понимал ее чувства. Он понимал, что сам тянет с уходом, но теперь причин для проволоочки не осталось. Все, что они взяли с собой, уместилось на двух травоисах. Малая доля поклажи одного мастодонта... но где его теперь взять? Поэтому пришлось ограничиться тем, что они с Харлом могли увезти. Армун и Даррас позаботятся о младенце. Арнхвит понесет лук и копье. И хорошо, если Орпнар сам одолеет дорогу. Настало время отправляться.

Мухи облепили заднюю часть только что освежеванной туши оленя — путешественники уже не могли взять ее с собой. Самцам понравится. Смахнув мух, Керрик взвалил мясо на плечо.

— Не оставлять же портиться. Отнесу и пойдем.

Увидев, что отец уходит, Арнхвит окликнул его и пустился вдогонку.

— Не хочется покидать друзей, — сказал он на иилане', когда мать уже не могла его слышать.

Керрик не просил его об этом, но понимание приходит по-разному: Армун никогда не скрывала ненависти к самцам.

— Мне тоже. Но в жизни часто приходится поступать против собственного желания.

— Почему?

— Иногда просто нельзя поступить иначе. Мы должны уйти отсюда, потому что вот-вот могут нагрянуть охотницы и обнаружат нас. А Имехеи не может ходить, и Надаске' не оставит его одного.

— Имехеи заболел? Надаске' не говорил мне.

— Это особая болезнь. Когда она пройдет, он сможет ходить.

— Значит, тогда они разыщут нас. И мы снова будем говорить.

— Будем, — согласился Керрик, не вдаваясь в подробности.

Надаске' сидел у самой воды рядом с неподвижным телом друга и лишь поднял голову, когда они подошли. Он немного оживился, когда Арнхвит принялся рассказывать, как они собирались в дорогу, как он теперь хорошо стреляет из лука и какие острые наконечники у его стрел. Керрик одобрительно поглядывал на сына — совсем иилане'. Но будет ли он помнить эти слова вдали от озера и своих друзей?

— Мокрый-из-моря-могучий воин, — отозвался Надаске', — он уйдет, и нам так будет не хватать мяса, которое он носил-убивал.

Арнхвит горделиво выпятил грудь, не замечая сложных знаков, касающихся размера и количества добычи. Честно говоря, он сумел сразить только одну, не очень крупную, ящерицу. Керрик глубоко сочувствовал Надаске', скрывавшему под непринужденными словами глубокую грусть и отчаяние.

— Все будет хорошо, — проговорил Керрик. — С тобой и с нами.

— Все будет хорошо, — повторил Надаске', но жесты его выражали полную безнадежность.

Имехеи привычно похрапывал в озере, но одна рука его под водой бессознательно шевельнулась в прощальном жесте.

— Как только мы разыщем безопасное место, вы придете к нам... — произнес Керрик, но Надаске' от-
вернулся и уже не слушал его.

Держа Арнхвита за руку, Керрик возвратился к своим.

— Поздновато, — буркнул Ортнар, подволакивая вперед больную ногу, — а путь далек.

Нагнувшись, Керрик подобрал шесты травойса. Его примеру последовал Харл. Тану молча направились в лес. Арнхвит все время оглядывался. Но тропа повернула, и двое его друзей, оставшиеся у озера, исчезли за деревьями.

Глава седьмая

*Apsohesepaa anulonok
elinepsuts kakhaato<.*

*В паутине жизни нитей больше,
чем в море — капель воды.*

Алофегма ишане'

Амбаласи сидела на стволе упавшего дерева на берегу и нежилась в теплых лучах солнца. Такая редкая радость — отдыхать, наслаждаться солнцем, природой, размышлять о могучей реке. Воды реки были коричневыми от почвы; противоположный берег едва виднелся вдали. Течение несло травянистые островки. Небо было безоблачным, однако где-то, должно быть, недавно разразилась сильная гроза — и теперь по реке то и дело величественно проплывали сломанные деревья. Зацепившись за мель, одно из них пристало к берегу неподалеку. С ветвей на землю посыпались крохотные верещащие устузоу.

Пробегая мимо Амбаласи, один из них дернулся, заметив ее движение, — и покотился по песку после щелчка хесотсана. Бурый мех, хватательный хвост. Амбаласи когтем перевернула зверька на спину. Что-то шевельнулось у него на животе, высунулась крошечная головка. Сумчатое с детенышем. Отлично. Сетессеи приготовит образец для исследования.

Вновь усевшись на дерево, Амбаласи удовлетворенно вздохнула. Отсутствие докучливых спорщиц Дочерей во много раз усиливало радость мышления. Здесь гармонию ее трудов не нарушали настырные неумехи, она вспоминала о них только затем, чтобы ощутить

блаженство от того, что их нет рядом. Капитан урукето Элем другая — она иилане' науки. Амбаласи умела направлять ее речи. И ненавистное имя Угуненапсы ни разу не прозвучало и не проступило на ладонях за все время долгого путешествия.

Думы Амбаласи нарушил треск ветвей за спиной. Она повернула голову, но так, чтобы одновременно видеть и реку и джунгли. Подняла хесотсан, но, увидев одну из членов экипажа, опустила оружие. В руках у той был большой струнный нож, с помощью которого она прокладывала себе дорогу в подлеске. Это было нелегко — разинув рот, иилане' шаталась и едва не падала от усталости.

— Прекращение труда! — громко скомандовала Амбаласи. — Живо в воду! Охладишься.

Выронив струнный нож, иилане' без сил рухнула в воду. Вынырнув, она показала Амбаласи ладонь, цвет которой означал благодарность.

— Благодари, благодари. Мало того, что мне приходится руководить неумеками, я должна еще и думать за них. Сиди в воде, пока не сможешь закрыть рот.

Амбаласи поглядела на реку: урукето не было видно. Впрочем, это неважно — еще рано, ведь она отпустила их на целый день: порадовать энтиисенатов, наловить рыбки для урукето.

В лесу вновь затрещали ветки, и на берег вышли Сетессей и две иилане', чем-то тяжело нагруженные. Бросив свою ношу на землю, они присоединились к сидевшей в воде подруге. Сетессей тоже тяжело дышала, широко открыв рот, но все-таки она перегрелась не так, как остальные.

— Открытие, предсказанное Амбаласи.

— Великолепно. Судя по очертаниям суши и расположению притоков, там должно быть озеро.

— Теплое, кишущее рыбой, окруженное солнечными пляжами.

— Необитаемое?

— Множество всякого рода живности. Кроме сорогетсо.

— Я так и думала. Как и везде. Это озеро — ближайшее к городу. Вынуждена с некоторой неуверенностью заключить, что обнаруженная мной группа сорогетсо —

единственная в этих краях. И уж конечно на всей реке. Что отсюда следует?

— Непонимание-смысла желание-просвещения.

— А следует, верная Сетессей, то, что наши сорогетсо вовсе не местные жители. Их привезли сюда и поселили, как я и предполагала. Одинокая колония — плод темных экспериментов какой-то неизвестной ученой. Что еще ты обнаружила?

— Интересные экземпляры — летающие создания без перьев и шерсти, и кое-что еще...

Тем временем купальщицы вылезли на берег, и Сетессей велела им притащить принесенные мешки. В одном из них оказалась небольшая клювастая ящерица, длиной с руку. Амбаласи с интересом взглянула на нее и распрямила длинный хвост.

— Подвижная, ходит на четырех лапах, при опасности может улепетывать на задних, острый клюв позволяет ей питаться всем чем угодно: ветвями, грубыми листьями.

— Вкусные. Они сидят на гнездах под деревьями. Я пресытилась однообразной едой. Надоело консервированное мясо. Я убила двух и одну съела.

— Исключительно в научных целях.

— Исключительно. Но, поразмыслив, я решила: раз мясо так вкусно, следует собрать яйца.

— И ты, конечно, собрала их. Сетессей, ты становишься настоящей ученой. Новый источник питания всегда важен. Мне тоже надоело мясо угря. — Рассматривая ящерицу, Амбаласи машинально разинула рот... и закрыла его: интересы науки требовали, чтобы экземпляр целым сохранился до вскрытия. — Будем называть его пазб — из-за клюва. А теперь покажи, что ты еще принесла.

Амбаласи не переставала удивляться разнообразию новых видов на континенте. Этого следовало ожидать, но удивление росло и росло. Жук чуть побольше ладони, крошечные устузоу, огромные бабочки... Восхитительное разнообразие.

— Удовлетворительно в высшей степени. В консервирующие емкости их — и так уже много времени прошло после их смерти. Возвратимся в город и отметим наше открытие. Увы, этот день недалек.

В голосе Амбаласи слышались грустные интонации, что, вероятно, было связано с Дочерьми. Сетессей сбегала к реке за водяными плодами, которые охлаждались в воде. Поблагодарив, Амбаласи попила, но от мрачных дум ее отвлечь не удалось.

— Исследования-удовольствия подходят к концу, впереди вселяющие уныние споры. Не хочу даже думать о том, что ждет нас в городе. Однако скоро вернется урукето — и в обратный путь.

— Интересы науки требуют продолжения процесса познания, — вкрадчиво сказала Сетессей.

Амбаласи со вздохом сделала отрицательный жест.

— Ничто не может принести мне большего удовольствия, чем продолжение наших научных работ. Но я опасаясь за город, который вырастила здесь, — он остался в руках этой бестолочи. Я призвала их повернуться лицом к реальности и оставила их, чтобы увидеть — в состоянии ли они решить свои проблемы подходящим для их верований способом. Как ты считаешь, смогут они справиться с этим?.. Согласна, в высшей степени маловероятно... Посмотри! Или глаза мои плохо видят от старости — или это урукето!

— Великая Амбаласи видит, как молодая фарги. Они возвращаются.

— Великолепно. Немедленно подготовь образцы, чтобы погрузить их еще до темноты. Я считала дни и следила за ориентирами. Теперь мы поплывем вниз по течению. Если отправимся на рассвете, — то уже днем будем в Амбаласокеи.

— Неужели мы так близко?

— Нет, здесь очень быстрое течение.

Сообразно своему положению, Амбаласи отдыхала, пока остальные готовили образцы. Энтиисенаты приближались к берегу, высоко выпрыгивая из воды. Умные существа, милые — одно удовольствие видеть их. Урукето размеренно плыл позади, замедляя ход, — наконец огромный клюв оказался на берегу, гигант остановился. Элем спустилась с высокого плавника, чтобы помочь Амбаласи подняться наверх. На скользкой поверхности клюва было невозможно зацепиться когтями. Забравшись на широкий лоб животного, Амбаласи остановилась передохнуть.

— Вы его накормили? — спросила она.

— Вполне, даже слишком. Энтиисенаты ловили угрей, правда, не таких крупных, как в устье, и урукето ел их с большим удовольствием.

— А тебе на самом деле понятно поведение безмозглой твари?

— Долгое наблюдение и совместное пребывание позволяют этого достичь. Но это своего рода искусство — оно дает великое удовлетворение. Я часто его чувствую, когда...

Элем смущенно осеклась, жестом попросив прощения; оранжевый гребень ее покраснел. Амбаласи ответила знаком: поняла-не возражаю.

— Радость понимания-руководства овладела тобой. В этом я не вижу ничего плохого. Я обратила внимание, что за многие дни, которые мы провели вне города, это твой первый промах: ты хотела произнести запретное имя. Но сейчас — скажи его вслух. Ну! Угуненапса?

— Благодарю, так приятно слышать его...

— Но не мне. Я просто хотела попривыкнуть к этим грубым звукам, терзающим нервные окончания. Угуненапса... Утром отплывем, днем будем в городе. Поэтому я прощаю твою оплошность. Мелкая неприятность по сравнению с тем, что меня ожидает завтра.

Элем сделала жест, означающий надежду.

— Может быть, все не так плохо...

Амбаласи издала грубый звук.

— Неужели ты, знающая своих сестер, считаешь, что это возможно?

Элем благоразумно промолчала и попросила разрешения начинать погрузку. Праведный гнев придал сил Амбаласи, и она легко добралась до верхушки плавника и спустилась в прохладную утробу урукето, где сразу же уснула, понимая, что завтрашний день потребует от нее всех сил.

Сетессей разбудила ее звуками, призывающими к вниманию.

— Показался город, великая Амбаласи. Я подумала, что ты захочешь подготовиться к прибытию. Может быть, украсить твои руки знаками победы и силы?

— Нечего тратить краску, чтобы произвести впечатление на этих никчемных. Лучше принеси мяса, чтобы хватило сил выслушивать их глупости.

Урукето заметили издали: на причале их встречала Энге. Амбаласи жестом выразила одобрение: знает ведь, что ее присутствие я могу выносить, и оберегает меня от своих перекорщиц.

— Сетессей, отнеси образцы в лабораторию. Вернись сразу же, как только разузнаю, что произошло в наше отсутствие. Надеюсь на лучшее, но рассчитываю только на худшее.

Пыхтя и отдуваясь, Амбаласи выбралась на деревянный причал, Энге приветствовала ее знаками радости.

— Ты радуешься, что я вернулась в добром здравии, или хочешь сообщить мне добрую весть?

— И то и другое, великая Амбаласи. Долгое изучение восьми принципов Угуненапсы вывело меня к седьмому из них. Я говорила тебе, что ответ на все наши вопросы кроется в ее словах, и я верила в это. Правда, у меня были сомнения...

— Пощади меня, Энге. Изложи результаты. Не нужно рассказывать, как ты пришла к ним. Неужели ты хочешь меня убедить, что за время моего отсутствия все ваши проблемы разрешились с помощью одних только философских принципов? Если так, то я немедленно вступаю в ряды Дочерей.

— Мы с радостью примем тебя. Но, несмотря на то что решение кажется достижимым, существует проблема... Амбаласи тяжело вздохнула.

— Ничего неожиданного. Формулируй проблему.

— Дело касается Фар< и тех, кто следует за нею.

— И это не неожиданность. Что же натворило мерзкое создание?

— Со всеми своими компаньонками она переселилась к сорогетсо.

— Что?!

Каждый участок кожи Амбаласи, способный менять цвет, ало зарделся, цвета трепетали, словно сердце, готовое лопнуть. Энге со страхом отступила, неуверенно сделав жест: опасно для здоровья. Амбаласи щелкнула зубами.

— Были отданы указания, строжайшие приказы. Сорогетсо должны были покинуть город и никогда не возвращаться. И никто не должен был ходить к ним. Я немедленно покину город и разрушу его, если неповиновение будет продолжаться. Немедленно!

Трепещущая Энге пыталась что-то сказать. Наконец Амбаласи, едва не потерявшая от ярости дар речи, сделала знак, разрешая ей говорить.

— Мы всё поняли, подчинились и выполняем. Но Фар< отказалась повиноваться приказам. Она сказала, что если мы отвергли власть эйстаа, то следует отвергнуть и твою власть. И она увела всех своих подруг. Если жить в городе значит повиноваться, сказала она, то зачем нам город? Они ушли к сорогетсо. Чтобы жить среди них, чтобы жить, как они, и обратить их в истинную веру Угуненапсы, и там, в джунглях, воздвигнуть истинный город в ее честь.

— И это все? — спросила Амбаласи, вновь обретая контроль над собой, хотя прекрасно знала ответ.

— Нет, Фар< ранена, но она не вернется. Кое-кто остался с ней, а большинство вернулось.

— Немедленно отправь непокорных на разделку-чистку-консервирование угря, и пусть работают, пока я их не отпущу. Впрочем, если бы все зависело только от меня, они бы этого не дождались. Я пойду к сорогетсо.

— Это опасно.

— Я не боюсь.

— Но я хочу еще рассказать о наших успехах.

— Когда покончим с этим скверным делом. Скажи Сетессеи, чтобы шла ко мне, и пусть прихватит лечебную сумку. Немедленно.

...Одна из молодых лодок уже подросла настолько, что могла вместить двоих иилане'. Путешествие могло быть приятным, если бы лодку успели выучить. Она дергала щупальцами, пенила воду, косилась на Сетессеи, которая безжалостно давила на нервные окончания. Кое-как они спустились к оконечности перешейка, миновали ограду. Гнев Амбаласи мало-помалу прошел, и она успокоилась. Сейчас нужен был трезвый рассудок, а не ярость. Она так стиснула хесотсан, что он стал извиваться у нее в кулаке. Она взяла оружие, чтобы защищаться от хищников, но никак не могла одолеть

желания расправиться с Фар<. Неповиновение строгому приказу, нарушение чистоты научного эксперимента! На этот раз непокорная Дочь зашла слишком далеко. Кстати, Энге говорила, что она ранена. «Хорошо бы смертельно», — подумала Амбаласи. Может быть, капелька токсина вместо болеутоляющего поможет делу?

В лесу было зловеще тихо. Привязав суетливую лодку к берегу, Сетессеи взяла оружие на изготовку и поспешила вперед. Не дойдя до плавающего дерева, на тенистом пляже у озера они натолкнулись на небольшую группу иилане'. Трое из них склонились над кем-то, лежавшим на земле, и, когда Амбаласи потребовала внимания, в страхе зажестичулировали. Трепеща, они усталились на ученую.

— Вы заслуживаете смерти, уничтожения и расчленения за то, что пренебрегли моими приказами и пришли сюда. Вы исполнены злостной глупости. А теперь скажите мне, где находится зловреднейшая и глупейшая из вас, имя которой Фар<, хотя я бы назвала ее Нинперадапсой — великой ослушницей и разрушительницей.

Дочери в страхе расступились, и Амбаласи увидела распростертую на земле Фар<. Одну из ее рук охватывал грязный нефмакел, глаза Фар< были закрыты. Амбаласи обрадовалась — похоже, Фар< умерла.

Увы, это было не так. Фар< шевельнулась и, медленно открыв большие глаза, взглянула на Амбаласи. Нагнувшись, та язвительно сказала:

— А я надеялась, что ты мертва.

— Ты говоришь, как эйстаа. И я отвергаю тебя во имя Угуненапсы, как всех эйстаа.

— Почему ты ослушалась меня?

— Только дух Угуненапсы властен над моей жизнью.

Медленно потянув нефмакел, Амбаласи обнажила рану, наслаждаясь стоном Фар<.

— И с какой же стати Угуненапса послала тебя к сорогетсо?

— Чтобы эти простые существа познали истину. Чтоб я указала им путь к Угуненапсе и тем спасла от грядущих бед. Даже юные фарги, выйдя из воды, сразу будут узнавать об Угуненапсе, ибо для этого мы и явились сюда!

— Для того ли? Тебя укусило какое-то животное, и рана воспалена. Значит, ты намереваешься рассказать им об Угуненапсе? Так ты уже разговариваешь на их языке?

— Я знаю несколько слов. И выучу новые.

— Ни в коем случае! Я постараюсь, чтобы этого не случилось. Кто тебя укусил?

Фар< отвернулась и, запинаясь, ответила:

— Это был самец... кажется, его зовут Асивасси...

— Еассасиви, Дочь Тупости? — наслаждаясь собой, загремела Амбаласи. — Ты даже не можешь верно произнести его имя — и собираешься проповедовать ему учение Угуненапсы. Струнный нож, нефмакел, антисептик! — приказала она Сетессеи. — Судя по его реакции, твои речи не произвели на него особого впечатления. Экий смысленый, я начинаю все больше ценить их интеллект. Я обработаю антибиотиками твою рану, а потом ты покинешь это место, где вызываешь необратимые разрушения.

— Я останусь. Ты не заставишь меня...

— Неужели? — В гневе Амбаласи нагнулась, обдав дыханием лицо Фар<. — Смотри. Твои последовательницы собираются отнести тебя в город. А если они откажутся, я возьму хесотсан и убью их. А потом тебя. Или ты сомневаешься в том, что я сделаю это?

Если Фар< и сомневалась, то компаньонки ее не сомневались ни минуты. Не дав Фар< опомниться, они по возможности мягко подхватили слабо сопротивлявшееся тело и повлекли прочь, невзирая на ее протест.

— А день, оказывается, не так плох, как показалось вначале, — блаженно выговорила Амбаласи и протянула вперед руки, чтобы восхищенная Сетессеи могла очистить их с помощью большого нефмакела.

Когда они возвращались в город, лодка оказалась более послушной, и Сетессеи скормила ей кусок рыбы в награду. Энге вновь поджидала их.

— Фар< вернулась и рассказала мне о твоих угрозах. Ты действительно убила бы ее?

Энге была явно расстроена, и Амбаласи неправильно истолковала причины ее настроения.

— Неужели для тебя жизнь одной мерзкой Дочери значит больше, чем судьба всех сорогетсо?

— Меня не волнуют ни сорогетсо, ни Фар<. Я опечалена тем, что известная ученая, знаменитейшая среди иилане', может решиться на убийство низшей.

— Гнев мой был настолько велик, что я могла бы даже откусить ей голову. Но гнев не вечен, хорошее настроение возвращается. Наука выше насилия. Скорее всего, я не тронула бы ее. Впрочем, не поручусь. А теперь позволь мне забыть эту Дочь Разрушения и выслушать от тебя известия радостные и важные, которые ты собиралась мне сообщить.

— С большим удовольствием. Но сперва ты должна усвоить восемь принципов Угуненапсы...

— В самом деле?

— Конечно. Как ты поймешь законы, по которым живет тело, не зная, чему повинуются каждая клетка?

— Принимаю укор, — вздохнула Амбаласи, опускаясь на хвост и припнувшись к слабому ветерку с реки. — Слушаю — и учусь.

— Первый принцип был дарован Угуненапсе в откровении, это извечная истина. Все мы живем между большими пальцами Духа Жизни, великой Эфенелейаа.

— Зрение у твоей Угуненапсы, должно быть, острее моего. За долгие годы занятий биологией я что-то не видела эту самую Эфенелейаа.

— Потому что ты не там искала, — с воодушевлением продолжала Энге. — Дух Жизни внутри тебя. Потому ты и жива. Когда усвоена эта истина, Эфенелейаа открывает другие. Далее идет второй принцип.

— Постой, давай пока ограничимся первым. Я так и не поняла тебя. Требуется определение новой концепции, непонятного мне термина. Что есть дух?

— Этим словом Угуненапса обозначала нечто присущее только иилане', незримую субстанцию, которую нельзя увидеть. Она говорит: вот двадцать фарги, десять из них йилейбе, не способные к речи, а десять — иилане'. Пока они молчат, различить их невозможно. Умри они — медицинское вскрытие не выявит никакой разницы между обеими группами. И потому все постигшая Угуненапса придумала слово «дух», чтобы описать это невидимое — в данном случае это дух речи. А чтобы говорить о жизни, она использовала имя «Эфене-

лейаа» — жизнь-вечность-внутреннее-сущее. Теперь ясно?

— И да и нет. Да — потому, что я слышу тебя и воспринимаю твои аргументы. А нет — потому, что я отвергаю эту концепцию духа как надуманную, несуществующую, затрудняющую мышление. Ну хорошо, оставим это на время, предположим, что да. Хотя я и отвергаю самую основу, но в порядке дискуссии хочу уяснить, что следует из данной концепции.

— Принимаю твои соображения, быть может, потом я еще раз попытаюсь объяснить тебе понятие духа. Я согласна — оно трудное.

— Не трудное, а неверное и неприемлемое. Но я же говорю — да, чтобы наш разговор не затянулся до вечера. Буду считать вашу истину гипотезой. Продолжай. Ты собиралась перейти ко второму принципу.

Энге знаком согласилась подискутировать.

— Пусть будет так, как ты сказала. Мы, признавая Эфенелейаа, понимаем, что обитаем в Городе Жизни, который включает в себя все города иилане' и не только их. Разве ты не видишь справедливость и простоту этой мысли?

— Нет. Это следует еще доказать. Продолжай.

— Далее идет третий принцип. Он гласит, что Дух Жизни, Эфенелейаа — высшая эйстаа в Городе Жизни, а мы — обитательницы его.

Приоткрыв мигательные мембраны, которыми Амбаси отгораживалась от натиска схоластики, ученая спросила:

— И твои сестры верят во всё это?

— Верят... Да они живут этим. Только принципы Угуненапсы и дают нам волю к жизни.

— Тогда продолжай. Значит, вы признаете себя жительницами города — это уже кое-что.

Энге ответила знаками, означавшими великую мудрость:

— Твой разум находит мои аргументы прежде, чем я успеваю их высказать.

— Конечно!

— Тогда слушай четвертый принцип. Узнавая высшую истину, мы приобретаем новую силу, потому что мы преданы чему-то большему, чем просто город.

— Неудивительно, что все эйстаа иилане' дружно ненавидят вас.

— Пятый принцип гласит, что сила истины требует нового видения, позволяющего наблюдателю заметить и то, что видят живые, и то, что скрыто от них под землей, — тайный, но истинный порядок бытия.

— Сомнительно. У меня уже голова кружится от усталости. Но ты говорила, что решение скрыто в седьмом принципе. Нельзя ли перейти прямо к нему?

— Он следует из шестого.

— Говори поскорее и покончим с этим наконец.

Амбаласи изменила позу: хвост ее уже начинал неметь. В глазах Энге вспыхнул огонек убежденности, и она уверенным жестом подняла большие пальцы.

— В шестом принципе Угуненапса учит нас, что все живые существа взаимосвязаны и поддерживают друг друга. Этот высший порядок стоит над всеми живыми существами, разумными или неразумными, и существует с яйца времен.

Амбаласи жестом засвидетельствовала недоумение.

— Для этого мне не нужна твоя Угуненапса. Это же сжатое определение экологии...

— Седьмой! — с энтузиазмом продолжала Энге, не заметив слов Амбаласи. — Признавая и понимая этот порядок, верные Духу Жизни сестры способны и обязаны жить ради мира и торжества жизни. Здесь лежит решение проблем нашего города.

— Естественно — только ты слишком долго подбиралась к выводу. Ты хочешь сказать, что Дочери, согласные со словами Угуненапсы, готовы совместно работать, дабы утвердить основы жизни?

— Мы верим в это, мы знаем это, так мы и поступим! А теперь восьмой и последний...

— Избавь меня хотя бы от него. Оставь про запас на тот день, когда я переутомлюсь и мне потребуется источник вдохновения. Лучше объясни, каким образом следование седьмой заповеди спасет город?

— Пойдем, я покажу тебе. Когда мы поняли, куда Угуненапса нас ведет, то стали стараться найти способ воплощения седьмой заповеди в жизнь. Теперь все стремятся работать в Городе Жизни, от желающих нет отбоя. Одаренные талантами возглавляют ряды добро-

вольцев. Всем нужны твои наставления, все хотят отпраздновать твое благополучное возвращение.

Выпрямившись, Амбаласи прошлась вдоль причала туда и обратно. Вечерний ветерок посвежел, близилось время сна. Обернувшись к Энге, она протянула к ней руку, соединив большие пальцы в знак того, что между ними находится важный вопрос.

— Ты правильно сказала, и это меня радует. Но я обрадуюсь еще больше, когда увижу систему в действии. Но не дала ли Угуненапса в премудрости своей ответ еще на один важный вопрос, который я задавала тебе? Энге ответила знаком тревожного отрицания.

— Увы, здесь даже она бессильна. Когда я вижу, как спасают город, радость наполняет меня. И меркнет, когда я думаю о смерти, ожидающей Дочерей Жизни. Мы останемся здесь и состаримся, изучая мудрость Угуненапсы.

— Состаритесь и умрете — и всему придет конец.

— Всему, — мрачно отозвалась Энге. Поежившись, словно от холодного ветра, она протянула вперед ладони и усилием воли заставила зеленую кожу порозоветь в знаке надежды. — Но я не прекращу попыток отыскать выход и из этого тупика. Он должен существовать. И я признаю, что пока не способна его найти. Ведь выход есть, правда, великая Амбаласи?

Та промолчала, не желая огорчать Энге. А потом отвернулась и принялась разглядывать небо и воду. Но вечерний свет заставлял помнить о смерти.

Вейнте' о смерти не думала. И о жизни тоже. Она просто существовала. Ловила рыбу, когда чувствовала голод, пила из родника, когда хотелось пить. Бездумное и бесцельное существование устраивало ее. Но иногда приходили воспоминания — и тогда Вейнте' теряла покой и, охваченная эмоциями, начинала щелкать зубами. Ей не нравилось это.

Лучше было не вспоминать. И вообще не думать.

Глава восьмая

*Janasso to tundri hugalatta,
ensi to tharmanni — foa er
suas tharm, so et hola likiz modia.*

*Смотри на лес, а не на звезды —
не то глазом не успеешь моргнуть,
как твой тхарм окажется на небе.*

Пословица тану

Когда жара стала невыносимой, Керрик велел сделать привал.

— Рано, — недовольно буркнул Харл.

Шло уже шестнадцатое лето его жизни, и он уже был больше охотником, чем ребенком.

— Для тебя да. Но мы переждем здесь жару и пойдем дальше, когда станет прохладнее. Если сильный охотник не хочет ждать, он может разведать тропу. Быть может, твое копьё найдет свежее мясо.

Харл обрадованно бросил шесты травойса на землю и схватил копьё. Но Керрик остановил его.

— Возьми стреляющую палку.

— Она не для охоты.

— Она для мургу. Возьми.

Харл молча подчинился. Керрик обернулся к Армун, устало привалившейся спиной к дереву.

— Надо было нам остановиться раньше, — сказал он.

— Нет, все в порядке. Когда я иду, то не чувствую усталости.

Даррас отдала младенца матери. Армун приложила дочку к груди. Подобные домашние сцены и отсутствие внимания к своей персоне не нравились Арнхвиту, и он потянул Керрика за руку.

— Я хочу на охоту. С Харлом. Мое копье жаждет крови зверя.

Керрик улыбнулся.

— Я слышу речь не мальчика, но мужа. Должно быть, ты наслушался Ортнара.

И он посмотрел на тропу, которой они только что пришли. Никого. Хромой охотник всегда отставал — он не мог идти быстро. А сегодняшний переход оказался слишком долгим.

Керрик взял у Даррас кусок копченого мяса, опустился на землю и принялся жевать. Арнхвит уселся рядом — при виде еды он забыл про охоту.

Они уже почти покончили с едой, когда за деревьями мелькнуло что-то. Керрик потянулся к хесотсану. Арнхвит расхохотался.

— Там Ортнар, смотри не подстрели его.

— Не подстрелю. Просто глаз мой не так остр, как у могучего маленького охотника.

Весь взмокший, Ортнар медленно подошел, волоча мертвую ногу. Даррас поспешила к нему с тыквой, полной воды. Ортнар напился и, прислонившись к стволу дерева, сполз вниз.

— Рано остановились, — проговорил он.

— Армун быстро устает. Двинемся попозже, как только станет прохладнее.

— Возьми-ка свою стреляющую палку, — спокойно сказал Ортнар. — Там прячется зверь, он уже давно крадется за мной.

— Иди сюда, Арнхвит, — так же спокойно позвала Армун. — И ты, Даррас. Брось все, двигайся медленно.

Девочка задрожала, но подчинилась. Керрик шагнул в сторону и стал вглядываться в чашу.

Внезапно раздался треск — и огромное существо в белых и зеленых пятнах выскочило прямо на него.

Он вскинул хесотсан, тварь завизжала во всю глотку, яростно оскалив зубы. Керрик сжал оружие — но мараг несясь вперед — сжал еще раз... И огромный мараг, выше человеческого роста, — рухнул к ногам Керрика.

В воздухе что-то мелькнуло — и крошечное копье Арнхвита воткнулось в тушу.

— Отлично, великий охотник, — проговорил Ортнар с непривычной улыбкой на лице. — Ты убил его.

Арнхвит боязливо подошел — огромная тварь внушала опасения — нагнулся и вытащил копье.

— А кто это?

— Мараг. — Ортнар сплюнул на труп. — Видишь, какие зубы. Хищник.

— Значит, не он съест нас, а мы его.

— Они невкусные, просто отравы.

— Ну тогда я у него хвост отрежу.

Ортнар усмехнулся.

— Хвост побольше тебя будет. Лучше отрежь коготь с задней лапы. Повесишь на шею рядом с ножом — чтобы все видели.

— Не прячется ли где-то второй? — спросила Армун.

Держа на руках младенца, она встала и отошла подальше. От трупа воняло.

— Не думаю, — ответил Ортнар. — Я видел таких, они всегда охотятся в одиночку. Должно быть, их запах отпугивает других мургу.

— И меня тоже, — проговорил Керрик, подходя к Армун и детям.

Ортнар остался на месте, держа копье наготове и глядя, как Арнхвит возится у туши. В это время вернулся Харл и стал с восхищением осматривать убитого марага.

— Дичи нет. Наверное, этот мараг распутал. Рядом большая тропа. На ней колен травойсов.

— Свежие? — с надеждой спросила Армун.

— Старые, совсем заросшие. Я их с трудом разглядел.

Достав кремниевый нож, Харл принялся помогать перемазавшемуся в крови мальчику отпиливать коготь.

На этот раз они шли медленнее. Несмотря на протесты Ортнара, Керрик настоял, чтобы вооруженный хесотсаном Харл держался рядом с ним. Керрик шел впереди с остальными, охраняя их от диких зверей.

Восемь суток они шли по следу, оставленному ушедшими на север саммадами. Однажды Харл догнал Керрика.

— Что случилось? — спросил Керрик, поднимая хесотсан.

— Ничего. Просто Ортнар велел сказать, что мы проскочили нужную тропу. Это недалеко.

Когда они подошли, Ортнар стоял, опираясь на копьё. Он гордо показал на сломанную ветку, едва заметную среди других ветвей.

— Моя метка, с прошлого раза осталась. Нам сюда.

Ортнар пошел первым, остальным пришлось умерить шаг. Идти было недалеко — вдоль невысокого гребня, через мелкий ручей. С вершины холма открывался вид на океан, спокойные воды неторопливой реки, высокий тростник, стаи птиц... Неподалеку от берега — остров.

— А за ним пролив шире этой реки и гряда островов, отделяющая его от океана, — сказал Ортнар.

— Разобьем стоянку с этой стороны острова, среди деревьев, чтобы не заметили с океана. Придется поискать бревна для плота. Если успеем — переправимся еще до темноты.

— А здесь лучше, чем на Крутом озере, — сказала Армун. — Я думаю, тут мы будем в безопасности. Подальше от всяких мургу.

Прекрасно понимая, что она имеет в виду, Керрик сделал вид, что не обратил на ее слова никакого внимания. Конечно, ей хорошо вдали от самцов иилане'. А ему? Он уже чувствовал, что ему не хватает их богатой речи, жестов, смысла которых нельзя передать на марбаке. Они были частью его самого, и их отсутствие угнетало его.

— А хорошая ли здесь охота? — поинтересовался Архвит.

— Отличная, — ответил Ортнар. — Иди помоги Харлу собирать дерево для плота.

Лето выдалось сухим и жарким. Вода в большой реке опустилась. Заливные луга, затоплявшиеся весной и зимой, покрылись высокой сочной травой. Почти скрываясь в ней, бродили пасущиеся олени. Добравшиеся до края обрыва над долиной саммады с восторгом разглядывали мирную картину.

Тану разбрелись и принялись ставить шатры в тени под деревьями. Когда стемнело и все насытились, сам-

мадары по одному потянулись к костру Херилака. Сейчас он не считался их вождем — ведь войны не было, но саммады шли вместе, и Херилак вел их.

— Тощают мастодонты, — начал Хар-Хавола, — надо бы остаться здесь, пусть попасутся. Я так и сделаю.

— Главное не мастодонты, а охота, — заявил Херилак, вызвав бурное одобрение. — Я устал от этих мургу. Мне надоело их убивать. И хоть среди них попадаются вкусные, с оленем все равно не сравнить. Все видели лута. Нам нужны шкуры, ведь вы ходите в харадесе вместо теплых шкур, как саску.

— Летом в шкурах жарко, — рассудительно произнес Келлиманс, как обычно не склонный к шуткам и лишенный воображения.

— Конечно, — согласился Херилак. — Но здесь хорошая охота. Наступит зима, и может случиться, что нам придется уходить на север. Все может случиться. Мой саммад собирается поохотиться здесь. А потом пойдем дальше.

Среди всеобщего одобрения несогласных голосов не послышалось. Слушавшие разговор женщины тоже были согласны.

Здесь все кругом казалось знакомым, и повсюду было столько привычной тану еды, о которой уже успели забыть: корневища, ягоды, грибы, клубни — знай только, какое растение выкапывать. Некоторые девочки ни разу в жизни не делали этого. Их надо было научить. Очень удачное место для стоянки.

Меррис радовалась вместе со всеми. Однако не все были счастливы...

— Он тебя наверное побил, если ты ревешь, — сказала она молодой женщине. — Не позволяй охотнику так обращаться с тобой. Возьми палку и дай сдачи. Если он сильнее — отлупи, когда уснет.

— Нет, ничего подобного, — со слезами на глазах возразила Малаген. Как все саску, она была тоньше и ниже тану, оливковая кожа и темные глаза выделяли ее среди светловолосых и белолицых женщин тану. — Невасфар добр ко мне, поэтому я и ушла с ним. Я дура наверное, потому и реву.

— Вовсе ты не дура. Просто тебе не хватает друзей, твоего саммада. Мы ведь и говорим по-другому.

— Я учусь.

— Молодец. А вот я так и не запомнила ни одного слова саску.

— Наша речь называется сесек. И ты ошибаешься, ведь ты только что говорила про тагассо, а это наше слово.

— Потому что тагассо — вкусная еда, приятно вспомнить.

— У меня есть немного сухих зерен — могу сварить для тебя.

— Прибереги, самой понадобится. Утром тебе многое придется делать впервые. Будем собирать ягоды для эккотаца. Вкусно, тебе понравится.

Женщина саску была невысока ростом, как дети Меррис, когда они были подростками. Ей хотелось погладить бедняжку по голове. Нельзя — ведь она взрослая женщина. Малаген успокоилась.

Меррис неторопливо пошла между костров, желая побыть в одиночестве. А может, наоборот, ей не хотелось быть одной, и это ее тревожило. Дочери выросли и покинули ее. Солед погибла в городе мургу, вторая, Милде, со своим охотником кочует где-то с саммадом Сорли. Никто не знал, что с ними, ведь тогда они ушли на север, а остальные бежали на запад. Может быть, Милде жива. А вот ее собственный охотник, Улфадан, погиб. Она знала, что тану не оплакивают мертвых, знала, что тхарм каждого охотника по заслугам обретает место на небе.

Взглянув на усыпанное звездами небо, потом на костры, она вздохнула. Живой охотник лучше его тхарма в небесах. Впрочем, она женщина сильная... И одинокая.

— Не уходи далеко от костров, — раздался голос у огня, — здесь повсюду мургу.

Она покосилась на караульщика.

— Илгет, я убила мургу больше, чем ты видел. Обрати свою стреляющую палку в сторону леса, а я сама о себе позабочусь.

Спали саммады, горели костры. Караульщики наблюдали за лесом. Вокруг трещали кусты, слышались крики животных. Все как обычно. Без стреляющих палок нечего и думать о здешних южных краях. Только кро-

шечные смертоносные шипы могли убивать огромных мургу, охотившихся в лесу.

Вопли зверей в лесу разбудили задремавшего Херилака. Через откинутый полог шатра он взглянул на звездное небо. Что-то жужжало над ухом — охотник шлепнул себя по щеке и раздавил какое-то насекомое. Завтра будет хорошая охота. Но оставаться здесь долго Херилак не хотел. Где-то в дальних краях живет Керрик, его надо отыскать. Потому-то Херилак так внимательно приглядывался к тропе, следя за каждым ее ответвлением. В мире много саммадов, глядишь, кто-нибудь да слышал про Керрика. Вот они поохотятся, вот отъедятся мастодонты — и в путь.

Яркая вспышка пересекла небо, погасла. Еще один тхарм... «Не Керрика, — подумал Херилак, — нет, не Керрика».

Глава девятая

*Enge hantehei, ate' emboke'na
iirubushei kaksheise', he'avahei;
hevai'ihei, kaksheinte,
enpeleiuu asahen enge.*

*Оставить отцовскую любовь ради холодных
объятий моря — вот первое горе жизни,
а первая радость — погрузи,
что ожидают тебя.*

Алофегма иилане'

Здесь, за волнами прибоя, было так хорошо. Вейнте' плыла, подняв голову над водой. Океанские волны вздымались, опадали и устремлялись к берегу, обрушиваясь на песок белой пеной. С гребней она видела берег, зеленую стену джунглей и темнеющие вдали горы. Видела ли она их раньше? Вейнте' не помнила, да это и неважно. Приподняв носовые клапаны, она фыркнула, вдохнула поглубже и, прикрыв прозрачными мембранами глаза, скользнула вниз, в прозрачные глубины.

Она погружалась все глубже и глубже, пока вокруг не стало темно. Лишь поверхность воды как серебряное небо качалась высоко над головой. Она отлично плавала — и теперь словно стала частицей подводного мира. Прямо под ней колыхались водоросли. Среди них прятались крошечные рыбки, которых она спугнула своим приближением. Вейнте' не обратила на них внимания. Над головой проплывала стая рыб покрупнее, пестрых и плоских, переливавшихся в воде всеми цветами радуги. Вейнте' устремилась в сторону косяка, изо всех сил работая лапами и хвостом.

Впереди вниз метнулись какие-то темные силуэты — рыбу заметила не только она. Вейнте' шарахнулась в сторону. Ей уже приходилось встречаться с крупными хищниками и спастись от них на берегу. Неужели опять? Нет, темные силуэты были поменьше, их было много, и в очертаниях фигур чудилось что-то знакомое. Она так долго пробыла вне времени, лишь обозревая окружающее, но не осмысливая его, что не сразу узнала их. Неподвижно замерев в воде и тихонько пуская пузыри из ноздрей, она ожидала их приближения. И только когда вся стайка оказалась совсем близко, Вейнте' осознала, что видит иилане'.

От долгого пребывания под водой у нее заболела грудь и потемнело в глазах — и она быстро устремилась наверх. Вейнте' была потрясена видом невесть откуда взявшихся иилане'. Туман, так долго укрывавший ее праздное сознание, рассеялся. Целое эфенбуру молодняка в океане... Конечно же они из города — откуда же еще взяться здесь элинийил? Но молодняк обычно держится у родильных пляжей... И тут она заметила в них нечто странное: слишком уж велики были они для элинийил, даже собирающихся выйти на сушу. Перед ней были взрослые иилане'. Но что они здесь делают?

На поверхности появилась голова, за ней другая, третья... Они увидели ее. Не раздумывая, Вейнте' повернула к берегу — подальше от чужаков. Пенистая волна вынесла ее на мелководье, и Вейнте' побрела к знакомому берегу. Выбравшись на сушу, она остановилась, глядя на деревья и болото. Что она делает? Что хочет делать? Она пытается убежать от них?

Непривычные вопросы, непривычные мысли. Она чувствовала какую-то вялость, двигаться не хотелось. В жизни ей не приходилось отступать, бежать от трудностей. Так почему же она вдруг изменила себе? Только что она стояла, сгорбившись и опустив руки, но, когда она обернулась к морю, голова ее высоко поднялась и спина гордо выпрямилась. Темные фигуры брели к берегу среди волн, и она медленно пошла им навстречу и встала у края песка.

Иилане', шедшие впереди, остановились по колено в воде, открыв рты и удивленно глядя на незнакомку. Она

оглядела их. Совсем взрослые фарги. Они стояли молча, не шевелясь.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? — спросила Вейнте'.

Ближайшая фарги попятилась. Одновременно она выставила вперед ладони, по которым побежали цвета, складываясь в простейший узор.

«Вместе, — говорила она. — Вместе». И ни одного звука.

Вейнте' машинально ответила тем же жестом. Она не делала его с того самого дня, когда впервые вышла из воды много лет назад. И теперь с трудом припомнила его истинный смысл. Ну конечно, это просто знак признания, жест обращения эфенселе к эфенселе в море. «Вместе».

Фарги повыше ростом выступила вперед, грубо толкнув говорившую, так что та чуть не упала.

— Делай... что я говорю... делай это.

Примитивные жесты, грубые звуки, к тому же едва разборчивые. Кто эти существа? И что они здесь делают?

Но размышления Вейнте' разогнал внезапно нахлынувший гнев — чувство, которого она давно не испытывала на этом пустынном берегу. Гребень Вейнте' покраснел, и, раздув ноздри, она завопила:

— Что это за фарги такая? Что за червяк встал на задние лапы и командует мною?

Слова вылетели неожиданно для нее самой. Фарги озадаченно открыла рот, ничего не понимая в такой скороговорке. Заметив это, Вейнте' заговорила снова, неторопливо и просто.

— Молчание. Ты — малая, я — большая. Я команду. Скажи имя.

Фразу пришлось повторить с помощью движений рук и окраски ладоней, и тогда ее поняли.

— Великрей, — произнесла фарги.

Вейнте' с удовольствием заметила, что плечи ее опустились, а спина сгорбилась в знак подчинения. Как и следовало.

— Садись. На песок. Говори, — распорядилась Вейнте', усаживаясь на хвост.

Фарги покорно шагнула вперед, сложив руки в знак благодарности. То-то же. Только что пыталась орать, а

теперь благодарит за приказы. Из моря нерешительно вышли остальные и окружили Вейнте', широко раскрыв глаза и рты. Знакомая компания... Вейнте' начала понимать, кто они и откуда.

Это было хорошо, потому что Великреи ничего толком объяснить не могла. С ней приходилось говорить лишь потому, что она одна была здесь иилане'. Остальные в сущности ничем не отличались от переростков — элинийил, так и не достигших зрелости. Даже имен, похоже, ни у кого не было. Общались они, прибегая к простейшим движениям и цветам: тем словам, которыми учит море, и лишь изредка, чтобы выразиться яснее, издавали какие-то хриплые звуки.

Днем они ловят рыбу, объяснила наконец Великреи. Ночью спят на берегу. Откуда пришли? Из города — это она знала. Где он находится? Когда до Великреи дошел смысл вопроса, она поглядела на пустынный океан и махнула в сторону севера. Ничего более ей добавить не удалось. Дальнейшие расспросы не дали никаких результатов. Вейнте' поняла, что возможности Великреи исчерпаны. Довольно. Она и так знает, кто перед нею.

Отверженные. Те, кто не вышел на берег родильных пляжей, те, кто ушел в океан. Они жили в теплой воде и росли. И, созрев, оставили море, физически вполне способные жить на земле, отыскать дорогу от пляжа в город. Чтобы город их принял, кормил и поглотил.

Так могло быть. Жизнь иилане' во всех городах была одинаковой. Вейнте' убедилась в этом, посещая разные города. В каждом городе трудолюбивые иилане' занимались разнообразными делами, фарги прислуживали им. Над всеми царила эйстаа, низжайшими были суетливые фарги. Повсюду они были похожи друг на друга, как водяные плоды. Безликие, безымянные, они толпились на улицах, стараясь высмотреть все, представляющее хоть какой-нибудь интерес.

Впрочем, не всегда безликие. Умные и способные учились говорить и старательно совершенствовали речь, пока не становились иилане' — говорящими. А потом занимали в городе свое — не всегда высокое, но жизненно важное — место. Те, кто оказывался поспособ-

нее, поднимались выше, иилане'-ученные брали их в ученицы, чтобы фарги овладевали разными ремеслами, продвигались, совершенствовались свое умение. Ведь каждая эйстаа тоже когда-то вышла на берег из моря, так что не было предела высотам, которых могла достичь фарги.

Ну а те, неспособные, кому не по силам уразуметь скороговорку приказов иилане'? Те, кто так и остался йилейбе — неспособными к речи? Те, молчаливые, что всегда держались в толпе с краю, прячась от мудрых слов, а не идя им навстречу? Одинаковые, неразличимые, они были обречены вечно оставаться за рамками существования иилане'. Просто ели, пили и жили — ведь город давал жизнь всякому.

Но если город принимал способных, он должен был отвергать тех, кто лишен всяких способностей. Это неизбежно. И никогда не исчезнут они, державшиеся с самого края, кого в последнюю очередь кормят, кто получает остатки и отбросы. Те, кто целыми днями шатается, открыв рот. Они-то и есть нижайшие, и хорошо, если они понимают это. День за днем их отталкивали и прогоняли, и, оказавшись вдали от водоворота жизни, неудачницы все больше времени проводили на пустынных берегах и приходили в город только, чтобы поесть.

Они опять начали ловить рыбу — хоть это они умели делать. И, возвращаясь в город, встречали одни унижения и не понимали этого. Возвращались все реже и реже и наконец перестали приходить. Жестоко — нет, это естественный отбор. И нечего хулить или хвалить этот процесс. Он существует и все.

Вейнте' оглядела ничего не понимающие лица. Они так стремились понимать — и были обречены на пожизненное незнание. Город не отвергал их — город не мог так поступить. Они сами себя отвергли. Конечно, многие из них погибли вдали от города. Чаше спящими, от зубов ночных тварей. Так что перед ней были не нижайшие из низших, а живые покойники.

Вейнте' вдруг ощутила странное родство с ними, потому что тоже была отверженной и живой. Еще раз оглядев добродушные физиономии, она обратилась к

несчастливым с жестом тепла и мира, с простейшим из простых знаком:

— Вместе.

— Неужели Дочери наконец научились вместе работать... в мире и согласии, как предписано Угуненапсой? — недоверчиво спросила Амбаласи.

Энге ответила утвердительным жестом.

— Угуненапса выражалась не совсем так, но мы учимся понимать указания мудрой Угуненапсы и использовать их в повседневной жизни.

— Желаю видеть результат.

— Это возможно — и немедленно. Я думаю, лучше подойдет приготовление пищи. И для жизни необходимо, и требует сотрудничества.

— А вы не зазвали опять сорогетсо? — последовал полный мрачной подозрительности вопрос.

Энге мгновенно ответила резким отрицательным жестом.

— Сорогетсо больше не приходили в наш город.

— Это половина проблемы. А из города к ним теперь никто не ходит?

— Приказы твои двусмысленны...

— Мои приказы всегда ясны, однако злодейка Нинпеданса, которую вы упорно зовете Фар<, все-таки явилась туда со своими приспешниками в проповедническом пыле.

— И ее жестоко покусали, ты знаешь сама, ведь ты перевязывала ей раны. Она еще лежит — до сих пор не оправилась — и все ее последовательницы сидят возле нее.

— Да будет ее выздоровление медленным, — недоброжелательно отозвалась Амбаласи и показала на гигантского угря, слабо дергавшегося на берегу. — Их по-прежнему много?

— Да. Река так и кишит ими. А теперь смотри — и увидишь превосходный пример, как трудятся все, осененные духом Угуненапсы.

— Дочери Проволочки действительно за работой! Немею от изумления.

— Заметь, что распоряжается ими Сатсат, бывшая со мной в Алпеасаке. Работницы выбрали ее старшей — за все страдания, которые она вынесла за свою веру, и за стойкость перед лицом всяких бед.

— Ну, выбирая старшую, я руководствовалась бы иными соображениями...

— Как известно мудрой Амбаласи, руководить подобным бездумным занятием способна почти каждая сколько-нибудь разумная иилане'. Все мы равны во вдохновленном Угуненапсой сотрудничестве, и направлять труды других — великая честь. Сатсат заслуживает двойного одобрения — она организовала работу так, что все трудятся в равной мере, в едином порыве. А когда с делами будет покончено, надеюсь, что сегодня еще хватит времени обсудить с нею в подробностях принципы Угуненапсы. Сегодня Сатсат расскажет о восьмом... Ты еще не слыхала об этом. Видишь, они остановились послушать. Тебе повезло.

Амбаласи возвела глаза к небу в знак благодарности за редкую удачу.

— А не было ли мое везение организовано тобою?

— Амбаласи все видит, все знает. Я говорила им, что приведу тебя и что ты будешь рада услышать о восьмом принципе. Мне ведь не удалось изложить его тебе.

Спасения из подстроенной ловушки не было. Амбаласи с ворчанием опустила на хвост.

— Есть время послушать, я устала. Но недолго.

Сатсат вскарабкалась на один из чанов с энзимами и, как только Энге дала ей разрешающий знак, заговорила:

— Восьмой и последний принцип во всей своей очевидности направляет тех, кто принял слова Угуненапсы. Принцип этот гласит, что Дочери Жизни должны помогать всякой иилане' познать Дух Жизни и найти путь к благочестивой жизни. Подумайте о глубоком смысле такого короткого и такого ясного изречения. Мы, знающие сей путь, должны помогать остальным, чтобы заблуждающиеся и непонимающие могли им следовать. Но, когда ты постигла эту истину, возникают два весьма важных вопроса. Во-первых, как делать это на виду у тех, кто желает нашей смерти, потому что мы верим в Угуненапсу, и второй — как мы можем до-

стичь гармонии и мира, если живем, убивая других? Не следует ли нам прекратить есть, чтобы не убивать живые существа, что питают нас своей плотью?

Она умолкла, потому что Амбаласи встала и, подойдя к чану с энзимами, с удовольствием отправила в рот кусок рыбы.

— К вечеру освободите его. Благодарю за информацию о восьмом принципе, мне необходимо уйти.

— Благодарю тебя за присутствие, Амбаласи. Возможно, ты желаешь услышать мои комментарии...

— Отвечаю кратко. Нет. Все восемь принципов поняты мною. Применение седьмого очевидно. Я ухожу.

Повернувшись, Амбаласи поманила к себе Энге.

— Я довольна. Твои Дочери при всем их невысоком интеллекте и склонности к дискуссиям вполне способны выполнять работу, доступную фарги. Теперь я должна отправиться вверх по реке. Меня не будет несколько дней, и, если город будет все это время отлично работать, мое удовольствие приумножится.

— Воистину город Амбаласокеи — город премудрой Амбаласи. Ты дала жизнь и ему, и нам. Мы рады лелеять-беречь твой дар.

— Хорошо сказано. Моя помощница Сетессеи уже ждет меня возле урукето. Мы отплываем. Предвкушаю чудеса, которые увижу по возвращении.

Опустив увесистый контейнер, Сетессеи помогла Амбаласи подняться на широкую спину урукето, потом махнула Элем, выглядывавшей из плавника.

— Ты проинструктировала ее? — спросила Амбаласи.

— Как ты велела. Сначала мы идем к пляжу у озера, там одна из экипажа дожидается нас с лодкой.

— А лодка хоть получше, чем в тот раз?

— Та же самая. Но теперь она куда спокойнее.

Путешествие было недолгим, и переправа в лодке на берег не принесла тех неприятностей, которых ждала Амбаласи. Бурча, она выбралась на пляж и поманила к себе Сетессеи.

— Возьми контейнер — и за мной. А ты жди нас в лодке.

Знакомой тропой они добрались до острова посреди протоки, где жили сорогетсо. Приблизившись к мосту, они увидели пробирающуюся по нему фигурку.

— Начинаем, — проговорила Амбаласи, — открывай контейнер.

В покорном жесте Сетессеи была заметна тревога. Поставив контейнер на землю, она открыла его, вынула хесотсан и протянула Амбаласи.

— Неуверенность и страх, — показала она руками.

— Вся ответственность как всегда на мне, — с мрачной решимостью ответила Амбаласи. — Приходится это делать. Иначе ничего не выйдет.

Маленькая Мооравиис доверчиво спешила навстречу — она была не знакома с оружием иилане'.

Она остановилась, приветливо взмахнула руками.

Подняв оружие, Амбаласи прицелилась. И выстрелила. Сорогетсо пошатнулась и рухнула на землю.

Глава десятая

— Позади! — вскрикнула Сетессей. — Берись!

Амбаласи обернулась и увидела самца, с яростным воплем приближавшегося к ней. Из хесотсана не промахнешься только вблизи, и она спокойно ждала, пока тот подойдет поближе. Оружие щелкнуло — и он ничком упал в кусты.

— Это Еассасиви? — спросила ученая.

Сетессей подошла к телу и перевернула его на спину.

— Он.

— Хорошо. Пойдем искать остальных. Важно не упустить ни одного.

— Я очень боюсь...

— А я нет. Ты говоришь как сильная ученая или как слабая фарги?

— Но влияние метаболизма... Я не уверена...

— Напрасно. Ты же видела ступню, которую я вырастила из генетических препаратов иилане'. В генетической совместимости нельзя сомневаться. Эффективность и безопасность наркотика доказаны. Я и тебе его вводила, когда ты вызвалась.

— С большой неохотой: чтобы ты не опробовала его на себе.

— Нет жертвы, которую нельзя принести ради прогресса науки. Ты пришла в себя, значит, и они придут. Измененная железа этого оружия вырабатывает усыпляющее вещество, а не яд. И когда я введу прекращающее действие наркотика средство, они очнутся. А теперь бери контейнер — и живо вперед. Нужно действовать без промедления.

По дороге к острову они наткнулись на парочку сорогетсо и тоже ввели им наркотик. Перебравшись по

мосту, они зашли в лес глубже, чем осмеливались до сих пор. Всех встречавшихся усыпляли. Тех, кто пытался спастись бегством, доставали выстрелом в спину.

Амбаласи остановилась, чтобы вновь заполнить оружие шипами.

Ученые впервые вступили на ту часть острова, куда вход им был строго-настрого запрещен. Они перебрались по древесному мосту, которого прежде не видели, и отправились по хорошо утоптанной тропе. Выглянув из тени деревьев на песчаный бережок, они увидели весьма интересную картину.

В теплой воде, положив голову на берег, нежился вялый самец. Возле него сидела маленькая самочка со сложной из большого листа чашечкой, в которой серебрились рыбешки.

Родильный пляж и нянька, приглядывающая за беспомощным, вынашивающим яйца самцом. Но с одной лишь разницей. Когда самец закончил неторопливо жевать, он открыл глаза и поднял над водой руку.

— Еще.

Сетессей отреагировала жестами удивления и смущения. Изумленная Амбаласи отпрянула. Этого не могло быть — однако же...

Сетессей с ужасом посмотрела на Амбаласи.

— Огромная важность! — объявила она. — Нужна ли Амбаласи поддержка и помощь?

Но Амбаласи уже пришла в себя.

— Тихо, дура! Увидела — теперь думай. Или ты не понимаешь, что это? Теперь мне стали ясны некоторые моменты в биологии сорогетсо. Сила самцов и их явное равенство с самками. Вот — видишь? Естественная изменчивость? Сомневаюсь. Здесь явно наличие тайных разработок. Естественные мутации не могли привести именно к этому следствию.

— Смиренно прошу пояснения.

— Сама смотри. Самец в сознании. А это значит, что все самцы живут долго. Вспомни — если ты только знала об этом, — что из-за неспособности выйти из оцепенения каждый третий самец погибает после рождения молодняка. Но это же не обязательно...

Амбаласи погрузилась в размышления, обдумывая выводы из подобного положения дел. Она очнулась,

лишь когда самец съел всю рыбу и нянька собралась уйти.

Когда сорогетсо пересекла пляж и вошла в лес, Амбаласи выстрелила ей вслед — та упала. У воды раздалась недоумевающая возгласы.

— Слушай внимательно, — распорядилась Амбаласи. — Оставь здесь контейнер — вернемся потом. Крайне необходимо, чтобы в тот момент, когда я подстрелю самца, ты была рядом — иначе он захлебнется. Ступай.

Они едва слышно пересекли пляж, и, когда подошли к самцу, тот что-то вопросительно пробурчал с закрытыми глазами. Амбаласи выстрелила прямо в пропитанный кровеносными сосудами гребень — и голова поникла. Сетессеи была тут как тут и подхватила самца за плечи. Он оказался таким тяжелым, что она не смогла сдвинуть его с места и уселась рядом, поддерживая его голову над водой.

— Держи его, пока я не вернусь, — приказала Амбаласи и отправилась обратно за контейнером.

Из него она достала живой плащ. Он был большим и теплым на ощупь. Вернувшись, она помогла Сетессеи вытащить самца на песок и осторожно закутала его.

— Так, — проговорила она, устало потирая спину. — Молодняк в безопасности. Изменения температуры тела ему противопоказаны. Плащ вместо теплой воды. А теперь бери хесотсан и ищи, не пропустили ли мы кого-нибудь из сорогетсо. Потом вернешься ко мне. Ступай.

Помощница удалилась. Амбаласи нагнулась и приподняла плащ у ног самца. Легким прикосновением она раздвинула его вздувшуюся сумку и заглянула внутрь.

— Вот как! — Она с изумлением откинулась на хвост. — Объяснение в наблюдении. Четверо маленьких, может быть, даже пятеро. А у нас обычно от пятнадцати до тридцати яиц... Требуется время для размышлений. — В озере что-то плеснуло, и она заметила крошечные головки, вынырнувшие на поверхность — и мгновенно вновь попрятавшиеся в воду. — Новая причина для размышлений. В воде уже плещется эфенбуру. Что с ними делать?

Она еще размышляла, когда вернулась Сетессей. Амбаласи так погрузилась в раздумье, что не сразу пришла в себя. Наконец она заморгала и повернулась к помощнице.

— Пять яиц — не тридцать — вот и вся разница. В количестве их, только в количестве.

— Требуется объяснение. Понимание-постижение отсутствуют.

— Причина — выживание вида. Наши самцы не знают, что однократного пребывания на пляжах достаточно для сохранения рода иилане'. Какая разница, живы они или мертвы, если проклюнулось тридцать малышей? Так ведь? А у сорогетсо яиц всего четыре или пять. Чтобы догнать нас, им приходится выходить на пляжи раз шесть или семь. Так стоит ли удивляться, что они в сознании? Они должны выживать и опять возвращаться на пляжи. И по этой причине они обрели социальное равенство с самками, и даже превосходство над ними. Но над этим еще надо подумать... — Наконец Амбаласи заметила терпеливо застывшую перед ней Сетессей. — Ты хорошо поискала? Никто не спрятался?

— Никто. Я еще раз как следует проверю, но я уверена, что мы усыпили всех.

— Великолепно. Тогда немедленно возвращайся к лодке. Я потихоньку пойду за тобой. Вместе с той, что ждет у лодки, начинайте носить сорогетсо на берег. Я пойду к урукето и пришлю вам помощниц. Но сперва проинструктирую капитана. Она с радостью поможет, когда я объясню ей, в чем дело.

...Элем не только не выразила удовольствия, она была попросту потрясена.

— Не понимаю, — едва выговорила она, не в силах шевельнуться от удивления. — Сорогетсо необходимо увезти отсюда? Зачем это им понадобилось?

— Не им, а мне. В настоящий момент все они лежат без сознания, так что их согласия и не требуется.

— Без сознания...

— Элем! Путаница в твоей голове и неспособность к пониманию уже начинают мне досаждать. Объясняю подробно. Всех сорогетсо необходимо увезти отсюда. Прикажи своим иилане' пойти на берег, погрузить сорогетсо в лодку, доставить на урукето и осторожно

перенести в камеру. Поняла? Хорошо. Когда все они будут на борту, мы отвезем их вверх по реке — там я нашла место, где они смогут жить без вмешательства иилане', как часть естественной экосистемы.

— Но, великая Амбаласи, необходимы дальнейшие пояснения. Разве не является их переселение из естественного обиталища нарушением экологического равновесия?

— Нет. Во-первых, я сомневаюсь, что это место естественно для них. А что уже было когда-то сделано, всегда можно повторить. Но главное то, что отныне они будут далеко от этих Дочерей Раскола. Твои товарки уже успели причинить им много зла. Это более не повторится. Есть ли еще вопросы?

— Много...

— Тогда сформулируй их, пока сорогетсо будут доставлять на урукето. Это мой приказ. Ты повинешься?

Мгновение поколебавшись, Элем сомкнула большие пальцы в знак преклонения перед высшим авторитетом, а потом отвернулась, чтобы отдать распоряжения — иилане', стоявшей на плавнике.

Дисциплинированный экипаж урукето, с усердием повинующийся седьмому принципу Угуненапсы, не стал протестовать. Пока шла погрузка, Амбаласи и Сетессеи еще раз прочесали остров и примыкавшие к нему места, где частенько бывали сорогетсо, но никого не обнаружили. Значит, все.

Когда погрузили последнее обмякшее тело, Амбаласи велела еще прочесать все окрестности, чтобы ничего принадлежащее сорогетсо не осталось на берегу. Собрали и принесли на урукето тыквы для воды, клеточки со смертельно ядовитыми пауками, яркие камешки в плетеных сумках и прочие предметы неизвестного назначения. Оставили только гнезда из сухой травы, в которых сорогетсо спали, — их не стоило труда соорудить вновь.

День уже клонился к вечеру, когда урукето, отойдя от отмели, следом за кувыркавшимися в воде энтиисенатами направился вверх по течению. Стоя на плавнике, Амбаласи наслаждалась отдыхом от дневных трудов. Сложная операция прошла успешно.

Услышав звук, требовавший внимания, Амбаласи обернулась и увидела перед собою капитана.

— Отлично, Элем, — сказала Амбаласи. — Сделан крупный вклад в будущее процветание этих простодушных созданий.

— И как долго они пробудут в таком состоянии?

— Как только я сделаю инъекцию, они проснутся. Не бойся, мы не обидим их. Теперь мне требуется информация. Что ты думаешь делать ночью? Оставишь урукето дремать до рассвета на мелководье?

— Как обычно на реке.

— Отлично. Тогда на заре пусть меня разбудят, и с помощью Сетессеи я сама поведу урукето. Никто из вас не должен приближаться ко мне и подниматься на плавник.

— Я не понимаю.

Амбаласи сделала жест досады.

— Я думала, что объясняюсь достаточно ясно. Под моим руководством Сетессеи поведет урукето туда, где мы высадимся. И поскольку берега реки ничем не отличаются друг от друга, особенно если смотреть на них глазами ничего не замечающих Дочерей из твоего экипажа, только мы с помощницей будем знать, куда будут высажены сорогетсо. Ты конечно тоже можешь запомнить это место... но и ты останешься внизу. Я прекрасно знаю, что ты как ствол дерева: крепка и надежна. Ты и командир и ученая. Но настанет день, когда мне придется покинуть этот мир, и сейчас я заставляю себя помнить, что ты тоже непоколебимая сторонница бредней Угуненапсы. И если тебя ее именем попросят сообщить, где я укрыла сорогетсо, ты конечно все расскажешь. Я не могу пойти на это. Сорогетсо не должны испытывать вмешательства в свою жизнь. А теперь скажи, исполнишь ли ты мои указания?

Элем была в полном смятении.

— Я служу науке подобно тебе, великая Амбаласи. Я согласна с тобой — это наилучший вариант. Но в то же время я и сторонница Угуненапсы. И обе стороны моей жизни должны согласовываться.

— Легче легкого. Вспомни о третьем принципе Угуненапсы — и твои мысли сразу прояснятся и выводы сделаются очевидными. Разве Угуненапса не говорила,

что Дух Жизни, Эфенелейаа, великая эйстаа Города Жизни, царит над всеми нами, обитательницами его? А разве сорогетсо к нам не относятся? Поэтому, уплывая в свой новый город на реке, они одновременно пребывают и в вашем Городе Жизни. Так говорила Угуненапса. Разве я ошибаюсь?

Элем еще поколебалась.

— Ты права. Угуненапса говорила так — спасибо тебе, что напомнила. И я со смирением внимаю тебе, не являющейся Дочерью Жизни, но так хорошо разбирающейся в мыслях Угуненапсы, когда ты направляешь меня в неразумении моем. Конечно же, ты права, и приказ твой будет выполнен.

Вейнте' не стремилась командовать этими фарги — привычный порядок сложился сам собой. Если Великреи и была недовольна тем, что Вейнте' заняла ее место, то виду не показывала. Скорее напротив — старалась держаться поближе к Вейнте', в меру своих способностей пытаясь уразуметь ее указания. Она приносила Вейнте' самую вкусную рыбу из своего улова, с удовольствием следила, как та ест, и не приступала к еде, пока Вейнте' не закончит трапезу. Привычный порядок среди иилане': одним суждено отдавать приказы — другим повиноваться.

Чтобы распоряжаться этим эфенбуру переростков, особого ума не требовалось. Вместе они только ловили рыбу — и преуспевали в этом занятии. Они разбредались по берегу, заходили в воду — и медленно плыли вперед. Заметив косяк рыбы, они тут же извещали об этом друг друга простейшими знаками, по цепочке передавая сигнал, который в конце концов доходил до Вейнте'. Тогда она плыла в указанном направлении, чтобы взглянуть, достаточно ли велик косяк, годится ли рыба в пищу. Если поохотиться стоило, она жестом посылала фарги вперед, дальше все происходило самым привычным образом.

В другое время они не общались. Пили — когда хотелось пить. Замерзнув, выбирались на солнце. Подобно ящерицам, валялись на берегу, и Вейнте' это

устраивало, поскольку не нарушало бездумного покоя в ее душе.

Соседство их, пусть и бессловесное, приносило ей удовольствие. Одинаковые дни сменяли друг друга, и не нужно было ни думать, ни беспокоиться. Здесь, на экваторе, было трудно отличить день ото дня. Изредка шли дожди. В море хватало рыбы, пресноводные ручьи не пересыхали. Вот и вся жизнь — простая и беззаботная.

Более фарги ничего не умели делать. Едва ли они представляли себе иные возможности — раз предпочли такое существование городской жизни, полной трудов и волнений.

Когда приходили думы, Вейнте' старалась отделаться от них. Она просто испытывала удовлетворение от соседства фарги и того, что ее окружало.

Дни сменялись ночами, а ночи рассветами, время величественной поступью шествовало мимо.

Глава одиннадцатая

*Alitha hammar ensi igo vezilin
gedda. Sammad geddar o sammadar sapri.*

*Не бывает двухголовых оленей.
Так и у саммага — огни саммагар.*

Поговорка тану

Лил дождь. Тропический ливень тяжелым пологом занавесил землю под свинцово-серым небом. Струи так громко хлестали по натянутым шкурам, что тану приходилось разговаривать громко.

— Когда же этот дождь кончится? — говорила Армун.

Младенец завопил: небо расколола молния, и над вершинами деревьев прокатился гром.

— Третий день льет, — отозвался Керрик. — Я не помню, чтобы дождь шел больше трех дней подряд. Наверное, к вечеру перестанет. Тучи, похоже, редуют.

Он поглядел на Харла, обжаривавшего над огнем тонкий ломоть оленины. Дым стелился по земле. Порыв ветра, залетевший в шатер, окутал Харла дымным облаком. Тот закашлялся и принялся тереть глаза. Сидевший на корточках перед костром Арнхвит засмеялся — но тут же сам стал кашлять. Ортнар сидел в обычной позе, вытянув вперед неподвижную ногу, и вглядывался в пелену дождя.

Здесь, на острове, он часто сидел так и молчал. Керрик тревожился за него. Других забот у него не было — стоянка на острове во всех отношениях была лучше, чем у Круглого озера. В тростнике водились

утки, их можно было ловить силками. Хватало и дичи: оленей и мелких мургу со сладким мясом. Хищных мургу они убивали, едва те попадались на глаза. Изредка мургу перебирались через неглубокий пролив, отделявший остров от материка. Хорошее место. Армун — как это часто случалось, когда они жили вместе, — разделяла его мысли.

— Хорошая стоянка. Мне не хочется уходить отсюда.

— И мне. Хотя иногда я вспоминаю про саммады. Интересно, они так и остались в долине саску?

— Я боюсь, что они погибли, что их убили и съели мургу со стреляющими палками.

— Я тебе сколько раз говорил — они живы и здоровы.

Он протянул руку и отвел волосы с ее лица, когда она склонилась над младенцем. А потом провел пальцами по лицу до раздвоенной губы. Армун улыбнулась. Охотнику не полагалось проявлять чувства на виду у всех — и она обрадовалась.

— Ты уверен? — озабоченно спросила она.

— Да. Я же говорил тебе, мургу не умеют лгать. Потому что каждое их слово есть мысль. Что на уме, то и на языке.

— Я так не могу. Иначе беды не оберешься. — Она рассмеялась и добавила: — А может быть, и удачи.

— Ты поняла. Мургу приходится высказывать все, что они думают. Когда я разговаривал с их саммадаром и дал ей нож из небесного металла, она обещала мне, что прекратит войну и вернет войско в город. Сказала — и сделала.

Дождь постепенно утих, но с деревьев еще капало. К вечеру немного прояснилось, и сквозь ветви пробились косые лучи заходящего солнца. Керрик встал, потянулся и принялся.

— Завтра будет ясный день.

Обрадовавшись окончанию невольного заточения, он взял хесотсан, копье и направился в сторону холма у стоянки. Арнхвит окликнул его — Керрик жестом позвал сына за собой.

Арнхвит трусил возле отца, держа наготове маленькое копье. Охотничьему делу его учили Харл и Ортнар,

и в свои семь лет он умел идти по лесу совершенно бесшумно — не то что отец.

В кустах послышался шорох, оба замерли. Заметив небольшого зверька, Арнхвит быстро метнул свое копье.

— Элиноу! — объявил он. — Я успел заметить пятна на шкуре. И чуть не попал.

Он побежал за копьем. Мясо элиноу, некрупных и подвижных ящеров, люди находили вкусным. Имя существа Арнхвит узнал от самцов у озера и теперь правильно выговорил его на иилане'. Но теперь он все реже и реже прибегал к этому языку — незачем было.

Добравшись до вершины холма, отец с сыном посмотрели в сторону моря, на крохотные островки за лагуной. С моря на их берега набегали пенистые волны — шторм еще не кончился. Океан как обычно был пуст. Иилане' из города еще ни разу не появлялись здесь.

«А что если охотницы снова приходили к Круглому озеру? — подумал Керрик. — И если приходили — что стало с самцами?»

— Искупаемся? — спросил Арнхвит на марбаке.

— Поздно, слишком темно. Сходим утром, заодно и рыбы наловим.

— Не хочу рыбы.

— Придется есть рыбу, если больше ничего не останется.

С тех пор как они покинули озеро, рыбу они ловили редко. Должно быть, потому, что слишком много ее съели. Но мысли об озере не оставляли Керрика, и он прекрасно знал почему. Что там случилось после их ухода? Проклюнулся ли молодняк — или как там это называется у иилане'? Если проклюнулся, то жив ли Имехей? Эти думы не давали ему покоя все последние дни. Если Имехей погиб, значит Надаске' остался один, и ему не с кем даже поговорить. А ведь оба не закрывали рта, даже если никто не слушал. А уж в обществе друг друга тем более. Что с ними случилось?

Они вернулись на стоянку еще до темноты, поели и принялись обсуждать планы на следующий день. Харл согласился, что искупаться и наловить рыбы — хорошая идея. Редко открывавшая рот Даррас попросила взять ее с собой.

— Возьми ее, — сказал Ортнар. — Армун умеет пользоваться стреляющей палкой, да и моя копейная рука еще не ослабела. Здесь нам нечего бояться.

Слова Ортнара все решили. Теперь Керрик знал, что делать. Перед сном наедине с Армун он привычно делился с ней мыслями.

— А ты знаешь, как саску отмечают время? Оказывается, они не считают дней...

Она что-то пробормотала сквозь сон.

— Саноне рассказал мне, как они это делают. Он сказал, что этим тайным знанием обладают только мандукто, но я все хорошо понял. Я не умею делать рисунки на песке, как он, но могу считать луны. От полной до полной. А это много дней. С тех пор как мы оставили озеро, прошло уже три луны.

Что-то в голосе мужа встревожило Армун. Он почувствовал, как напряглось ее тело.

— Мы отсюда ушли, — ответила она. — Зачем снова говорить об озере? Давай спать.

— Мы ушли давно... Интересно, как там дела?

Она окончательно проснулась и, широко раскрытыми глазами уставившись в темноту, затараторила, не давая ему вставить слова:

— Что тебе озеро? Зачем тебе озеро? Там уже, наверное, мургу. Забудь о своих любимцах. Больше ты их не увидишь.

— Я же беспокоюсь о них — как ты не понимаешь? Я знаю, для тебя они просто пара мургу, которых надо убить.

— Прости меня за эти слова... Я старалась понять твою странную привязанность к ним, представить тебя живущим среди мургу. Не знаю, как это получилось, но, похоже, я начинаю понимать твои чувства к самцам.

Керрик ласково обнял ее. Таких слов от Армун он еще не слышал.

— Ну, раз ты понимаешь меня, значит должна понять, что мне небезразлична их участь.

Она вздрогнула и высвободилась из его объятий.

— Не смей туда ходить. Не смей. Я понимаю тебя, но к ним не испытываю ни малейшей привязанности. Оставайся здесь.

— Потом поговорим.

— Нет, поговорим теперь. Зачем тебе возвращаться к ним?

— Чтобы узнать, что с ними. Я буду осторожен — это же всего несколько дней пути. А ты будешь здесь в безопасности.

Армун отодвинулась от него и повернулась спиной... Они уснули не скоро.

Армун не ошиблась: Керрик уже все решил. Утром он молча положил в мешок немного копченого мяса и горсть печеных на углях корней.

Ортнар сказал, что Керрик напрасно это делает.

— Что тебе это озеро? Мы ушли оттуда, и незачем возвращаться. Теперь там, может быть, уже много мургу. Это же ловушка.

— Ортнар, ты знаешь, зачем я иду туда. Меня не будет несколько дней. Охраняй саммад вместо меня.

— Но я же только наполовину охотник...

— Твоя копейная рука сильна как всегда, и наконецник копья по-прежнему остер. Да и Харл гораздо лучший охотник, чем я. Вы прекрасно обойдетесь без меня. Ну, соглашайся, прошу тебя.

Неразборчивое ворчание Ортнара Керрик истолковал как знак согласия и принялся тщательно обматывать ноги шкурами. Узнав о его намерении вернуться к озеру, Армун перестала с ним разговаривать и только односложно отвечала на вопросы. Он не хотел уходить, не помирившись с женой, но выхода не было.

Керрик уже собрался идти, как Армун вдруг сама заговорила:

— Будь внимателен, возвращайся невредимым.

— Ты понимаешь, что я не могу иначе?

— Нет. Вижу только, что не можешь не пойти. Я бы пошла с тобой, но не могу оставить ребенка. Поторопись.

— Хорошо. Не беспокойся.

Харл отвез его на берег на плоту, сооруженном из толстых жердей, связанных лианами. Было решено, что Харл вернется на остров и спрячет плот среди деревьев. Не говоря ни слова, юноша прощально поднял руку. Керрик зашагал к лесу, держа наготове хесотсан.

Добравшись до широкой тропы, с которой еще не исчезли оставленные саммадом следы, он повернул на юг, потом остановился и огляделся.

В отличие от тану, Керрик плохо знал лес. Он даже не заметил сломанной ветви, которой Ортнар отметил поворот. Положив хесотсан, он взял кремниевый нож и срезал полоску коры на ближайшем дереве. Потом внимательно посмотрел вокруг, стараясь запомнить все приметы, чтобы не сбиться с дороги на обратном пути, и, подобрав хесотсан, отправился дальше.

Саммад шел на север много дней — приходилось примеряться к шагу Ортнара. А Керрик уже на третий день свернул с колеи на знакомую тропку к Круглому озеру.

В этих лесах он часто охотился и успел их изучить. Неподалеку от бывшей стоянки он повернул и вышел к берегу рядом с тем местом, где находились их шатры. Он шел вперед все медленнее и медленнее и наконец пополз, прячась за кустами. Место стоянки уже заросло травой, и лишь черный след от костра говорил о том, что здесь жили тану. Керрик спрятался за дерево и посмотрел на жилище самцов у воды.

На берегу что-то шевельнулось — Керрик поднял хесотсан и увидел иилане', сидевшую к нему спиной. Керрик немного подождал. Наконец сидевшая поднялась и повернулась.

Сомнений не было — это Надаске'. Керрик уже хотел его окликнуть, но передумал. А что если он здесь не один? Не прячутся ли где-нибудь рядом другие?..

Казалось, поводов для беспокойства нет. Керрик увидел, как Надаске' подошел к воде и склонился над неподвижной фигурой. Это мог быть лишь Имехеи — живой! Почувствовав внезапно нахлынувшую радость, Керрик вышел из-за дерева и крикнул.

Быстро повернувшись, Надаске' метнулся к шалашу и сразу же выскочил из него, держа наготове хесотсан. Керрик шагнул вперед.

— Приветствую великого охотника, убивающего всех, кто смеет шевелиться в лесу.

Надаске' стоял, застыв, словно каменное изваяние, и опустил хесотсан, лишь когда Керрик подошел ближе. Потом заговорил:

— Многократное удовольствие. Присутствие не ожидалось-не верилось. Не с кем говорить, и я стал йилейбе. Ты вернулся.

— Конечно.

Керрик показал пальцем в сторону неподвижного Имехеи.

— Все по-старому. Яйца лопнули.

— Не понимаю. Исчезли, что ли?

— В своем невежестве я забыл об отсутствии у устузоу необходимых познаний. Яйца находятся в сумке. Проходит некоторое время, они лопаются, и из них выходят элинийил и подрастают в той же сумке, питаясь выделениями некоторых желез. Когда они подрастут — то выйдут из сумки, и нам станет ясно, что с Имехеи.

— Сомневаюсь в точности выражений.

Надаске' посмотрел на воду, на неподвижного и безмолвного друга — и сделал жест, означающий жизнь и смерть.

— Таким он будет до тех пор, пока не выйдет молодняк. Потом умрет — или останется жить. Нам остается только ждать. Теперь уж скоро. Видишь, они уже шевелятся, посмотри внимательнее.

Керрик взглянул на живот Имехеи: под кожей что-то шевелилось — и отвернулся.

— Долго еще?

— Не знаю. Сегодня, завтра, еще несколько дней. Я не помню. — Заметив вопросительное движение Керрика, он ответил: — Да, я уже побывал на пляже. Один раз. В ханане говорят: после первого раза можешь выжить, после второго скорее всего умрешь, а уж после третьего — наверняка. У Имехеи это впервые. Есть основания для надежды.

Было тепло как всегда, и Керрик не стал разжигать костер, всегда досаждавший Надаске'. Даже почуяв запах дыма от одежды Керрика, он начинал чихать и старался отодвинуться подальше. К сырой рыбе Керрику было не привыкать. Они ели и разговаривали, пока не стемнело и стало трудно различать жесты. Потом они улеглись рядышком в шалаше, сооруженном самцами. Он больше напоминал спальню иилане', чем кожаный шатер тану, и вскоре Керрик заснул крепким сном.

Утром сырая рыба уже не казалась столь аппетитной. Прихватив хесотсан, Керрик направился вдоль берега к роще фруктовых деревьев, где и наелся плодов. Когда он вернулся, Надаске' кормил Имехеи. Тот пошевелился, и Надаске' устроил его в воде поудобнее.

— Сегодня? — спросил Керрик.

— Сегодня, на днях... Но обязательно случится.

Такой ответ совершенно не устраивал Керрика, но другого от Надаске' добиться не удалось. Если оставаться — то надолго ли? Он обещал вернуться скоро — но когда? Для Керрика Надаске' и Имехеи, как и тану, были членами его саммада, и он был верен и тем и другим. Тану в безопасности на острове. И где же ему быть, как не здесь, у озера?

Легко говорить. Так день превратился в два, потом в три. Четвертый день не принес перемен, и Керрик понял, что надо возвращаться на остров. Он обещал Армун вернуться через несколько дней — все сроки уже вышли. Завтра придется уходить — значит, придется вернуться. Значит, ему предстоит новое путешествие, новое расставание...

— Нет перемен, — ответил Надаске' на следующий день на невысказанный вопрос Керрика.

— Свежего мяса хочется. Рыба надоела, тебе наверное тоже, — сказал Керрик. — Я видел оленей на том берегу. Надо бы добыть одного.

Ему было нужно не только свежее мясо, но и возможность хотя бы ненадолго уйти отсюда. Керрик уже не мог видеть неподвижного, ни живого ни мертвого Имехеи. Сегодня последний день. Утром он уйдет, если ничего не случится.

Приняв такое решение, Керрик отправился на охоту. Лук он с собой не взял, зная, что стреляет из рук вон плохо. Пришлось заменить его хесотсаном. Охота с хесотсаном требовала умения как можно ближе подкрадываться к добыче, однако оружие иилане' било наверняка.

Обойдя стадо, Керрик подобрался к нему с наветренной стороны. Первая попытка оказалась неудачной — олени заметили его и быстро исчезли из виду. Но во второй раз Керрику повезло — ему удалось подстрелить небольшого бычка.

Надаске' терпеть не мог огня и запаха дыма. Стало быть, надо поджарить мясо где-нибудь подальше от берега. Керрик решил развести костер и поесть, а оставшееся мясо отдать самцам.

На поиски сухих дров и высекание искры из кремня ушло немало времени, к тому же задняя нога оленя долго жарилась над костром. Жесткое мясо показалось необыкновенно вкусным, и Керрик долго глодал косточки. Полдень уже миновал, когда, забросав костер грязью, он перебросил тушу через плечо и зашагал к озеру.

Подойдя поближе, он издал призывный звук. Надаске' не ответил. Это на него не похоже. Стряслось что-нибудь? Керрик сбросил тушу с плеча и исчез в кустах. Выставив вперед хесотсан, он осторожно подбирался к жилищу самцов. Если иилане' обнаружили стоянку, лучше выстрелить первым. На берегу росло высокое хвойное дерево. Керрик спрятался за ним и осторожно выглянул.

Случилось что-то ужасное. Надаске' сидел на песке, подавшись вперед и бессильно свесив руки. Имехеи лежал на берегу без движения, слегка приоткрыв рот. Мертвый. Земля вокруг была залита кровью и усеяна мертвыми неподвижными тельцами.

Керрик, спотыкаясь, бросился вперед, издавая вопросительные звуки. Надаске' обратил к нему пустой взгляд и, сделав усилие, сказал:

— Они вышли. Он умер. Все кончено. Мой друг умер. Он умер.

Нагнувшись, Керрик посмотрел на тельца крошечных иилане'. Заметив, куда он смотрит, Надаске' вскочил и громко застучал челюстями. Из рта его пошла пена. Боль чувствовалась в каждом его движении, в каждом слове.

— Они жили — Имехеи умер. Они убили его. Он уже умер, — а они все еще рождались. Вот они — самки, все здесь, на берегу. Я убил их. Потому что они убили его. Все это отродье погибло. А самцы, — Надаске' перевел взгляд с мертвого друга на озеро, — остались в воде. Если выживут — рядом с ними не будет этих. У них будет шанс уцелеть, которого не было у Имехеи.

Керрику нечего было сказать, нечем утешить Надаске', он ничем не мог изменить ужасный исход этого дня. Он вернулся за оленем и принес тушу к берегу.

В городе тело Имехеи положили бы в одну из погребальных ям, где корни специальных растений разрушили бы и тело и кости, возвращая питательные вещества вскормившему его городу. Здесь же пришлось вырыть яму под высоким хвойным деревом, росшим за стоянкой, и опустить в нее тело. Керрик натаскал камней и завалил ими рыхлую землю, чтобы ночью не раскопали трупоеды.

Теперь Надаске' ничего не удерживало у озера. Когда утром Керрик собирал вещи, Надаске' подошел и протянул ему что-то небольшое, завернутое в зеленый лист.

— Ты не можешь взять это? Я боюсь его повредить в дороге.

Керрик развернул лист и обнаружил золотую проволочную фигурку рогатого ненитеска. Жестом выразив согласие и благодарность за доверие, Керрик осторожно положил статуэтку между шкурами.

— Я осторожно понесу ее и верну тебе, когда придем.

— Пошли.

Они тронулись в путь с первыми лучами солнца. И ни один из них не оглянулся на опустевший берег.

Глава двенадцатая

— Хорошая здесь рыбалка, — сказал сам-мадар Келлиманс, пошевеливая в костре палкой.

— В океане рыбалка везде хорошая, повсюду полно рыбы, — резко ответил Херилак, пытаясь справиться с гневом. — Ты что, собираешься рыбачить здесь и зимой, когда все стреляющие палки перемрут от холода? Все равно придется уходить. Не лучше ли уйти сейчас?

— Станет холодно и уйдем, — вмешался Хар-Хавола. — Тут я с Келлимансом согласен. Но речная рыба конечно вкуснее.

— Если ты так любишь рыбу, можешь жить с ней в воде! — отрезал Херилак. — Тану охотники, а не рыбоеды...

— Но здесь и охота недурна.

— На юге охота лучше, — перебил всех Ханат, — а Керрик сделал для всех доброе дело.

— Подарил нам жизнь, — подхватил Моргил. — Пойдем с Херилаком — он решил отыскать Керрика.

— Ступайте! Кому вы нужны! — негодуя бросил Келлиманс. — Надо же было вам красть у мандук-то порро, из-за вас и все эти хлопоты. Многие из нас с радостью увидят ваши спины. Уходите с Херилаком. А я останусь. Мне незачем уходить.

— Как это? — Херилак вскочил и махнул рукой во тьму в сторону юга. — Разве есть здесь хоть один охотник, который не знает, что там, на юге, Керрик спас всех нас? — Он дернул и разорвал шнурок, на котором висел металлический нож. Херилак швырнул нож под ноги охотникам. — Это нам отдали мургу. Все знают нож, который носил Керрик. Это знак. Этот нож гово-

рит, что Керрик остановил занесенную над нами руку мургу. Он послал его нам, чтобы тану узнали о победе. Война кончилась, они ушли. Это Керрик заставил мургу уйти. Или кто-нибудь посмеет сказать, что я говорю неправду? — Он бросил яростный взгляд на саммадаров. Те поспешно закивали. Потом он посмотрел на притихших охотников и женщин. — Все знают, что это правда. И я говорю: мы должны идти на юг, чтобы найти Керрика, чтобы помочь ему, если он еще жив.

— Если он жив, зачем ему помощь? — возразил Келлиманс. Послышался одобрительный ропот. — Херилак, Керрик из твоего саммада, хочешь искать его — ищи. Но мы поступим по-своему.

— Мы хотим остаться, — подтвердил Хар-Хавола.

— Медузы с мозгами из мокрой грязи!

Херилак подобрал нож из небесного металла.

К огню шагнула Меррис. Уперев кулаки в бока и сверкая глазами, она оглядела охотников.

— Вы мальчишки, что объявили себя взрослыми и тут же обмочились от страха. Говорите прямо: вы боитесь мургу. И лучше забудете Керрика и будете есть одну рыбу. Чтоб ваши тхармы утонули в морской воде и никогда не поднялись на небо!

Раздались гневные крики.

— Зачем ты так? При чем тут тхармы? — недовольно отозвался Херилак.

— Я сказала и не стану брать назад своих слов. Если вы, охотники, считаете, что у нас, глупых баб, не может быть тхармов — почему я должна беспокоиться о ваших? Ты уходишь утром?

— Да.

— Со своим саммадом?

— Да, мы все обсудили — они согласны.

— Твои мастодонты умнее этих саммадаров. Я пойду с тобой.

Херилак признательно кивнул.

— Согласен. — Он ухмыльнулся. — Сильный охотник никому не помеха.

— Охотник, но и женщина — не забывай этого, саммадар.

Все было сказано, и оставаться у огня было незачем. Пройдя мимо темных горок шатров, Меррис вышла на

лут к стреноженным мастодонтам. Старая самка Дооха, заслышав шаги хозяйки, задрала хобот и принялась, потом забурчала, приветствуя Меррис, и принялась ощупывать ее кончиком тяжелого хобота. Меррис ласково похлопала по волосатой шкуре.

— Знаю, ты не любишь ходить по ночам, но на сей раз путь будет недолгим. Стой-ка смирно.

Меррис решила уйти задолго до разговора у костра. Она разобрала шатер, привязала его и прочие пожитки к шестам травойса. Дооха ворчала, но не противилась хозяйке. Узнав, что Херилак уходит, Меррис сразу же начала собираться. Пусть эти саммады торчат у реки, пусть жиреют на своей рыбе. Она уйдет на юг с саммадом Херилака. Хорошо снова путешествовать, к тому же ей нравилась Малаген. Меррис не о ком было заботиться — и никто не заботился о ней. Подогнав Дооху, впряженную в травойс, к шатрам, Меррис привязала ее к дереву и отправилась к костру Херилака. Заметив ее, Малаген радостно заулыбалась.

— Ты тоже пойдешь с нами?

— Пойду. Здесь все провоняло рыбой.

Малаген нагнулась и зашептала:

— И не ты одна. Алладжекс Фракен тоже уходит с нами. Это очень хорошо.

Меррис громко фыркнула.

— Старый Фракен. Лишняя обуза. Только зря чужую еду переводит.

Малаген разволновалась.

— Но это же алладжекс. Он всем нужен.

— Алладжекс нужен, а не этот пустомеля. Я позабыла больше лечебных отваров, чем он умел готовить. Его не сравнить с вашими мандукто. Те мудры и умеют вести за собой. А этот стар и глуп. Скоро он умрет, и парень-без-имени займет его место.

— А разве неправда, что Фракен умеет читать будущее по совиным шарикам?

— Кое-кто верит в это. А я думаю, какая польза в шкурке и костях мышей. Я и без них предскажу будущее.

— А ты умеешь?

— И тебя научу. Херилак не сказал, но знай: Нивот оставит ваш саммад еще до рассвета.

— Да хранит тебя Кадайр. — В широко открытых глазах Малаген отражалось пламя костра. — Ты ведь не была здесь, ничего не слышала — Нивот только что забрал свой шатер.

Громко расхохотавшись, Меррис хлопнула себя по бедру.

— Я знала об этом. Нужно было только немного пошевелить мозгами. Раз мы идем искать Керрика, значит можем найти и Армун, убежавшую к нему из саммада. Она тогда ударила Нивота кулаком по лицу и сломала ему переносицу, потому у него такой кривой нос. И он вовсе не горит желанием встретиться с ней. Было бы неплохо увидеть его спину.

— Значит, ты все знаешь о саммадах? А мне расскажешь?

— Я знаю не все, но достаточно.

— Ты поставишь здесь шатер?

— Не сегодня. Все собрано, уложено на травойс и готово к отбытию.

— Тогда иди спать в мой шатер.

— Нет, это шатер твоего охотника Невасфара. А в шатре должна жить только одна женщина. Лягу у костра. Не впервой.

К утру костер угас, угли остыли, но ночь была теплой. Меррис лежала, завернувшись в шкуры, и смотрела, как утренняя звезда тает в розовой полоске над океаном.

Она уже поднялась и привязала шесты травойса, когда из шатров начали вылезать остальные.

— Эй, Херилак, будете спать до полудня, далеко не уйдете, — сказала она, едва саммадар вышел из шатра и стал приноживаться.

Тот нахмурился.

— Твой язык зол с самого утра, Меррис.

— Мой язык говорит правду, великий саммадар. Правда, что Фракен пойдет с нами? Прежде он не любил Керрика...

— Он тепло любит. И здешней зимы боится.

— Понимаю. Далеко ли пойдем?

— Сегодня дойдем до речушки, возле которой уже стояли. А если ты спрашиваешь, далеко ли придется

уйти, чтобы отыскать Керрика, — отвечу: пройдем столько, сколько потребуется.

— К городу мургу?

— Если придется. Я чувствую — он где-то там.

— Я уже много дней не ходил туда, — сказал Керрик, стараясь казаться спокойным.

— Это неважно, — ответила Армун. — Ты — охотник, а охотник волен идти, куда вздумается. Ходи туда хоть каждый день. Но Арнхвит останется со мной.

Усевшись в тени раскидистого дуба, Керрик смотрел через поляну на воду.

Остров оказался великолепным. Оба шатра надежно скрывали деревья. Охота была отменной. За пресной водой не нужно было даже ходить. Утки; рыбу хоть рукой бери. Ягодами остров прямо усыпан. Армун и Даррас ходили за грибами и корешками и всегда возвращались с полными корзинами. Все чувствовали себя хорошо, малышка подрастала. Даже привычно ворчавший Ортнар как будто поздоровел. Счастью Армун мешал только Надаске', и она не собиралась мириться с его присутствием. Почему-то кроме Армун его никто и не видел. Для нее он был словно болячка, с которой она все время срывала корочку.

— Он же не причинит мальчишке вреда, — уже в который раз объяснял Керрик. — Арнхвит же сам хочет.

Керрик смотрел на сына. Всякий раз, когда родители ссорились, тот убегал к Харлу. Проследив за направлением его взгляда, Армун постаралась взять себя в руки.

— Ты думай о том, чего я хочу, а не он. Вырастет каким-нибудь не таким: наполовину тану, наполовину мараг. Как...

— Как я, — с грустью закончил Керрик. — Ни то ни се.

— Я вовсе не это хотела сказать... а может быть, именно это. Ты же сам говоришь, что и мараг из тебя не вышел, и охотника не получилось. Прошу тебя, пусть хотя бы он вырастет охотником.

— Он и так будет великим охотником — ведь его воспитывали не мургу, как меня. Не бойся. Но уметь с ними говорить, уметь понимать их — это же так важно! Мы с ними живем под одним небом, и среди тану лишь я знаю пути мургу. Когда он вырастет, нас будет двое, умеющих разговаривать с ними.

Керрик видел, что ему не убедить жену. Однако он снова и снова пытался это сделать, чтобы она наконец поняла: несчастный самец не должен быть преградой между ними. Но она не хотела его понять — или же не могла.

Взяв хесотсан, он встал.

— Пойду поговорю с Надаске', вернусь до темноты. — Армун резко повернулась к нему. — Арнхвит пойдет со мной. И не спорь.

Он повернулся и торопливо отошел от костра, чтобы не слышать ее возражений.

— Возьмем с собой Харла, — радостно проговорил Арнхвит, потрясая своим копьем.

— Что скажешь, Харл?

— Вы рыбачить или охотиться?

— Как получится. Но сначала поговорим с Надаске'.

— Да вы ж не говорите, трясетесь и булькаете, — еле сдерживая раздражение, сказал юноша. — Без вас поохочусь.

Керрик посмотрел вслед Харлу. С каждым днем парень все больше становился охотником. И чересчур верил горестным откровениям Ортнара. Надо бы ему поменьше слушать калеку.

Здесь хорошо, безопасно и сытно, но как-то нерадостно. Керрик чувствовал себя виноватым, но ничего не мог поделать с собой. Как там Надаске'? Керрик так давно не видел его.

На небо медленно напозлали тучи, в воздухе запахло грозой. На севере скоро начнут падать листья, закружатся первые снежинки. Здесь же только ночи станут прохладнее — и больше ничего не изменится.

Тропа спускалась к болоту. Местами оно было глубоким — и Керрику пришлось нести Арнхвита на плечах. Через маленький пролив они переплыли к другому острову. Арнхвит пронзительно выкрикнул призыв слушать говорящего, и Надаске' появился из своего убежи-

ща. В его движениях была радость от предвкушаемого разговора.

— Тому, кто слышит лишь голоса волн, речи друзей кажутся песнями.

— А что это — песня? — спросил Арнхвит, повторяя движения Надаске'.

Керрик начал объяснять, но умолк: он взял сюда Арнхвита, чтобы тот учился и слушал, и не нужно ему мешать.

— Значит, ты никогда не слышал песен? Должно быть, я еще не пел при тебе. Вот эту любил петь Эсетта.

И, взволнованный воспоминаниями, самец запел хриплым голосом:

Молодым я иду на пляж —
и возвращаюсь.
И второй раз иду, уже постарев,
вернусь ли?

Но в третий раз...

Надаске' внезапно умолк и невидящим взором уставился на воду, погрузившись в воспоминания.

Керрику уже приходилось слышать эту песню в ханане, где были заточены самцы. Тогда он ее не понял. Но теперь он знал, как на пляжи приходит смерть.

— Там что — плавают и тонут? — спросил Арнхвит, подметивший тоску в песне, но не понявший ее причины.

Надаске' быстро взглянул на мальчика и промолчал.

— Ты сыт? — спросил Керрик. — Если тебе надоела рыба, я принесу мяса... — и умолк, осознав, что самец не слышит его.

Арнхвит подбежал к Надаске' и дернул его за один из больших пальцев.

— Ты не допоешь песню?

Опустив голову, Надаске' промолвил:

— Это очень грустная песня... Не надо было мне начинать ее. — Высвободив палец из ладошки мальчика, иилане' посмотрел на Керрика. — С тех пор как я здесь поселился, чувство это все растет. Что со мной будет? Почему я здесь оказался?

Тоска мешала ему говорить, но смысл был понятен.

— Ты здесь потому, что мы с тобой эфенселе и я привел тебя сюда, — встревоженно ответил Керрик. — Не мог же я бросить тебя одного.

— Может быть, так было бы лучше. И я бы умер вслед за Имехей. Два — это что-то, а один — ничто.

— Но мы-то здесь, Надаске'. И мы трое — эфенбуру. Арнхвита нужно многому научить, и это можешь сделать только ты.

Надаске' шевельнулся и задумался над этими словами. Когда он заговорил, в его словах и жестах уже не было печали.

— Верно говоришь. Правда, эфенбуру очень маленькое, нас только трое, но это во сто крат лучше одиночества. Придется подумать и припомнить другую песню, повеселее. Должна быть и такая.

И он задвигался всем телом, вспоминая забытые слова...

Глава тринадцатая

*Efendasi'esekeistaa
belekefeneleiaa, deenke'deedorog
beleksorog eedeninsu.*

*Дух Жизни, Эфенелейаа, есть
высшая эйстаа Города Жизни,
и мы его обитательницы.*

Третий принцип Угуненапсы

Неторопливо шагая среди деревьев по залитой солнцем тропке, Энге наслаждалась покоем. Тяжелые испытания, перенесенные ею, ушли в прошлое, оставив воспоминания о жестокости и смерти. Настоящее было теплым и светлым, и будущее казалось лучезарным. И когда она вошла на амбесид, чувства эти отражались в ее походке и в движениях тела. И все, кто там был, обрадованно зашевелились.

— Разделяем твои мысли, Энге, — сказала Сатсат. — Мы видим, что они просто прекрасны.

— Не прекрасны, а просты. И пусть они согреют вас, как меня согрело солнце. Поглядев на город, я поняла, как далеко мы ушли. Подумайте — и разделите мою радость. Первой была Угуненапса, и она была в одиночестве. Она творила — и восемь принципов ее преобразили мир. Потом пришло время, когда иилане' поверили ее слову, но мало их было, и они потерпели за свою веру. Многие из наших сестер умерли. Были дни, когда всем нам казалось, что смерть неизбежна. Но вера в Угуненапсу не оставляла нас, и теперь мы живем в мире, созданном нашей верой

Прекрасен наш город, и мы трудимся в ладу и согласии, а те, кто добивался нашей смерти, остались далеко и не ведают о нашем существовании. И собравшись здесь этим утром, чтобы утвердить нашу веру, мы видим: все вокруг доказывает ее истинность. Между пальцами Угуненапсы обрели мы здесь мир и покой.

Все дружно обратили взгляды к месту эйстаа, и Энге подняла вверх два сомкнутых пальца.

— Мы все между ее пальцами, — произнесла она, и все последовали ее примеру.

Такая церемония сложилась сама собой и очень нравилась сестрам. Те, кого избрали руководить городскими работами, каждое утро сходились на амбесиде, чтобы обсудить планы на день. Это был привычный для всех городов иилане' ритуал. И хотя место эйстаа оставалось пустым, сестры собирались перед ним.

Как-то, услышав пересуды сестер на эту тему, Энге объяснила им, что место эйстаа вовсе не пусто, что это место Угуненапсы. Эфенелейаа, Дух Жизни, и есть истинная эйстаа нового города, которая незримо правит на амбесиде. Теперь, собираясь, сестры с уважением смотрели на пустовавшее возвышение, уже не являвшееся для них пустым.

Спокойный ход церемонии был нарушен возгласом Фар<, привлечшим всеобщее внимание. Но прежде чем она успела заговорить, вмешалась Элем.

— Срочное дело, необходимость говорить первой. Урукето голоден. Я должна вывести его на несколько дней в океан, чтобы покормить.

— Отправляйся сегодня, как только мы закончим, — приказала Энге.

— Мое дело тоже важно, — возразила Фар<. — И его следует обсудить до отбытия урукето.

— Нет, — твердо ответила Элем, — здоровье и безопасность огромного существа требуют срочности и не допускают споров.

— Великолепное замечание. Мудрые слова, — вмешалась Амбаласи, медленно приближаясь к стоявшим на амбесиде. — Мне уже случалось отмечать, что расположенность к долгим спорам зачастую перевешивает потребности жизни.

Она прошла мимо и уселась на прогретую древесину места эйстаа, сделав вид, что не замечает сердитого ропота Дочерей. Она знала об их предрассудках и теперь наслаждалась, устроившись, образно говоря, на коленях Угуненапсы.

— Вот об этой неверной я и хотела вести речь, — вознегодовала Фар<.

Потрясенное молчание охватило присутствующих; гребень Амбаласи дернулся и налился кровью. Но прежде чем она успела открыть рот, вмешалась Энге, стараясь предотвратить очередной поединок.

— Амбаласи вырастила этот город, и ему дано ее имя. Ты не имеешь права говорить с ней в столь оскорбительном тоне.

— Причин достаточно, — грубо ответила Фар<. — Я все взвесила. Не думайте, что я говорю в запальчивости. Дождливый день вчерашнее солнце не греет — нечего превозносить прошлые победы перед лицом будущих неудач.

— Если в этих намеках скрывается хоть капля резона, выкладывай, — заговорила Амбаласи, сопровождая слова оскорбительными жестами. — Сомневаюсь, однако...

— Это верно. — Большие глаза Фар< вспыхнули гневом. — Ты во всем сомневаешься. Уселась перед нами на место Угуненапсы, хочешь показать, что считаешь себя выше ее. Куда тебе до нее. Ты действуешь против ее воли. Ты увезла отсюда сорогетсо, в которых она видела наше будущее!

— Сорогетсо, Дочь Противоречия, не принадлежат к числу сестер и не будут ими.

— Но ведь они были нашей надеждой. Их эфенбуру элинийил должны были породить новых Дочерей, но ты помешала...

— Первое истинное утверждение среди пустых слов!

— Так не должно быть. Верни их. Я разговаривала с экипажем урукето, и никто не знает, где ты их высадила. Ты должна сказать нам.

— Никогда!

— Значит, ты обрекаешь нас на смерть!

Воцарилась гробовая тишина, и лишь на Амбаласи не произвела впечатления сила эмоций Фар<.

— Довольно с меня твоей настырности и оскорблений, о Нинпередапса. Уходи.

— Ты не смеешь отдавать мне приказы. И тебе не избежать ответственности за свои злодеяния. Смерть, сказала я, смерть и ждет нас. Все мы умрем однажды, как и все живое. Но когда умрет последняя из нас — умрет и весь город, а с ним и слова Угуненапсы, и память о ней. Ты губишь нас. Ты отнимаешь у нас будущее.

— Слишком сильные слова для такой дохлятины, как ты. — Амбаласи смягчилась. Ей начало нравиться это состязание — слишком уж спокойной стала здешняя жизнь. — Это Угуненапса обрекла Дочерей Жизни на смерть, лишив их братьев. Но я не придираюсь к недостаткам вашей философии. Кто скажет мне, согласно какому из принципов Угуненапсы необходимо искусственно разводить сорогетсо для ваших целей? Я немедленно признаю свою ошибку, если кто-нибудь меня переубедит.

Фар< открыла рот, но Энге шагнула вперед и встала между спорщиками.

— Говорить буду я. Хотя грубость Фар< причиняет мне боль, я благодарна ей за то, что она вновь подняла проблему. Благодарю я и великую Амбаласи, напоминающую нам, что решение следует искать в словах Угуненапсы — это истинная правда. Если там не окажется ответа — проблема не найдет решения. Но такое немыслимо. Мудрость и вдохновение, породившие восемь принципов, позаботились и об их будущем. Ищи ответ — и ты найдешь его.

— Я уже искала и нашла, — ответила Фар<. — Я только просила Амбаласи спасти нас. Но Амбаласи — вестник смерти, она не поможет нам. Отвратим же от нее свои взоры и обратим их к Угуненапсе. Обратимся к восьмому принципу, Дочери Жизни, ибо на нас возложена важная задача, от нас все должны узнать о Духе Жизни и о праведном пути. И как в прежние времена, мы должны вернуться в города иилане', чтобы провозгласить всем нам известные истины...

— И умереть заслуженной смертью, — добавила Амбаласи, сопровождая слова презрительными жестами. — Когда я привезла вас сюда и подарила вам этот

город, где никто не мучает и не убивает вас, вы называли меня спасительницей. Вы забыли об этом — хорошо, не буду напоминать. Только попрошу, чтобы Нинпередапса, разрушительница и спорщица, которая прежде звалась Фар<, первой отправилась в города Энтобана.

Фар< выпрямилась и жестом дала понять, что принимает любые упреки.

— Я так и сделаю. — Она повернулась к Элем с вопросительным жестом. — Ты отвезешь меня к городу иилане', где я могла бы проповедовать речи Угуненапсы? Меня и тех, кто верит мне?

Элем нерешительно помолчала и, обратившись к Энге, потребовала наставлений. Та, как всегда, приняла на себя новую ответственность.

— Требование твое нельзя отвергнуть, но нельзя и немедленно выполнить. Необходимо подумать, обсудить...

— Почему? — грубо перебила ее Фар<. — Все мы равны и свободны. Чтобы воспрепятствовать мне, тебе потребуется взять в свои руки власть эйстаа, распоряжающейся всеми. Это невысказано...

— Нет! — ответила Энге с жестами покорности и внимания. — Что невысказано — так это твоя грубость и оскорбительное отношение к создавшей все, чем мы обладаем. Мы обдумаем твои слова — в них кроется глубокий смысл. А пока я приказываю тебе молчать, как того требует обычай утренних собраний.

— Ты не заставишь меня умолкнуть и повиноваться. Ты сказала, что обдумаешь все, — так думай же. Я ухожу, потому что не желаю здесь более присутствовать. Но завтра я приду в это же время, чтобы узнать результат твоих размышлений.

С этими словами Фар< направилась к выходу в сопровождении приспешниц. Воцарившееся молчание нарушали только жесты неодобрения и отчаяния.

— Если бы я присутствовала при ее рождении, то раздавила бы ее прямо в воде, — спокойно, но с чувством произнесла Амбаласи.

Энге сделала жест печали и усталости.

— Амбаласи, не говори так. Ты пробуждаешь во мне чувства, которых потом придется стыдиться.

— Да ты сама будешь рада, когда она уберется отсюда. Ведь это же ясно.

— Но она говорила правду.

— И вызвала ночь среди ясного дня, — отозвалась Сатсат. Присутствующие согласно зажестикულიровали. — Если она хочет уйти, пусть даже на смерть, — это ее право.

Одобрив сказанное, иилане' зажестикულიровали быстрее.

— Этого не следует делать, — вдруг сказала Амбаласи, изумив всех. — Уж кто-кто, а я буду счастлива видеть, как ее гребешок затеряется в морской дали, — но это будет смертельно опасной ошибкой. Подумайте дважды, прежде чем оповещать мир иилане' о существовании нашего города. Они отберут все, что мы создали.

— Понимаю твою озабоченность, — ответила Энге, — и благодарю тебя за это. Но мы никогда не стремились спрятаться. Мы живем здесь и останемся жить. Нам нечего бояться. Не в обычае иилане' — об этом даже трудно подумать — являться в чужой город иначе как с миром.

— В нормальных, так сказать, обстоятельствах, ты была бы права. Но Дочери Жизни угрожают власти любой эйстаа. Где, в каком городе, ваше присутствие и проповеди терпели? Назовите мне его эйстаа! Ваши жесты красноречивее слов — нигде и никогда. На севере немало городов, которым угрожают наступающие с севера холода. Если хоть в одном из них узнают про нас — кто не захочет занять пустой город?

— Но этот город не пустой.

— Для эйстаа он пуст — потому что здесь нет эйстаа. И будь я эйстаа, то, обнаружив его, безотлагательно принялась бы наводить порядок в здешнем хаосе. — Амбаласи повысила голос, стараясь перекрычать ропот неодобрения. — Я говорю вам то, что стала бы делать эйстаа. Бойтесь этой сомнительной поездки. Сюда придут не новообращенные, а враги. Я вас предупредила.

— Мы благодарим тебя, Амбаласи, — сказала Энге. — Но если Фар< и ее сторонники собираются покинуть город, мы не можем воспрепятствовать. Мы не можем приказать им остаться. Их требование следует рассмотреть, как и любое другое. Как еще нам

добиться, чтобы слова Угуненапсы не умерли с нами? Исследуйте восемь принципов, прошу всех. Необходимо отыскать решение.

— Прежде чем вернется урукето, — добавила Амбаласи. Она посмотрела на Элем. — Мой тебе совет: отправляйся немедленно и не возвращайся, пока животное не наестся досыта.

Ответив жестом согласия, Элем направилась к выходу. Амбаласи последовала за нею и, выйдя с амбесида, спросила:

— Сколько дней на это уйдет?

— Три, самое большее — четыре, в зависимости от того, как будет ловиться рыба.

— Пусть будет семь. Если через шесть дней вопрос не будет улажен, он не будет улажен никогда. Фар< не собирается умирать ради нас.

И действительно, каждое утро Фар< с приспешницами являлась на амбесид и задавала собравшимся вопрос: «Открыли восемь принципов ответ или нет?». Пять дней на этот вопрос ответом было молчание. Тогда она задавала второй вопрос: «Вернулся ли урукето?». Потом уходила.

Амбаласи не посещала эти грустные сборища — если решение найдется, то она немедленно узнает о нем. Она спокойно изучала и описывала собранные образцы. Только на шестой день, едва встало солнце, она отправилась на амбесид и вновь решительно заняла место эйстаа.

— Решение найдено? — спросила Амбаласи.

В отрицательном жесте Энге сквозила глубокая печаль.

— Оно не дается нам.

— Естественно — потому что его не существует. Значит, вы позволите Фар< уйти?

— Мы не можем остановить ее.

— Посмотрим.

На амбесиде показалась Фар< со своими подругами. Их было много: намерения Фар< многих воодушевили. Амбаласи задержалась от отвращения, а Фар< стала перед ними и вновь спросила:

— Найден ли ответ среди восьми принципов?

С нескрываемым высокомерием она оглядела каждую из безмолвствовавших иилане'. Но едва она начала говорить, Амбаласи перебила ее:

— Ответ есть — да и нет.

— Я не буду говорить с тобой и слушать твои речи — ты не из числа верных.

— В твоих словах ничего нового нет: не стоит и думать над ними. А вот меня тебе выслушать придется, ведь твоя судьба зависит от моего решения.

Фар< стала отмахиваться — не желаю видеть, не желаю слышать. Вмешалась Энге.

— Прошу прощения за грубость и бестактность этой сестры. О каком решении ты говоришь, Амбаласи?

— Завтра возвращается урукето.

— Значит, отплываем, — твердо заявила Фар<.

— Нет! — отрезала Амбаласи. — Напоминаю — урукето принадлежит мне, я его увела из города и распоряжаюсь им. Кто-нибудь возражает?

Как всегда все в ожидании повернулись к Энге. Подумав немного, та ответила:

— Пусть будет так, как говорит Амбаласи. Она по своей воле пришла к нам в заточение, помогла нам бежать и сделала все, чтобы мы покинули тот город печали на урукето. Она привела его в эти края и вырастила для нас город жизни. Мы пользовались урукето, но только с ее разрешения...

— Нет! — выкрикнула Фар<. — В таком случае она становится нашей эйстаа, а у нас не может быть эйстаа.

— И урукето, — злорадно добавила Амбаласи. — Повинуйся мне, иначе останешься в городе. Ты, Фар<, чересчур молода, горяча, пуста и тщеславна — возможно, остальные не согласятся со мной. Но делай, как я говорю, покорись — или же сама плыви через море в Гендаси. Путь далек даже для такой упрямщицы, как ты.

Откинувшись на теплое дерево, Амбаласи с наслаждением окунулась в излучаемую Фар< ненависть.

Глава четырнадцатая

Как всегда Энге постаралась примирить воюющие стороны.

— Угуненапса учит нас жить в Городе Жизни. И у Амбаласи здесь не меньше прав, чем у тебя, Фар<. А во всем прочем она несравненно выше тебя: и в познаниях, и в умении, и в трудах, положенных во благо Дочерей Жизни. Здесь она много выше меня и уступает одной лишь Угуненапсе, родительнице истины. Мы оказались здесь и вырастили наш город только потому, что она руководила нами. И тобой тоже, Фар<. И все, что ты еще сумеешь сделать, станет возможным лишь потому, что Амбаласи освободила тебя. Я не требую от тебя благодарности, просто напоминаю об этом.

Фар< еще не остыла.

— Теперь я еще и тебе обязана повиноваться, Энге? Ты тоже моя эйстаа?

Энге оставалась невозмутимой.

— Я хочу, чтобы ты поняла лишь одно. Согласна ли ты, что именно Амбаласи освободила тебя?

Нерешительно помолчав, Фар< сделала скупой утвердительный жест.

— Вот и хорошо. И не забывай этого. Амбаласи всегда помогала нам — будет помогать и впредь. И если она желает обсудить с тобой условия, на которых одолжит тебе урукето, будь любезна хотя бы выслушать ее. Ты можешь отвергнуть ее предложение, но сперва выслушай. Согласна?

Фар< опустила глаза и глубоко задумалась, а когда вновь посмотрела на иилане', от гнева не осталось и следа.

— Только рвение мое, только желание говорить иилане' слова Угуненапсы, дабы не забылись они вове-

ки, позволили гневу овладеть мною. И за это я прошу прощения у тебя, Энге, и других Дочерей Жизни. — Она показала на Амбаласи. — Но я не буду просить прощения у этой неверной, вы меня не заставите.

— Мне не нужны твои извинения, мерзкая! Говорят, какова иилане', таковы и враги ее. Надеюсь числить тебя среди врагов. Я погибла, если тебя будут считать моим другом. Ну так как, выполнишь ты мои указания?

— Выслушаю, — прошипела в ответ Фар<.

— Разумное заявление. — Махнув рукой на Фар<, Амбаласи обратилась к остальным: — Поговорим теперь об истории, об ее влиянии на будущие события. Все вы когда-то были неверными. И когда такие, как Энге, говорили с вами, вы просвещались и обретали веру. Так я говорю? — Амбаласи кивнула в ответ на жесты согласия. — Так становятся Дочерьми? Где это случилось с тобой, Энге?

— Мое обращение произошло в городе Инегбане, где великой учености иилане' по имени Эссокел говорила со мною.

— В городе?

— Да, конечно.

— Ну, а вы, — Амбаласи обвела всех широким жестом, — все ли ознакомились с вдохновляющим учением Угуненапсы в городе?

Все ответили согласием, даже Фар< — с великим недоверием.

— Конечно же. Иначе и быть не могло. Все вы были иилане', иначе никто из вас не сумел бы понять ее аргументов. Но разве подобный путь обращения соответствует восьмому принципу Угуненапсы? Я усматриваю в этом различный подход.

Дочери зашевелились в изумлении, а Фар< ответила цветовыми сигналами, не допуская даже мысли о том, что эта неверная имеет право толковать принципы Угуненапсы. Только Энге молчала, слабо шевеля конечностями и хвостом в такт невысказанным мыслям. Амбаласи не сводила с нее глаз: движения Энге стали быстрее, и она широко раскинула руки от радости понимания.

— Как всегда великая Амбаласи просвещает нас своей ясной мыслью, и мы должны вознести ей хвалу и воздать высшие почести.

Фар< сделала отрицательный жест, остальные недоумевали. Амбаласи же явно была довольна таким признанием. Повинуясь сильному чувству, тело Энге судорожно задергалось.

— Амбаласи вновь обнаружила широту ума и глубину понимания, вновь показала нам, что постигла учение Угуненапсы. В нем есть любые ответы, но наша неискушенность не позволяет нам заметить их. Разве не восьмой принцип гласит, что мы, Дочери, должны поведать всем о Духе Жизни и о пути праведном? Почему же мы ограничиваемся собой?

Закончив, она просигнализировала желание услышать ответ. Среди общего удивления и задумчивости раздался голос Фар<.

— Ты решила проповедовать принципы Угуненапсы морским рыбам?

— Молчи, Фар<! — сказала Сатсат, гнев сделал ее движения резкими. — Своими речами ты позоришь и себя, и нас. Амбаласи ведет нас к истине, и она более предана учению Угуненапсы, чем ты со своими вечными отрицаниями. Все мы были уже иилане', когда узнали об Угуненапсе. И потому думаем только об иилане'. Но нельзя забывать про фарги. Они рвутся к знаниям, их пустые головы готовы наполниться учением Угуненапсы.

— Только великий ум может увидеть истины, скрытые от неспособных, — вставила Амбаласи с присущей ей скромностью. — И ты, Фар<, сделаешь вот что. Пойдешь к фарги и будешь учить их. Иди к ним на пляжи, пока они еще не вошли в город. Покорми их, они потянутся к тебе, а затем расскажи им об Угуненапсе, о том, что они будут жить вечно. Сумеешь их убедить — вот тебе и обращенные. Если будешь держаться подальше от города, тебя никто не тронет. А фарги нет числа, их никто никогда не хватит. Соглашайся — и урукето отвезет тебя к городским пляжам.

Принимая похвалы как должное, Амбаласи прислушивалась к оживленной дискуссии. Но одним глазом она следила за Фар<, и скоро Энге заметила это. Потребовав знаком внимания, она повернулась к Фар<.

— Ну, что скажешь? Поведает ли ты фарги правду об Угуненапсе?

Все примолкли, ожидая, какотреагирует известная спорщица. Она подняла голову и решительно начала:

— Я не ошибалась... но, должно быть, переусердствовала. Амбаласи открыла нам истину, и я благодарю ее за это. Я отправляюсь к фарги и буду говорить с ними. Наш город будет жить. И я еще раз благодарю Амбаласи за помощь.

В ее словах угадывался некий подтекст, но, казалось, Фар< говорила искренне. Обрадованная, переполненная счастьем Энге не обратила на это внимания. Мир восстановлен. Великое дело Угуненапсы будет жить вечно.

— Что еще прикажешь, великая Амбаласи? — спросила Энге как просительница, а не как равная.

Амбаласи приняла это как должное.

— Я выращу контейнеры для консервирования мяса. Когда они наполнятся, нам можно будет отправляться. Предлагаю, чтобы в урукето было поменьше проповедниц — останется больше места для обращенных. А когда мясо закончится и обращение свершится, урукето вернется назад. Город будет процветать — ведь за работу возьмутся молодые и сильные фарги...

— Ты сказала «нам», — перебила ее Энге. — Значит, ты тоже собираешься плыть на урукето?

— Естественно. Кто еще сможет распоряжаться лучше, чем я? Я истосковалась по речам, в которых не повторяют без конца одно и то же имя. А вы решите, кого еще послать. Предлагаю, чтобы сестер было не более пяти.

— Предлагаю... — возмущенно фыркнула Фар<.

— Приказываю — если тебе не нравится. Но я великодушна и незлопамятна. Ты и еще четверо твоих — кого хочешь. Ты поедешь с нами, Энге?

— Я должна остаться в городе и подготовить его для новеньких, хотя больше всего хочу сопровождать тебя. Сатсат, ближайшая моя, ты согласна поехать вместо меня?

— С радостью!

— Осталось трое, — заключила Амбаласи и, потянувшись, пошла прочь. — Я сообщу, когда настанет время отправляться, — обернулась она на ходу.

Величественным шагом она шествовала по городу, выращенному ее руками, названному ее именем. Впрочем, шла она медленно, понимая, что причиной тому не просто усталость. Она была стара и теперь часто в моменты спокойной задумчивости ощущала, что физические силы на исходе. Скоро придет конец — может быть, не завтра, но завтрашнее завтра, глядишь, наступит без нее. Следовало еще многое сделать, пока не свершилось неизбежное.

Когда она пришла в лабораторию, Сетессеи занималась образцами, но сразу бросила все дела и застыла в ожидании указаний.

— Надо вырастить контейнеры.

Амбаласи достала несколько высушенных яиц. Потом отыскала все необходимое и протянула помощнице.

— Для роста — питательная жидкость, потом заполни их мясом. Но сначала принеси угункшаа и запоминающего зверя.

— Какого?

— Какого-нибудь из пустых — я хочу сделать новую запись.

— Тут есть такой — в нем твои ранние заметки об океанических течениях и южных ветрах. И описание открытий.

— Давай его сюда. Это мне и нужно. Пустых мест не должно оставаться. Только сообщения об исторически важных свершениях.

Угункшаа, зверь, преображенный иилане', восседал перед Амбаласи, сверкая огромной органической линзой. Сетессеи установила рядом запоминающего зверя и осторожно вставила один из выростов, выступавших над почти атрофировавшимися глазами, в складку на боку говорителя памяти. Она подстроила прибор, и на линзе замелькало черно-белое изображение, послышался неразборчивый голос. Звуки и изображение пропали, когда на приборе открылся второй глазок поменьше и уставился на Амбаласи.

— Говори, — сказала Сетессеи. — Он будет слушать и запоминать.

Отпустив помощницу, Амбаласи собралась с мыслями и начала говорить. Каждое ее движение, каждое

слово запечатлевалось в мозгу запоминающего животного.

— Сначала я расскажу о морских течениях, которые привели меня к этой новой земле...

— Довереннейшая моя Сетессеи останется с вами, пока я буду отсутствовать, — сказала Амбаласи. — Хотя она не равна мне, но о городе знает все, помогала растить его и умеет лечить раны, которые твои неуклюжие сестры получают на каждом шагу.

— Благодарность-многократная-огромная, — ответила Энге. — Все ли готово?

— Почти все. Сегодня закончат консервировать мясо. Когда пузыри погрузят, можно отправляться. Лучше всего с утра — мне нужно понаблюдать за течениями: как они идут на север и где исчезают. Надо собрать старые карты и те, что сделала я. И еще я хочу увидеть город Алпеасак, о котором ты столько мне говорила.

— Смерть и гибель в огне! Все иилане' мертвы, и повсюду одни устузоу с острыми каменными зубами в лапах — и в рощах, и на улицах.

— Тем не менее ты, Энге, и еще несколько сестер уцелели.

— Горстка оставшихся в живых Дочерей Жизни бежала на урукето, они все теперь здесь. Уцелела капитан и ее экипаж. И та, чье имя я не хочу произносить. Был еще самец — я не знаю, как его зовут — и с ним ученая Акотолп.

— Акотолп! Жирная и круглая, как речной уторь.

— Она самая.

— И где же она теперь?

— Неизвестно. Мы оставили урукето — я ведь рассказывала тебе, — чтобы избежать смерти от рук той, чье имя не называю.

— Надо бы осмотреть город. Может, устузоу уже покинули его. Течение уходит на север и так или иначе принесет нас прямо к берегам Энтобана. Проведем наблюдения, сверим карты.

...Они отправились в путь, едва рассвело. Урукето вышел из устья реки в открытое море.

Двоим членам экипажа было велено бросать в море нескхаков. Животные пытались нырнуть поглубже и скрыться, но их вытаскивали из воды за длиннющие выросты на хвостах. Когда температура менялась, изменялся и цвет их шкур. Амбаласи делала пометки на карте, потом нескхаков снова выбрасывали в воду.

Дочери-миссионерки проводили время в праздности и без конца рассуждали о восьми принципах Угуненапсы где-нибудь в уголке камеры, чтобы не услышала Амбаласи.

Путешествие оказалось приятным, было тепло, и все наслаждались. Вскоре мимо проплыл остров Манинле, потом похожие на драгоценные камни острова Алакас-Аксехент.

Все время уставшая Амбаласи почивала внутри урукето. Карты, старую и новую, объединили, работа завершена. Благодаря Амбаласи открытый мир стал намного больше. И после очередного свершения ученая с удовольствием отсыпалась.

Она проснулась, почувствовав чье-то прикосновение к руке. Над Амбаласи склонилась Элем.

— Ты приказала разбудить тебя, когда покажутся берега Гендаси.

— Уже?

— Берег затянули дождевые облака, но он рядом, можно не сомневаться.

— Иду. Помоги мне подняться. Все тело затекло от сырости и сна.

Сильные руки Элем помогли ученой подняться, и Амбаласи неторопливо направилась к плавнику и с трудом поднялась наверх. В раздражении она прогнала двоих иилане' из экипажа, которые буквально слетели вниз, спасаясь от ее гнева, и поманила к себе Элем.

— Ты уже бывала здесь? — спросила Амбаласи.

— Нет, но карты весьма точны. Теперь нам нужно только не сворачивать — цепь этих островов приведет нас к болотистым берегам континента. Алпеасак лежит чуть севернее.

Облака рассеялись, и теперь низкий берег был отчетливо виден вдаль. Песок, подальше лес. Элем взглянула на солнце.

— Мы будем там еще до темноты.

— Если у тебя есть какие-нибудь опасения, лучше останемся в море; помни об устузоу — Энге много рассказывала о них.

— Ужасные, непонятные и коварные.

— И вездесущие. Нужно быть осторожными.

— А может быть, и не нужно. — Элем прикрыла рукой глаза от солнца. — На берегу движение, лодки, урукето.

Амбаласи прищурилась, вглядываясь вдаль, но ничего не смогла различить. Только когда они подошли ближе, она все разглядела.

— Наблюдения величайшей ценности. Город снова принадлежит иилане'. Вон причалы, там урукето. Но пока не пойдем туда. Правь к берегу, прямо на пляж. Пусть миссионерки придут сюда. И принесите контейнеры с мясом.

Когда пятеро Дочерей поднялись наверх, Амбаласи показала на берег, на рощу высоких деревьев.

— Запомните место и число тен. Количество пальцев на обеих руках. Урукето будет здесь через тен дней. Мы заберем вас и тех, кому вы откроете путь. Прибой невысок, до берега доплыть нетрудно.

— А как же мясо? — спросила Фар<.

— Бросим в море, волны вынесут контейнеры на берег, и вы их соберете. Возвращайтесь через тен дней.

— А что если мы не успеем к этому времени?

— Я сделаю соответствующие выводы. Миссионерками я зову вас потому, что вы прибыли сюда с миссией: вы должны рассказать фарги о тех истинах, которые вам известны. Только прошу, постарайтесь убедить самых сильных и умных — в Амбаласокеи так много работы.

— А почему ты не присоединишься к нам? — подозрительно спросила Фар<.

— Нет, у меня есть дела поважнее. Помните — через тен дней. — Дождавшись, пока последняя из Дочерей погрузилась в воду, она вновь заговорила: — Отвези меня на причал и сразу же отплывай. Никому ничего не говори. А меня заберешь рано утром, когда начнется последний день тена.

Глава пятнадцатая

Амбаласи с огромным удовольствием сошла со спины урукето на истертую древесину причала. Одним глазом она проследила, как урукето уходит в открытое море, и мгновенно затерялась в портовой суете. Вокруг лежали широкие улицы, по ним бегали фарги, нагруженные свежей рыбой, мясом, какими-то тюками. В ароматном воздухе раздавались приказы и распоряжения.

— Великий город, деловой город... За целых тен дней я смогу сладко поесть и вволю наговориться, не слыша опостылевшего имени Угуненапсы. Даже не верится.

Она опустила к ногам небольшой контейнер и оглядела открывших рты фарги. Та, что стояла поближе, рта не раскрыла, и в глазах ее светился некоторый проблеск разума.

— Понимаешь-разумеешь? — медленно и четко произнесла Амбаласи.

Подняв ладонь, по которой побежали разноцветные волны, фарги дала понять, что понимает, потом добавила жестами: «Понимание и ожидание наставлений».

— Ты их получишь. Возьми-ка это. Следуй за мной.

Амбаласи пришлось повторить дважды, прежде чем фарги ответила цветами понимания и поспешила исполнить приказание.

Амбаласи шествовала по просторной улице — фарги с довольной миной шагала сзади — и наслаждалась городской суетой. Впереди показалась неторопливая цепочка фарги, которые тащили огромные куски мяса. Амбаласи пошла за ними, вожаденно пощелкивая зубами. Она поняла, как надоели ей эти вечные угри. То ли дело прохладное мясное желе. А еще лучше теплое свежее мясо.

Улица привела к просторному помещению, где принимали пищу. Амбаласи миновала довольно заманчиво выглядевший рыбный отдел — к нему всегда можно будет вернуться — и направилась прямо в мясную — под навесы, где обрабатывали свежее мясо.

Приподняв крышку на первом попавшемся баке, она извлекла из него ножку небольшого животного, немного полюбовалась ею — и недолго думая откусила большой кусок.

— Внимание к словам! — потребовал резкий голос, и Амбаласи, деловито жуя, обернулась. Шею у стоявшей перед ней иилане' покрывали многочисленные толстые складки, обвисшая кожа на руках была разрисована замысловатыми завитушками. — Положи мясо, старая. Я не знаю тебя. Это мясо для эйстаа.

При звуке грозного голоса фарги, стоявшая за спиной Амбаласи с контейнером в руках, задрожала и съежилась. Ученая знаком велела ей не бояться и успокоиться. Неторопливо прожевав и проглотив кусок, она приняла позу высочайшей перед нижайшей и гневно прошипела:

— Жирный золоченый жучок! Растопчу! Вонючий червяк из помойной ямы! Перед тобой высочайшая из высочайших — Амбаласи, эйстаа всей науки, разум всего мира, мои возможности беспредельны. Я могу обречь тебя на смерть за дерзкие речи. Сейчас я подумаю об этом.

Ее движения были так убедительны, что фарги вокруг с визгом бросились врассыпную, а та, что держала контейнер, тряслась и стонала, зажмурившись. Толстая иилане' попятилась, открыв рот, шкура ее побледнела от такого отпора. От страха она плохо соображала и не могла говорить. Довольная произведенным впечатлением, Амбаласи откусила еще один кусок и, прожевав, проглотила.

— Одобряю трепет и уважение ко мне, — жестом показала она. — Величие великодушно, оскорбления забыты. Как твое имя?

— Муруспе... — выдавило вконец перепуганное создание.

— Скажи мне, Муруспе, кто эйстаа этого великого города, в котором подают такое вкусное мясо?

— Ее имя Ланефенуу. Она была эйстаа Икхалменетса до того, как Икхалменетс пришел в Алпеасак.

— Окруженный морем Икхалменетс пришел сюда? Я не знала.

— Настал зимний холод. Холодная белизна опустилась на город.

— В это нетрудно поверить. Слишком уж далеко на севере был ваш город. А теперь веди меня к Ланефенуу, я слышана о ней и почти за счастье познакомиться.

...Просторный амбесид купался в солнечном свете. Эйстаа, на руках которой переливались разноцветные узоры, привычно отдавала распоряжения и приказы. Приятное зрелище наполнило Амбаласи удовольствием. Подойдя поближе, она заговорила:

— Могущественная Ланефенуу, эйстаа Икхалменетса, пришедшего в Алпеасак, прими уверения в искреннем уважении от многознающей Амбаласи, что стоит сейчас пред тобою.

Ланефенуу сделала дружественный жест.

— Если ты и есть та Амбаласи, о которой я слыхала еще мокрой фарги, добро пожаловать в мой город.

— Разве могут в этом мире оказаться две столь прославленные иилане' под одним и тем же именем? Признаюсь. Я и есть та самая Амбаласи.

— Амбаласи! — раздался чей-то голос. Ученая обернулась и увидела знакомую фигуру. — Амбаласи, ты учила меня всем премудростям науки. Какое счастье вновь видеть тебя.

— Не сомневаюсь. Неужели это ты, стройная Укхереб, моя ученица?

— Это я. Посмотри, кто еще спешит к тебе.

— Такая фигура может принадлежать только Ако-толп. Эти ученые могут прославить твой город, ибо я их научила всему.

Их большие пальцы сошлись в знаке приветствия, и Ланефенуу приказала принести кресло поудобнее для престарелой ученой. Все присутствующие радостно шевелились: каждая слыхала о премудрой Амбаласи; а бесчисленные фарги, обступавшие иилане', дрожали от восторга, понимая, что свершилось великое событие. Тут заговорила эйстаа, и все умолкли.

— Как же ты попала в мой город?

— На урукето. Капитан повела его к северу, продолжать мои океанические изыскания, важность которых превыше всяких сомнений. — Поманив к себе фарги с контейнером, Амбаласи достала оттуда запоминающего зверя. — Здесь все факты, эйстаа. Потрясающие открытия, полностью изменившие привычные знания иилане' о мире. Ни в одном городе иилане' еще не знают об этом. И я счастлива, что Ланефенуу первой узнает обо всем, раньше, чем мои подруги ученые. Великой эйстаа, способной перевезти целый город через океан, подобает и великая честь.

Ланефенуу сделала благодарный жест. Этот день надолго запомнится всем.

— Отойдите назад! — приказала она. — Величайшая иилане' науки будет говорить со мной с глазу на глаз.

Повинуясь приказанию, все немедленно бросились врассыпную — толкаясь и спотыкаясь. Вот уже десять, двадцать, тридцать шагов отделяют эйстаа с Амбаласи от восхищенных иилане', окруженных кольцом фарги. Амбесид был переполнен, ибо все в городе хотели быть свидетельницами важного события.

Они видели, как Амбаласи передала эйстаа запоминающего зверя, как сблизилась их головы, но тихие голоса не позволяли истолковать значение жестов. Впрочем, скоро они все поняли: эйстаа встала, подняла запоминающего зверя высоко над головой и триумфально изогнула тело дугой.

Повинуясь разрешающему жесту, иилане' подошли ближе.

— Иилане' запомнят сегодняшний день и никогда не устанут о нем говорить. Мудрейшая из иилане' науки открыла мне это знание, а я открываю его вам. Мы не знаем еще, как велик наш мир. Мы пришли в Гендаси из Энтобана, на наших глазах обитаемый мир увеличился вдвое. Прежде мы знали только один континент и недавно обнаружили второй. А теперь слушайте и изумляйтесь. Великая Амбаласи обнаружила к югу отсюда третий континент, просторный и теплый. — Она обернулась к ученой. — Ты рассказала нам про новую землю, но не назвала ее имени. Сделаешь ли ты это теперь?

— Сделаю, ведь приказу эйстаа надлежит повиноваться, хотя скромность моя и протестует. Плывшая со мной на урукето иилане', увидев эти края, сказала: ты обнаружила этот континент и привела сюда урукето — значит, новая земля должна именоваться... узнала о нем прежде других иилане', потому она и... я прямо не решаюсь говорить... Амбаласокеи.

— Да будет так! Я, Ланефенуу, подтверждаю это, чтобы запомнили вовеки. Амбаласокеи, земля, открытая Амбаласи. Это действительно чудо.

Но удивление иилане' стало бы еще большим, сумей они проникнуть в тайные мысли Амбаласи, безмолвно наслаждавшейся триумфом. Она молча и неподвижно принимала почести. Если она умолчит кое о чем: о новом городе, о новой породе иилане' — ее ни о чем и не спросят, и все останется в тайне. Довольно с них и континента. Хватит радости на целый день.

По приказу эйстаа Акотолл вперевалку подошла к ней и взяла из ее рук запоминающее животное, осторожно ухватив его четырьмя большими пальцами. С разрешения Ланефенуу она и Укхереб поспешно удалились в лабораторию.

Амбаласи с облегчением посмотрела им вслед: место в истории обеспечено. Теперь слухи об ее открытии станут медленно передаваться от ученой к ученой, из города в город. Не быстро — так не принято у иилане', — но надежно. И однажды сюда приплывет кто-нибудь из ученых, послушает запись и отправится с вестью об открытии в Энтобан. Города, которым угрожает зима, заинтересуются, снарядят экспедиции. И однажды приплывут в ее город, в Амбаласокеи, пусть даже не при ее жизни, когда-нибудь... Уж сколько-то времени она подарит этим вздорным Дочерям. Хватит, чтобы решить их проблемы и — если возможно — позаботиться о будущем города.

Остаются сорогетсо, но они — совсем другое дело. Их будущее в ее руках, и она чувствовала серьезную ответственность. Как удачно сложилось, что она и обнаружила их, и увезла в безопасное место, подальше от городских соблазнов. Какой тяжелый груз взвалила она на свои широкие плечи!

Амбаласи блаженно улыбнулась и знаком велела фарги принести водяной плод.

И потекли безмятежные дни. Эйстаа позаботилась об удобствах Амбаласи и поведала историю героического исхода из Икхалменетса, рассказала о битве за город и о последующей долгой войне. Случайно упомянув имя Вейнте', Амбаласи вызвала такое раздражение Ланефенуу, что впредь не осмеливалась поминать его в присутствии эйстаа.

Она поговорила с обеими учеными и похвалила их, когда те рассказали о своем биологическом оружии.

— Великолепная работа. Город принадлежит иилане', а значит, вы обязаны были прогнать наглых пришельцев. И вы правы: Вейнте' не следовало преследовать их и пытаться уничтожить. Пусть это вредный, даже смертельно опасный вид, но, как любой вид живых организмов, они вправе рассчитывать на собственное место в мире. И как всякое загнанное в угол животное, они отчаянно сопротивлялись. Два урукето погибли, Вейнте' с позором прогнали. Ужасно. Но получен урок, и надеюсь, он всем пойдет впрок. Попытка истребить другой вид несет в себе семя самоубийства.

Ученые жестами выразили согласие со сказанным. Больше отвратительную историю обсуждать не стали и с удовольствием обратились к более приятным вопросам: обсуждению биологических открытий Амбаласи и связи открытых ею видов с имеющимися в Гендаси. Это было куда более плодотворное занятие.

Дни летели за днями. Вкусная пища для тела, изысканное питание для ума. Ланефенуу настаивала, чтобы Амбаласи осталась, Укхереб и Акотолп тоже, но Амбаласи была непреклонна.

— Пребывание в Алпеасаке — просто наслаждение. Но работы мои еще не закончены. Я с каждым днем старею, дней для труда остается все меньше. А я должна все закончить. Работа движется. На урукето измеряют температуру воды, и скоро он вернется. И я уплыву вместе с ним.

Она уже поднаторела во всякого рода неопределенностях. Прошло девять дней, урукето вернется наутро, и она покинет город. Визит был очень приятным.

Однако удовольствие оказалось недолгим. Праздную беседу ученых вдруг нарушили крики и страшный шум, доносящийся с амбесида. Не успели они поинтересоваться, что случилось, как явилась вестница. Некая-нибудь фарги, а Муруспе собственной персоной. Запыхавшись, эфенселе Ланефенуу едва выговорила:

— Требуется присутствие... необходимость движения... сильное желание.

Расталкивая путавшихся под ногами фарги, они добрались до центра амбесида, где сидела эйстаа. Высокая иилане', стоявшая рядом, крепко держала за руки низкорослую и тощую. Ее фигура показалась Амбаласи печально знакомой.

— Погляди-ка! — рывкнула Ланефенуу. — Погляди-ка, кого поймали на берегу.

Впервые в своей жизни Амбаласи не могла произнести ни слова.

Перед ней стояла Фар<.

Глава шестнадцатая

— Отсутствие понимания, — заявила Аколп. — Полное незнание причин ее появления.

— Говори, эсекасак, — приказала эйстаа, — поведай собравшимся обо всем, что видела.

Высокая иилане' оказалась эсекасак — хранительницей родильных пляжей. Встряхнув Фар<, как крохотного элиноу, она толкнула ее вперед.

— Долг мой охранять пляжи и самцов. Когда самцы в ханане, я просто стерегу берега. Чтобы элининийл, выходящие из моря, были в безопасности. Они ведь слабенькие и нуждаются в защите. И я обязана видеть каждого элининийл, что выходит из моря, потому что одно дело эфенбуру на мелководье, а другое — город.

Она замолчала и беспомощно взглянула на эйстаа.

— Я расскажу, — сказала Ланефенуу. — Эсекасак не разрешено говорить об этом. Она должна всех защищать, отделять самцов, когда они выходят из океана и немедленно водворять их в ханане. И, исполняя свои обязанности, она изловила на пляже вот эту.

Ланефенуу замолчала — гнев ее был так велик, что мешал говорить. Постаравшись овладеть собой, она указала на Фар< большими пальцами, а потом с трудом проговорила:

— Поймала эту... когда она уходила с пляжа... с элининийл. С САМЦОМ!

Преступление было неслыханным, невероятным. Порядок, весь образ жизни в городе не допускал подобных поступков. Самцы находятся в ханане, в городе их не увидишь. Они всегда под охраной. Что случилось? Как

это могло случиться? Все вокруг потрясенно оцепенели, поэтому смущенная поза Амбаласи не привлекала внимания. Но Акотолп, остававшаяся ученой в любой ситуации, шагнула вперед.

- Где теперь самец?
- В ханане.
- Он что-нибудь объяснил?
- Нет, он — йилейбе.
- А эта говорила?
- Нет.

Подойдя к Фар< поближе, Акотолп завопила едва не ей в лицо:

- Я не знаю тебя, говори свое имя!

Фар< сделала отрицательный жест — и тут же охнула от боли, когда могучие лапы стражницы стиснули ее тонкие руки. Акотолп обвела взглядом иилане'.

- Кто-нибудь знает ее? Кому ведомо ее имя?

Ответом ей было молчание. Потом Ланефенуу сказала:

— Имя ее неизвестно. Она не из нашего города, она здесь чужая. Откуда ты явилась, незнакомка? Кто-нибудь должен тебя знать, если ты вместе с нами пришла из Икхалменетса.

Конечности Фар< шевельнулись в ответ — не из Икхалменетса. Правду она сказать не могла, но, как и все иилане', не умела лгать. Она сказала то, что думала, и этого было достаточно. Ланефенуу была неумолима.

— Ты пытаешься скрыть, кто ты и откуда. Но ты не сумеешь ничего скрыть от меня. Не сумеешь. Я назову этот город — и ты ответишь. И я буду спрашивать, пока ты все не расскажешь.

Фар< в панике огляделась: она не хотела говорить, но понимала, что эйстаа заставит. Взгляд ее на миг упал на оцепеневшую Амбаласи, задержался, двинулся дальше. Она все поняла.

Незаметно для других, не сводивших взгляда с Акотолп и пленницы, Амбаласи произнесла короткое слово, не требовавшее звуков. Фар< поняла. И задержалась от ненависти. Ее ненависть была такой сильной, что даже эйстаа отшатнулась.

«Смерть, — произнесла Амбаласи. — Смерть».

Фар< понимала, что не сможет не проговориться. И выдаст город, выдаст всех Дочерей Жизни. Их разыщут,

схватят и убьют. Стоит только заговорить — и все, чем она жила, погибнет. Ненависть ее предназначалась Амбаласи, которая останется жить. А Фар< оставалось только одно. Умереть.

Только ей — или всем другим? Мысль о возможном кровопролитии заставила Фар< забиться в агонии. Глаза ее закрылись, тело обмякло. Недвижная и невозмутимая Амбаласи наблюдала за нею.

— Мертва, — с отвращением бросила Ланефенуу, когда эсекасак разжала пальцы и тело Фар< повалилось на землю. — Теперь мы ничего не узнаем.

Акотолп подошла к труп, толкнула его ногой и поманила к себе ближайшую фарги.

— Произведем вскрытие, эйстаа. Может быть, она заболела, схватила какую-нибудь мозговую инфекцию — только так можно объяснить ее странное поведение.

Ланефенуу дала знак, и тело утащили прочь. Большинство зевак разбежалось: эйстаа еще кипела гневом и негодованием и явно была не расположена к беседам.

Про Амбаласи забыли, и та ушла со всеми, не желая попадаться на глаза эйстаа. Вокруг в темноте суетились фарги, отыскивая удобное место для сна, и она осталась с ними. Ночью они не обращали на нее никакого внимания.

Выспавшись — насколько это было возможно на жесткой земле, — она с первыми же лучами света устремилась к морю. Миновав привязанного к причалу урукето, она вышла на край причала. И стала ждать, заставив себя окаменеть в невозмутимом молчании. Очень скоро из морского тумана вынырнул урукето, и Амбаласи с облегчением заметила Элем на его плавнике. Прибывший урукето ничем не выделялся среди других. Иилане' из экипажа помогла ей подняться на плавник, и Амбаласи приказала немедленно отплывать.

— В твоих жестах тревога, большие неприятности, — заметила Элем.

— У меня есть на то причины. Потом расскажу. А сейчас у тебя и у экипажа нет времени на разговоры — нужно торопиться, чтобы как можно скорее добраться до пляжа.

Четыре Дочери Жизни и жавшиеся друг к другу перепуганные фарги ждали на песке. Фарги с трудом

удалось загнать в воду и растолковать, что надо плыть к урукето. Но, оказавшись в море, они быстро добрались до живого судна, поскольку только что вышли из воды. Поднявшись на урукето, они испуганно озирались по сторонам, в то время как Дочери еще одолевали водное пространство.

Первой выбравшись из воды, Сатсат немедленно предстала перед разгневанной Амбаласи.

— Что здесь произошло? Что случилось с этой дурой Фар<? Знаешь ли ты, что она натворила?

— Знаю. Мы не могли отговорить ее. Она сказала, что наши дела здесь закончены, ведь мы говорили с фарги и кормили их. Те, кто нас понял, остались, а йилейбе разошлись. Те, кто узнал об Угуненапсе, теперь с нами. Наш город будет процветать и расти...

— Не отвлекайся! Говори о Фар<!

Сатсат с грустью посмотрела на фарги, карабкавшихся на плавник урукето, и постаралась привести свои мысли в порядок.

— Она сказала, что теперь у нас есть новые Дочери Жизни — но только Дочери... Чтобы город рос и процветал, необходимы самцы — она без конца это повторяла. Мы просили ее не ходить, уговаривали, напоминали об опасности, но она не послушала нас.

— Могу в это поверить.

— Она пошла на смерть, но по собственной воле. Ей казалось, что, если хотя бы один самец разделит мудрость Угуненапсы, никакие жертвы не покажутся малыми. И она оставила нас и не вернулась. Ни вчера, ни сегодня утром.

— Она сделала, что хотела, — хрипло выговорила Амбаласи. — И исполнила свое желание — умерла. Она умерла, чтобы не заговорить. Разумнее этого она еще ничего в жизни не делала.

Отвернувшись от потрясенной Сатсат, Амбаласи отправилась внутрь урукето и забралась в самый темный угол. Там она провела почти весь обратный путь, ни на кого не обращала внимания, мало ела и много спала. Впрочем, изредка разговаривала с фарги, неторопливо и спокойно, без обычных резкостей. А потом снова спала.

Вернулись они в полдень. Амбаласи первой спустилась на берег, приказав начинать разгрузку. Их заметили уже на реке, и весь город собрался встречать.

— Глядеть — не работать... Дочери Несогласия в своем репертуаре. — Пройгнорировав почтительное приветствие Энге, Амбаласи обратилась к своей помощнице Сетессеи: — Уверена, что пока меня не было, случилось множество бед.

— Несколько несчастных случаев...

— А со смертельным исходом?

— Ни одного.

— Очень плохо. Но город растет?

— Растет.

— Ну, хоть на это я могу рассчитывать. — Амбаласи повернулась к Энге с жестами, требующими внимания и покорности. — Давай пройдемся по берегу, где нет Дочерей и не слышны мысли Угуненапсы.

— С удовольствием. Фарги приехали, значит, все в порядке.

— Не сказала бы. Одна осталась в Алпеасаке. Фар<.

— Не поняла. Почему?

— Ей не из чего было выбирать — она умерла.

Амбаласи сказала эти слова не без злорадства, а потом долго молчала, пока Энге приходила в себя. Потом Амбаласи изложила события в своем понимании — коротко и грубо.

— Она умерла по собственной глупости, другого объяснения нет.

— О мертвых либо хорошо, либо ничего, Амбаласи. Впредь она уже не будет досаждать тебе. Она умерла, чтобы жил город. И мы долго будем сожалеть о ее смерти.

— Я бы предложила вам возрадоваться: если бы Фар< не умерла, всем нам пришел бы конец. Ее новообращенные тоже не доставят вам особой радости. Я поговорила с ними и нашла, что они только начинают становиться иилане', к тому же невероятно глупы. Просто дрессированные животные. И они ничего не знают об Угуненапсе, даже не думают о ней. Просто заучили несколько фраз. Потому что за это им давали еду.

— Но они научатся понимать.

— Да хоть и не научатся, руки-то нужны. Но больше попыток обращения не будет. Приближаться к другим городам слишком опасно. Придется искать другой путь к выживанию. Перебери-ка заново все ваши восемь принципов.

— Попробую, но попозже. Скорбь о погибшей сестре переполняет меня. Я знаю, Амбаласи, — не надо мне напоминать об этом, — она была глупа и своенравна. Но свой поступок она совершила для нас, и ее следует оплакать.

— Как хотите. А мне нужно изучать новый континент. Я вновь отправлюсь вверх по реке, как только завершу все приготовления.

Энге с уважением распрощалась. Трудно было даже представить, что она больше не увидит Фар<. С грустью она вспоминала их размолвки. Смерть Фар< оставила пустоту, которую нечем заполнить.

Впрочем, печалиться некогда. Перед Энге стояла одна из новоприбывших и с нескрываемым удивлением смотрела на новый город. Энге приблизилась к ней с приветственным жестом. Фарги отшатнулась.

— Не бойся. Вокруг тебя — Дочери Жизни, они не причинят тебе зла. Есть ли у тебя имя?

Фарги смотрела на нее, медленно двигая челюстями.

— Ты понимаешь меня? — Реакции не последовало. — Хорошо, я научу тебя говорить. Ты узнаешь всю истину, открытую нам Угуненапсой...

— Первый принцип, — вдруг медленно заговорила фарги. — Мы упираемся в пальцы Духа Жизни, Эфенелейаа.

— Значит, ты не йилейбе и уже успела ознакомиться с мудростью...

— Второй принцип. Все живут в Городе Жизни. Третий принцип. Дух Жизни, Эфенелейаа — высшая эйстаа...

Фарги умолкла, вероятно забыв, что там дальше. Пытаясь припомнить, она дергалась всем телом и двигала челюстями. Ничего не вспомнив, она завела снова: — Первый принцип...

— Довольно, остановись.

— Еда-еда-еда! — закончила фарги и широко открыла рот, как птенец в гнезде.

Взяв ее за руку, Энге направилась к чанам с едой. Она приуныла. Амбаласи как всегда оказалась права. Фарги только повторяют звуки и жесты, не понимая их смысла, чтобы получить пищу. Дрессированное животное, а не иилане'. И Фар< умерла...

Энге отогнала отчаяние. Еще так много предстояло сделать.

Глава семнадцатая

*Es mo tarril drepastar,
er em so man drija.*

*Если брат мой ранен —
я истекаю кровью.*

Пословица тану

Херилак шел по тропе впереди саммадов, зорко вглядываясь в лесную чащу. Он переступил через дерево, лежавшее поперек тропы, — саммад уже проходил этим путем. В кустах что-то зашевелилось, он остановился и пригляделся, но ничего не увидел. В ветвях над головой кричали птицы. Вдруг невдалеке резко щелкнула стреляющая палка.

Взяв хесотсан на изготовку, Херилак побежал назад. Надрис толкал ногой неподвижное тело животного — этого марага они называли спиношипом.

— Что там? — спросил Херилак.

— Да вот, выскочил из-за дерева и бросился к мастодонтам. Пришлось убить.

Глаза животного уже остекленели; оно было покрыто толстыми костистыми пластинами, из которых торчали ряды острых шипов. Меткий стрелок послал отравленный шип прямо в пасть.

— Он вкусный, — заметил Надрис.

— Раздельвать трудно, — возразил Херилак, — но, если его перевернуть, можно отрубить задние ноги. Только скоро нам придется останавливаться на ночлег — постарайся не терять времени. Начинай, я пришлю тебе на помощь Невасфара. Погрузите мясо на мастодонта и догоняйте.

Люди отправились дальше. Проходя мимо огромной туши, мастодонты в страхе закатывали глаза и трубили. Херилак снова пошел вперед — искать поляну, на которой можно будет развести костер. Понадобятся сухие дрова — и много, чтобы испечь все мясо, иначе оно протухнет, а жаль.

Следы животного пересекали колею и уходили в лес. Херилак остановился, чтобы посмотреть, не редееет ли лес, но что-то привлекло его внимание. На древесном стволе белел след от ножа; он уже начал затекать смолой, но сделан был явно в этом году. Повыше была надломлена ветка — так метят дорогу тану.

Меррис вела своего мастодонта, остальные цепочкой следовали за ней. Она первой заметила остановившегося Херилака. Подойдя поближе, она увидела на его лице довольную ухмылку. Охотник указывал рукой на восток.

— Я нашел тропу к побережью. Ее поместили даже дважды.

— Неужели Керрик?

— Не знаю, это может быть кто угодно — другой саммад, например. Если это не Керрик — то, может быть, там слышали о нем.

На побережье Херилак вышел, когда уже совсем стемнело. Впереди чернел остров. Слишком темно. Он принял себя. Неужели пахнет дымом? Он не был уверен. Утром все станет ясно.

Этой ночью тану наелись до отвала, можно сказать, заталкивали в себя мясо — его оказалось слишком много, больше, чем можно было съесть и закоптить.

Старый Фракен жаловался на жесткий кусок — у него почти не осталось зубов. Парень-без-имени мелко крошил для Фракена мясо: старик приказывал ему делать это, не давая поесть самому. Но едва Фракен отворачивался, тот быстро заталкивал в рот куски.

Херилак не замечал вкуса еды. Он жевал мясо, думая только о том, что завтра обнаружит на острове. Той ночью саммадар долго не мог уснуть, а потом забылся беспокойным сном и проснулся, когда на небе еще горели звезды. Он вытащил из углей остывший кусок мяса, откусил и отправился будить Ханата.

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Мне понадобится помощь, когда я буду перебираться на остров.

От голоса Херилака проснулся Моргил.

— А я? — спросил он.

— Оставайся с саммадом. Накопите мяса, столько, сколько сможете. А мы вернемся сразу, как только узнаем — тану ли на этом острове. Если там саммад — Ханат вернется и сообщит вам.

...Утро было прохладным. Охотники торопливо спустились по тропе к воде. Подняв голову, Ханат принюхался.

— Дым, — сказал он, указывая на остров. — Оттуда.

— Вчера вечером я тоже почуял дым... Смотри-ка — здесь волокли плот или лодку. Там кто-то есть.

— А как мы переберемся?

— Точно так же.

— Смотри-ка, вон кто-то идет под деревьями.

Оба охотника замерли, вглядываясь в полумрак под деревьями на том берегу. Качнулся сук, другой... показалась фигура, за ней еще одна.

— Охотник и мальчик, — сказал Ханат.

— Двое мальчишек, один большой, почти охотник.

Поднеся руки ко рту, Херилак громко крикнул. Мальчики остановились и обернулись, потом замахали, заметив охотников. А потом повернулись и исчезли за деревьями.

...Керрик глядел на бежавших навстречу ему мальчишек. Они кричали, едва переводя дыхание:

— Там за водой двое охотников!

— Тану? — спросил Ортнар, поднимаясь.

— У них такие же копья и луки, как у нас, — сказал Харл. — Это охотники тану.

— Я должен взглянуть, — произнес Керрик, взяв хесотсан.

— Я покажу тебе, где они остались! — От возбуждения Арнхвит не мог устоять на месте.

— Хорошо.

Услышав охотников, Армун выглянула из шатра с младенцем на руках.

— Не бойся. Это тану. Ортнар побудет с тобой. Арнхвит их заметил, а значит, заслужил, чтобы я взял

его с собой. Может быть, от них мы узнаем, что случилось в долине?

— Приведите их сюда.

Мальчишки умчались. Неужели саммад? Там женщины, будет с кем поговорить, там дети. Армун чувствовала не меньшее возбуждение, чем дети. Из шатра вышла Даррас — как всегда молчаливая и пугливая. Ей неплохо побыть с девочками. Как хорошо, что рядом оказался саммад.

Возбужденно переговариваясь, мальчишки побежали вперед и уже вытаскивали плот из кустарника, когда Керрик вышел на берег. Они были правы: на том берегу стоял охотник. Он был один, и что-то в рослой фигуре было неуловимо знакомым. Он поднял хесотсан и окликнул Керрика.

Это был не кто иной, как сам Херилак. Керрик молча ответил приветственным жестом, припоминая их последнюю встречу в городе. Тогда саммадар сильно гневался на него за то, что Керрик хотел, чтобы саммады остались в городе. Они так и не поговорили, потому что Керрик с Ортнаром на следующее же утро ушли на север. Тогда он тщательно продумал свой путь — чтобы ненароком не встретиться с тану. Иначе оба самца сразу погибли бы. Что Херилаку здесь нужно, что он скажет теперь? Ведь они наговорили друг другу столько резких слов.

...Отталкиваясь шестью, мальчишки гнали плот к берегу. Керрик молча стоял рядом с ними. Когда плот уткнулся в песок, Херилак положил оружие на траву и шагнул вперед.

— Я приветствую тебя, Керрик. Приветствую.

Херилак прикоснулся к ножу из небесного металла, висевшему на груди. Потом снял его со шнурка и протянул Керрику. Керрик медленно протянул руку и взял его. Начищенная песком поверхность ножа блестела на солнце.

— Они принесли его, — сказал Херилак. — Мургу. Они напали на нас — и уже почти победили. И вдруг ушли, а нам оставили это.

— Это был знак для них, а не для вас. Хорошо, что нож попал к тебе. Вы поняли, что он означает?

Суровое лицо Херилака озарилось улыбкой.

— Я не понял, как это случилось. Только сообразил: что-то остановило мургу и заставило их уйти. И что все это — дело твоих рук. Я понял, что иначе быть не могло. Сразу, как только увидел нож. — Херилак вновь нахмурился и скрестил руки на груди. — В последний раз я наговорил тебе много грубостей, Керрик. Ты из моего саммада, но я говорил и поступал недостойно. И я не сделал того, что должен был сделать для женщины Армун. И мне стыдно.

— Все это в прошлом, Херилак. Не будем вспоминать. Вот мой сын. Поздоровайся, Арнхвит. Перед тобой саммадар Херилак, первый среди охотников и саммадаров.

— Не первый, Арнхвит. — Херилак наклонился к мальчику. — Гордись отцом. Он и есть первый среди нас. А этого парня я знаю. Сын Нивота. Он ушел вместе с Армун. Значит, и она здесь?

— Здесь. И еще Ортнар из твоего саммада.

— На меня словно тьма снизошла, и я обошелся с Ортнаром не лучше, чем с тобой. Даже хуже. Я ударил его. Теперь тьма оставила меня. Я горько жалел о своих поступках, но сделанного не вернешь.

— Не надо говорить об этом. Мальчики сказали мне, что охотников было двое.

— Второй вернулся к саммаду, чтобы звать их сюда. Пойдешь ли ты со своим саммадом вместе с нами?

— Куда же вы идете?

— Как куда — тебя ищем.

Заметив недоумение на лице Херилака, Керрик расхохотался. Охотник нахмурился, потом тоже засмеялся.

— Вы нашли меня — вот и конец дороге. Оставайтесь. На острове безопасно. Охота отличная. Здесь много оленей и небольших съедобных мургу. Очень удобное место для стоянки.

— А хищные мургу?

— Изредка перебираются через реку. Мы находим их следы, потом выслеживаем и убиваем. — Разговор о мургу что-то напомнил Керрику. — Жду на острове тебя и весь твой саммад. — Керрик поколебался. — Только должен тебе сказать — один из этих городских самцов живет на другом острове неподалеку.

— Один из тех, кто спасся от большого пожара? — Херилак машинально приподнял копье.

— Да. Их было двое. Только второй самец... умер. Я помню: ты считаешь, что каждого марага следует убить; я не забыл твоих слов. Но этот не опасен для тану.

— Ты хочешь сказать, что если мы останемся здесь, то должны будем хранить покой марага? Это тяжело...

— Тяжело, но так должно быть. Я разговариваю с ним. Ведь лишь потому, что я умею говорить с мургу, мне удалось спасти долину, заставить их прекратить войну. И передать тебе нож.

— Прежде я не понимал этого. После гибели моего саммада я возненавидел мургу. Всех. Ты говоришь, что не все они одинаковы, но я не могу понять тебя.

— Этот самец безопасен. Он всю жизнь провел в заточении. С нами воевали только самки. Я хочу, чтобы он жил.

Хмурясь, Херилак качнул головой.

— Да будет так, как ты сказал. Я и близко не подойду к этой твари.

— А остальные?

— Пусть каждый скажет сам или уходит. Пусть остров, где обитает мараг, станет запретным для тану — так будет лучше. Покажи нам этот остров, чтобы все тану поклялись не ступать на него. И тану, и их дети. Все мы обязаны тебе жизнью и должны выполнить твоё желание. Пусть мараг живет.

Трубя, из леса вышел первый мастодонт. Саммады шли на остров.

Глава восемнадцатая

Армун услышала мастодонтов и радостно прижала дочку к груди. Вскоре из лесу показались охотники. Впереди шла женщина, хорошо знакомая Армун.

— Меррис! — закричала она.

Женщина услышала ее и, приветливо помахав рукой, поспешила навстречу.

— Армун! Это ты. Ты жива. У тебя семья. Ты была совсем девчонкой, а сейчас ты мать. Смотри-ка, какая красивая девочка. Дай подержать-то.

— Ее зовут Исель, — радостно сказала Армун, передавая малышку Меррис. — А брат ее уже подросток. Ты видела его — он вас встречал.

— У нее твои глаза. — Меррис обернулась — из-за полога шатра застенчиво выглянула Даррас. — Еще одна дочка?

— Это наша приемная дочь. — Даррас нерешительно приблизилась к незнакомой женщине. — Это Меррис, мы с ней знакомы с самого моего детства. Я была тогда еще меньше тебя, Даррас.

Улыбнувшись, Меррис погладила девочку по голове и ощутила, как дрожит под рукой ее тело. Повернувшись, Даррас бросилась к мастодонту, который задумчиво жевал листья.

— Она осталась одна. Мы нашли ее, — сказала Армун. — Ее и мастодонта. Всех остальных перебили мургу. С тех пор девочка с нами. До сих пор она просыпается по ночам от кошмаров.

— Бедняжка, — вздохнула Меррис, передавая Исель матери. — А чей это был саммад?

— Сорли, саммад Сорли.

Охнув, Меррис прижала к груди кулаки.

— Значит, она мертва, значит, и вторая моя дочь погибла! Они с охотником ушли вместе с саммадом Сорли. Моя Милде погибла, как и ее сестра!

Армун оцепенела от неожиданности, так прижав к себе Исель, что та закричала. Придя в себя, она успокоила малышку и проговорила дрожащим голосом:

— Когда мы нашли Даррас, она ничего не говорила, только плакала. Она же видела, как они гибли... Потом она заговорила, и я узнала, как она оказалась в лесу. Назвала мне свое имя — Даррас. И имя своей матери. Ее звали Милде.

Обе женщины взволнованно посмотрели друг на друга. Первой сумела заговорить Меррис:

— Значит... она моя внучка?

— Это она. Надо поговорить с ней. Она никогда не называла мне имени своего отца, но она должна его знать.

Сначала Даррас не поняла, что произошло. Но когда ей растолковали, кто эта женщина, и она наконец поняла это — слезы градом хлынули из глаз, и она зарыдала, припав к бабушке.

— Ты будешь жить со мной, — сказала Меррис. — Если захочешь, конечно, и если Армун не будет возражать.

— Эта девочка — дочь твоей дочери. И теперь она твоя. Поставь свой шатер рядом с моим, чтобы мы всегда были вместе.

Меррис засмеялась сквозь слезы, ее примеру последовала Армун, и даже Даррас сумела улыбнуться.

Эти дни были самыми счастливыми в жизни Армун. Мургу оставили их в покое. О них можно было не думать, даже позабыть. Приход саммада полностью изменил жизнь на острове. Под деревьями выросли шатры, за клубился дым над многочисленными очагами. Между ними визжа бегали дети, с поляны им вторили мастодонты. Все были сыты, в копильнях полно мяса.

Возле стоянки повалили огромное дерево с плотной древесиной, обрубили на нем ветви, притащили бревно на берег и под руководством Херилака выжгли сердцевину ствола. Теперь у тану будет лодка, чтобы плавать по болоту и охотиться на птиц. Глядя на взрослых,

Арнхвит и мальчишки саммада решили сделать себе челнок поменьше. Не обошлось без ожогов и слез, но работа спорилась.

Как-то раз в шатер к Ортнару пришел Херилак. Никто не слышал, о чем говорили охотники, но скоро все узнали, что они помирились и мир восстановлен. Теперь шатер Ортнара стоял рядом с шатром саммадара. Вечерами хромой охотник сидел у общего костра и даже смеялся. Он уже не заводил речи о том, что пора уходить в лес.

А Арнхвит — когда был не занят лодкой, что бывало не так уж часто — играл с ровесниками. Харл ушел жить к охотникам. Все было так, как положено у тану, и Армун была счастлива.

Однажды она сидела на солнышке у шатра; перед ней на мягкой шкуре лежала дочка, сучила ножками и ворковала.

Малаген, не скрывая удовольствия, разглядывала ребенка.

— А можно взять ее на руки? — спросила она на сесеке.

Армун еще не забыла этот язык, и Малаген иногда приходила к ней, чтобы послушать родные слова. Исель лежала у нее на руках, мягкие волосики ребенка белели на темной коже женщины. Светловолосые тану не переставали занимать Малаген.

— Ой, и глаза синие как небо! А я кое-что сделала для нее. Смотри. — Запустив руку за пазуху, она достала длинную темную ленту и протянула Армун. — Будешь повязывать ей на головку, когда волосы подрастут. Так делают саску.

Армун восхищенно смотрела на ленту.

— Какая мягкая — но ведь это не ткань?

— Это очень важная вещь, я тебе все расскажу. Когда мы покидали долину, я кое-что прихватила с собой. Ты видела, как я делала ткань из харадиса. Но волокна кончились. Тогда я увидела ваших валискисов, и они разрешили мне прикоснуться к ним. О, это было великолепно.

Армун согласно кивнула. Она знала, что мастодонты — валискисы на сесеке — священные для саску

животные. Малаген могла целый день восхищенно наблюдать за ними.

— Я прикоснулась, и они позволили себя причесать. Им даже понравилось. На гребне остались волосы. Я сберегла их. Однажды я попробовала спрясть из них нитку, как из харадиса, и обнаружила, что можно соткать и полотно. Так я и сделала — вот оно. — Рассмеявшись, она прошептала: — Я делала эту повязку для мандукто. Но им я могу сделать другую. К тому же она такая маленькая. По-моему, она подошла бы Исель.

Саску были мастерами на все руки, и Армун была рада, что Малаген ушла с тану. Так, Малаген обследовала весь остров, потом заставила Невасфара сходить с ней на материк и наконец нашла то, что искала — глину. Женщины снарядили за ней мастодонта Меррис и вернулись с полными корзинами. Теперь надо соорудить печь для обжига — и у тану будут крепкие как камень горшки.

Жизнь стала такой интересной, что Армун уже не беспокоилась, когда Керрик уходил к своему марагу. Она заметила, что теперь он ходил один — Арнхвит был поглощен своими мальчишескими играми. Это радовало Армун, хотя вслух она ничего не говорила.

Керрик, ее охотник, умел делать то, на что не был способен ни один из охотников и саммадаров. Например, разговаривать с мургу. Если бы он не говорил с главным марагом на острове, саммадов уже не было бы в живых. А теперь все знали, что сделал Керрик и как ему это удалось, и никому не надоедало слушать рассказы Армун. И о парамутанах, и о том, как они плавали за океан, и обо всем, что там с ними случилось. Ее слушали с почтительным молчанием — не только потому, что Керрик — ее охотник, но и потому, что она сама проделала весь этот путь вместе с ним. Она уже не прятала раздвоенную губу и даже не вспоминала о ней. Жизнь была прекрасна, солнце грело, а бесконечное лето куда лучше бесконечной зимы. Некоторые из женщин скучали о снегах, о ягодах, что растут только на севере, и о многом другом. Она их слушала, но молчала — потому что ей не хотелось возвращаться.

Керрик заметил перемену в Армун, но не стал задавать ей лишних вопросов. Он был ей благодарен. Как-то нерадостно жилось в их маленьком саммаде. Хромой охотник, печальная девочка да двое мальчишек, большой и маленький, которым было не очень-то интересно друг с другом. Но все изменилось. Даррас жила с бабушкой; теперь она улыбалась и разговаривала.казалось, она наконец позабыла о гибели своего саммада.

Керрик все еще надеялся, что Арнхвит найдет время, чтобы поговорить с Надаске'. Да и сам он давно уже не навещал друга. Со времени их последней встречи прошло много времени, он даже не помнил сколько. Нельзя так относиться к друзьям.

Керрик отрубил ногу только что убитого оленя, взял хесотсан и знакомой тропкой отправился к океану. Никого не встретив, он перебрался через пролив на маленький островок. Оглядел с высокого берега море: пусто как всегда. Иилане' сидели в городе, как обещала Ланефенуу. Если бы он раньше привел сюда свой саммад, они не встретили бы охотниц. И Имехеи остался бы жив. Керрик качнул головой, прогоняя грустные мысли. Что попусту размышлять — прошедшего не вернешь. И, подойдя к кустам, крикнул, предупреждая, что будет говорить.

Шалаш оказался пустым. Хесотсана не было — может быть, Надаске' ушел на охоту. Внутри Керрик заметил свежие листья и положил на них мясо. Выбравшись наружу, он сразу увидел Надаске'.

— Надаске' — лесное создание, что ходит безмолвно, как ветер. Ты охотился?

— Нет. Услышав звук шагов, я спрятался. — Опустив хесотсан на землю, самец заметил мясо. — Сладкая плоть убитого зверя во много раз вкуснее рыбы. Я благодарю эфенселе.

— Постараюсь принести еще. Скоро. У меня столько дел. Но почему ты прятался? Это какая-то игра из ханане?

Надаске' набил рот мясом и не сразу ответил:

— В тен и еще тен раз вкуснее, чем рыба. Игры ханане... Да, мы играли там. Скучно-глупо. Трудно даже представить себе эту жизнь — и почему мы считали ее

хорошей? Нет, это не игра. Здесь были маленькие устузоу и грозили мне смертью от каменного зуба.

— Кто? Охотники?

— Нет, не большие устузоу, а поменьше — как мягкий-маленький или чуть больше.

— Ах, вот оно что. Мальчишки. Они бросали в тебя копьа?

— Кричали, махали оружием, убегали в кусты.

— Я этого так не оставляю, — угрюмо произнес Керрик. — Они знают, что сюда нельзя ходить. Решили, что очень храбрые. Посмотрим. Больше такого не бредет.

Надаске' уже обгладывал кости. Потом он рыгнул и сделал жест: «сладкое мясо — сладкая жизнь». Керрик думал о мальчишках, о том, как сделать, чтобы подобное не повторилось, и не сразу понял жест Надаске'.

Теперь кругом были тану, и мир иилане' отступал, становясь чужим и враждебным. Надаске' с огромной пастью и блестящей шкурой был так не похож на тану. Вот и кость он держит двумя большими пальцами.

Взгляд Керрика привлекла перебежавшая поляну ящерица. Надаске' выронил кость, и ящерица застыла на месте. Словно окаменела, как Надаске'. Одинаково не похожие на тану, одинаково чуждые.

— Случилось еще кое-что, — произнес Надаске' — и минутное отчуждение исчезло. Это был Надаске', его друг.

— Что?

— Урукето.

По спине Керрика пробежали мурашки.

— Здесь? Они выходили на берег?

— Отрицание и отрицание. Он плыл в океане, неподалеку от берега на север, но на следующий день проплыл в обратную сторону.

— Тот же?

— Утверждение-положительно, доказательства-отрицательно.

Внезапный страх прошел. Иилане' не высаживались, значит, к саммадам это не имеет никакого отношения. Конечно, в океане можно встретить и урукето. Но если не показываться на берегу, то бояться нечего. Однако

все это было похоже на зловещее предзнаменование. Как на охоте: если увидишь сразу двух черных птиц, не жди в тот день удачи. Так говорила Армун. Еще нельзя было держать нож острием к себе — тоже плохая примета. Но Керрик не очень верил в приметы.

— А тебе уже случалось видеть урукето?

— Один раз — далеко в океане.

— Не думаю, что стоит беспокоиться. Алпеасак находится на этом же побережье к югу от нас. Урукето и рыболовные лодки идут в его порт. Лишь бы только иилане' на берег не выходили.

— Не выйдут. — Надаске' стукнул пальцем по зубам — укушенный боится укусившего. — Эйстаа, любящая урукето, будет помнить два трупа на берегу. Они будут жить в городе, мы будем жить здесь, еды хватит на всех.

— Наверное, ты прав. Только трудно поверить, что между иилане' и устузоу может быть мир.

— Между тобой и мной мир. Может быть, потому, что мы самцы, а все зло в мире — от самок. Бойся самок устузоу.

Керрик сделал жест согласия и понимания. Он давно уже оставил попытки втолковать Надаске', чем мужчина отличается от женщины. Надаске' так и не мог поверить, что Керрик все делает сам, а не по приказу Армун.

— Пора, — сказал охотник, вставая.

— Любопытствую. Прошу Керрика осмотреть хесотсан. — Надаске' протянул оружие и показал на скрюченную, бессильно повисшую ножку животного. — Маленькое изменение — важно ли?

Керрик взял хесотсан и принялся внимательно разглядывать его. Хесотсан как хесотсан: зажмуренные глазки, атрофированные конечности тесно прижаты к бокам. Взрослое животное так и должно выглядеть. Керрик заметил белую пыль на темной ножке и смахнул ее пальцем.

— Да, здесь шкура стала серой. Знаешь, я такого еще не видел. Может быть, он стареет? Ты не знаешь, сколько они живут?

— Познания отсутствуют. Кроме этой отметины все в порядке.

Керрик достал шип, вставил его, направил хесотсан в сторону океана и нажал. Раздался привычный треск, и игла, описав дугу, исчезла из виду. Керрик притронулся к губам животного — рот открылся, требуя еды.

— Вроде бы все в порядке. Причин для беспокойства нет.

— Всегда есть причины для беспокойства, — ответил Надаске', забирая оружие и внимательно разглядывая его. — Нет хесотсана — нет жизни. Смерть от зубов хищников.

— Рано беспокоиться. Твои страхи беспочвенны. Жизнь полна солнца и мяса.

Керрик направился к лагерю. Отойдя подальше от берега, он остановился и поглядел на собственный хесотсан. Хесотсан как хесотсан.

Но беспокойство уже не отпускало Керрика. И он торопливо затрусил к стоянке.

Надо проверить все хесотсаны охотников.

Глава девятнадцатая

О причинах беды они так и не узнали и понятия не имели, как с ней бороться.

Поначалу опасения Керрика показались беспочвенными. Все хесотсаны, которые он проверил, казались нормальными, ни на одном не было серых пятен, как на оружии Надаске'. Может быть, тот не заметил, как сам повредил оружие. И Керрик перестал об этом думать: как и другие охотники тану, он ждал первой охоты на птиц.

Дожди сделались чаще, иногда по утрам над землей стлался туман. У старика Фракена еще хватало ума замечать, что дни стали короче — значит, на севере снова зима. Но это охотники знали и без него. В проливе и на болотах было полно птиц. Они кружили над головой, с громким криком опускались на землю, стая за стаей. Подкормившись и отдохнув дня два, они продолжали свой путь на юг.

А ствол все долбили и выжигали. И наконец лодка была готова — наступила пора охоты.

Над лодкой трудились почти все охотники, и каждому хотелось оказаться в числе четырех счастливицов, которые отправятся на первую охоту. И чтобы избежать ссор, Керрик решил тянуть жребий. Нарезали одинаковых соломинок по количеству охотников, засунули их в глиняный горшок. Нижние концы четырех соломинок были выкрашены краской из внутренностей хардальта.

Охотники по очереди пытали судьбу. Криков было много: проигравшие сокрушались, выигравшие не скрывали радости. В конце концов все отправились к лодке и укрыли охотников под сетью, разбросав по ней пучки травы, чтобы тех не было заметно. Распутывая птиц,

лодка отплыла от берега. Охотники не пытались их ловить, а поплыли в тростники, где собирались ждать новую стаю.

Отозвав Керрика в сторону, Херилак негромко сказал:

— Пойдем-ка, я тебе кое-что покажу. — Он первым подошел к своему шатру и вытащил из него хесотсан. — Ты говорил о стреляющих палках. Ты это имел в виду?

Повертев оружие в руках, Керрик с ужасом заметил, что одна нога существа стала серой и вяло болталась.

— И давно это с ним?

— Не знаю, несколько дней. А что это значит?

— Может быть, и ничего. Ведь они стареют, им тоже приходит пора умирать.

Однако дело обернулось иначе. Серое пятно на оружии Херилака росло медленно, но настойчиво. А потом существо стало скверно пахнуть и перестало выбрасывать иглы. Охотники зарыли его в лесу — подальше от шатров.

— Говорят, еще с двумя случилось то же самое.

— Значит, это какая-то болезнь, — сказал Керрик, — и передается она от оружия к оружию. Придется держать их подальше друг от друга.

— А что если умрут другие? Что будем делать?

— Пусть умирают. Для охоты они нам не нужны.

— Так-то оно так. — Херилак утрюмо взглянул на берег за проливом. — А чем будем убивать огромных мургу? Вчера вечером сюда опять залез один. Мастодонты слышали и подняли шум. И прежде чем мараг успел добраться до них, Ханат убил его. Здоровый, раза в два выше мастодонта — и клыки что твой локоть. Такого марага ни копьем, ни стрелой не возьмешь.

— Но околела только одна стреляющая палка. Другие-то живы.

— Они тоже становятся серыми. Что если все умрут?

Керрик не знал, что говорить, он не меньше Херилака был встревожен случившимся.

— Весной можно уйти на север — куда мургу не пойдут — в горы, к снегам.

— Можно. Но надолго ли? В долинах зима, которая никогда не кончается. И тану, что охотятся на севере,

не обрадуются нам. Тану уже убивали тану, а если и мы заявимся, то стычек не миновать. Здесь жить можно, охота хорошая. Но только если есть стреляющие палки.

Все было предельно ясно, и ни у кого не было желания продолжать разговор. И только когда заболели еще две палки, Херилак велел собирать саммадаров. Они собрались возле костра, негромко беседуя. Кое-кто улыбался, но смеха слышно не было. Херилак встал, и все умолкли.

— Все знают, что происходит со стреляющими палками. Одна уже сдохла, а две стали серыми.

— Три! — крикнул Хар-Хавола. — И моя тоже... Если они все сдохнут — что с нами будет?

— Но не все же заболели, — возразил Керрик. — Не торопи события.

— Но это возможно, — и что тогда? Чем будем убивать мургу?

Началась перебранка. Меррис, стоявшая позади охотников среди женщин, возмутилась:

— Охотники, вы кудахчете, как птицы в гнезде, но яиц не видно! Откуда у нас стреляющие палки, а? От мургу, это все знают. Если наши умрут, мы достанем другие.

Все взглянули на Керрика, ожидая его ответа.

— Не так-то все просто. Если они даже узнают, что нам нужны стреляющие палки, то очень обрадуются. И не дадут ни одной, можете не сомневаться.

— Тогда мы возьмем их силой! — крикнул один из охотников.

— Значит, снова война? Ведь чтобы отнять палку, надо убить марага. Все знают, как я предотвратил их нападение на долину саску. Сомневаюсь, что подобное удастся мне во второй раз. Что бы ни случилось — убивать мургу нельзя. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они узнали, что у нас нет палок.

Присутствующие загаддели. Всем хотелось знать, как делают стреляющие палки.

— Их не делают, а выращивают. Маленькими они похожи на обычных ящериц, побольше — на змей. Их выращивают в заболоченном пруду и следят, чтобы не удрали. А когда они подрастают, то двигаются все меньше и меньше и наконец окостеневают.

— А мы не можем их разводить? — спросила Меррис.

— Не думаю. Когда я жил в городе, то часто наблюдал за ними, пытался понять, но так и не смог. Я даже не понял, кладут они яйца или нет. Ведь они двигаются только молодыми. А потом окостеневают — и уже навсегда. Как их размножить? Может быть, есть какое-то третье состояние, только я не видел. Это тайна мургу.

— А ты знаешь в городе пруд со стреляющими палками? Где его искать?

— Я знал, где он был прежде. А там ли остался, понятия не имею. Когда мы были в городе, он сильно пострадал от пожара. А вернувшиеся мургу могли его напроочь переделать.

— А если мы сумеем разыскать молодые стреляющие палки и принести их сюда? Мы можем это сделать.

— Это непросто...

Но протесты Керрика потонули в хоре голосов: отряд охотников способен на все; вот отыщут место, наберут стреляющих палок... Побольше, чтобы надолго хватило... Керрик орал, пока его наконец не услышали.

— Хороший план, отличный план. Только что будете делать, если их охраняют, если вокруг мургу? Что тогда?

— Убьем их! — выкрикнул какой-то из охотников под одобрительные возгласы.

— Охотники, велика ваша глупость! — загремел Херилак. — Если вы это сделаете — снова начнется война. Вы слышали, что сказал Керрик. Если вы сунетесь к мургу, от гибели вам не уйти. Должен быть другой выход.

Отвернувшись, Керрик смотрел на огонь, но по воцарившемуся вдруг молчанию понял, что все смотрят на него, ожидая ответа... Он все знает про мургу — ему и решать.

— Если случится худшее и наши стреляющие палки умрут, нам потребуются новые. В долине саску тоже есть хесотсаны.

— Далековато, — проговорил Херилак. — И не думаю, что саску охотно расстанутся с ними. Ну, несколько штук дадут. Они тоже опасаются возвращения мургу.

И если нашидохнут, то у них, может быть, уже сдохли. Город ближе.

— Ближе и опаснее. Целому отряду охотников туда не пробраться. Об этом даже не думайте. По крайней мере пока мы не узнаем, не разведем, где живут стреляющие палки. Прежде всего их нужно найти.

— Пойдем вдвоем, — решительно сказал Херилак. — Ты знаешь мургу, я знаю лес. Пошли вдвоем.

Керрик поднял глаза и прямо перед собой увидел окаменевшее лицо Армун. Она знала, как велик этот риск для обоих охотников, знали и все тану. Все молча повернулись к Керрику, ожидая ответа. Стараясь не смотреть на Армун, он кивнул.

— Пойдем, Херилак. Возьмем только одну палку. Ее понесет Херилак. Держите палки врозь — мне говорил об этом мараг, знающий болезни, — чтобы одно оружие не заражало другое. Держите их в тепле и кормите досыта. Палки, которые мы сумеем добыть в городе, понесу я, чтобы не заразить их от той, что будет у Херилака. Рисковать нельзя: они могут подцепить ту же самую болезнь.

Было решено, что уцелевшие хесотсаны охотники будут беречь как зеницу ока и использовать только для того, чтобы сразить очередного гигантского мародера, перебравшегося с берега. До сих пор охотники не задумывались, каким оружием владеют, и только теперь осознали, что от него зависит их жизнь.

Поход в город решили не откладывать. Они с Херилаком возьмут лишь оружие и копченое мясо.

Поутру Керрик стал укладывать свой мешок, Армун не сводила с него глаз.

— Я пойду с тобой, — вдруг заявила она.

— Но это же просто разведка. Лучше оставайся и приглядывай за малышкой.

— Я уже сказала тебе — больше мы не расстанемся.

— А мы и не расстаемся. Наша вылазка займет времени не больше, чем охота с парамутанами. Мы пойдем быстро, разыщем палки — и сразу назад. Херилак знает лес, нас никто не заметит. А я знаю мургу. Бояться нечего.

Но она боялась. И он тоже. Керрик ничего не говорил, но они оба понимали: покою на острове пришел конец. Будущее вновь стало неопределенным.

Ночью пошел дождь. Он барабанил по натянутым шкурам, заливал боковые пологи.

Серым дождливым утром охотники покинули остров и направились к югу — по тропе, уходившей в сторону города. Путь был знаком, и они шли быстро.

На третий день они свернули с широкой, проложенной саммадами колеи и направились по узкой звериной тропке. Здесь им уже случалось охотиться, и Херилак знал тут каждую рощу, каждый ручеек. Вскоре они добрались до пруда с темной водой.

— Уже близко, — сказал Херилак. — За этой водой — болото мургу с тремя рогами.

— Ненитески. А ты уверен? Я еще не подходил к городу с этой стороны.

— Уверен.

— Этих животных мургу всегда держали на самых дальних полях, у самой границы города. Отсюда я сумею найти путь к обиталищу палок.

Внезапно в лесу раздался хриплый рев. Держа оружие наготове, охотники быстро пошли к городу.

Деревья были густо оплетены лианами, некоторые из них были ядовитыми. Этот барьер останавливал любых животных... но не того, по следам которого они шли. Ветви были поломаны, кусты вдавлены в землю, глубокие следы в болотистой почве медленно наполнялись водой. Их оставили огромные лапы с острыми когтями.

Узнав след, Херилак буркнул:

— Большой мараг-убийца.

— Эпетрук. Почуял ненитеска. Пойдем следом. Лучшей дороги в город нам не найти.

Оглушительный рев и визг впереди дали понять, что эпетрук принялся за дело. Но битва едва ли была равной. Эпетрук кружил вокруг ненитеска, который все время поворачивался к нему тремя рогами и большим костистым воротником, защищавшим шею. Эпетрук опасался острых рогов — окровавленный конец одного из них указывал почему. Со стороны болота слышался рев: к месту схватки торопился второй ненитеск. Несмотря на ярость, эпетрук сообразил, чем это ему

угрожает. Он крутил головой и дико ревел. Изгибаясь и хлеща по бокам хвостом, хищник отступал к лесу. Охотники в страхе бросились к деревьям.

Керрик огляделся, ища выход с поля и знакомые ориентиры.

— Идем туда, — сказал он. — Придется сделать круг, чтобы не приближаться к внутренним полям.

Сообразив, в какой части города они оказались, Керрик понял, что ничего здесь не переменялось. Деревья стали выше, под ними вырос густой подлесок, но в основном все осталось прежним. Руки и ноги его шевельнулись — на память пришло выражение иилане': «Завтрашнее завтра подобно вчерашнему вчера». Выраженный по модели и плану город останется неизменным, пока существует. Зря он не подумал об этом раньше. Ведь разрушенные его части восстановили в соответствии с оригиналом. По этой тропе он ходил еще мальчишкой.

Прикоснувшись к плечу Херилака, Керрик прошептал:

— Видишь, впереди роща. Там мургу собирают плоды для оленей и всякой живности. Этим занимаются невооруженные мургу, но на таком расстоянии от города рядом должна быть стража с хесотсанами.

Роща была на своем прежнем месте, землю усыпали гниющие плоды, но иилане' нигде не было. Керрик шел первым.

— Теперь уже недалеко. Видишь высокий откос? Прямо за ним.

Херилак наклонился.

— Следы.

— Чьи?

— Здешних мургу. Совсем свежие, после вчерашнего дождя.

Теперь Херилак безмолвной тенью скользил среди деревьев, а Керрик, не сводя глаз с земли, шел след в след, стараясь шагать так же тихо.

Поднявшись на откос, они нос к носу столкнулись с двумя тяжело нагруженными фарги. Их глаза округлились от изумления.

Иилане', шедшая позади, рванула хесотсан. Херилак успел выстрелить первым. Она сложилась пополам и упала.

Керрик крикнул, но опоздал. Еще дважды щелкнуло оружие Херилака — и обе фарги неподвижно лежали на земле.

— Их можно было не трогать. Они не опасны.

— А говорить эти двое могли?

— Может быть. Ты прав. Они нас видели. Они работницы, а значит, способны понимать и говорить... Они могли рассказать о нас.

— Побудь здесь, — посмотрю, нет ли еще кого.

Переступив через трупы, Херилак исчез за деревьями. Керрик поглядел на лежавших: смерть широко раскрыла их глаза, разинула рты. Оказалось, что фарги несли молодые хесотсаны и, падая, рассыпали их по земле. Медленно перебирая ногами, они ползали в траве. Керрик быстро собрал всех шестерых. Хесотсаны слабо царапали его руки, но деваться им было некуда.

— Их было только трое, — вернувшись, сказал Херилак и тут заметил хесотсаны в руках у Керрика. — Ты уже нашел их. Стреляющие палки. Значит, можно уходить, пока не нагрянули другие мургу.

— Сначала придется позаботиться о телах. Мургу не стреляют в своих. Если они найдут трупы, то сразу поймут, в чем дело.

— Значит, в болото их! Или зароем?

— Не годится, отыщут. — Керрик поднялся на насыпь. — Там живут стреляющие палки. Их много, они молодые. Помнится, мы кормили их мясом.

— Вот тебе и мясо. — Херилак брезгливо пнул труп иилане'. — Если эти твари прожорливы, мургу могут и не разыскать следов, когда появятся здесь.

— Брось их, где поглубже. Больше мы ничего не успеем сделать.

Керрик наклонился над телом охранницы и стал вытаскивать хесотсан из сомкнутых пальцев. Херилак поволок в сторону труп.

Прежде чем уйти, Херилак оглядел землю, заровнял следы. И они не медля пустились в обратный путь. Ненитески мирно паслись. Охотники углубились в лесную чащу.

Глава двадцатая

Когда они вышли из города, Керрик крикнул:
— Постой!

Херилак осторожно огляделся и прислушался.

— Надо идти. Так близко останавливаться небезопасно.

— Придется. Глянь-ка.

Херилак увидел, что грудь и плечи Керрика испарапаны и кровоточат. Сбросив стреляющие палки на траву, Керрик пошел к ручью.

— Надо бы пристроить их поудобнее, — сказал Херилак. — Сейчас они ядовиты?

— Не думаю. Одна из них жевала мой палец, а я еще жив.

— Зубы у них острые. Я знаю, они меня столько раз кусали во время кормежки. Переложил мясо в мой мешок, а свой порежь на полосы да завяжи получше палки. И поскорей.

Керрик изрезал мешок на неровные полосы и надежно перевязал ими хесотсаны. Покончив с этим делом, они сразу же отправились дальше.

Вечером Херилак подстрелил одного из небольших быстроногих мургу. Он не стал подходить к зверю, предоставив Керрику разделывать тушку. Они держались подальше друг от друга, чтобы новое и старое оружие ненароком не соприкоснулись.

Керрик разрезал еще теплое мясо на кусочки и стал кормить хесотсаны. Они с Херилаком перекусили сушеным мясом, боясь разводить огонь так близко от города.

— Не хочу больше возвращаться в этот город, — сказал Керрик, когда охотники стали укладываться спать.

— И не надо... если палки будут живы. Но мы знаем, где брать новые в случае чего.

— Слишком рискованно.

— Здесь ничего не может быть слишком рискованно. Разве мы сумеем выжить без них?

...Утром они покормили молодые хесотсаны сырым мясом и уверенным шагом направились к северу. Дождь кончился, и солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, падал на землю.

Солнечные лучи отражались от хрустального глазка утункшаа, освещая изображение Амбаласи, воспроизводимое запоминающим зверем. Звук был слабым, но вполне различимым.

«У реки много протоков, по крайней мере два из них не меньше главного русла. Река собирает воду с огромной части нового континента. И я хочу подняться на урукето вверх по течению, пока не станет совсем мелко, периодически отбирая пробы воды...»

Звук призыва к вниманию заглушил негромкий голос прибора. Укхереб повернула один глаз ко входу — там с ноги на ногу переминалась ее помощница Анатемпе.

— Что случилось? — спросила Укхереб.

— Боль от прерывания собрания, имеющего научное значение. Прибыла фарги с приказом особой важности. Эйстаа требует присутствия вас обоих.

— Пусть она возвращается с известием о нашем повиновении.

Анатемпе вышла. Ученые выключили утункшаа и убрали его вместе с запоминающим зверем в надежное место.

— Открытия — на изумление! Амбаласи — величайшая из величайших, — сказала Акотолп, колыхаясь всем телом.

— Согласна, несмотря на то что она слишком часто твердит об этом. Среди живых ей нет равных. Не раскрасить ли нам руки в знак уважения к эйстаа?

— Не забудь, что сказала посланница: надо спешить. И мы должны подчиниться даже в ущерб красоте.

...Ланефенуу была погружена в глубокие раздумья, когда обе ученые показали на амбесиде. Она повер-

нула к ним один глаз, давая понять, что заметила их, но заговорила не сразу.

— Разум-помощь требуются от иилане' науки.

— Повелевай, эйстаа, мы повинемся.

— Меня не радуют новости, не радует необъяснимое. И одно событие вовсе смущает меня. Вчера к растительной яме послали группу за хесотсанами. Они не вернулись. Утром я послала к яме других, а с ними Интепелеи, знающую охоту. Она здесь. Выслушайте ее.

Интепелеи, мускулистая и суровая иилане', стояла рядом. Ее тело было покрыто кровоточившими следами укусов, у ног ее лежали два больших узла. Она заговорила неумело, но вполне отчетливо:

— Возле ямы с хесотсанами были следы: помятая трава, четкие отпечатки ног иилане' в иле. Сделанные вчера. Я искала и ничего не нашла. Потом заметила, что хесотсаны что-то едят, но не там, где для них оставляют мясо. Я вошла в воду, отогнала их и вот что обнаружила.

Она нагнулась и достала из меньшего узла череп иилане'. Ученые жестами выразили отвращение и потрясение. Но всем стало еще хуже, когда она развернула второй узел и достала из него жуткую массу окровавленных костей.

— Грудная клетка иилане', — прокомментировала Акотолп. — Плоть не отошла от костей — вот мышцы, вот сухожилия. — Она показала пальцем. — Смерть наступила недавно.

— А вчера она еще была жива? — спросила Ланефенуу.

— Вне сомнения, — ответила ученая, ужаснувшись собственным словам.

— И я так думаю. Ужас и интерес. Что случилось? Они упали туда? Живыми они оказались в воде или мертвыми? Думая о них, я вспомнила еще трех охотниц, ушедших из города и не вернувшихся. Их искали, но не нашли. Трое и еще раз трое. А теперь я спрашиваю вас, Акотолп и Укхереб, спрашиваю иилане' науки. Случилось два странных происшествия, которым нет объяснения — и я недовольна. Я хочу, чтобы вы сказали мне — есть ли между ними связь. Есть ли что-нибудь общее между этими тремя и теми тремя?

Укхереб размышляла и не решалась высказаться. Потрясая складками на шее, Акотолп с чувством проговорила:

— Общее — смерть. Трех и, возможно, еще трех. Или же всех. Иначе эти трое вернулись бы. Смерть ходит вокруг города, смерть приходит в город. Нужны факты. Давайте пустим птиц.

— Тех, что отслеживают устузоу?

— Их, эйстаа. Мы давно ими не пользовались. Скучно глядеть на снимки деревьев и побережья.

Ланефенуу гневно щелкнула челюстями.

— Хватит скучать. Что-то чужое несет смерть в мой город. Я хочу, чтобы вы выяснили, что случилось. Откроется тайна — прекратятся смерти.

— Будет так, как ты приказываешь. Предлагаю увеличить число вооруженной охраны во всякое время дня и ночи. И высадить побольше ядовитых растений у стен.

— Выполняйте. И ежедневно докладывайте, что увидите.

Сделав жесты преданности и повинования, ученые отправились восвояси. Шли они медленно и размышляли.

— С тех пор как мы прибыли в город, было спокойно, — проговорила Укхереб. — Неужели кровопролитие началось снова? Не хватит ли крови? Неужели опять устузоу смерти?

— Надо искать. Если они близко, мы обнаружим их. Тут могла бы помочь Вейнте'. Она прекрасно справлялась с устузоу.

Смешав в жесте согласие и отрицание, Укхереб ответила:

— Ты ей служила, я знаю. Ты говорила мне, что она спасла твою жизнь. Но она служила только смерти и никакой другой эйстаа. Довольно смерти. Окажи мне любезность, пусть имени Вейнте' не будет в твоих мыслях.

Дни для Вейнте' были похожи как капли воды. Они слились воедино, да так, что и не оторвать. Солнце на небо — в море за рыбой, потом вечер. И ничего не менялось.

Но сегодня что-то произошло, и ей это не понравилось. Фарги были в явном смятении. Они вылезли из океана и торопливо устремились в глубь берега. Вейнте' поинтересовалась, что случилось, но конечно не получила ответа. Великреи была уже далеко и, не слыша ничего, со всеми удалялась в сторону болот. Такого еще не бывало. Вейнте' обернулась к океану и за белыми валами увидела черное пятнышко.

Что это может быть? Странно — в море никогда не было ничего, кроме рыбы и морских тварей. Иногда в нем встречались огромные рыбыны, зубастые хищники, но такого, чтобы выступал из воды... Она почувствовала тот страх, что и остальные, и тоже направилась было к лесу...

И тут ощутила гнев. Она не из тех, кто пугается. Мысль внушила тревогу — в особенности тем, что вновь заставила ее думать. А она отвыкла. И в расстройстве Вейнте' гневно шипела и драла землю когтями ног. Сердилась и на море, и на эту непонятную штуку. Потом еще раз посмотрела — загадочный предмет приблизился.

Очертания были знакомы. Она уже догадалась, что это — потому-то и ощутила внезапную ненависть, ведь появление урукето вновь пробудило гнев, испытанный ею некогда на этом берегу.

Брошенная.

Отверженная.

Оставленная умирать.

Урукето.

Наконец короткий приступ гнева прошел, и она могла уже хладнокровно взирать на живой корабль. Нынешний гнев был далекой тенью давнишнего. Чего бояться, если перед ней урукето?

Она спокойно смотрела на черный высокий плавник, из которого торчали головы иилане'. Возле урукето в море что-то плескалось. Энтиисенаты, конечно. Пожизненные спутники живого судна. Спутники, кормильцы...

Урукето так близко подошел к берегу, что белые гребни уже перекатывались через него. Из плавника выбралась иилане', спустилась в воду и встала, широко расставив ноги. Сверху ей что-то передали — Вейнте'

не видела что. Она погрузила предмет в волны и полезла обратно.

Что она здесь делает? Откуда урукето? Непривычные думы вновь заставили Вейнте' гневно потрясти головой. Зачем ей думать об этом? Почему она сердится?

Урукето уходил в море, медленно уменьшаясь. Нет, он идет вовсе не в море, а вдоль берега. Это важно.

Но почему? Мысль не укладывалась в голове. Вейнте' начала раздражаться, и одна из вернувшихся фарги с перепугу бросилась бежать прочь, взглянув на ее дергавшееся тело.

Урукето ушел на север. На север. Он уплыл на север, а северу противостоит юг. Долго она не могла понять смысл этого умозаключения. И уже когда почти стемнело, увидела, что Великреи бредет на берег с рыбой, уверенно шагая в волнах прибоя.

Так шла Великреи тогда, когда Вейнте' в первый раз увидела фарги. И они тоже пришли оттуда — с севера.

Значит, там город! Город с пляжами, на которых родились эти фарги. Тот город, в который они пришли, выйдя из моря. Тот город, который покинули, потому что он не открылся для них. И они повернули к нему свои спины и уплыли, а потом оказались здесь.

Вейнте' смотрела на север, пока не стало совсем темно.

Глава двадцать первая

Это было подобно пробуждению от долгого сна. Или еще — тому, что бывает, когда лопается яйцо, когда после первой долгой ночи своей жизни выходишь на свет. Так думала Вейнте'. Сначала эти мысли ее удивили — потом она стала гадать о причинах такого удивления.

Однажды, склонившись над лужей, чтобы попить, она заметила в воде свое отражение и принялась недоуменно разглядывать его. Подняла руки, растопырила большие пальцы, поглядела на грязь, присохшую к ним. А потом погрузила ладони в воду, прогнав свое изображение, не понимая, почему оно волнуется ее.

Каждое утро она глядела на море, искала в нем урукето. Но он не возвращался. Это огорчало ее — потому что нарушало порядок дня, к которому она успела привыкнуть. Сон, еда, сон. И ничего более. Она чувствовала беспокойство, сожалела об этом. Что смущает ее? Что тревожит? Она это понимала, — но гнала из памяти... Здесь, на берегу, так спокойно...

Наконец Вейнте' словно проснулась. Она стояла на берегу, прямо перед нею по грудь в воде торчала одна из ее товаров... «Рыба», — знаком показывала фарги. Цветом ладони. Рыба — и больше ничего.

— Какая рыба? — спросила Вейнте'. — Где рыба? Их больше одной? Большие, поменьше, сколько их? Требую ответа.

— Рыба, — ответило глупое создание, выпучив глаза и приоткрыв рот.

— Кусок никчемности-скала глупости-гора недоумения...

Вейнте' замолчала, потому что фарги в страхе нырнула и уплыла от нее подальше. В один миг все оказавшиеся поблизости фарги попрыгали в воду. Пляж опустел, но гнев Вейнте' рос, и она громко выкрикивала, извиваясь всем телом от раздражения:

— Неразумные, глупые и немые! Не знающие ничего о красотах речи, о гибкости языка, о радости постижения! Плаваете, ловите рыбу, валяетесь на песке, спите. Да умрите хоть сейчас — никакой разницы и не будет. И я могла умереть...

Теперь она пробудилась с новыми силами, хорошо отдохнув, — ведь сон ее был долгим. Она не знала, сколько времени длилось забытие, понимала только, что много дней и ночей миновало. Взглянув на невысокие волны, набегавшие на ноги, она подумала о том, что с ней было, и кое-что осознала. Брошенная, изгнанная из знакомого мира, лишенная города, ранга и власти, она была оставлена на берегу — умирать. Ланефенуу жаждала ее смерти, была уверена, что отверженная погибнет... Но этому не суждено было свершиться. Вейнте' не безмозглая фарги, которой только прикажи умереть — и готово.

Она была совсем рядом со смертью. Но желание жить было в ней таким сильным, что она забилась в дальний угол самой себя и жила тем, что было лишь тенью истинной жизни. Но темные дни миновали. Что ждет ее впереди?

Она, Вейнте', — эйстаа и всегда ею останется. Ей приказывать — другим повиноваться. Но не на этом берегу. С трех сторон болота, с четвертой море. Это же ничто. Разве ей здесь место? Она хворала и забрела сюда. А теперь выздоровела. Незачем оставаться, не о чем вспоминать, не с кем прощаться. И даже не бросив взгляда назад, она вошла в море и нырнула, очищаясь в воде, потом выставила голову над поверхностью и отправилась на север. Куда уплыл урукето, откуда пришли фарги.

Она плыла, впереди рос скалистый мыс, потом он медленно отодвинулся назад, закрыв берег, на котором она так долго существовала. Вейнте' не оборачивалась — она уже забыла про эти края. Впереди ее ждет город. Туда ей и нужно.

За мысом широким полумесяцем раскинулся залив: золотой песок окаймлял берега. Плавание утомило ее, и Вейнте' отдалась волнам, которые вынесли ее на берег. Песок был гладким — без единого следа. Теперь она осталась одна и была этим весьма довольна. Идти было легче, чем плыть, и до темноты она успела много пройти.

Утром она половила рыбы, а потом отправилась дальше. Теперь дни стали совсем не похожими друг на друга, и она стала считать их, проплывая мимо утесов и шагая по песчаному берегу.

Залив оказался таким огромным, что и второй день, и большую часть следующего Вейнте' все шагала по его берегу. На четвертый день берег сделался скалистым. Горный хребет с суши уходил прямо в море. Она провела беспокойную ночь в каменной нише, открытой брызгам прибоя. На шестой день она миновала последний утес и вновь пошли песчаные берега.

На тридцать пятый день она поняла, что путешествие подходит к концу. Берег только что был таким, как прежде, и вдруг сделался абсолютно иным. В спокойной воде у берега плескались рыбешки. Она присмотрелась — это были не рыбы. Вынырнув на поверхность, они уставились на нее круглыми глазами и сразу же нырнули, едва она подняла руку в приветственном жесте. Юное, пугливое эфенбуру. Будут есть — или их съедят, а уцелевшие однажды выйдут из океана как фарги. Те, кто поумнее, станут иилане' и вольются в поток городской жизни.

Но если они в океане, значит неподалеку родильные пляжи. Так и оказалось. Естественный залив углубили и отгородили от моря. Здесь на славу потрудились ейсеколы, возводя перемышку из мягкого песка. Хранильницы на постах, самцы, лежащие у воды. За пляжем горка — любимое место прогулок, судя по количеству троп, уходящих к городу.

Вейнте' остановилась. Пока она еще не думала, что будет делать, когда доберется до города. Она хотела добраться сюда и только об этом и думала на берегу и в море. Она знала, что на севере город, знала, что доберется до него. А что теперь?

Что это за город? Кто здесь эйстаа? Она ничего не знала, как глупая фарги, вылезшая из воды. Взглянув на море, она увидела урукето, приближавшегося к гавани, лодки с уловом. Богатый город. Все города богаты. Ешь рыбу и мясо. Мясо. Она не ела его все это бесконечное время и совсем забыла о нем. И теперь ощутила во рту его вкус и провела языком по зубам. Первым делом она войдет в город и поест. А потом посмотрит на него, изучит и откроет. Как фарги. Она сделает то же самое.

Все дороги вели в город, и она пошла по кратчайшей.

На улице толпились фарги, несли какие-то свертки. Две иилане', разговаривая, шли следом. Проходя мимо них, Вейнте' уловила обрывки разговора и захотела послушать еще. Но сначала нужно поест. Рот наполнился слюной при мысли о прохладном мясном желе. Она глотнула.

Навстречу шла группа фарги. Вейнте' остановилась, загородив им дорогу. Они тоже замерли, недоуменно глядя на нее.

— Среди вас есть иилане'? Которая говорит-понимает?

Они расступились и дружно уставились на фарги покрупнее, шедшую сзади. Та как будто кое-что сообщила.

— Пища, пища где — понимаешь?

— Пищу едят. Хорошо пища.

Все они были упитанными, должно быть, ели досыта, но теперь — ее черед.

— Мы едим. Вы идете. Мы едим.

— Пища, пища, — заволновались фарги.

Пусть они недавно поели, неважно. Мысль о еде взбудоражила их.

— Пища, — проговорила та фарги, которая была немного иилане', сопровождая слова жестом, означавшим движение.

Они пошли по улице, Вейнте' последовала за ними. Под древесными арками, мимо охраняемого ханане, на берег реки. Там было суетливо и шумно, серебрилась рыба, стояли баки с мясом. Фарги устремились к рыбе — другой еды они не успели узнать за свою короткую жизнь, — где толпились такие же, как они. Емкости с мясом окружали иилане'; они разговаривали,

и умные речи были непостижимы для новоприбывших. Вейнте' подошла к мясным чанам, и каждое ее движение говорило о силе и способностях. Иилане', не имеющие ранга, расступились, пропуская ее к еде. Одна из них посмотрела на Вейнте', поприветствовала ее и пожелала приятного аппетита. Набив рот, Вейнте' могла ответить лишь жестами благодарности и признательности.

— Что это за город? — спросила она, потянувшись за очередной порцией мяса, говоря как равная с равной.

— Это Йибейск. Эйстаа его, облеченная великой властью, зовется Саагакель.

— Йибейск и Саагакель знают во всем Энтобане.

— Ты иилане' мудрости. А как зовется твой город?

— Я странствую и знаю множество городов.

Вейнте' впиалась в мясо, чтобы избежать дальнейших подробностей. Но жестов силы и власти укрыть не могла, и ее собеседница заметила это. И когда заговорила вновь, то уже обратилась как нижайшая к высшей.

— Город приветствует гостью.

— Хорошо сказала. Я хочу видеть амбесид и эйстаа, восседающую на нем.

— Закончим еду — и я с радостью провожу тебя. Позволительно ли узнать имя почетной гостьи?

— Вейнте'. А твое?

— Опсотеси.

Было жарко, и они пошли по улицам под деревьями, стараясь держаться в тени. Отойдя от реки, они повернули к амбесиду. К этому времени полуденная жара спала, и амбесид был полон суеты.

— Восхитительно, — проговорила Вейнте' с жестом великого одобрения. Опсотеси выгнулась от удовольствия.

Амбесид был открытой поляной, окруженной деревьями. Через амбесид петлял чистый ручей. Там и сям над ним возносились арки мостиков, украшенные блестящей проволокой и яркими самоцветами.

Вейнте' и ее новая спутница остановились с той стороны амбесиды, где толпились иилане'. Одни нагибались к воде, чтобы напиться, другие умывались. А по ту сторону ручья зеленела непрямая трава. Кое-где небольшими группками стояли беседующие иилане', а

самая большая окружила эйстаа, восседавшую на почетном месте.

— Каков амбесид, такова и эйстаа, — заметила Вейнте'. — Это зрелище лишь укрепляет во мне уважение к ней.

— Дважды я говорила с ней, — сказала Опсотеси с гордостью. — Я искусна в речи и исполняю разные поручения.

— Ценю таланты. Расскажи, какие поручения эйстаа ты исполняла?

— О, очень важные. Я стояла на пристани, когда сюда явился урукето с высокими на борту. Их имена я передала великой Саагакель.

— Высокие иилане', великая эйстаа, — повторяла Вейнте'. Ей стало скучно. Говорила Опсотеси складно, но только говорила — ей никогда не подняться высоко. Но все-таки она хорошо знала свой город. — О чем еще ты говорила эйстаа?

— Темное дело. — Тело ее шевельнулось от недоброго воспоминания. — В город пришла незнакомка. Мне было велено принести вести о ней...

Тут она осеклась и жестом выразила сомнение.

— Опсотеси, ты обращаешься ко мне с темным вопросом, — строго сказала Вейнте'. — Почему?

— Извинения! Сомнения из-за глупости. Ты тоже незнакомка, но ты не можешь быть такой же. Она была...

Тут Опсотеси снова умолкла, уже от страха. Сделав дружеский жест, Вейнте' выразила любопытство. Она уже кое о чем догадывалась. Опсотеси все еще не могла заговорить, и Вейнте' подбодрила ее:

— Я знаю о них, об отверженных. И презираю их. Я не из их числа. Итак, говори — ты должна доложить о Дочери Жизни?

— Так. Извинения за страх. Ты, Вейнте', выше меня, первая во всем. Я говорила об этом...

Вейнте' успокоила ее и похвалила умение говорить. Она уже решила, что делать.

— Я пришла издалека, подруга Опсотеси, и устала. Но не настолько, чтобы пренебречь долгом и не выразить эйстаа своей благодарности за те удовольствия, которыми меня одарил ваш город.

Опсотеси разинула рот, словно фарги.

— И ты сделаешь это? Станешь говорить без ее приказа?

— Она будет говорить со мной, если захочет. Я просто дам знать о своем присутствии.

Вейнте' гордо выпрямилась, полнота знания светилась в ее глазах. Опсотеси простилась с ней, как нижайшая с высочайшей. Вейнте' ответила ей неприметным движением и направилась к эйстаа. Иилане' умолкали и расступались перед ней. Дойдя до сверкающего мостика, она громко похвалила его и пошла дальше. Те, кто стоял вокруг эйстаа, заметили ее, но даже не пошевелились, чтобы пропустить ее: все были горды своим положением и не хотели ронять достоинство. Вейнте' не стала возмущаться, а просто опустилась на хвост и развела руки в знак почтительного внимания.

В конце концов любопытство победило и незнакомку заметили и оценили ее достойную позу. Толстая иилане' с пурпурными узорами на руках и груди, стоявшая поблизости, холодно взглянула на Вейнте' одним глазом. Потом повернула голову и высокомерно произнесла:

— Объяснить присутствие, высочайшая к нижайшей.

Вейнте' бросила на нее пренебрежительный взгляд и повернулась к эйстаа. Гребень толстухи зарделся — к таким дерзостям она не привыкла. Саагакель, будучи мудрой эйстаа, видела все и обрадовалась. Смотрела, но не вмешивалась. Остуку стала слишком жирной и ленивой, и крохотные уколы ей только на пользу.

— Отвечай на требование, незнакомка! — приказала Остуку.

Вейнте' холодно посмотрела на нее и презрительно ответила:

— Мною распоряжаются лишь обладающие властью. Я говорю только с благородными.

Остуку в гневе и смятении разинула рот. В уверенности госте не откажешь, ее присутствие производило впечатление. Она отвернулась от Вейнте', не желая продолжать перебранку.

«Искушенная иилане'», — подумала Саагакель, что немедленно было замечено окружающими. Вейнте' тоже поняла и ответила жестами почтительной благодарности и удовольствия.

Все взоры устремились на гостью, та вдруг стала центром внимания. Заметив это, Вейнте' поднялась и заговорила:

— Прости, могущественная Саагакель. Я не намеревалась навязывать своего присутствия, хотела лишь испытать удовольствие от пребывания на амбесиде возле тебя. И если я помешала, то уйду.

— Приветствую тебя, ибо дневные события стали скучнее самой скуки. Стань передо мной и Расскажи о себе. Как ты попала в Йибейск?

Выслушав повеление, Вейнте' шагнула вперед, поближе к эйстаа.

— Я Вейнте', бывшая эйстаа Алпеасака.

Произнеся название города, она сделала жесты, изображающие тьму и завершение.

— Знаю, слыхала о твоём городе и всех, кто там погиб. Устузоу-убийцы. Событие великой печали.

— Но счастье вернулось. Устузоу изгнали, и город опять принадлежит иилане'. Ведь в Алпеасак пришел Икхалменетс.

Саагакель сделала жест «помню-знаю».

— Я слышала об этом великом событии. Весть о нём привез урукето из Икхалменетса. Слышала я и о той, что выгнала устузоу. Совпадение великой важности: ведь та иилане' тоже носила имя Вейнте'.

Вейнте' опустила глаза и, попытавшись изобразить смирение, что ей почти не удалось, произнесла:

— Есть только одна ничтожная иилане', которую зовут Вейнте'.

Саагакель казалась ошеломленной.

— Дважды приветствую тебя, Вейнте', в моём городе. Расскажи мне о новой земле Гендаси за океаном и обо всем, что там случилось. Садись поближе, возле моих больших пальцев, и говори. Подвинься, толстая Остуку, уступи место новой подруге.

Глава двадцать вторая

Теперь каждый день Вейнте' приходила на амбесид и присоединялась к кружку наперсниц возле эйстаа. Как приятно снова следить за течением жизни великого города, видеть, как приходят к Саагакель с делами, как она разрешает их. Поручения Саагакель давала охотно и всегда четко определяла: подготовить такое-то поле, перегнать отсюда животных в другое место, наловить больше рыбы. Отдав распоряжение, она не обращала внимания на его исполнительниц до тех пор, пока они не докладывали об успешном завершении дела. Поручения исполнялись блестяще, ибо иилане', осмелившаяся небрежно отне-

стись к повелению эйстаа, уже никогда не появлялась на этой половине амбесида. Это восхитило Вейнте', как и второй, уже не слишком заметный, факт. Каждой исполнительнице даровались права не более чем в одной области, и лишь на короткое время. Саагакель была эйстаа и следила, чтобы никто не посмел покуситься на ее место.

Закончив дневные труды, эйстаа освежалась в теплом пруду, окруженном деревьями, позади ее трона. Пока она смывала дневную грязь, приносили мясо, и она с огромным удовольствием принималась за еду. Потом как обычно жестом приказывала Вейнте' начинать рассказ о далекой заморской Гендаси, о городе Алпеасаке, который рос, как подобает городу иилане', а потом его сожгли и запакостили устузоу и как он вновь возродился в конце концов.

Вейнте' было что рассказать, и речь ее лилась свободно и непринужденно. Она рассказывала о своих похождениях день за днем, стараясь ничего не

упустить. Слушательницам было интересно, они ужасались, восхищались и были ей благодарны. Как и Вейнте', им хотелось, чтобы повесть ее жизни была бесконечной.

Вейнте' же старалась поподробнее разузнать о городе и об эйстаа. После долгих унылых дней полузабытья было так приятно говорить и слушать. Избегая болезненных воспоминаний, она словно исцелялась.

Хорошо было в Йибейске. Центр его, как и повсюду, — на амбесиде. А вокруг и над ним широко раскинулось дерево города, под густыми ветвями которого кипела городская жизнь. С одной стороны лежало море — на его берегу размещались родильные пляжи. В остальные стороны простирались поля и рощи — до самых границ города. Рубежом служила живая стена из деревьев и колючих растений. Рядом с ней жили ископаемые гиганты — могучие ненитески и онетсенсасты. Они защищали город от диких зверей. За стеной — горы, пустыни, сухие равнины, не пригодные для жизни. Пустынные просторы не знали ни планов, ни карт, однако иилане' умели искать в них дорогу. Там, где почва и климат вновь оказывались пригодными для жизни, возвышалась другая стена, а за нею был другой город, и так по всему огромному континенту Энтобану — города и безжизненные просторы между ними.

Однажды из непроходимого леса вышла искуснейшая охотница по имени Фафнепто. Она была не из Йибейска и не из другого города, потому что бродила между городами по собственной воле. Фафнепто пришла издалека, и все с радостью встретили ее.

— Ты вернулась, Фафнепто, — проговорила Саагакель с жестами одобрения и обещания награды.

— Я вернулась, эйстаа, как и обещала.

Охотница прикоснулась ногой к стоявшей возле нее емкости. Высокая, сильная, с кожей, выдубленной ветрами странствий, она напоминала Вейнте' ту, что когда-то была ей ближе всех, — Сталлан, подругу и надежную союзницу. И тоже охотницу. Совпадение не могло быть случайным. Впрочем, один шрам делал Фафнепто ни на кого не похожей. Какая-то тварь, о которой она никогда не рассказывала, чем-то хлестнула ее по голове и груди,

оставив длинный след. Он пересекал все лицо, левого глаза у Фафнепто не было. Правда, все говорили, что одним глазом она видит лучше, чем иные двумя. Сомневаться в этом не приходилось.

— Я принесла то, что ты просила, эйстаа. Яйца в этой емкости.

Саагакель обрадованно зашевелилась.

— Фафнепто — ты первая среди иилане' силы и мудрости. Неужели ты говоришь о яйцах окхалакса?

Фафнепто кивнула. Эйстаа радостно зажестикულიровала, а за ней и вся свита. Вейнте' стояла неподвижно.

— Ты знаешь, что такое окхалакс? — спросила Саагакель.

— Извинения за невежество, — ответствовала Вейнте'.

— Отсутствие информации однажды сменится удовольствием. Это одно из древних животных. Оно водится не в каждом городе. Крепкое тело, прочный череп, а самое главное — вкусное мясо. У нас было небольшое стадо — окхалаксы растут медленно, — но все погибли от болезни. А теперь горе превратилось в радость. Это сделала Фафнепто, и благодарность города ей безгранична. Гарантируется исполнение любых твоих требований.

— Одного, — сказала Фафнепто резко, но не дерзко. Она обратила к Вейнте' единственный глаз. — Мне говорили, что эта гостья знает Гендаси, страну за морем. И устузоу и других тамошних тварей. У меня к ней есть вопросы, и я хочу задать их.

— Мои знания — твои знания, — ответила Вейнте'.

Саагакель сделала жест благодарности.

— Я знаю маленьких устузоу, — начала Фафнепто. — Они покрыты шерстью. Говорят, что в Гендаси они покрупнее.

— Некоторые из них такие же. Но есть и покрупнее, с ветвистыми рогами — эти очень вкусные. Мы держали их в городе для еды. Но есть устузоу разумные и злобные. Ядовитые твари, они сгубили Алпеасак. Хорошо, что он зазеленел снова.

— Это те, о которых я слышала? Они тоже иилане'?

— Нет, говорят, что они умеют разговаривать — но их невозможно понять. Только один из них стал иилане' и сотворил огромное зло.

Когда она заговорила о Керрике, тело ее изогнулось от ненависти и отвращения. Чувства эти были так сильны, что ей пришлось замолчать и заставить себя успокоиться. Фафнепто ждала, терпеливо и недвижно, наконец Вейнте' снова заговорила:

— Ты видела мои чувства. Этот устузоу погубил все, что я там создала.

— Я убью его, если встречу.

Вейнте' ощутила глубокую благодарность к этой крепкой, покрытой шрамами иилане', и это чувство окрасило ее ладони.

— Верю тебе, сильная Фафнепто, и благодарю. Я расскажу тебе все, что знаю об устузоу в Гендаси — там они не такие, как в Энтобане.

Фафнепто слушала молча и внимательно, только изредка переспрашивала и уточняла детали. Вейнте' рассказывала о том, чего давно не вспоминала. Она успокоилась, и речь ее стала ровнее. Однако закончила она нерешительно, и Фафнепто ощутила невысказанный вопрос.

— Если Вейнте' нуждается в чем-нибудь — пусть скажет.

— Не нуждаюсь. Но мое любопытство превышает всякого любопытства. Ты принадлежишь этому городу и многим другим и можешь рассказать мне об этом. В Йибейске меня хорошо приняли и оказали честь: я могу часто говорить с его эйстаа. Мы говорим обо всем, но есть такое, о чем я еще не слышала. Такое, о чем никто не хочет говорить. Я не упоминала здесь об этом. Могу ли я спросить тебя?

— Говори — что же это?

— Дочери Жизни.

Прежде чем Вейнте' успела договорить, охотница почтительно попросила умолкнуть. Потом огляделась — поблизости никого не было. Однако она все-таки отвела Вейнте' подальше, на солнечный пятачок за живой изгородью, где их никто не мог услышать и увидеть.

— Здесь нас не увидят, — сказала Фафнепто. — Ты правильно сделала, что обратилась ко мне, — никто, кроме меня, не осмелится рассказать, что случилось. Много ли тебе известно о Дочерях?

— Чересчур много. Бесконечные хлопоты и боль — вот что связано с ними. Я желаю им только смерти.

— Как и эйстаа. Здесь их было много. Дочерей содержали в плодовой роще, чтобы яд их учения не распространялся. А потом пришли другие Дочери и тоже попали под замок. Тогда ими занялась ученая по имени Амбаласи. Ее-то крови и жаждет эйстаа. Амбаласи освободила их и увезла отсюда.

— Это нелегко.

— У них был урукето. Она распорядилась им без ведома эйстаа, и с тех пор ни о ней, ни об этих преступницах ничего не слышали.

— Они исчезли? Но как?

— Это за пределами моих знаний. Но хотя всем запрещено вспоминать об этом, эйстаа часто говорит со мною о Дочерях. И во всех городах я прежде всего стараюсь что-нибудь узнать об этом урукето и его пассажирах. Никто ничего не видел. От них даже следов не осталось.

Вейнте' некоторое время размышляла, потом вновь повернулась к Фафнепто.

— Я думаю, у тебя есть серьезные причины интересоваться моими словами. Не так ли, Фафнепто?

— Так.

— Ты спрашивала меня об устузоу Гендаси. И ты разыскиваешь урукето. Значит, ты предполагаешь, что урукето может оказаться в Гендаси?

— Я искала и говорила со многими. Теперь я уверена, что урукето покинул Энтобан. Но куда он запропастился?

Вейнте' тщательно все взвесила, прежде чем заговорить:

— О разном говорим. Плаваем возле ответа, но не приближаемся к нему. По-моему, твой урукето пересекает океан. Остается решить, кто скажет об этом Саагакель — ты или я.

— В последний раз она запретила мне говорить с ней об этом.

— Тогда ответственность на мне: я не слыхала про запреты. Ты была в городе, когда это случилось?

— Нет.

— Тогда мне надо узнать об этом побольше, прежде чем я рискну обратиться к эйстаа. Кто мне расскажет обо всем?

— Поговори с Остуку. Под ее жиром скрывается острый ум. Она поможет.

Они по-дружески расстались. Вейнте' было о чем подумать. Она знала, что в таком деликатном вопросе торопиться нельзя. И постаралась позабыть то, что узнала, чтобы не выдать себя случайным движением. Но она наблюдала за движениями Остуку и однажды утром решила, что можно начать разговор.

Эйстаа разговаривала с советницами. После совещания Остуку собралась уходить, но Вейнте' остановила ее и обратилась к ней самым дружелюбным образом:

— Остуку — ближайшая к Саагакель. Могу ли я пойти рядом с тобою, или ты спешишь по делам огромной важности?

— Дела важные, но не срочные.

— Тогда прошу мудрости от обладающей великой мудростью. С глазу на глаз.

Подумав, Остуку ответила:

— С удовольствием. Здесь поблизости есть уютная роща, где солнце и тень. Я всегда отдыхаю в ней.

— Огромная благодарность.

Они молча пошли к роще, оказавшейся именно такой, как говорила Остуку. Резные скамьи были согреты солнцем. Под высокими деревьями росли зеленая трава и цветы. Солнце поднималось все выше, и иилане' расположились в тени. Как только они сели, Вейнте' сразу же приступила к делу:

— Я нуждаюсь в ответе. Я говорила с Фафнепто, и она сказала, что мудрее тебя здесь нет никого, кроме самой эйстаа, разумеется. Дело очень тонкое. Я знаю, что всем запретили говорить об этом именем эйстаа. Но у меня есть особые сведения, о которых я хочу сообщить. Можно ли говорить с тобой об этом?

Остуку выслушала Вейнте' молча. Потом оглядела пустынную рощу и спросила:

— Речь идет о Дочерях Жизни?

— Да.

Остуку жестом выразила неприязнь и беспокойство.

— Эйстаа не потерпит напоминания о них. Но ты и я можем говорить, если ты уверяешь, что важность дела требует этого.

— Да. Фафнепто кое-что разузнала и хочет сообщить Саагакель. Но ей запрещено говорить об этом, стало быть, это сделаю я. Но сперва я должна кое-что выяснить. Ты поможешь?

— Помогу во имя эйстаа. Это происшествие вызвало ее великий гнев.

— Я знаю, что некто по имени Амбаласи помогла преступницам бежать на урукето.

— Так и было. Я никогда не могла заподозрить эту старуху в такой злокозненности и коварстве. Она одурачила меня и всех нас. Эйстаа никогда не простит ее.

— А теперь мой вопрос. Среди преступниц не было таких, кто объявился в городе накануне бегства?

— Были.

— Тогда спрашиваю, хотя много времени миновало, — ты помнишь их имена?

— Только одно. Интеллигентная такая, сильная иила-не', она осмелилась даже спорить с эйстаа. Смелая, но упрямая дура. Ее звали Энге.

Вейнте' так задержалась от гнева, что Остуку отодвинулась. Заметив это, Вейнте' поспешила извиниться.

— Нижайшая к высочайшей, никакое из моих чувств не предназначено тебе. Все это оттого, что я знаю эту тварь, Энге, эту змею. Прежде мы были с ней эфенселе, но поссорились. То, что я узнала от тебя и Фафнепто, дает мне возможный ответ. Знание-возможность выяснить, куда Амбаласи девала урукето.

Остуку сделала жест благодарности:

— Это Фафнепто — за то, что она послала тебя ко мне; это тебе — за то, что ты ясно выразила свои чувства. И если ты сделала какие-то выводы, то, невзирая на запрет, немедленно скажи Саагакель. Только ты способна это сделать. Рискнешь? Ведь можешь навлечь на себя гнев эйстаа.

— Сделаю — и сегодня же. Нужно найти искусную рисовальщицу, чтобы я предстала перед эйстаа со знаками величайшей важности на руках.

— Я пришло. Сегодня же.

Уладив все неотложные городские дела, Саагакель откинулась на теплую древесину и почувствовала, как она устала. Власть — штука нелегкая... Вдруг окружавшие эйстаа расступились, пропуская медленно приближавшуюся Вейнте'. Руки ее были разрисованы, что означало необходимость конфиденциального разговора. Саагакель оживилась: ее томила пустяковая сущность всех городских проблем. Она шевельнулась и встала.

— Я ухожу к пруду, и чтоб никто не смел меня тревожить. Пойдем со мной, Вейнте', поговорим.

Когда они остались вдвоем, Саагакель достала кусок прохладного мяса из емкости, всегда стоявшей здесь на всякий случай. Откусила и протянула Вейнте'. Та, как подобает, церемонно откусила кусочек, медленно прожевала и проглотила, после чего заговорила:

— Я, бывшая эйстаа, обращаюсь к тебе, как к эйстаа. Мы обе претерпели одинаково. Я буду говорить о болезненных проблемах, но только потому, что вижу в грядущем окончание всех бед. Я буду говорить о Дочерях Жизни, которых всегда считала Дочерьми Смерти. Выслушаешь ли ты меня?

Тело Саагакель в гневе задергалось. Разделяя ее чувства, Вейнте' повторила ее движения. К гневу примешивалась ненависть — а что соединяет прочнее разделенного неприятия?

— Говори, — велела Саагакель, — я вижу, в этом мы заодно. Скажи мне, что тебе известно и что ты можешь сделать. Сними с меня тяжесть, придавившую мои плечи, и ты сможешь с полным правом пожать мои большие пальцы как высочайшая. Говори.

Вейнте' ответила жестами благодарности и покорности.

— Расскажу тебе о прошлом, которое нельзя оторвать от настоящего. Мы с ней были в одном эфенбуру. Я не выбирала его. И она была моей эфенселе, но я ее

отвергла. Я хочу ее смерти. Ее имя Энге, и она главная среди Дочерей Смерти.

— Энге была в моем городе, и я заточила ее в сады, поскольку в речах ее был разврат. И свои растлевающие разговоры она вела с уважаемой всеми ученой преклонных лет, звавшейся Амбаласи. Энге совратила ее с пути истинного. Ученая освободила всех этих тварей и увезла их отсюда в моем урукето. С тех пор их не видели и не слышали о них.

— Сильная охотница Фафнепто поведала мне об этом и спросила, не слыхала ли я чего-нибудь. Мы поговорили и, объединив познания, решили, что ты тоже должна узнать об этом. И я сама решилась говорить с тобой, потому что другим запрещено делать это в твоём присутствии.

— Не без причины. Гнев разрушает, если глаза не видят его причин.

— Я знаю, ибо сама ощущаю то же.

— Говори все, что знаешь.

— Урукето уплыл, и в городах Энтобана его больше не видели и не слышали о нем.

— Значит, они погибли?

— Не думаю. Энге бывала в Гендаси и пережила гибель Алпеасака. Не стань она Дочерью Смерти, она могла бы быть эйстаа. И я думаю, что она далеко увела урукето.

— В Гендаси? А это возможно?

— Возможно и вероятно. Ни один город в Энтобана не принял бы смертоносный груз, который увез урукето. Но Гендаси велика, тепла и полна хорошего мяса. Энге уплыла туда. А с ней и предательница Амбаласи. Я не видела этого и не знаю, видел ли кто-нибудь. Но я всем телом чувствую это.

Саагакель принялась в волнении расхаживать туда-сюда, дергаясь всем телом и щелкая зубами.

— Что же делать? — воскликнула она. — Ты подумала, что нам теперь делать?

— Надо их отыскать. Я знаю земли Гендаси, потому что искала и была там убийц-устузоу. В Алпеасаке иилане' науки знают как искать и находить. Только до сих пор они следили за устузоу. Но что им мешает отыскать иилане'?

Саагакель успокоилась, ярость утомила ее.

— Я должна подумать и принять решение. Рада, что мы поговорили, Вейнте', теперь я могу хоть как-то утихомирить душащий меня гнев. Иди, поговори с Остуку. Скажи ей, что утром мы будем обсуждать вопросы, долго считавшиеся запретными. Если рана болит — ее надо очистить. А потом начнем действовать — и кое-кого настигнет смерть. Я была слишком доброй.

— И я тоже. Я относилась к ним, как к иилане', но теперь они стали опасны. Они достойны смерти.

Глава двадцать третья

*Hoatil ham tina grunnan,
sassi peria malom
skermom mallivo.*

*В несчастье всякий как на лагони,
а вот каков ты в добрые времена...*

Пословица тану

Карабкаясь по крутому кособору у ручья, Керрик поскользнулся на мокрой от дождя траве, упал и покатился в колючие заросли ягодного кустарника. Он весь исцарапался и, помогая себе копьём, встал на ноги. Перед тем, как упасть, он думал о том, что пора навестить Надаске' на острове. Размышляя он, естественно, на иилане'. Этот язык лучше, чем марбак, подходил для выражения неудовольствия, и, вылезая из кустов, Керрик шипел и дергался.

Вечер был таким же унылым, как день. Ливень помешал охоте, разогнал дичь по норам. Тех немногих, кого удалось спугнуть, сразили чужие стрелы.

Выбравшись из колючей чащобы, Керрик спустился к ручью и, положив на влажный мох копьё и лук, стал обмывать царапины. В кустах затрещало, и он поднял копьё.

— Я тану, а не мургу, — объявил Ханат, увидев прямо перед носом копьё. — Пощади меня, храбрый из саммадаров, я тебе пригожусь.

Что-то буркнув в ответ, Керрик зачерпнул пригоршню воды и выпил. Обычно общество весельчака Ханата радовало его, но не сегодня. Заметив, что охотник

погрузил в воду большой горшок, Керрик, не сдержавшись, ехидно сказал:

— Воду носят женщины, а охотники — мясо.

— Ты прав, — спокойно согласился Ханат, не обращая внимания на выпад. — Этот самый охотник целую гору мяса перетаскал маленькой Малаген, чтобы она обожгла этот горшок. Только она умеет делать такие большие и прочные.

— Охотнику не нужны горшки.

— Нужны и еще как. Хороший горшок для этого охотника ценнее стада оленей.

Керрик так удивился, что разом позабыл о плохом настроении.

— Почему?

— Почему? И это спрашиваешь ты, сидевший с мандукто саску и узнавший вкус порро. Порро лучше, чем печенка молодого оленя, слаще лона женщины; пить его приятнее, чем есть оленью печенку, лежа на женщине...

— Помню — Херилак говорил мне. Это ты и Моргил повздорили с мандукто в долине. Он сказал, что вы украли и выпили их порро.

— Никогда! — Подскочив, Ханат изо всех сил стукнул себя в грудь. — Никогда мы не были ворами. Да, мы попробовали, конечно, самую малость. А потом смотрели и запоминали, как делают порро. Секрет невелик. А затем мы сделали собственное порро и пили его.

— И вам было тошно.

— Было. — При этом воспоминании Ханат опустил на траву и отхлебнул из горшка воды. — Сделать порро — дело нехитрое. Главное — правильно все смешать. И мы никак не можем открыть этот секрет.

— До сих пор? Значит, горшок вам нужен, чтобы делать порро?

— Да и нет. Мандукто делали свое порро из тагассо, но все наши запасы кончились. Теперь мы ищем способ обходиться без тагассо. А это нелегко.

— Но еще труднее понять, зачем вам это нужно.

— Я скажу тебе. Ты пил порро и знаешь, что это доброе питье! — Пыл Ханата пропал. Он вздохнул. — Порро бывает и скверным — если все перепутаешь. Мы размешиваем в воде сушеный осадок порро. Добав-

ляем мох, закрываем горшок и держим его в тепле — через несколько дней порро готово! Иногда. — Он снова вздохнул.

— А зачем мох?

— Не знаю, но без него ничего не выходит. Получается просто прокисшая похлебка. А с мохом зелье начинает бродить, булькать, словно живое. Вверх поднимаются пузырьки, как из болота...

— Звучит ужасно.

— Нет, что ты, иногда выходит просто великолепно. В болотной воде пузырьки вонючие, а в порро — щекочут нос. Очень вкусно. Но с тагассо получается лучше. А от других зерен нам бывало очень плохо. — Ханат встал, поднял полный горшок и просиял. — Но сегодня есть новое порро. По-моему, оно уже готово. Иди попробуй.

— Только после тебя, — рассудительно ответил Керрик.

Он взял оружие и отправился за охотником, к которому при мысли о новом пойле вернулось хорошее настроение.

— Мы делали так. Растертые зерна тагассо похожи на любые растертые зерна. Зерно и зерно... какая разница? На сей раз мы срезали верхушки травы, из которой женщины готовят похлебку. Добыли зерна. Замочили его, добавили мха и поставили на солнце. И сегодня утром, приложив ухо к горшку, я уже не услышал этого сладостного бульканья. Сегодня горшок весь день простоял в тени. Моргил поливал его водой, чтобы как следует охладить. Сейчас попробуем!

Керрик еще не бывал у них в шатре и не понимал, каких усилий стоила охотникам новая прихоть. Они разбили шатер в открытой ложбине, вдали от других, где были и солнце, и тень, необходимые для булькающего зелья. Огромные горшки грелись на солнце, прохлаждались в тени, валялись заброшенные или разбитые... Последние, видно, были виноваты в том, что состав не удался. Моргил лежал на земле и обнимал горшок, прислушиваясь к доносящимся изнутри звукам.

— Умолк, — удовлетворенно сказал он, поливая водой еще влажную глину. — Попробуем?

— Керрик поможет.

— Он храбрый охотник — пусть попробует первым.

— Не настолько храбрый, — сказал Керрик, отступая. — Вы победили порро, вам и пить его первыми.

Моргил перерезал плетеный шнурок, удерживавший на горле горшка листья; Ханат торопливо скомкал их и бросил. Нагнувшись над горшком, он принялся и обернулся с улыбкой.

— Давно так хорошо не пахло.

— И в последний раз пахло неплохо, — с мрачной практичностью сказал Моргил. — А мы болели два дня.

Вспомнив об этом, они не без колебаний опустили в горшок глиняные чашки. Моргил пришел в полное расстройство, а потому пить не стал и лишь смотрел, как Ханат понюхал порро и отхлебнул. Потом задумчиво скорчил рожу — и расплылся в улыбке.

— Лучше еще не получалось! Как у мандукто, даже вкуснее.

Допив оставшееся в чашке, он вздохнул и удовлетворенно рыгнул. Моргил с довольной миной последовал его примеру. Последним зачерпнул Керрик и нерешительно пригубил.

— Не хуже, чем у саску, — согласился он. — Даже лучше — их порро в далекой долине, а это рядом — под боком.

Ответом ему было дружное бульканье.

После третьей порции Керрик обнаружил, что дурацкие шутки Ханата приводят его в восторг... или, может быть, они стали не такими глупыми? Действительно смешно! И он так хохотал, что расплескал четвертую чашку, и ее пришлось наполнять вновь. Моргил, выпивший столько, сколько Керрик с Ханатом вместе, уже лежал и храпел. Керрик выпил еще — и оставил чашку. Теперь только он понял, почему мандукто позволяли пить порро лишь по особым случаям. Ханат что-то бубнил себе под нос, громко смеялся над собственными шутками и даже не заметил, как Керрик поднялся на ослабевшие ноги и отправился домой. Снова пошел дождь, но это уже не беспокоило его.

Керрик медленно брел между беспорядочно разбросанными шатрами, наслаждаясь будничной суетой. Серые струи дыма поднимались из дымовых отверстий к

небу, тая в таком же сером небе. Перекликались женщины, кто-то смеялся.

Неподалеку от стоянки вскопали небольшой луг, сняли дерн. Этим занимались только женщины — такой труд не для охотников. В землю высадили зерна харадиса, которые Малаген прихватила из долины. Женщинам нравились мягкие ткани из его волокна, и они не жалели сил. Охота была хорошей, птицы было в избытке. Можно было уделить время и харадису. Ткани, крепкие горшки, — приятно было видеть, что тану сумели перенять секреты саску.

Из шатра появился Херилак и окликнул проходившего мимо Керрика.

— Хороша ли была охота?

— А ты разве не ходил?

— К северу отсюда я заметил следы двух крупных мургу. И пошел по ним со стреляющей палкой.

— Она не болеет?

— Я слежу за ней, берегу, сытно кормлю. Так я убил обоих. А когда уходил, трупоеды уже сидели на тушах.

— Слишком сильный дождь для охоты. Я не принес ничего. А некоторым повезло. А стреляющие палки в порядке — я спрашивал.

Теперь этот страх был неразлучен с охотниками, они даже привыкли. Жива стреляющая палка — жив и охотник.

Керрик быстро повернулся — и, чтобы не упасть, ухватился за дерево. Херилак нахмурился.

— Ты заболел?

— Нет. Только выпил свежего порро.

— Понятно. Я тоже пробовал его. Эта парочка скоро пропадет, если не остановится.

— А в новом горшке — очень вкусное порро.

Охотников окликнул чей-то женский голос; они повернулись и увидели Меррис, которая протянула им что-то завернутое в листья. Под листьями обнаружили еще дымящиеся клубни.

— В костре испекла, — сказала она. — Я их вчера нарыла.

Разломив обугленную корочку, охотники поплевали на пальцы и стали есть сладкую мякоть. На их благодарность женщина одобрительно кивнула. Керрику такие

отношения были все еще в новинку, хотя для тану это дело привычное. В саммаде так и живут, а для него такая жизнь была непривычной. Когда саммады жили вместе, как сейчас, и было вдоволь еды и питья, всегда было много разговоров и угощений. Это была жизнь, которой Керрик не знал в своем одиночестве, и он радовался ей.

Надо бы сходить к Надаске', он давно уже не бывал у иилане'. Эта мысль явилась сама собой. Зачем вспоминать о несчастном друге, когда вокруг так прекрасно? Почему бы не предаться наслаждению жизни? Должно быть, он становится похожим на старого Фракена, которому жаловаться было приятнее, чем наслаждаться. Нет, не так. Все-таки он привязался к самцу иилане' и слишком хорошо знал цену его одиночества. Теперь ему так же одиноко среди тану, как некогда Керрику среди иилане'. Надо бы его навестить. Как-нибудь...

— Еще? — спросила Меррис.

— Да, конечно.

Он с жадностью набросился на еду, мысли о Надаске' сразу вылетели из головы. Хорошо жить в саммаде.

Пока живы стреляющие палки. Ах, эта маленькая подробность, источник вечного беспокойства.

Услыхав свое имя, Херилак обернулся, стряхивая с пальцев крошки. Перед ним стоял парень-без-имени, как всегда грустный.

— Алладжекс очень болен. Еле дышит. Боюсь, что он умирает.

Он уже научился скрывать свои чувства. Когда старик умрет, ему быть новым Фракенем, новым алладжексом. Конечно, он страстно желал этого, с нетерпением ожидая окончания поры учения и услужения, но лицо его не обнаруживало даже тени подобных мыслей.

— Он хочет говорить, нужно выслушать, — тихо сказала Меррис.

Она не испытывала особого доверия ни к самому Фракену, ни к его травяным отварам, ни к предсказаниям будущего. Но каждый знал, что слов важнее, чем перед смертью, уста тану не произносят. Когда рядом смерть — ложь неуместна. В смерти человек видит многое, что сокрыто от глаз живых. Предсмертные

слова ценили. И когда парень повернулся, все поспешили за ним.

Кое-кто успел зайти в шатер, другие собрались около. Возле очага валялись шкуры и кожи. Когда вошедшие приблизились, Фракен слабо кашлянул. Лицо его осунулось, почти истаяло. Глаза старика были закрыты... может быть, предсмертных слов не будет. Но парень-без-имени нагнулся к его уху и зашептал. Фракен что-то забормotal, потом открыл глаза и медленно обвел взглядом собравшихся. Прежде чем заговорить, старик закашлялся, и парень стер с его губ выступившую кровь.

— Вы пришли сюда потому, что я умираю. Я много раз говорил вам, но вы не слушали. А теперь я умираю, и вам придется слушать. Этот парень будет Фракеном. Он умеет читать будущее по совиным шарикам. Слушайте его — я хорошо учил. И слушайте меня, потому что я вижу то, чего не видел прежде... — Он снова закашлялся, откинулся назад и долго лежал, пока силы вновь не вернулись к нему. — Подыми меня, — сказал он. Кровь стекала струйкой у него по подбородку. Парень приподнял голову умирающего, чтобы он мог видеть тану, молча стоявших у очага. Глаза его обратились к Херилаку, остановились на Керрике, и лицо старика исказила гневная тень. — Мы сейчас в стране мургу. Это плохо. Наше место в горах, среди снегов. Там нужно жить. Подальше от мургу, от их мыслей, поступков, подальше от тех, кто поступает подобно мургу.

Присутствующие посмотрели на Керрика, но тут же отвели взгляд. Его лицо оставалось спокойным и невозмутимым. Он знал — старик всегда ненавидел его. И в словах умирающего была не правда, а лишь последняя месть.

«Умирай же, — подумал Керрик, — скорее. И никто о тебе не вспомнит».

— Если мы будем жить рядом с мургу, то сами превратимся в мургу. Мы тану. Уходите в горы, возвращайтесь к прежним путям.

Глаза его закрылись — старик снова зашелся в кашле. И больше не открывались, хотя умер он не сразу. Керрик ждал вместе со всеми и, хотя ненавидел стари-

ка, не смел выразить своего чувства. Стемнело. Парень-без-имени подложил дров в очаг. Дым окутал Фракена, тот опять закашлялся — и умер. Херилак нагнулся, тронул старческую шею, приоткрыл пальцами веко и выпрямился.

— Умер. Вот вам новый Фракен.

Керрик медленно шел к своему шатру. Ненависть покойного не смущала его — наконец-то ей пришел конец. Старый Фракен был существом ядовитым. Надо же, хочет, чтобы они вернулись в горы, к снегам, а сам-то небось не возражал против жизни на юге... радовался даже.

Там, в далеких горах, нет дичи — одни только снега. И саммадам нет дороги назад. Им придется остаться здесь, в тепле, где хорошая охота.

Пока живы стреляющие палки, которые держат убийц-мургу на расстоянии. Эта мысль не давала Керрику покоя.

Глава двадцать четвертая

*Essekakhesi essavalenot,
essentonindedei uruketobe.*

*Там, где океанские течения,
плавает урукето.*

Алофегма ишлане'

Выйдя из тенистого перехода, Энге услышала крики, но смысла их понять не могла, пока не увидела Амбаласи и не разобрала ее голос. Развалившись на доске для отдыха, старая ученая кричала помощнице:

— Ткни ее, только не порань. Пусть кусает палку.

В дальнем конце прогалины раздавалось страшное шипение и клекот. Энге с удивлением заметила, что Сетессеи тыкает длинной палкой в какую-то птицу. Теряя перья, существо яростно било крыльями и хватало палку зубастой пастью. Значит, не птица, если у нее зубы. Поодаль шипели от страха еще четыре

таких же создания со связанными ногами.

— Теперь выпускай! — приказала Амбаласи.

Ноги пленницы стягивала живая повязка. Сетессеи палкой нащупала нервный узел, нажала на него — пасть живой веревки открылась. Оказавшись на свободе, странное создание с визгом припустило к деревьям. На бегу оно расправило крылья и время от времени подпрыгивало в воздух.

Наконец оно с воплем исчезло в подлеске.

— Великолепно, — высказалась Амбаласи, отмечая успех правой рукой. Но едва острая боль пронзила ее перевязанный палец, жест превратился в осуждение-неудовольствие.

— Удовольствие присутствовать, — произнесла Энге. — Печаль от раны, надежда на скорое выздоровление.

— Разделяю надежду. Случайно занесла инфекцию, порез струнным ножом во время последнего вскрытия. Замедленное заживление свидетельствует о старости организма.

— Амбаласи обременена годами мудрости.

— И годами годов, Энге. С возрастом не поборешься. Но о нем можно забыть, радуясь открытиям и исследованиям. Ты видела, как бежали эти создания?

— Видела. Не ясны причины освобождения пленницы. Непонятно, кто она. Перья, как у птицы, однако зубы, нет клюва.

Амбаласи одобрила наблюдательность жестами.

— Оставь только свои бесплодные теории, невидимые мысли Угуненапсы, и я сделаю из тебя истинную иилане' науки. Не хочешь? Напрасно. Такая трата способностей. Ты сразу заметила у нинкулилеба зубы. Поэтому он так и зовется. Это живое ископаемое. Отпечатки существ, подобных ему, я видела на камнях, отложившихся неисчислимое время назад. Но на этом континенте, вдали от Инегбана, оно благоденствует. Ты видела перья и зубы. Это существо — промежуточное звено между древними ящерами и великолепно умеющими летать естекелами. А может быть, и нет. Не исключена параллельная эволюция. Эти создания напоминают нынешних птиц. Крылья есть, перья есть — только не могут взлететь в воздух. Ты сама видела. Ловя насекомых и спасаясь от хищников, они быстро бегают, помогая себе крыльями. Это не континент — это откровение, здешнюю флору и фауну можно изучать целую жизнь.

Разговаривая, Амбаласи сняла с руки нефмакел, бросила негодующий взгляд на заживающую рану и жестом велела Сетессеи наложить новую повязку. Пока та прилаживала ее, Амбаласи поинтересовалась причинами появления Энге.

— Беспокойство о ране, желание помочь.

— Рана болит, но заживает. В чем помощь?

— Омал говорит, что с контейнерами неладно — мясо портится.

— Плохие энзимы. Сетессен позаботится об этом, как всегда. Но зачем Энге нести весть, с которой могла бы справиться и Омал? Даже любая фарги, которая хоть чуть-чуть иилане'.

— Амбаласи видит все мысли собеседницы. Хотя для тебя вопрос интереса не представляет, я ищу ясности мысли в том, что может ускользнуть от меня.

— Временами я ощущаю себя единственной иилане' посреди йилейбе фарги. И как-то мир обойдется без моего разума?

Хотя вопрос ответа не требовал, Энге ответила с подчеркнутой уверенностью:

— Не знаю, как весь мир, но я и сестры погибнем. И в полноте времен не забудем об этом. — И она почтительно склонилась, нижайшая перед высочайшей.

— Хорошо сказала. Лстиво, конечно, но истинно. Итак, для чего же еще потребовалась тебе моя безграничная мудрость?

— Многие спрашивают меня, и по-разному, но вопрос один и беспокойство одно.

— Твоим лентяйкам следует меньше думать и больше работать. Ваши новые фарги, причисленные к Дочерям Жизни, делают всю работу по городу, невзирая на то, что они — только фарги, неразумные и бестолковые в невероятной степени. У прочих остается слишком много времени на разговоры и вопросы.

— Амбаласи точна, как всегда. Но этот вопрос мучает и меня. Страх за будущее, которое не наступит. Страх окончания. Страх за жизнь этого города.

Амбаласи сердито фыркнула.

— Абстрактные думы порождают абстрактные страхи. Все здоровы, город растет. Опасностей мало, пища в изобилии. Разумная иилане' только наслаждалась бы настоящим, не думая о грядущих муках. Все вы молоды и только начинаете долгую созидательную жизнь. Зачем терзать себя думами о будущем? Не отвечай, я это сделаю за тебя. Все вы — Дочери Недовольства — и никогда не обретете ни истинной мудрости, ни истинного удовольствия. И ваши непрерывные споры о том, каким способом предотвратить окончание жизни, погубят вас самих.

— Да, но однажды...

— Но уже не при мне. Вы сами придумали себе проблемы. И должны искать выход самостоятельно. Я же приближаюсь к завершению своих трудов и, когда все будет закончено, навсегда покину эти края.

— Я и не думала...

— В отличие от меня. Я подарила вам жизнь и город. Они ваши — наслаждайтесь, когда я уеду отсюда. Ищите совет в словах Угуненапсы, раз не хотите моего. Сетессеи, раздразни еще одного нинкулилеба. У них такой интересный полет, который и полетом-то назвать нельзя. Ведь у них не перья, а скорее чешуи. Надо сделать записи. Наука все время продвигается вперед, хотя вы, Дочери Жизни, явно не подозреваете об этом.

Саагакель оглядела советниц, знаком потребовала внимания и заговорила:

— Дочери Жизни. Я называю это имя и, хотя оно еще немного сердит меня, более не чувствую той губительной ярости, что некогда владела мной и всеми нами. Я называю их презренное имя, потому что Фафнепто открыла нам новое знание, которое ей, в свою очередь, передала Вейнте'. И мы должны решить, как использовать это новое знание, чтобы я могла отомстить преступницам, опозорившим этот город и его эйстаа.

Саагакель кончила — раздались одобрительные возгласы, гневные призывы к мести, требования просветить. Приятная картина. Вейнте' в суровом молчании восседала по правую руку Саагакель. Получив разрешение эйстаа, она заговорила:

— Ваша эйстаа рассказала мне, что случилось в тот день, когда были освобождены гадкие твари, которые потом бежали из города в урукето. Несправедливость следует исправлять. И чтобы ее исправить, следует учесть две вещи. Во главе этой стаи мерзких и некультурных животных стоит некая Энге. Я хорошо ее знаю и еще расскажу вам о ней. Урукето уплыл неизвестно куда. Но сильная Саагакель знает, где его искать. Она знает, что этого урукето больше не видели в городах Энтобана. Вы можете подумать, что преступницы скры-

лись от суда эйстаа. Это не так. Я верю, что обладаю знанием, которое откроет нам их пути.

Раздалось удивленное бормотание, сопровождающееся жестами предвкушения и любопытства. Зеваки, толпившиеся за ручьем, напряженно вглядывались, пытаясь разобрать, что творится на другой части амбесида, но ничего не могли понять и только трепетали от любопытства. Ясно было одно: обсуждается чрезвычайно важный вопрос.

Внезапно толпа заволновалась и расступилась, пропуская вперед Гунугул, позади которой шли две фарги и что-то несли. Вейнте' показала на пришедшую.

— Все вы знаете, Гунугул — самая старшая среди всех капитанов урукето. Она принесла нам кое-что важное. Покажи свои карты, мудрая Гунугул, и разъясни их смысл, чтобы все могли понять.

Повинуясь приказу Гунугул, фарги достали карту, разложили ее на траве и застыли, придерживая лист когтями. Присутствующие зашевелились, стараясь разглядеть карту. Конечно же, они ничего не понимали. Гунугул показала на большое темно-зеленое пятно.

— Вот Энтобан, где находится великий город. Вот, смотрите, здесь, на краю океана, находится Йибейск. — Все с одобрительным ропотом принялись разглядывать золотистое пятнышко. Гунугул провела пальцем. — А вот океан. Мы имели удовольствие выслушать Вейнте', которая рассказала, как плыть на его другой берег в Гендаси и Алпеасак. Дайте другую карту.

Все напряженно ждали, пока развернут новую карту. Она была столь же таинственной и непостижимой, как и первая.

— Это Гендаси. Огромный пустынный континент. Как утверждает Вейнте', здесь нет иилане', всюду ползают устузоу. Я показала вам то, что просила Вейнте'.

Гунугул отошла назад, чтобы любопытствующие могли наглядеться на карту. Одним глазом разглядывая таинственную карту, другим они смотрели на Вейнте'.

— Я рассказала вам о городе Алпеасаке. Но не сказала — подобного не одобряла ваша эйстаа — что в этом городе жили Дочери Жизни, ибо такой вопрос не для публичного обсуждения. Некоторые из них умерли, пока подрастал город; таких было мало. Другие

погибли в огне, когда город горел. Они умирают не так, как положено иилане', которые просто не могут жить, если гибнет город. Я вам не буду рассказывать, как именно они погибли — это чересчур отвратительно. Одна из них спаслась, тогда как многие из ее товарок погибли. Спаслась та, которой следовало умереть. И она явилась в этот город, а потом бежала отсюда. Имя ее — Энге.

Про карту забыли. Взоры были обращены к Вейнте'. Затаив дыхание, все слушали, боясь пропустить хоть одно слово.

— Ее звали Энге, Дочерью Жизни. Она обладает великим, но извращенным умом. Она знала о далекой Гендаси. Знала, как пересечь океан.

Все слушали, открыв рот. Рассказ Вейнте' был столь удивительным, что никто, кроме эйстаа, не знал, чем он кончится. Идеальные слушательницы молча склонились вперед, каждым движением тела умоляя продолжать.

— Вы знаете, что покинувшего город урукето никто не нашел. Гунугул, мог ли урукето пересечь океан?

— Там, где океанские течения — плавают урукето.

— Можно ли пересечь его по направлению к далекой Гендаси?

— Другие урукето делали это, значит и этот способен. Выпрямившись, Вейнте' взглянула на Саагакель.

— Говорю тебе, Саагакель, эйстаа Йибейска, что твой урукето пересек океан и уплыл в Гендаси. Но не в город Алпеасак. Его эйстаа не жалует Дочерей Смерти. Урукето не в городе, искать его следует у побережья. Больше ему негде быть.

— Пропал, — горестно простонала одна из советниц.

— Пропал, — хором повторили другие.

Но эйстаа потребовала внимания, и все мгновенно умолкли.

— Вижу — все вы иилане' невеликого разума и еще меньшей предприимчивости. Потому-то я и распоряжаюсь вами, неразумными. Вы даже не подумали, что можно просто отправиться следом за ними, захватить, убить, отомстить и вернуть урукето.

Усвоив сказанное, все восторженно завопили, жестикулируя, выражая благодарность эйстаа и уверенность в победе. Эйстаа принимала одобрение как должное,

Вейнте' благоразумно замерла за ее спиной. Ей нужно не шумное одобрение, а только месть.

Мести жаждала и Саагакель, но мести тайной. Она хотела сама выследить урукето, где бы он ни оказался. Захватить его и убить старую Амбаласи, зачинщицу злодеяния. Только об этом она и мечтала.

Но не могла осуществить своих намерений. Она — эйстаа, вот ее город. И если она покинет его, правительницей станет другая — и сместит ее. Она вернется и увидит на своем месте новую эйстаа. Месть или власть — нужно было выбирать.

— Все прочь! — приказала она, показав пальцем за ручей. — Вейнте' остается. Гунутул остается. Фафнепто остается.

Она не хотела ничего обсуждать — даже с самыми верными советницами. Она уже приняла решение, и да будет так. И пока все расходились, она стояла в безмолвном раздумье и заговорила лишь тогда, когда последняя иилане' перешла мостик.

— Гунутул, ты говоришь, что урукето может пересечь океан. Когда ты сможешь отправиться?

— Когда прикажешь, эйстаа. Он сытый, толстый, экипаж готов. На погрузку мясных консервов и воды уйдет день. А потом можем отправляться. Ты видела карты, путь ясен.

— Хорошо. Ты как всегда будешь командовать урукето. И найдешь дорогу в далекую Гендаси. А когда достигнете берега, поиск возглавит Вейнте'. Она расскажет тебе о тамошних суше и море, и ты будешь искать там, где она скажет. Сделаешь ли ты это ради меня, Вейнте'?

— Как прикажешь, эйстаа. Я с величайшим удовольствием исполню твой приказ, ведь и я хочу того же. А когда мы найдем урукето — что делать? Что ты прикажешь сделать с теми, кто украл его?

Когда Саагакель ответила, воодушевление Вейнте' поубавилось, но она скрыла замешательство за позой предельного внимания.

— Когда урукето найдется, ты обратишься за распоряжениями к Фафнепто. Хоть ты не из нашего города, Фафнепто, — сможешь ли действовать в его интересах? Будешь ли ты отслеживать тех, кто оскорбил

меня, обрушишь ли на них мое суровое возмездие? Ты охотница — сумеешь ли охотиться ради меня?

Фафнепто приняла позу бесхитростной покорности.

— Я сделаю так, как ты прикажешь. С удовольствием. Я уже охотилась на всякого зверя, но ни разу — на иилане'. Добрая будет забава, хорошая дичь.

— Хорошо сказано. А теперь пусть все уйдут, а ты — выслушаешь мои приказания.

Вейнте' изо всех сил пыталась скрыть неудовольствие. И с жестом благодарности и уважения отвернулась... Она действительно испытывала эти чувства к эйстаа, предоставившей ей такую возможность. Только за серебряным мостиком Вейнте' позволила себе недовольный жест. Ей приходилось повиноваться, и эйстаа знала это.

Потому-то она и была эйстаа. Никто не сядет на место Саагакель, пока она жива. Саагакель будет приказывать, остальные — повиноваться. Гунугул пересечет океан. Вейнте' выследит добычу. А потом что?

Вейнте' обернулась, взглянула издали на разговаривавших. Фигуры шевелились, но смысла она уловить не могла. Так что же приказала эйстаа Фафнепто? Вейнте' даже не догадывалась. Если бы у нее было что-то: власть, положение, собственность — она бы все отдала, чтобы узнать, о чем они говорят. Но она не узнает. И Вейнте' отвернулась и поспешила за капитаном урукето.

Когда будут грузить продукты и воду, надо проверить, не забыли ли хесотсаны.

Глава двадцать пятая

— Я была здесь целую жизнь назад, — сказала Вейнте'. — Или в другой жизни. Я стояла вот так. А там, где ты, Фафнепто, — капитан урукето. Она умерла. Ее звали Эрефнаис. Я давно не вспоминала о ней. Ее урукето умер — умерла и она.

Путешествие оказалось легким. Небольшие дожди, ни одного шторма. В дороге Вейнте' не спала, как остальные, а большую часть времени проводила здесь, на верху плавника. Пальцы ее сжимали грубую шкуру, ощущая движение могучих мышц урукето. С каждым ударом его хвоста они приближались к берегам Гендаси, откуда Вейнте' уже дважды изгнали — третьего раза не будет.

Из темной камеры выбралась Фафнепто и стала рядом с нею на солнышке. Она не любила говорить, но была отличной слушательницей. Ей хотелось побольше разузнать о новом континенте, и она с почтением внимала Вейнте'. А та с радостью рассказывала.

Заслонившись от солнца рукой, Фафнепто взглянула в сторону горизонта. Ее зрачки превратились в тонкие щелочки.

— Я вижу что-то там, далеко. Это острова?

— Да. Вчера, пока ты была внизу, мы прошли мимо большого острова. Он — первый в длинной цепочке островов. Алакас-Аксехент. Гряда золотых самоцветов. Их песок и вода вокруг них теплые круглый год. Острова тянутся к побережью, где находится город Алпеасак. Но мы к нему не пойдем; урукето, который мы разыскиваем, не может быть у пристаней города.

— Может быть, следует поискать возле островов?

— Не думаю. Говорят, там мало растительности, нет воды. Скорее всего они отправились на континент, где есть на кого охотиться.

— Понимаю. А знаешь, если хочешь выследить зверя, то надо думать, как он.

— Никогда не слыхала, но, раз ты так говоришь — верю. Значит, если мы отслеживаем беглянок, то надо думать их мыслями.

— Попробуй это сделать, попробуй встать на их место. Я много раз разговаривала с ученой по имени Амбаласи. Когда она мыслит подобно мне, я ее понимаю — она тоже стремится узнать побольше обо всем, что живет в этом мире. Я часто приносила ей образцы, отвечала на ее вопросы. Но я не могу понять — почему она освободила пленниц, почему помогла им бежать?

— На этот вопрос и я не могла бы ответить. Для меня просто непостижимо, что иилане' мудрости могла помочь Дочерям Смерти. Я могу сказать об Энге, главной среди них: это могучий ум, обращенный не туда, куда надо.

— Если она увела их — то куда могла привести?

— Важный вопрос. Если мы на него ответим — можем считать, что беглянки пойманы.

— Не могли ли они спрятаться на огромном острове, мимо которого мы проходили вчера?

— Манинле? Я ничего не знаю о нем, кроме названия. А Энге и этого не знает...

Внезапно умолкнув, Вейнте' бросила взгляд на пенный след урукето, посмотрела вдаль. Потом, повернувшись к Фафнепто, сделала жест благодарности и уважения.

— Ты — воистину охотница и сказала важную вещь. Надо послать за капитаном. Насколько мне известно, остров необитаем, но, может быть, это и не так. Нужно обойти вокруг него. И если у берега окажется урукето, значит, мы нашли то, что искали.

Узнав суть дела, Гунугул немедленно согласилась. Едва урукето начал неторопливо поворачивать в морских волнах, энтиисенаты, верные спутники и кормильцы, бросились назад. Они выпрыгивали из воды, с шумом падали в волны — так продолжалось до темноты. Ночью они отдались течению рядом с неподвижным колоссом.

Поутру вдалеке показались песчаные берега.

— Горы и лес, — отметила Вейнте', — пресная вода, отличная охота. Здесь они могли бы укрыться. Нужно проверить берег.

— Сколько потребуется, чтобы обойти его морем? — поинтересовалась Фафнепто.

Гунугул ответила жестом неопределенности, ссылаясь на незнание величины острова.

— Несколько дней, наверное.

— Тогда я высажусь возле того мыса, — объявила Фафнепто. — Я так устала в океане, просто истосковалась по лесу. И хочу увидеть, какие животные обитают в этой части света. Я буду здесь дожидаться вашего возвращения.

— Еды возьмешь? — спросила Гунугул.

— Только хесотсан. И к вашему возвращению будет готово свежее мясо.

Высоко подняв хесотсан над головой, охотница скользнула в воду и быстро поплыла к полосе прибоя. Урукето поплыл вдоль берега. Вейнте' и капитан с плавника разглядывали утесы и пляжи. Маловероятно, что охота завершится так быстро и легко. Но она началась. И Вейнте' уже не считала себя пассажиркой. Они внимательно осматривали все попадавшиеся по пути бухты. Через два дня они с трудом обогнули оконечность острова: урукето пришлось потрудиться, выгребая против течения.

— Здесь теплая вода, — заметила Гунугул, — течет с юга. Урукето любит теплые воды. Погляди, вон край течения — видишь, как меняется цвет воды. Течения — словно реки в океане. Следуя им, мы прокладываем курс.

Наблюдавшая за берегом Вейнте' не расслышала слов капитана.

— А к югу от этого острова ничего нет? — спросила Гунугул. — На моей карте ничего не обозначено. Может быть, это совсем неисследованные края?

— Я ничего не знаю о других островах. Мне не приходилось их видеть.

— Быть может, следует поискать и к югу отсюда? — произнесла Гунугул, оглядывая горизонт.

Вейнте' посмотрела на голубую гладь, на высокие облака над океаном. Дальше на юг? Там могут быть новые острова. Вейнте' подумала, потом решительно сказала:

— Нет там ничего. Энге знает северные берега Гендаси — туда они и бежали. Но все-таки обогнем остров. Если их здесь не окажется, поплывем дальше на север.

Она отправилась в эти края по приказу Саагакель, чтобы найти Энге, ученую Амбаласи и урукето. В этом их с эйстаа цели совпадали. Но и Керрик тоже на севере, и она отыщет его. Она ненавидела Керрика не меньше, чем Дочерей. Даже больше — ведь он уже два раза одолел ее. Третьего раза не будет. Когда она его отыщет, все будет кончено.

Разинув пасть в смертном оскале, с дерева свисал подвешенный за заднюю ногу большой травоядный ма-раг. Керрик освежевал его, отрезал обмякшую заднюю ногу. Мясистая, вкусная. Он завернул ее в листья, скрепил шипами. Потом вытер о траву кремниевый нож, взял окровавленную шкуру и отнес в яму за деревьями. Оттуда с костей и полусгнившей требухи взвились полчища жужжащих мух. Керрик отмахнулся от них и пошел к ручью помыть руки.

Вернувшись, увидел, что шатер все еще пуст. Армун с малышкой еще не вернулись. Чувствуя себя виноватым перед женой, Керрик тем не менее ощутил облегчение. То, что он хочет встречаться с Надаске' — его личное дело. Увы, это было не так. Армун уже не протестовала против его визитов к иилане', но молчание ее становилось все более красноречивым... Оно было даже громче слов — когда он брал с собою Арнхвита. И Керрик перестал это делать — зная, что за этим последует. Но сегодня придется. Мальчик отлично управляется с луком: может быть удастся поохотиться. Сам он возьмет с собой хесотсан — на всякий случай. Мальчишке уже почти восемь лет. Скоро придется делать лук побольше...

Он с замирающим сердцем достал из-под шкур хесотсан. Неподвижный, но живой... или мертвый? Он ткнул его пальцем. Крохотный рот раскрылся. Зубы стали медленно жевать кусочек сырого мяса.

Подобрав сверток с мясом, Керрик отправился искать сына.

Найти мальчишек было легко — надо лишь прислушаться. Вот и сейчас на берегу болота раздавались их победные вопли. В один из расставленных ими силков попала большая птица. Бежать она не могла — веревка была привязана к большому бревну — и только шипела, разинув острый клюв. Двое мальчишек сидели на перевернутой лодке, слизывая с пальцев кровь. Увидев Керрика, Арнхвит радостно подбежал к отцу.

— Атта, мы сами поймали гуся. Он пасся на травке. Правда, жирный?

— Очень. Только кто кого поймал? Ваша добыча еще живая...

— Убей его, саммадар! — завопил один из мальчишек, остальные присоединились к нему.

Птица взглянула на охотника злобным красным глазом и вновь зашипела. Керрик поднял хесотсан. Теперь ими пользовались только для защиты от мургу. Он передал оружие Арнхвиту. Тот гордо схватил его.

— Держи, как я показывал, и не нажимай здесь.

— Я знаю, знаю!

Арнхвит надулся от важности, мальчишки завистливо поглядывали на него. Керрик достал нож и стал осторожно подходить к птице. Та повернулась к нему, раскрыв клюв. Один из мальчишек бросил камень и попал ей в бок. Едва птица повернулась к новому обидчику, Керрик схватил ее за длинную шею и одним быстрым движением перерезал ей горло. Дергая ногами, она свалилась на землю грудой окровавленных перьев. Мальчишки завопили еще громче и кинулись к добыче. Керрик забрал у сына хесотсан.

— Я несу Надаске' мясо на остров. Пойдешь со мною? — Арнхвит уныло отвернулся. Здесь было так весело. Керрик взглянул на лодку мальчишек. — Уже плавали в ней?

— Только у берега. Саммадары не велели плыть дальше. Двое мальчишек не послушались. Их побили так, что потом они долго скулили.

— Эх, хорошо быть саммадаром и не опасаться пинка. Беги за луком, поплывем на лодке. Поохотимся.

Дальнейших протестов не последовало. Керрик осторожно положил хесотсан на траву. Потом, ухватившись за борт, перевернул маленькую лодку. Изнутри она имела неправильную форму и сидела в воде как-то странно. В ней оказались два небольших весла — две плоские деревяшки — но ничего, сгодятся и такие. Были и черпаки — полые тыквы — весьма, конечно, необходимые. Да, в ней благоразумнее держаться поближе к берегу.

Керрик оттолкнул лодку, подобрал хесотсан и осторожно забрался в нее. Лодка отчаянно качалась, но, осторожно переступая, Керрик все-таки сумел устроиться так, чтобы выровнять ее.

— Правда, отличная лодка? — на бегу выкрикнул Арнхвит. Разбрызгивая воду, он полез в суденышко, едва не перевернув его.

Керрик поспешно выправил лодку и указал сыну на тыкву.

— У меня уже зад подмок. Выливай воду, только постарайся не слишком раскачивать лодку.

Лодка оказалась страшно неустойчивой, и Керрик осторожно опускал весла в воду. Арнхвит с гордым видом восседал на корме и без конца давал ненужные советы, пока они медленно тащились вдоль берега. Лук его был натянут, но дичь скрывалась, едва они приближались. Керрик греб вдоль берега, через узкую протоку к небольшому острову.

Спрыгнув у берега в воду, Арнхвит опять чуть не перевернул лодку, и с чувством облегчения Керрик последовал его примеру, погрузившись в воду по грудь и не забыв поднять хесотсан над головой. Вдвоем они вытащили лодку на песок.

— Ведь хорошая лодка, а? — спросил Арнхвит на марбаке.

Керрик отвечал на иилане':

— Великолепно выращенная-прочное дерево-ездить на воде.

- Мы не выращивали ее, а выжгли огнем.
- Я знаю. Но на иилане' иначе не скажешь.
- А я не хочу говорить, как они.

Мальчишка дерзил, но Керрику не хотелось его одергивать. Главное, чтобы вырос уверенным в себе. А когда вырастет, то сам будет отдавать приказы, а не выполнять их. Будет вести, а не следовать.

— На иилане' разговаривать хорошо. Можно говорить с Надаске'. Он не понимает марбака.

— Мальчишки смеются. Они видели, как мы с тобой говорили. Сказали, что я трясся как перепутанная девочка.

— Никогда не слушай тех, кто не способен делать то, что ты. Им никогда не научиться так говорить. Важно, чтобы ты не забывал этого языка.

— Почему?

Почему... Действительно, почему? Как ответить на столь простой вопрос? Керрик опустил на песок, скрестил ноги и задумался.

— Эй, садись рядом со мной. Отдохнем, а я расскажу тебе кое о чем важном. Сейчас тебе это может показаться скучным, но когда-нибудь ты изменишь свое мнение. Помнишь, как было хорошо, когда все мы были на севере среди парамутанов?

— В тепле лучше.

— Лучше... Вот потому-то мы и здесь. Мы больше не можем жить на севере — снег там теперь не тает. А здесь, на юге, кругом мургу. Мы их можем убивать и есть, их мы можем убить прежде, чем они убьют нас. — Арнхвит не заметил, как Керрик перешел на иилане'. — А еще здесь живут иилане' вроде Надаске'. Они нам не эфенселе, как он, и убивают любого тану, как только увидят. А потому мы должны знать о них и уметь от них защищаться. Некогда я был среди тану единственным, кто умел разговаривать с ними. Теперь нас двое. Однажды ты станешь саммадаром и будешь делать то же, что и я теперь. Мы должны знать их. И если хотим жить здесь, нам нужны их хесотсаны. Это важная вещь, и тебе когда-нибудь придется добывать их. И только ты сумеешь это сделать.

Арнхвит ежился и водил пальцами ноги по песку. Он слушал отца, но не мог понять, как важно то, что он говорил. Мал еще.

Керрик встал и отряхнулся.

— А теперь мы навестим нашего друга Надаске', принесем ему мяса. И он споет нам. И пусть сильный охотник не опускает лука — быть может, нам удастся прихватить и свежатинки.

С восторженным воплем Арнхвит вскочил, схватил лук и наложил на него стрелу. Затем прищурил глаза и, пригнувшись, как охотник на звериной тропе, стал красться по поросшему травой склону. Керрик шел следом, раздумывая, понял ли Арнхвит хоть что-нибудь. Ну, если сейчас не понял — когда-нибудь поймет. Когда Керрик умрет и Арнхвит станет охотником, саммадаром. Когда на его плечи ляжет ответственность...

Сидя на берегу, Надаске' смотрел на море. Услышав призыв слушать речь, он приветливо зажестикублировал. Он очень обрадовался, увидев принесенное Керриком мясо. Обнюхав сверток, иилане' сделал благодарный жест.

— Маленький-мокрый уже не маленький и не мокрый, эфенселе Керрик, мясо великого удовольствия. Давно мы не разговаривали.

— И вот мы пришли, — проговорил Керрик, чувствуя себя виноватым за долгое отсутствие.

Обернувшись, он поискал глазами и обнаружил густой куст. Керрик вырыл в его тени ямку и положил хесотсан на влажный песок. Тану до сих пор соблюдали все меры предосторожности, ведь никто не знал, как передается болезнь. И никому не позволяли трогать свой хесотсан и не клали оружие рядом с чужим.

Арнхвит принялся рассказывать Надаске' об охоте на птиц. Идея силка весьма заинтересовала иилане'. Керрик не вмешивался и не пытался помочь мальчику, когда тот пытался объяснить на иилане', что такое силок. Надаске' сам помогал ему правильно ответить на вопросы. Керрик молча и с удовольствием слушал. Надаске' действительно был заинтересован: ему хотелось выяснить, как это сделать.

— Если я пойму, то сам сумею сделать силок. Все знают, что самки сильны и грубы. И все знают, что

мастерство и искусство — удел самцов. Ты же видел блестящего ненитеска.

— А можно еще раз посмотреть?

— Потом. Сейчас я вас кое-чем угощу.

Они отправились с Надаске' на другой конец острова. Там, у линии прилива, была вырыта яма. Надаске' отодвинул закрывавший ее плоский камень. Под ним лежали ракушки, покрытые влажными водорослями. Выбрав для гостей угощение покрупнее, Надаске' сунул в рот ракушку и с хрустом стал жевать.

— Зубы Надаске' прочны многократно, — сказал Керрик, открывая раковину кремниевым ножом. — Зубы устузоу для этого не годятся. Тут нужен каменный зуб.

— Или металлический, — добавил Арнхвит, снимая с шеи нож.

— Нет, — произнес Керрик, — не делай этого.

Арнхвит удивленно поднял глаза. Керрик сам себе удивился. Отдав сыну кремниевый нрож, он забрал у него металлический и потер его пальцем. Нож был поцарапанный и щербатый, но острый — Арнхвит точил его о камень.

— Это был мой нож, — произнес он, — и всегда висел на шнурке у меня на шее, а потом на металлическом обруче — вот как этот.

— Один большой, другой маленький, очень похожи, — проговорил Надаске'. — Объяснение-существование-сходства.

— Они сделаны из небесного металла, так мне говорил Херилак. Он сам видел, как с неба упал камень, который оказался не камнем. И вместе с другими охотниками Херилак отправился его разыскивать. Нашел камень саммадар по имени Амагаст. Оказалось, что небесный металл тверд, но его можно резать зазубренным тонким камнем. Так сделали эти ножи, и большой, и маленький. Амагаст носил тот, что побольше, а маленький нож отдал сыну. Амагаст был моим отцом. А теперь уже мой сын носит его.

— Что есть отец, что есть сын? — спросил Надаске', потирая пальцем блестящую металлическую поверхность.

— Мне трудно объяснить тебе это.

— Ты считаешь меня фарги, неразумной, неспособной понять и постичь?

Керрик жестами попросил прощения.

— Нет, просто это относится к тому, как рождаются устузоу. У нас нет яиц, нет эфенбуру в море. Дитя выходит из матери, а потому знает и своего отца.

Надаске' ответил жестами смущения и сомнения.

— Слова Керрика истинны. Многое в устузоу недоступно моему пониманию.

— Скажем так: мы с Арнхвитом — маленькое эфенбуру. Близкое-тесное.

— Понимание частичное, пояснения приняты. Ешь еще.

Вскоре Арнхвиту надоели разговоры, и он стал беспокойно оглядываться. Заметив это, Керрик подумал: нельзя, чтобы встречи с Надаске' надоедали ему. Пусть они всегда будут интересными и желанными.

— Пора идти, — сказал Керрик. — Птицы садятся на болото — может быть, и подстрелишь какую-нибудь.

— Краток визит-кратка жизнь, — мрачно проговорил Надаске', огорчившись, что гости уходят.

— Скоро еще раз приду — со свежим мясом, — пообещал Керрик и отвернулся.

Он взял хесотсан, смахнул с него песок.

И окаменел.

— Что ты увидел? — спросил Надаске', видя тревогу в его позе.

— Да ничего. Просто песок налип на этот дурацкий хесотсан.

Керрик потер его пальцами, еще раз... Маленькое серое пятнышко не исчезало.

Глава двадцать шестая

Керрик не хотел говорить о том, что обнаружил — словно от этого пятно могло исчезнуть. К молчанию отца Арнхвит, шествовавший впереди, отнесся одобрительно. Он выстрелил в гревшуюся на солнышке ящерицу и промазал. И весь обратный путь сидел на носу, опустив руку в воду. Керрик хотел предостеречь мальчика, припомнив случай, происшедший с ним в детстве, ужас, охвативший его при виде вставшего из воды марага. Но это было так давно; к тому же вряд ли могло случиться что-то подобное.

Они причалили к берегу, вытащили из воды лодку и перевернули ее. Арнхвит понесся к шатру. Керрик снова взглянул на хесотсан. Пятно не исчезало.

Возле костра было тихо. Армун поняла, где они были, и неодобрение сквозило в каждом ее жесте. На этот раз Керрик не пытался заговаривать с нею, заставить ее не думать об этой поездке на остров, и тоже молчал. Уставший за день Арнхвит уснул прежде, чем на небо выпали первые звезды. Забросав песком тлеющие угли, Керрик отправился к ручью. Там он долго и безжалостно тер ладони друг о друга. Впрочем, если он сам заразил свое оружие, уже поздно. Помахав руками в воздухе, чтобы обсохли, Керрик направился к шатру Херилака.

Проходя через поляну, он заметил, что Меррис переставила свой шатер. Теперь он стоял возле шатра саммадара. Под откинутым пологом сидела Даррас с куколкой, сплетенной из сухих травинки. Девочка не стала разговорчивее, но теперь она улыбалась. Полог шатра Херилака был опущен, и Керрик услышал за ним

смех. Он хотел окликнуть саммадара, но понял: смеялась женщина. Хорошо. Керрик опустился на шкуру возле Даррас.

— Я еще не видел у тебя этой куклы.

— Бабушка сделала. Смотри, какая красивая. Ее зовут Милде. Как мою маму.

— Очень хорошая кукла.

Керрик подбросил в огонь сухих ветвей, языки пламени взвились выше. Полы соседнего шатра поднялись, из него вышла Меррис и села возле Керрика.

— Даррас мне показывала свою куклу. Она очень ею довольна.

Меррис улыбнулась и кивнула.

— Довольна не только она.

К костру подошел Херилак и поздоровался с Керриком. Они уселись у огня, поглядывая на женщину и ребенка. Херилак казался таким же довольным, как Меррис. Керрику не хотелось портить ему настроение: слишком уж долго Херилак был мрачным и неулыбчивым. Они поговорили об охоте, саммадах, о долине саску. Наконец Меррис увела девочку в шатер и опустила полог.

— Летом здесь, наверное, жарко, — сказал Херилак, — а вот зимой не холодно. Этот остров просто прекрасное место для стоянки.

— Ну а в горы-то пойдем? Ведь Фракен велел, когда умирал.

— Старый Фракен был дурнем. Ты сам много раз говорил. На севере зима — и нет ей конца.

— Кажется, моя стреляющая палка заболела.

Херилак долго молчал. Потом заговорил с привычной утробностью:

— Когда-то это должно было случиться. Снова надо отправляться за новыми.

— Значит, снова пойдем в город? Будем воровать? Убивать мургу?

— А ты можешь предложить что-нибудь другое?

Керрик медлил с ответом. Он сидел молча, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

Над деревьями показалась луна, осветив поляну холодным светом. Над головой бесшумно пролетела сова, в лесу крикнул какой-то ночной зверь.

— Нет, — нерешительно ответил Керрик. — Ничего другого я придумать не могу. Мы знаем, где искать стреляющие палки. Но если нас заметят...

— Теперь тебе не обязательно идти. Я ведь знаю, где эта яма.

— Я не боюсь идти в город.

— А я и не говорил этого. Я только хотел сказать, что теперь будут рисковать другие. Ты сделал свое, и уже не раз.

— Это неважно. Я боюсь, что мы становимся зависимыми от мургу и их города. Мы пойдем: другого выхода нет и когда-нибудь нам придется сделать это. А вдруг в городе нас увидят мургу? Что тогда будет?

— Не загадывай так далеко. Думай только о завтрашнем дне.

— Нет. Если бы мы жили в горах и били оленей, ты бы мог мне это сказать. Но не теперь. Мы в ловушке, из которой нет выхода.

— Давай на этот раз пойдем большим отрядом. И достанем побольше палок.

— Нет. Риск слишком велик. Пойдут двое. Без палок. Когда отойдем от стоянки, надо будет искупаться: прямо в одежде и неоднократно. Эта болезнь не должна передаваться новым стреляющим палкам.

— Я не понимаю, что общего между купанием и болезнью.

— Я тоже, — криво усмехнувшись, ответил Керрик, — но мне об этом говорила та, которая знает. Еще до нашей встречи, когда я был очень болен...

— Стало быть, это мараг тебе говорил?

— Да. Ты видел город, ты видел растения, с помощью которых они хотели погубить нас в долине, и понимаешь, сколько они знают о живых существах. Этот мараг очень много знает, он говорил мне, что болезни разносят маленькие живые существа.

— Я видел — черви в ранах...

— Нет, они еще меньше, такие, что даже глазом не увидеть. Знаю, что в это трудно поверить, но она так сказала. Может, и эта хворь так же передается от одной палки к другой. Не знаю. Но если, умывшись, ее можно остановить, значит, придется всякий раз мыть руки.

— Конечно. Мытые охотники и пахнут лучше. Значит, вдвоем... Ты и я.

— Нет, — с внезапной твердостью сказал Керрик. — Ты саммадар, я не могу приказать тебе делать что-то или не делать. Я возьму такого охотника, который будет повиноваться мне. Мы пойдем тихо, скрываясь от мургу. И не будем никого убивать. А ты разве сможешь не убивать, если я скажу тебе?

— Не смогу, ты прав. Но кого ты возьмешь? Твой саммад невелик. И охотник в нем только Харл.

— Он искусный охотник и хороший ходок. Ему и идти со мной. Я сказал.

— Ты делаешь ошибку...

— Возможно... но это моя ошибка.

Херилак сердито нахмурился, но возражать не стал. Решение было принято.

— Когда вы уходите?

— Скоро. Нужно сходить и вернуться с новыми палками, пока не начали гибнуть те, что у нас есть.

Добавить было нечего, и охотники молча расстались.

...Керрик проснулся с первыми лучами солнца, хотя почти не спал ночью. Он лежал не шевелясь и слушал спокойное дыхание Армун, пока солнце не осветило стену шатра. Тогда он неслышно выскользнул наружу и пошел к укрытию, где прятал хесотсан. Осторожно развернув шкуру, он подставил его солнечным лучам. Мертвое пятнышко не исчезло, но теперь оно стало больше.

Полог шатра охотников был откинут, и Ортнар уже сидел возле него, привычно нахмурившись.

— Я хочу поговорить с Харлом... — начал Керрик.

— Я еще спал, когда он ушел. Он знает место, куда на рассвете приходят олени. Когда-нибудь этот парень станет искусным охотником.

— Ладно, поговорим, когда вернется.

Добавить было нечего: Ортнар не любил праздной болтовни. Керрик пошел к своему шатру. Армун уже не спала и разводила огонь.

— Я видела, как ты ухаживаешь за стреляющей палкой. Слишком уж ты печешься о ней.

— Не слишком. Она заболела.

— Опять! — вскрикнула Армун.

— Опять. Придется идти в город мургу. Еще раз.

— Нет, не ходи. Другие тоже могут это сделать.

— Пойти-то смогут, а вот вернуться... Только тану, который наполовину мараг, знает город мургу. А теперь я буду есть и отдыхать. Ночью я плохо спал.

...Керрик проснулся, когда солнце стояло высоко. Лучи слепили глаза, и он зажмурился. Возле шатра сидел Харл, терпеливо и безмолвно дожидаясь, пока Керрик проснется. Спросонья Керрик не узнал его. Ему померещилось, что это взрослый охотник. Заметив, что Керрик проснулся, Харл встал и вошел в шатер.

— Ортнар сказал, что ты искал меня, хотел поговорить.

— Ты был на охоте? Олени приходили?

— Спустились к самой воде, прямо рядом со мной. Двоих я убил. Ты это хотел знать?

Как и Ортнар, он не любил праздных речей. Слова его были как стрелы — острые и точные.

— Ты мне нужен. Пойдешь со мной в город мургу? Моя стреляющая палка заболела.

— Сколько всего тану пойдет?

— Двое — ты и я.

Глаза Харла расширились.

— В прошлый раз ты ходил с саммадаром Херилаком.

— Да. И он убил встретившихся нам мургу. На этот раз я хочу положиться на умение следопыта, а не охотника. Я хочу все видеть — и остаться невидимым. Пойдешь со мной?

Харл улыбнулся и протянул вперед два стиснутых кулака, положив их один на другой.

— Пойду. И мы принесем стреляющие палки?

— Да. Но ты должен сейчас пообещать мне одну вещь. Будешь ли ты повиноваться мне? Если увидим мургу, то убивать их не будем. Ты обещаешь мне это?

— То, о чем ты просишь, нелегко.

— Я знаю. Но если ты не согласишься, я стану искать другого. Ты из моего саммада. И если сделаешь, как я прошу, другого охотника не будет. Выбирай.

— Тогда я иду с тобой. И выполню твой приказ, саммадар. Когда выходим?

— Утром с копьями и луками. Стреляющие палки оставим здесь.

— А что мы будем делать, если встретим большого марага, которого не убьешь ни стрелой, ни копьем?

— Умрем. Ты знаешь лес, и твое дело пройти там, где их нет. Ты способен на это?

— Да. Сделаю, как велит саммадар.

...Они двинулись в путь на рассвете и, когда стало жарко, уже далеко ушли по тропе, ведущей на юг. Добравшись до узенькой речушки, они по очереди искупались в чистой воде: пока один купался, другой караулил. Причин подобных действий Харл не понимал, но делал как было велено. Только поворчал, что, дескать, и лук, и колчан вымокли, и разложил оружие на траве — сушиться. Керрик достал сушеное мясо и эккотац.

— Уж мясо-то мыть незачем, — съехидничал Харл. Керрик улыбнулся.

— Верно. Лучше съедим его. Возле города придется все бросить. В прошлый раз я изрезал свой мешок на ремешки, чтобы перевязать палки. Может быть, тогда и заразил их. На этот раз воспользуемся лианами и прутьями. Нельзя допустить, чтобы они снова заболели.

...На второй день, вслушавшись в лесной шум, Харл остановил Керрика движением руки. Впереди возился кто-то огромный. Они пошли в обход по берегу реки и весь остаток дня брели по песку. Когда берег стал болотистым и непроходимым, они свернули.

Других препятствий на пути не оказалось, и охотники быстро добрались до города. У городской границы Керрик приказал остановиться.

— Вернемся к ручью. Оставим мешки с мясом и искупаемся.

— Сначала съедим все, что можно.

— Конечно. А вечером пойдем. — Харл недовольно нахмурился. — На это есть причины. Мургу по ночам не ходят. И если днем они караулят яму с палками, то к вечеру возвращаются в город. Мы должны прийти туда в сумерках, набрать палок и уйти. Это возможно?

— Если я вижу дорогу днем, то смогу пройти по ней и ночью. Делай, как сказал, саммадар.

Вечером в мокрой и прохладной одежде они пробрались в город. Керрик шел первым, перерубая и отводя

в стороны ядовитые лианы. Они шли все медленнее и осторожнее и к насыпи у пруда с палками уже подползали.

— Никого нет. И никаких следов, — сказал Харл.

— Посидим здесь, пока совсем не стемнеет. А этими прутьями перевяжем палки.

В сумерках Харл ползком забрался на вершину насыпи, огляделся и дал знак Керрику следовать за ним.

На берегу и на мелководье кишели хесотсаны. Чересчур бойких пришлось отгонять комьями земли. Керрик спрыгнул вниз. Едва перебирая крошечными ножками, хесотсаны медленно ползали по песку.

— То, что нужно, — проговорил он. — Иди сюда, я подам.

Набрав столько, сколько можно было унести, Керрик с помощью Харла вскарабкался на откос. Хесотсаны негромко шипели, пока их увязывали, и пытались цапнуть за пальцы. Дело было сделано быстро. Охотники взвалили свою ношу на плечи и подобрали оружие.

— Готово! — проговорил Керрик, чувствуя, как спадает напряжение, — а теперь скорее отсюда.

Харл двинулся первым.

Но не успел он спуститься с насыпи, как послышался громкий треск хесотсана, и юноша рухнул на землю. Он умер мгновенно.

Глава двадцать седьмая

Керрик упал и притаился за насыпью. Харл лежал прямо перед ним. Рот его раскрылся, и глаза, уже ничего не видя, глядели в небо. Рядом упала связка хесотсанов, которые медленно извивались в путах.

Харл мертв. Убит из хесотсана. Там, впереди, иилане', она выжидала в засаде. Ловушка. И бежать некуда. Стоит только шевельнуться — и она выстрелит. Вперед нельзя, назад тоже. Устузоу-грабителя убьют на месте.

Значит, придется опять становиться иилане'.

— Слушай говорящую! — крикнул Керрик. И добавил: — Смерть... отрицание!

Никакого смысла в последних словах не было, он просто хотел, чтобы находящиеся в засаде больше не стреляли. Отложив связку хесотсанов, он медленно встал, взобрался на насыпь и встал в позе подчинения.

— Я не вооружен. Не убивай, — твердо и отчетливо проговорил он. Каждую секунду он ожидал укола шипа.

Перед ним возле густых кустов стояла иилане'. Ее хесотсан был нацелен прямо в Керрика. Кажется, она одна. Ему оставалось только оцепенеть в позе покорности.

Интепелеи смотрела на него. Она не опускала оружия, но и не стреляла.

— Ты — устузоу-иилане'. Я слыхала о тебе.

— Я — Керрик-иилане'.

— Значит, это ты явился в Икхалменетс и убил урукето?

Керрик подумал. Лгать смысла не было.

— Да.

Интепелеи сделала жест удовольствия от встречи, но хесотсана не опустила.

— Тогда я должна отвести тебя к Ланефенуу. Она тебя ненавидит. И, думаю, захочет увидеть тебя прежде, чем ты умрешь. Это ты убил троих иилане' и бросил их в пруд с хесотсанами?

— Я не убивал.

— Это сделал кто-то из устузоу?

— Да.

— Я тоже думала, что другого объяснения их гибели не может быть. Но никто со мной не согласился. Тогда я сделала то, что следовало. Каждый день здесь дежурили фарги. Им было велено сообщить, когда появятся устузоу. И сегодня одна из них явилась ко мне. Идем к Ланефенуу.

— Но уже почти темно.

— А ты поторопись. Если мы не успеем на амбесид до темноты, я убью тебя. Ну!

Керрик неуверенно шагнул вперед. Он лихорадочно думал, как спастись, но не находил ответа. Перед ним охотница — это видно — она убьет его при первой же попытке к нападению.

Сделав знак большими пальцами, она шагнула вперед. И вдруг вздрогнула и едва не упала.

В ее спину вонзилась стрела.

Она трясущимися руками приподняла хесотсан, прицелилась в Керрика. Оружие треснуло — шип пролетел мимо. Она подняла хесотсан выше.

Вторая стрела пробила ей шею — иилане' упала. На тропе показался Херилак. Он подошел и взглянул на лежащие тела.

— Я не видел марага, пока он не убил мальчика. И никак не мог прицелиться, пока он не вышел на тропу.

— Ты шел за нами.

— Конечно. Стреляющей палки я не брал. Это же так опасно — уйти вдвоем. Ну вот, теперь эти тела. В яму их?

— Не надо, — вяло ответил Керрик. — Я говорил с ней — ты ведь слышал наш разговор. Она выставила на тропе караульных. Те, кто нас видел и предупредил ее, сейчас в городе. Утром сюда придут другие. Нам не скрыть, что мы здесь побывали. Теперь они знают. Не

хотел я смертей. Я думал, что справлюсь без тебя. Но ты пошел за нами. Надо похоронить Харла.

— Глупость, напрасная трата времени. Сейчас его тхарм среди звезд, и ему нет дела до оставленного им мяса. Надо забрать стрелы. А ты бери стреляющие палки — и уходим. К утру успеем уйти далеко.

Огромная усталость придавила Керрика. Встав на колени возле мертвого юноши, он снял с трупа связку хесотсанов, сложил Харлу руки на груди и закрыл ему глаза.

— Я убил его, — с горечью проговорил он. — Это я привел его сюда.

— Его убил мараг. А у нас теперь новые палки. Оставь его и не думай о нем. Он был молод, но успел стать настоящим охотником. Я возьму его лук и копье, и пусть их получит другой мальчишка, стремящийся стать охотником.

Говорить было не о чем. Оружие они добыли. Перебросив связки через плечо, охотники повернули на север и исчезли в темноте.

Стемнело, и мрак укрыл оба тела, такие чуждые, такие непохожие, но объединившиеся в цепких лапах смерти.

В городе не было зверей, питающихся падалью, и трупы пролежали до утра. На рассвете их обнаружили вороны. Приземлившись, они бочком, подпрыгивая, стали подбираться к добыче, радуясь столь неожиданному подарку. Они уже принялись рвать плоть, когда громкие крики вспугнули их. По тропе, нерешительно выставив вперед хесотсаны, пробирались фарги. Покрутившись возле тел, они оглядели лес, осмотрели тропу. Следом явилась Муруспе. С ней пришла Анатемпе. Она остановилась, знаками выражая горе и потрясение.

— Что случилось?

— В том, что случилось, сомневаться не приходится, — ответила Муруспе, делая знак огромного неудовольствия. — Интепелеи получила известие о появлении устузоу, пришла сюда одна — и погибла. Она убила одного устузоу, другие убили ее. Ты — иилане' науки, помощница Укхереб. Скажи мне, когда это случилось?

Присев на корточки, Анатемпе потрогала оба тела. Сделала знак неуверенности.

— Не сегодня утром. Может быть, ночью или вчера.

— Возможно. Прятавшиеся здесь фарги сказали, что видели двоих устузоу. Один умер. Другой ушел. Что они делали здесь? Зачем приходили?

Анатемпе посмотрела на пруд с хесотсанами. Муруспе проследила за ее взглядом.

— Это связано с хесотсанами?

— Алпеасак — большой город. Дважды приходят устузоу-убийцы. И дважды возле ямы с хесотсанами гибнут иилане'.

— Устузоу пользуются хесотсанами, как и мы... — Муруспе умолкла и задумалась, затем распорядилась: — Тела отнести на амбесид. Это дело — для эйстаа.

...Колонна двигалась по городу, сопровождаемая скорбными возгласами. Фарги разбегались в стороны, испуганные гибелью иилане' и видом мертвого устузоу. Оба тела положили на землю, и Муруспе отправилась известить эйстаа.

Ланефенуу посмотрела на распростертые на траве тела и задумалась. Молчал и амбесид — никто не смел нарушать раздумий эйстаа. Ученые Укхереб и Акотолп уже осмотрели тела и пришли к согласию относительно того, что случилось.

Устузоу был убит шипом, выпущенным из хесотсана. Вне всякого сомнения из оружия Интепелеи. Потом уже устузоу сразили охотницу каменным зубом: на ее шее и спине были обнаружены смертельные раны.

— Так почему же этот устузоу пришел в мой город? — наконец проговорила Ланефенуу, оглядев кружок советниц. — Мы больше не убиваем устузоу. Я покончила с этим. Вейнте' нет. Мы остаемся в городе. Но они все равно приходят к нам. Акотолп, ты знаешь этих устузоу. Ты знала их еще до гибели Алпеасака, до того, как ты бежала отсюда, до того, как ты вернулась. Почему они здесь?

— Могу лишь догадываться.

— Говори. Если нет знаний, слушаем догадки.

— Я думаю, что они приходили за хесотсанами. Они умеют убивать острым каменным зубом, но их оружие далеко не так смертоносно, как хесотсан. Они приходили, чтобы украсть наше оружие.

— Я тоже так думаю. Надо разузнать об этом подробнее. Трое погибли на севере, трое — в городе. Ты, Акотолп, должна была все расследовать. Что же ты обнаружила?

— Ничего. Устузоу нет возле города и на севере — до Круглого озера. Птицы летают, я изучаю снимки.

— Пусть птицы летят дальше. Эти грязные твари на севере, и я хочу знать, где именно. Найди их. Может быть, послать на разведку охотниц?

— В этом нет мудрости, потому что устузоу-убийцы опаснее всех диких зверей. Они устроят засаду и поймают наших охотниц. Есть еще один способ, к которому мы прибегали, когда устузоу стали прятаться от дневных птиц. Совы летают по ночам и носят выведенных нами существ, видящих в темноте.

— Действуйте. Пусть их найдут.

— Ну, вы нашли тех, кого искали? — спросила Фафнепто, поднимаясь на спину урукето.

Морская вода струилась по ее телу, пока охотница осторожно вытирала ноздри хесотсана.

— На побережье их нет, — ответила Вейнте'. — Хоть они и могли оказаться здесь. Остров богат и плодороден. Мы поступили благоразумно, что взялись за поиски.

— И охота здесь великолепна. Я отыскала здесь тех самых маленьких рогатых устузоу, о которых ты говорила, и убила нескольких. Их плоть сладка. — Она дала знак Гунугул, которая прислушивалась, стоя на верху плавника. — На берегу для вас оставлено свежее мясо. Можно ли доставить его на урукето?

— Благодарность-удовольствие от еды. Будет сделано.

Иилане' из экипажа поплыли к берегу, таща за собой пустые пузыри, чтобы удержать на плаву освежеванные туши. Фафнепто, должно быть, превзошла себя и опустошила этот уголок джунглей. И пока на урукето ждали мяса, Гунугул вытащила свои карты и большим пальцем указала, где сейчас находится живой корабль.

— К северу от нас — континент Гендаси. Здесь — город Алпеасак. Кажется, этот город находится на берегу большого полуострова... Не так ли?

В знак согласия Вейнте' повернула ладонь.

— Так. Я была на восточном побережье, там мы били устузоу. Если вы хотите плыть далеко на север, имейте в виду: на севере становится холодно и все время зима.

— Так стоит ли нам туда плыть?

— Первая моя реакция — отрицательная. Как советовала Фафнепто, я пытаюсь думать, как беглянки. Чтобы отправиться на север, они должны были сначала миновать Алпеасак, где их могли заметить. И чем дальше на север, тем холоднее. Не думаю, что они поплыли и к восточному побережью. А вот на западе есть большой континент, хоть это и не показано на твоей карте. Я плавала туда на урукето. Там есть огромная река. Вдоль побережья частенько попадаются бухточки, а в лесах полно зверей. Можно не сомневаться — их следует искать именно там.

— Так мы и сделаем, — решила Гунугул. — С удовольствием внесу дополнения в карты.

И она поехала урукето к Гендаси, между золотыми островами, к песчаным берегам. Алпеасак остался за горизонтом на востоке, а они устремились на запад. Мимо проплывал берег, летние штормы хлестали джунгли дождем, то прятали их за мглистой пеленой, то открывали — умытыми и посвежевшими. Энтиисенаты высоко прыгали в волнах, радуясь изобилию рыбы в мелких теплых водах. Гунугул поправляла карту, экипаж до отвала объедался свежатиной, добытой Фафнепто. Только Вейнте' внимательно и терпеливо разглядывала берега, предвкусывая гибель тех, кто посмел противиться ей.

Глава двадцать восьмая

Усевшись в тени на корточках, Арнхвит отчаянно дул в свисток, который подарили ему парамутаны. Он был похож на их насосы — с движущимся стержнем на конце. Только он извергал не воду, а пронзительный свист, нарушавший дневной покой.

Была середина лета, и дни стали длиннее и жарче. В послеполуденную жару о делах не хотелось думать, да их и не было. Здесь было мясо, плоды, всяческая зелень, какую только родит земля, самые разные рыба и дичь.

Прошло три полные луны с тех пор, как Керрик и Херилак вернулись из города с новыми стреляющими палками. Они шли быстро, погони не было. Насколько им было известно, ни один мараг из города не появился в этих краях. За тропой с юга внимательно следили, но никто не пришел следом. Инцидент был исчерпан. Заболели и умерли две стреляющие палки из старых, новые оставались здоровы. Саммады пили, ели и наслаждались покоем. Такого они еще не знали с тех пор, как начались долгие зимы.

Пронзительный дрожащий звук пульсировал в жарком воздухе. Керрик радовался углубленному занятию сына. Края шатра были подняты. Малышка спала, Армун расчесывала волосы гребнем из оленьего рога. Керрик смотрел на нее с удовольствием.

Вдруг свист оборвался, потом раздался вновь, — но уже не такой переливистый и приятный. Повернувшись на другой бок, Керрик увидел, что под деревом возле Арнхвита уселись двое охотников и стали исследовать свисток. Один из них, Ханат, пытался свистеть. Щеки его покраснели от натуги. Потом он передал свисток Моргилу. Тот, двинув поршнем, извлек из свистка стон

умирающего мастодонта. Армун расхохоталась. Керрик встал, потянулся, зевая, и вышел из шатра, жмурясь на солнце.

— Что, у вас других дел нет, как отнимать у детей игрушки?

— Ханат рассказал мне про эту штуку, — пропыхтел Моргил. — Какой шум. Ты говорил, что свисток сделали парамутаны?

— Да. Они очень искусны и умеют делать из кости и дерева всякие вещи. Такой же штукой, только побольше, они высасывают воду из лодок.

— Это они живут на льду и охотятся на рыбу в ледяном море? — с интересом спросил Ханат. — Расскажи о них.

— Я уже все рассказал, больше ничего не знаю. Только зачем вам парамутаны? Разве приготовление порро не утруждает вас настолько, что вы уже позабыли об охоте?

— Другие охотятся. И меняют на порро добытое мясо.

— А мы уже его напились, — добавил Моргил. — Хорошее порро всегда хорошо, но плохое — просто ужасно. Я думаю, мандукто правильно делают, что позволяют его пить лишь по особым случаям. Ты говорил, что парамутаны приходят меняться на юг. А сюда они могут добраться?

— Нет, они терпеть не могут жары, здесь они просто умрут. Когда кончается лето, те из них, кто хочет меняться, отправляются к океанскому берегу, туда, где огромная река впадает в море. Дальше они не ходят.

— А что они меняют?

— Выделанные шкуры, иногда меха, густой съедобный жир. А взамен берут кремниевые ножи, наконечники копий и стрел. Они умеют делать из кости рыболовные крючки, что-то вроде наконечников стрел, но им нужны наши ножи.

— Мне кажется, что лишние шкуры мне просто необходимы, — произнес Ханат, вытирая пот со лба.

— И мне, — подхватил Моргил. — По-моему, настало время меняться.

Керрик с изумлением поглядел на обоих.

— Кажется, шкуры вам нужны меньше всего. — Свист послышался вновь. — Арнхвит расстарался для внимательной аудитории. Керрик усмехнулся. — Не шкуры вам нужны, а дорога, охота да морозы.

Хлопнув в ладоши, Моргил поднял глаза к небу.

— Саммадар знает все наши тайные помыслы. Ему бы и быть Фракенном вместо глупого юнца.

— Не нужно быть алладжексом, чтобы сообразить — вы оба тоскуете по дальней дороге, по запаху северных лесов.

— Да! — хором ответили охотники.

— Скажи нам, где находится то самое место, куда приплывают парамутаны, — сказал Ханат. — Мы делаем ножей...

— Другие наделают, а мы сменяем на порро, — возразил Моргил. — Но придут ли парамутаны на этот раз? Ты говорил, что они перебрались охотиться за океан, к далеким берегам.

— Придут — они мне говорили. Пересечь океан им нипочем. А кое-что необходимое они могут выменять только у тану. Придут.

— А мы их встретим. Объясни же, где можно отыскать мохнатолицых людей.

— Спросите Армун. Она лучше знает — там она впервые встретила парамутанов.

Он позвал жену. Армун вышла из шатра, села возле Арнхвита и откинула пряди со лба мальчика. Тот самозабвенно свистел, теща собравшихся.

— Это место нетрудно найти, — проговорила она. — Знаете тропу, идущую от гор к морю?

Слова ее вдруг взбудоражили Керрика. Он словно увидел холодный туман, наползающий с океана, почувствовал тающие хлопья снега на лице. Он успел забыть про холод. И теперь ему вдруг захотелось войти в заснеженный темный ельник, зачерпнуть горсть снега...

Охотники засыпали Армун вопросами. Она разговаривалась — о парамутанах, об их жизни среди льдов, о том, что умеют выделять их искусные руки, и о тухлой рыбе, которую они обожали. Охотники слушали ее, открыв рот. Когда она закончила, Ханат в порыве

восторга хлопнул Моргила по плечу, так что тот повалился на землю.

— Сделаем! — завопил он. — Немедленно выступаем, сейчас как раз время. Идем на север меняться с шерстоликами.

— Может, и я пойду с вами, — отозвался Керрик, — путь показать.

Глаза Армун округлились от удивления. Но прежде чем она успела рассердиться, он взял ее за руку.

— А что, пойдем вдвоем, возьмем мастодонта. Он повезет все, что возьмем на обмен.

— Это будет слишком медленно, — возразила она. — И никуда мы не пойдем, я не хочу даже слышать об этом. Детям здесь...

— Дети здесь в безопасности. Исель ест жеваное мясо, у Арнхвита приятели, крутом саммады.

— И я хочу идти! — влез в разговор Арнхвит.

Армун шикнула на него.

— Это дело охотников. А ты мал еще. Как-нибудь в другой раз.

И она увела мальчика к шатру, оставив троих охотников. А те уже строили планы. Она была озабочена, но не встревожена. Ну что она сможет сделать, если Керрик все-таки соберется в дорогу? Надо подумать, пока не поздно. Похоже, он просто рвется туда. Быть может, на острове слишком легко живется. Или просто чересчур жарко. Армун громко расхохоталась. Да ей и самой туда хочется. И когда Керрик пришел в шатер, она уже все решила.

— По-моему, эти двое придумали хорошую вещь, — проговорил он, вертя в руках нож из небесного металла. — Конечно, шкуры нам сейчас не нужны, тем более в середине лета, но у парамутанов много разных вещей.

— Ну да, свистульки...

— Не только свистульки, — огрызнулся он, но тут заметил, что Армун улыбается.

— Значит, ты сама хочешь сходить туда?

— Конечно.

— И я тоже. Сейчас здесь слишком тихо, слишком жарко. Малаген-саску любит возиться с Исель — она приглядит за нею, если мы уйдем вдвоем. У Арнхвита

приятели, он даже не заметит, что нас нет. Действительно, неплохо бы сходить на север. Там холодные дожди, может, даже снег. А когда вернемся, здесь уже не будет так жарко.

По полянке перед шатром скользнула чья-то тень. Керрик вышел из шатра и, прикрывая глаза ладонью, стал вглядываться в ослепительно бирюзовое небо.

Над головой выписывала медленные круги большая птица — орел, кажется, — ее черный силуэт плыл по голубой эмали. Она была слишком высоко, чтобы можно было что-то рассмотреть. А потом она улетела, и Керрик вернулся в шатер. Что если это крылатый согладатай иилане'? Неважно. Ланефенуу не забудет участи двух урукето. Битва окончена.

Жаркие дни сменяли друг друга, а урукето медленно скользил вдоль берега на запад. Волны мерно набегали на песчаный берег, а три иилане' с плавника внимательно следили за побережьем. Только вблизи крупных устьев и заливов ход замедлялся — здесь к берегу следовало приглядеться повнимательнее. Фафнепто моргала, вглядываясь с плавника в прохладную мглу под деревьями. Когда живой корабль огибал скалистый мыс, она показала Вейнте' на берег.

— Странная форма скалы, запоминающаяся-незабываемая. Я сойду здесь на берег и поохочусь.

— Оценено всеми. Завершив исследования, мы вернемся за тобой. Доброй охоты.

— Она у меня всегда добрая, — откликнулась охотница, спускаясь с плавника в воду.

Они осматривали залив почти весь день. А потом двинулись вверх по реке, впадавшей в этот залив. Тут впервые Вейнте' ощутила беспокойство: а вдруг их поиски окажутся тщетными? Она знала, что Гендаси велика, но чтобы настолько, она не могла себе даже представить. До сих пор она всегда шла по следам устузоу, куда они — туда и она. Теперь же, следуя собственным путем, она поняла, что и такое огромное существо, как урукето, трудно найти, если не знаешь, где его искать. Река была широкой и глубокой. Здесь

легко мог проплыть урукето. Искать ли дальше? С огромным облегчением она заметила, что русло перекрывают отмели и нужно возвращаться. Дальше этого места урукето не мог проплыть. Те, кого они ищут, должны быть на берегу океана.

Поздним вечером они вернулись к скалистому мысу. Фафнепто нигде не было видно.

— Здесь высадились охотница? — поинтересовалась Гунутул. Вейнте' ответила утвердительным жестом. — Значит, она еще охотится. Все мы испытаем удовольствие-удовлетворение от вкуса свежего мяса. Немедленно отправлю на берег пузыри, чтобы можно было возвращаться сразу, как только она появится.

Вейнте' следила, как члены экипажа берут пузыри и спускаются с ними в воду. Речной поток казался прохладным, лесной берег манил. Слишком уж долго пробыла она в душной камере урукето. И она тоже скользнула в воду и уверенно поплыла к берегу.

— Волнение открытия! — завопила одна из членов экипажа, указывая на туши пяти больших оленей, лежавшие в высокой траве.

Налюбовавшись ими, Вейнте' подняла глаза и увидела появившуюся из леса Фафнепто.

В ответ на комплименты Вейнте' по поводу удачи, встретившей охотницу, та сделала жест строгой необходимости.

— Вейнте', я хочу тебе что-то показать. Иди сюда.

— Имеет ли это отношение к тем, кого мы ищем?

— Нет. Наверное, это те устузоу, о которых ты мне говорила. Они в лесу.

— Они могут быть опасными!

— Уже нет. Все они мертвы.

На поляне у ручья стоял шатер из шкур. Возле него виднелись неподвижные фигуры двух больших устузоу и третьего поменьше.

— Я убила их прежде, чем они успели меня заметить, — проговорила Фафнепто. — Ты сказала, что они могут оказаться опасными.

— Ты осмотрела внутренность этого сооружения?

— Да. Там никого нет. Только много шкур... и хесотсан.

Один из устузоу лежал лицом вверх. Вейнте' с надеждой перевернула другого когтями ноги, но это был не Керрик.

— Ты права, их следовало убить, — сказала она.

— А это и есть тот самый каменный зуб, о котором ты говорила? — спросила Фафнепто, указывая на копье, которое охотник и мертвым не выпускал из рук.

— Одна из разновидностей. Другие они бросают по воздуху. Словно иглы из хесотсана. Она не ядовита, но куда тяжелее. Опасные звери, очень опасные.

— Тогда можно не сомневаться, что урукето, которого мы ищем, поблизости оказаться не может.

— Мудрая мысль. Будем продолжать поиски.

Вейнте' возвращалась к берегу, заставляя себя хранить молчание. Тело ее так и дергалось от избытка чувств. Она знала, что поиски урукето, Дочерей Жизни и предательницы ученой должны продолжаться своим чередом. Так она обещала Саагакель. И Фафнепто будет помогать ей в этом. Но не до бесконечности. Теперь, подумав, она поняла, что ей в сущности нет дела до того, жива Энге и ее ученицы или нет. В особенности теперь, когда она увидела тела на поляне. Вид трупов устузоу прогнал из ее головы все мысли о продолжении поисков урукето. Важно не это. Куда важнее найти Керрика.

Изловить и убить.

— Важная срочная весть для эйстаа! — объявила фарги, трепеща от усердия и стараясь вспомнить все, как ей говорили, и произносить слова правильно и отчетливо.

Ланефенуу откинулась назад на резное сиденье, набив рот мясным желе. Советницы сидели вокруг, позами выражая восхищение чудесным аппетитом эйстаа. Потом она отбросила кость и жестом велела фарги продолжать речи. Глупая только озадаченно пялилась.

Муруспе махнула ей.

— Тебе приказывают говорить. Рассказывай, что тебе было велено передать.

Уразумев более привычные знаки, фарги вздохнула и быстро заговорила, чтобы ничего не забыть:

— Укхереб сообщает — нужное обнаружено. Требуется присутствия эйстаа для ознакомления.

Ланефенуу жестом велела фарги скрыться с глаз и тяжело поднялась на ноги. Приказала принести водяной плод и освежила им руки.

— Требование моего присутствия означает, что дело важное, — проговорила она. — Идем.

Две советницы заторопились вперед, расчищая дорогу, остальные потянулись следом. Муруспе, эфенселе и первая советница эйстаа, шла рядом.

— Как по-твоему, Муруспе, что мы услышим? — спросила Ланефенуу.

— Мне известно не более, чем тебе, эйстаа. Правда, я могу предположить, что иилане' науки обнаружили устузоу-убийц.

— Я тоже. С делом меньшей важности Укхереб сама явилась бы на амбесид.

Издали приветствуя их, возле распахнутого отверстия в стене ждала Акотолп, выражавшая удовольствие и радостное предвкушение.

— Укхереб просит прощения за требование присутствия. То, что мы хотим показать, не доставишь на амбесид быстро и легко.

Акотолп ввела их в сумрачную каморку, затем через другую дверь в темное помещение. Когда дверь за ними закрыли, стало заметным красное свечение насекомых в небольшой клетке. Укхереб держала в руках какой-то белый лист с темными пятнами.

— Если сейчас вынести этот лист на свет, изображение исчезнет. Но я хотела бы, чтобы эйстаа непременно увидела его.

— Объяснений мне, смысл не ясен.

— Изображение получено с воздуха. Вот деревья вокруг поляны. А вот сооружения из шкур животных, используемые убийцами-устузоу для укрытия. Вот трое устузоу, а вот еще двое.

— Вижу! Какие уроды! Они принадлежат к тому же виду, что и погибший в городе устузоу?

— К тому самому. Видишь — на головах светлый мех, животы обернуты в шкуры.

— Где это?

— К северу от города. Не близко. На небольшом острове у берега. Скоро я покажу тебе другие изображения, обработка продвигается. На одном из снимков, по-моему, виден хесотсан.

— Один из наших, — раздраженно откликнулась Ланефенуу. — С этим надо кончать. Дважды они приходили, убивали иилане', уносили хесотсаны. Третьего раза быть не должно.

Глава двадцать девятая

Воздух под деревьями словно застоялся, из болот поднимались тучи кусачей мошкары, но так хорошо было снова оказаться в дороге. На острове жить приятно, слов нет, но он стал похож на долину саску. Саммады жили на одном месте и как будто не собирались никуда уходить. В прошлом остались охота зимняя и летняя, ягоды и грибы осени, весенние свежие побеги и корешки. Все было забыто. За дичью не нужно было далеко ходить, плодов было достаточно круглый год — съесть все, что висело на деревьях, было невысказано. Но привычный годичный цикл будоражил кровь тану, и все они успели истомиться на одном месте. И теперь четверо ушли на север.

Ханат и Моргил то убегали вперед на разведку, то отставали, выслеживая дичь, а потом догоняли попутчиков. Для Керрика и Армун новая дорога стала сплошным удовольствием. Они были вместе — этого было довольно. Они не жалели, что дети остались на острове — среди саммадов они были в большей безопасности.

Если Керрик и сожалел о чем-то, так только о коротком прощании с Надаске'. Керрик все тянул, откладывал, дни бежали, было полно дел. Но вот пришло время уходить. Он мог просто уйти — Армун только обрадовалась бы, — но Керрик понял, что так поступить не может. Арнхвита не было: он где-то носился с мальчишками. Все было готово. Кроме каменных ножей уложили копченое мясо и эккотац. Взяли даже ткань из харадуса — так хотела Армун. Можно было уходить. И когда Керрик понял это, он просто повер-

нулся и направился к берегу. Не отвечая на крики за спиной, он делал так, как решил...

— Ты уходишь? — спросил Надаске' с жестом мгновенной смерти. — Тогда прощай навсегда. Едва ты исчезнешь в лесу, острый каменный зуб найдет сердце Надаске'.

— Я вернусь, скоро вернусь. Мы идем меняться вещами на север. Вот и все.

— Вот именно — все. Наше эфенбуру становится все меньше. Нет Имехеи. Я оглядываюсь вокруг и не вижу мягкого-мокрого. И он не придет ко мне, если тебя не будет. Одиночество, только одиночество ждет меня здесь.

— Но ты жив, ты не умер на пляже.

Надаске' не рассердился. Обернувшись в сторону пустынного океана, он показал на прибрежный песок.

— Вот пляжи одиночества. Быть может, лучше мне было уйти на смертные пляжи ханане.

Керрику нечего было ответить. Друг его был в отчаянии. Они молча посидели. Наконец Керрик поднялся. Надаске' посмотрел на него одним глазом, но ничего не сказал. И Керрик просто ушел, оставив на берегу одинокую фигурку, вглядывающуюся в морскую даль...

Но все это осталось позади, забылось за радостями дороги. Они уже шли несколько дней — не более половины счета охотника — когда Ханат заметил впереди на тропе следы.

— Смотрите: вот и вот, обломаны сучки — знаком, кто пойдет следом.

— Сучья мог сломать и зверь... — предположил Керрик.

— Тоже может быть, но и тану проходили здесь. — Моргил обнюхал землю. — Но сначала они прошли по воде.

Тропа обогнула залив и уперлась в реку. Принюхиваясь, Моргил повел друзей вдоль реки.

— Дым! — воскликнул он. — Здесь тану.

В сумерках они добрались до стоянки саммадов, которые остались, когда саммад Херилака ушел на юг. На зов выбежали охотники; среди них был саммадар Хар-Хавола.

— А мы вас искали и не нашли, — сказал он.

— Наша стоянка южнее, — отвечал Керрик.

— Ну а мы остановились здесь: снега зимой нет, охота хорошая, рыбалка тоже.

— А стреляющие палки живы?

— Конечно. Правда, на одну наступили, и она сдохла. Ну а с другими все в порядке.

— А у нас новости. Наши стреляющие палки сдохли. И теперь у нас другие.

Хар-Хавола забеспокоился.

— Расскажите нам, как это случилось. Пойдем, поедим, попируем. Здесь столько еды.

Путешественники остались на денек, потом на второй. На третий решили уходить.

— Наш путь долг, — сказал Керрик. — Надо идти, ведь придется еще возвращаться.

— Со следующей охотой мы отправимся к югу, — проговорил Хар-Хавола. — Найдем ваши саммады на островке, передадим, что видели вас. И мы будем держать свои стреляющие палки подальше от ваших, как ты велел. Да будет ваш путь недолгим, да возвратитесь вы домой с миром.

И они пошли дальше. Дни оставались жаркими, но лето заканчивалось. И чем дальше они уходили на север, это ощущалось с каждым днем все сильнее. Перед рассветом становилось холодно, и роса густо ложилась на спальные шкуры.

Колея привела их к океану, к серой равнине под серым небом.

Выйдя на берег, путешественники всей грудью вдохнули влажный соленый воздух. Армун громко рассмеялся.

— Холодно, сыро, но как хорошо!

Ханат завопил от радости и высоко запустил свое копье. Оно вонзилось в песок вдалеке да так и осталось стоять. Сбросив поклажу, охотник побежал к нему. Моргил с криком понесся следом. Они вернулись запыхавшиеся и счастливые.

— Хорошо, что мы пришли сюда, — сказал Керрик. — Даже если парамутаны не придут.

— Придут. Ведь Калалекв говорил, что они вернутся, что океан им не преграда.

— Да, еще он говорил, что если у него не будет лодки, то он переберется через океан вплавь. Парамутаны — великие хвастуны.

— Ну, я надеюсь, что они придут.

Они пошли по берегу на север, и костер этой ночью развели за песчаными дюнами. Когда стемнело, пошел холодный дождь, а с моря накатил туман — прохладный и влажный. Осень была не за горами.

Утром Керрик раздул костер и подбросил в огонь остатки дров. Покрытый солью плавник потрескивал, в воздухе плясали желтые и голубые языки пламени. Армун расстелила перед костром шкуры — сушить. Охотники тоже проснулись, но не решались выбраться из-под теплых шкур.

Керрик по очереди потыкал их тупым концом копья. В ответ раздались стоны.

— Подымайтесь! — крикнул он. — Нужны дрова для костра. Вставайте, великие лежебоки!

— Лучше сходи сам, — сказала Армун.

Он кивнул, натянул на ноги сырые мадрапы и направился к дюнам. Дождь кончился, туман на глазах таял, яркие лучи солнца играли на морской поверхности. На берегу лежали водоросли, ракушки, влажный плавник, принесенные приливом. Вдалеке на берегу стояло сухое дерево. Можно наломать ветвей. Керрик понюхал морской воздух и взглянул на море. Ему показалось, что волна подняла вверх что-то черное, через мгновение вновь пропавшее из виду. Керрик бросился на песок — урукето? Но что иилане' могут делать на севере? Он попытался вновь отыскать черный предмет среди пенистых гребней.

Темное пятно появилось на прежнем месте, но это был не урукето.

— Парус! — закричал Керрик. — Там парус! Это парамутаны!

Армун понеслась по склону, охотники побежали за ней.

— Парус, — проговорила она. — Но они уходят на юг! Зачем?

— Водорослей! — закричал Керрик. — Ханат, скорее беги за водорослями. Надо развести костер — может быть, они заметят дым.

Керрик кинулся раздувать костер, и, когда охотники вернулись, он уже полыхал вовсю. Керрик подбросил в огонь водорослей — над костром за клубился белый дым.

— Они уходят! — закричала Армун. — Они нас не заметили.

— Несите еще!

Пламя ревело, над костром стоял столб дыма.

— Остановились, поворачивают! Они нас заметили!

С вершины дюны было видно, как на воде качается иккергак, как полощет его парус. Не сбавляя скорости, кораблик мчался к берегу. Темные фигуры на нем махали руками и кричали. Когда суденышко уткнулось в прибрежный песок, одна из фигур спрыгнула в воду и устремилась к берегу. Керрик и Армун дружно рванулись навстречу.

Волна окатила парамутана с головой. Встряхнувшись, он радостно закричал:

— Эй, не верю своим глазам — солнцеволосые, старинные друзья!

— Калалекв! — радостно крикнул Керрик.

Мокрый парамутан с хохотом выскочил из воды. Он схватил Керрика за руки и стал их трясти, потом с радостным криком набросился на Армун. Но она поспешно высвободилась, поскольку крепкие пальцы парамутана тут же принялись гладить ей зад.

— Куда же вы плывете? — спросила она.

— На юг. Только здесь так жарко. Видишь, на мне ничего нет, кроме собственной шерсти.

Заметив, что она взглянула вниз, парамутан быстро опустил кончик хвоста, прикрывавший его достоинства. Армун шлепнула его по руке, и он тут же восстановил благопристойность. Парамутан совсем не изменился.

— Почему на юг? — спросил Керрик, с трудом вспоминая сложную речь.

— Ищем охотников. Мы ждали их на берегу. На севере. Но никто не пришел. У нас есть шкуры и много всяких разностей. Тогда мы решили поискать охотников южнее. Но не думали встретить друзей.

Подожли Ханат и Моргил и забормотали неразборчивые приветствия. На берег выбрались и остальные парамутаны. Они вопили от радости и совали людям свой деликатес — тухлую сырую рыбу. Выпучив глаза

и едва не подавившись, Моргил проглотил зловонный кусок. Потом все отправились к костру. Керрик отрезал куски сырого мяса от добытой вчера туши, парамутаны восторженно вопили. Пачкая лицо, Калалекв глотал кровавые куски, одновременно рассказывая Армун обо всем, что случилось после их расставания.

— Добыча богатая. Уларуаквов в море — хоть ходи со спины на спину. И у всех женщин дети — по трое и даже по четверо. Мы узнали, как ловить и убивать больших огромных птиц. А как вы здесь? Расскажи. Ангаджоркакв будет отчаянно лупить меня, если я хоть что-то забуду.

— Мы вместе, все хорошо. Есть и дети, но меньше — ведь мы не так хорошо делаем их, как парамутаны.

Когда мясо было съедено, парамутаны отправились к иккергаку, стали вытаскивать оттуда связки шкур. Ханат и Моргил достали кожи и наконечники — и под оживленные вопли начался торг. Всем была нужна Армун — чтобы понять друг друга.

Керрик уселся на песок неподалеку. К нему подошел Калалекв. Керрик уже начал вспоминать язык, и разговаривать стало легче.

— А мы перепугались, когда увидели, что охотников на севере нет, — сказал Калалекв.

— Они ушли от снегов и морозов. Наша стоянка теперь на юге. Там хорошая охота и всегда тепло.

— Я бы там умер. Даже здесь такая жара. — Сидевший в теплой одежде Керрик ухмыльнулся. — Мы наловили много рыбы, набрали трав для таккуука, листьев разных деревьев, чтобы делать отвар для питья. Но нам нужны кожи, и мы уже рыдали от страха, что придется возвращаться без них. А теперь плачем от радости, потому что встретили вас... Ну, и наконечники для стрел тоже.

К ним подошла Армун и протянула Калалекву большой квадратный кусок ткани из харадиса. Калалекв стал его озадаченно рассматривать.

— Что это? Невероятно! Мягкая, как мех на попке младенца. И пахнет приятно.

— Это для Ангаджоркакв, — сказала Армун. — Пусть носит на голове. Дай покажу... Вот так. Это ткань

из волокон особого растения. Ее делают саску — охотники, живущие вдали от побережья.

— О, какие искусники. Они, должно быть, днем и ночью рыдают, потому что не видят каждый день море. Впрочем, и на суше много чудес — и харадис, и копыя, и луки, и ножи, и эккотац... надо бы съесть побольше.

— Но и у вас чудес хватает, — сказала она, смеясь и отталкивая от себя ищущие руки. В еде и соитии вся жизнь парамутана. — И твой иккергак, и гарпуны, и маленькие лодки с парусами, и свистки, и насосы.

— Ты права — мы действительно молодцы! Мы так много умеем, что я даже припомнить всего не могу.

Керрик улыбался, слушая их. Все, что делают они — тану, саску, даже парамутаны — так похоже. Нет, различия конечно есть, но все-таки главное одинаково. Они делают вещи. А вот иилане' не под силу изготовить предмет. Лишь самцы иилане' умеют творить. Они художники, умеют делать фигурки из металла, а двое беглецов из ханане даже научились охотиться и рыбачить. Только самки ничего не создают своими руками — они выращивают. И справляются с этим прекрасно. Но они не способны изготовить даже такую простую вещь, как стрела.

Керрик вдруг понял, что мир не такой, каким ему представлялся. Он был рожден тану, но вырос среди иилане', и мысли его во многом похожи на мысли этих ящеров.

Хватит об этом! Внезапно перед ним ясно предстало будущее. И он понял, что надо сделать.

Глава тридцатая

*Eistaapeleghe' eistaaii,
yilane' ninkuru yilane' gebgeleb.*

*У иилане' две эйстаа?
Отвратительно-невозможно-невероятно.*

Апофегма иилане'

Фафнепто никогда не видела такой широкой реки. Она была больше любой реки Энтобана. Из песка, который ее воды несли в море, намывались отмели и островки вблизи устья.

Несколько дней ушло на то, чтобы отыскать нужное русло. Потом они целый день плыли по реке, ночью дрейфовали у берега и на рассвете готовы были продолжать путь.

Заметив на плавнике Гунутул и Вейнте', Фафнепто тоже вскарабкалась наверх. Неповоротливый урукето с трудом выбирался с мелководья. Чтобы не упасть, иилане' крепко держались за край плавника. Когда урукето наконец выбрался на глубокое место, Фафнепто потребовала внимания.

— Большая река, — сказала она. — Ее размер и многие дни, потраченные на то, чтобы ее разыскать, заставили меня прийти к единому выводу. Я поняла, что Гендаси не Энтобан и здесь следует действовать иначе. Земли богатые, но пустынные. Они лишены не жизни, какой мы ее знаем, а иилане'. И мне странно видеть такое устье, как это, без прекрасного города на его берегах. И тут я вспомнила, что в Энтобане есть города, где становится все холоднее и холоднее. По возвращении я отправлюсь туда и скажу, чтобы не боялись. Есть пустой мир, который надлежит наполнить. Вейнте', ты

знаешь, как это делается. Ведь ты сама вырастила первый город на этих берегах.

— Да. Алпеасак. Ты права как всегда.

— А теперь вновь прислушайтесь к моим словам. Эйстаа Саагакель доверила мне это дело. Она повелела разыскать похищенного урукето, найти Амбаласи, которая это сделала. Разве не это я должна выполнить?

— Так, — согласилась Вейнте', недоумевая, куда гнет охотница.

Речь Фафнепто петляла, словно тропа в лесу, хотя действовала она всегда решительно и целеустремленно. Быть может, уединенная жизнь была тому причиной. Вейнте' спрятала нетерпение за позой предельного внимания.

— Тогда вы поймете мою озабоченность, ибо я поняла, что не выполню приказов эйстаа, обману ее доверие, если мы будем и дальше продвигаться таким же образом. Я успела убедиться в том, что случайно беглянок мы не разыщем. Нам нужна помощь.

— И что ты предлагаешь? — спросила Вейнте', уже догадываясь о том, что она скажет.

— Мы должны возвратиться к городу Алпеасаку и поговорить с его обитательницами. Они могут знать об урукето, которого мы ищем.

— Не обязательно, — возразила Гунугул.

— В таком случае мы продолжим поиски. Что ты на это скажешь, Вейнте'?

Взглянув на далекие берега, Вейнте' сделала безразличный жест.

— Решать тебе, Фафнепто, за тобой последнее слово. В Алпеасаке могли видеть тех, кого мы ищем. Только прежде ты должна узнать вот что. Эйстаа там Ланефенуу, она была эйстаа Икхалменетса, прежде чем он пришел в Алпеасак. Как тебе известно, я освободила Алпеасак от устузоу, чтобы она могла привести туда свой город. Ее именем я преследовала устузоу, ее именем прекратила войну с ними. Прежде я не говорила, но теперь скажу: некогда нас объединяла дружба, теперь ее нет. Я служила ей прежде, но она отвергла меня. Понимаешь?

Фафнепто шевельнула пальцами, изобразив понимание.

— Я служила многим эйстаа во многих городах и знаю их пути. Они правят, приказывают и никогда не слушают со вниманием. Они слышат лишь то, что хотят услышать, и говорят только то, что хотят сказать. То, что было между тобой и Ланефенуу, останется между вами. Я служу Саагакель и отправляюсь в город, как ее посланница. Нам надо выйти из реки в океан и плыть в Алпеасак. Сделаешь ли ты это, Гунугул?

— Твоими устами говорит эйстаа. Идем в Алпеасак.

Едва урукето лег на обратный курс, энтиисенаты, не любившие речной воды, высоко запрыгали, подымая брызги. Выйдя в открытое море, урукето повернул вдоль берега на восток. Теперь он плыл быстрее.

Они проплывали мимо знакомых устьев и бухт, но теперь уже не старались держаться ближе к берегу. Гунугул успела нанести течения на карту, и, когда они увлекали урукето от берега, она не меняла курса. Однажды они целых три дня не видели берегов. Вновь берег появился уже впереди, покрытый вечнозелеными тропическими лесами.

Фафнепто поднялась к Вейнте' на плавник, и у нее на ладонях выступили цвета, означающие узнавание.

— Я знаю этот берег. Здесь мы повернули на север, когда оставили острова.

— Я думаю, что ты права, а если так — Алпеасак недалеко.

— Город находится на берегу океана?

— И океана и реки. Пляжи большие, вода теплая, дичь в изобилии. Может, этот город и не так стар, как другие города иилане', но в его молодости видится новая поросль — привлекательность, которой нет у других городов.

Впередсмотрящую, стоявшую рядом, позвали вниз. Никто не мог их услышать, и Фафнепто захотела кое-что выяснить.

— Я никогда не видела окруженный морем Икхалменетс.

— И не увидишь. Там только снег и ни одной иилане'.

— Все теперь в Алпеасаке. И эйстаа в нем Ланефенуу, как прежде была ты. — Вейнте' кивнула. — Я буду говорить с Ланефенуу, и она все равно узнает о твоём присутствии. Поэтому я хочу побольше узнать о

том, что произошло между вами, и о том, что случится, когда вы встретитесь снова.

Вейнте' сделала знак понимания.

— Что касается последнего — я не знаю. Сама я не собираюсь что-нибудь говорить или делать. Ты сама сказала, что эйстаа не любят ничьей власти кроме своей. Эйстаа приказала мне очистить город от заразивших его устузоу. Я выполнила приказ. Я преследовала их и убивала спасавшихся бегством. Они были у меня между пальцами — оставалось только убить их всех, но тут эйстаа остановила меня. Я повиновалась ее приказу, но не выразила удовольствия. Точнее, она осталась недовольной отсутствием удовольствия.

— Понимаю тонкость взаимоотношений. Отношения между эйстаа — дело сложное. Не буду более говорить об этом.

Фафнепто собиралась что-то добавить, но из камеры вынырнула впередсмотрящая и полезла вверх. Разговор прекратился. До Алпеасака было недалеко, и возобновить его случая не представилось.

Вейнте' не хотела снова видеть Алпеасак, но выбора у нее не было. Она стояла на плавнике, а мимо проплывал знакомый ландшафт. Песчаный берег, откуда их увез урукето после пожара. На месте сгоревших деревьев виднелась новая поросль. Тут она оставила Алпеасак. Тут на ее глазах погибла Сталлан. Погиб ее город.

Показалась река, деревянные причалы, темные силуэты урукето. Отсюда она уплывала второй раз, не думая вновь увидеть свой город. Она увидела его, — но не по своей воле. Она стояла окаменев, не давая прорваться чувствам. Стояла, когда к ней подошла Фафнепто, стояла, пока Гунугул подводила урукето к причалу. Наконец туша урукето привалилась к деревянной стене, и гигант потянулся за приготовленным ему кормом.

Впервые Фафнепто не взяла с собой хесотсан. Не в ее обычае было приходить в чужие города с оружием. Обычно она обходилась без украшений, но как посланница своей эйстаа разукрасила руки изображениями металлических мостиков Йибейска.

— Гунугул, подожди на минутку, — позвала она. — Я бы хотела, чтобы ты осталась на урукето. — Та

сделала жест повиновения. Фафнепто обратила один глаз к Вейнте'. — И ты тоже останешься?

Вейнте' ответила знаком резкого отрицания.

— Я не из тех, кто прячется по темным углам. У меня нет страха. Я пойду с тобой на амбесид, потому что и я представляю Саагакель.

Фафнепто согласилась.

— Тогда иди первой. Я думаю, тебе известно, куда надо идти.

Они спустились с плавника и ступили на щербатую поверхность причала. Рядом с каким-то урукето стояла капитан. Вейнте' приходилось с ней плавать. Выразив потрясение и негодование, она отвернулась, не сделав и жеста в знак приветствия. Вейнте' с холодным презрением повернулась к ней спиной и направилась в город.

Фарги, открыв рты, расступались перед гостями и толпой валили следом. Вейнте' замечала знакомых иилане', но ни единым жестом не признавала этого. Зная об ее отношениях с эйстаа, они тоже не выказывали своих чувств. Теперь следом за ними шли не только фарги, но и иилане'.

Город остался прежним — ведь города не меняются. Вот ханане. Стража возле дверей, дальше широкий и солнечный переход, оканчивающийся на амбесиде. Здесь Ланефенуу позволила себе внести единственную поправку в план города и оставить память о покинутом Икхалменетсе. Два самца под бдительной охраной резали ствол городского дерева. На рельефе уже отчетливо проступал главный пик покинутого острова. Сама Ланефенуу собственной персоной надзидала над их работой и не обернулась, пока прибывшие не приблизились.

Фафнепто остановилась и самым вежливым образом попыталась обратить на себя внимание.

— Приветствую тебя, незнакомка... — начала Ланефенуу и замолчала, заметив возле Фафнепто Вейнте'. Гребень ее мгновенно налился кровью, а губы сами собой раздвинулись, точно она хотела съесть непокорную.

— Ты пришла, Вейнте'... осмелилась явиться на мой амбесид.

— Я пришла по приказу Саагакель, эйстаа Йибейска. Теперь она командует мной.

— Значит, ты забыла мою волю. Я изгнала тебя из Гендаси и из Алпеасака, и из своей жизни на вечные времена. И ты смеешь возвращаться!

Гребень ее побледнел, челюсти сомкнулись, холодный гнев чувствовался в каждом движении тела. Вейнте' не отвечала. Осторожная Фафнепто нарушила молчание.

— Я — Фафнепто, посланная по делу в Гендаси Саагакель — эйстаа Йибейска. Я принесла тебе ее приветствия.

Ланефенуу быстро взглянула на нее и отвернулась.

— Сейчас поговорим и обменяемся приветствиями, Фафнепто. Вот только выгоню отвергнутую-явившуюся.

— Я не из тех, кого можно выгнать. Я хотела, чтобы ты знала о моем присутствии. А теперь я возвращаюсь на урукето. Я буду ждать там, Фафнепто.

Испуганные холодными голосами и грозными позами противниц, фарги разбежались в разные стороны. Закончив говорить, Вейнте' ненадолго застыла, излучая бесстрашие и решимость, потом неторопливо пошла прочь. Среди собравшихся иилане' она заметила знакомых, но виду не подала. Изобразив в походке силу и ненависть, она медленно прошествовала до выхода с амбесида и направилась к пристани.

Все это время Фафнепто стояла неподвижно, наконец Ланефенуу справилась с душившим ее гневом. Прежде чем заговорить, эйстаа жестом потребовала водяной плод, осушила его и отбросила в сторону. И только тогда одним глазом обратилась к прибывшей, не в силах отвести второй от выхода с амбесида.

— Приветствую тебя, Фафнепто, — наконец проговорила она, — рада видеть тебя здесь во имя Саагакель, эйстаа Йибейска. Какое же из поручений эйстаа привело тебя за океан в мой город?

— Важное дело, воровство и предательство, дело тех, кто говорит о жизни, будучи частью смерти.

Ланефенуу сделала вежливый знак, прося замолчать. Дело было серьезным, и всякой фарги не следовало не только слышать о нем, но даже догадываться об его существовании. Большим пальцем она показала в сторону Муруспе. Когда эфенселе приблизилась, эйстаа быстро распорядилась:

— Отпускаю всех, кроме высочайших. — Муруспе передала приказ, сопровождая его резкими движениями неотложности. — Чтоб амбесид был пуст. — Когда последняя из испуганных фарги оставила амбесид, Ланефенуу заговорила вновь: — Те, о ком ты говоришь, зовутся Дочерьми Жизни?

— Да.

— Тогда рассказывай. Только знай — их здесь нет, и никогда ни одной из них не будет в этом городе.

— Нет их и в Йибейске. Они были там и бежали, а потому я должна обратиться к тебе за помощью.

Все еще сотрясаясь от ненависти к Вейнте', Ланефенуу внимательно слушала. Когда Фафнепто закончила, со всех сторон послышались возгласы ужасавшихся советниц. Шум мгновенно стих, едва Ланефенуу потребовала молчания.

— Ты говорила об ужасном. Ужасном вдвойне. Потому что я командовала и команду урукето, и с потерей каждого из этих огромных созданий уходит часть моей жизни. Я помогу тебе всем, что в моих силах. Чего же хочет от меня твоя эйстаа?

— Только информации. Знают ли в твоём городе об этом урукето? Не видела ли одна из твоих капитанов его в море? Мы искали, но не нашли даже следа.

— Не знаю о нем, но можно поинтересоваться. Муруспе, пошли за всеми капитанами и за Укхереб. Быть может, изображение этого урукето покажется на снимках. А пока сядь здесь, Фафнепто, и расскажи мне об Энтобане, о его городах, ведь так давно оттуда не прибывали урукето.

Но тут с жестом, свидетельствующим, что хочет говорить о важном, вперед шагнула Акотолп. Ланефенуу поманила ее пальцем.

— Вот Акотолп, иилане' науки, мудрая во всем. У тебя есть для нас информация?

— Отрицательная. Я помогала обрабатывать снимки. И считала, что попадавшие на них урукето — наши. Но сейчас я сама схожу за снимками, чтобы их можно было разглядеть внимательнее.

Ланефенуу жестом выразила согласие.

— Я сама посмотрю снимки, мои урукето знакомы мне, как мои эфенселе.

— Будет сделано, эйстаа. Требуется разрешение задать гостье вопрос.

— Разрешаю.

Акотолп повернулась к охотнице, пряча напряженность под складками жира.

— Известно, что я была среди тех, кто бежал из города, когда он был захвачен устузоу. Ты говоришь, что беглянки знали о Гендаси, и считаешь, что урукето пересек океан.

— Я так сказала. У меня есть причины полагать, что этот урукето сейчас далеко от Энтобана.

— С нами бежала иилане', которая была у Дочерей Жизни главной, обладающая обширными знаниями и острым умом. Ее звали Энге. Известно ли тебе это имя?

— Да. Она была среди них, а бежать им помогла ученая по имени Амбаласи.

Потрясенная Акотолп едва смогла выговорить:

— Амбаласи! Моя учительница!

— Не только твоя учительница, но и недавняя гостья нашего города, — мрачно заметила Ланефенуу. — Только она не говорила об этом, когда была здесь. Ступай за снимками, Акотолп, и немедленно неси их сюда. Ты была права, Фафнепто: ты угадала — информацию о беглянках следует искать здесь и пропавшего урукето надо искать в Гендаси. Я помогу тебе во всем, потому что, как и твоя эйстаа, желаю, чтобы урукето нашелся, а твои смерти были наказаны. Да будет так!

Глава тридцать первая

Гунугул послала за свежим мясным желе: ей успело надоесть консервированное мясо, которым они питались всю дорогу — и теперь с наслаждением жевала. Вейнте' вернулась назад, позой отвергая все попытки к общению, и сразу же скрылась в камере урукето. Чтобы сделать ей приятное, Гунугул велела иилане' из экипажа отнести ей угощение.

Оцепеневшая от ярости Вейнте' заметила в тусклом свете чью-то фигуру и поняла, что ей предлагают мясо. Выразив жестом признательность, она взяла предложенный кусок, откусила — и запустила им в кожаную стенку. Не могла она есть, даже дышать было трудно, хотелось бить и убивать — но кого? В темной камере было душно, и она встала и вскарабкалась на самый верх плавника. К счастью, она была одна — капитан вместе со всеми была занята на причале. Сквозь завесу гнева Вейнте' едва рассмотрела, что делается внизу. А там укладывали припасы, кормили энтиисенатов, взад и вперед сновали по городским делам фарги. И когда какое-то движение внизу привлекло ее внимание, она не сразу сумела понять, что это.

На причале появилась иилане' известного ранга, за нею шли груженные фарги. Она приближалась к урукето. Почему эта жирная фигура заинтересовала ее? Ну и жирна... Конечно же, Вейнте' прекрасно ее знает. Ученая Акотолп. Она поглядела вверх, заметила Вейнте', но ничем не показала этого. Обернулась и отдала короткие распоряжения, которым следовало повиноваться немедленно.

Становилось интересно. Вейнте' уже кое о чем догадывалась. Акотолп служила здесь эйстаа и ее городу,

но некогда присягала и ей самой на пожизненную верность. И похоже, что Акотолп оказалась здесь не случайно и конечно без разрешения Ланефенуу.

Вейнте' отступила в сторону, пропуская внутрь судна фарги с ношей. По приказу Акотолп они спустились, оставили груз и были отосланы обратно в город. И только когда они затерялись в толпе, Акотолп пыхтя полезла на плавник и тяжело перевалилась через его край. Там она огляделась, еще раз бросила взгляд на причал и властно и безмолвно указала рукой — спускайся!

Оказавшись внутри судна, она немедленно обратилась к Вейнте', выражая радость встречи-благополучного возвращения.

— Это я рада, Акотолп. — Вейнте' тронула большие пальцы ученой, словно она была ее эфенселе. — Здешняя эйстаа, которую я охотно убила бы, если бы это было возможно, оскорбила меня. А потому вид-присутствие верной толстой подружки доставляет мне величайшую радость.

— Удовольствие — служить тебе, эйстаа. Я была там позади всех, когда ты говорила с Ланефенуу. С трусливой мудростью я решила не вмешиваться. Я почувствовала, что лучше послужу тебе другим образом. Я знаю многое, чего не знает никто, я пришла к выводам, которых другим не достичь, дам тебе информацию, которой не обладает никто. Я внимательно выслушала охотницу Фафнепто, рассказавшую о цели вашего прибытия в Алпеасак. Ты приехала за тем же?

— Да.

— Значит, ваши поиски окончены. Я знаю, где искать урукето!

— Ты видела его?

— Нет, но логическая цепь событий неизбежно приводит к единому выводу. Свидетельство здесь, со мной. И еще кое-что — так же или даже более важное для тебя.

— Ты знаешь, что мне важно знать только одно — где Керрик-устузоу. Чтобы убить его.

— Конечно же! — Акотолп задвигала толстыми боками в жестах удовольствия от сделанного и одобрения. — Я уверена, что знаю, где он.

Вейнте' задрожала и стиснула обе руки ученой так, что та вскрикнула от боли. И отпустила их, рассыпаясь в благодарности и извинениях перед единственной на всем белом свете своей помощницей.

— Акотолп — ты моя эфенселе. У меня нет никого ближе, чем ты. Ты заполнила пустоту моего бытия, внесла радость в эту пустоту. Говори мне, что ты знаешь об устузоу.

— Уверяю тебя, он далеко, но все следует изложить в должном порядке, чтобы было понятно.

— Говори же, прошу!

— Амбаласи была здесь. Она прибыла на урукето и через несколько дней исчезла столь же внезапно. Я расспросила кое-кого и узнала, что приходил урукето и ушел, как только забрал ее. Ни животное, ни капитана никто не узнал.

— Так значит, это тот, которого я ищу?

— Вне сомнения. Вот еще вещь великого интереса. Прежде чем Амбаласи покинула город, случилось необычайное. На пляже поймали иилане'. Все подумали, что она хотела увести для себя самца. Тяжкое преступление. Никто не знал ее, а она молчала и умерла, прежде чем ее допросили. Ты видишь связь?

Вейнте' кивнула.

— Конечно. Она прибыла на урукето с Амбаласи. Отсюда следует, что она была Дочерью Смерти.

— Истинно! Я только сегодня поняла это, услышав Фафнепто. Это тебе великий разум помогает сразу же замечать то, что так долго скрывалось от меня. Амбаласи прибыла на этом урукето и отправилась восвояси на нем же. Возвратилась к своим Дочерям Зла. И мне кажется, я знаю, где их искать.

Излучая тепло одобрения, Вейнте' просила продолжать, как нижайшая у высочайшей, чего никогда не случалось с ней. Раздувшись от самодовольства, Акотолп произнесла:

— Они отправились на юг. Амбаласи открыла нам, что на юге она обнаружила неизвестный континент. Теперь становится ясно, что она высадила Дочерей где-нибудь на его берегах. И я думаю, что сейчас она там — в эстуарии огромной реки, у берегов океана.

Других записей об исследовании континента она не оставила.

— Верю тебе, ты не могла ошибиться. Но это лишь половина того, что я хочу знать.

— Другая половина относится к устузоу, приходящим в наш город, убивающим иилане' и крадущим хесотсаны. Всему этому есть свидетельства. Я посылала птиц — они принесли снимки устузоу, которые расположились на островке у берега океана. Один из них может быть тем, кого ты ищешь.

— Пока не стемнело, я должна видеть эти снимки.

Не успела Вейнте' договорить, как чья-то тень закрыла отверстие в плавнике. Взглянув вверх, Вейнте' увидела спускавшуюся Фафнепто. Охотница хотела что-то сказать, но, заметив Акотолп, умолкла в вопросительной позе.

— Это Акотолп, — сказала Вейнте'. — Она служила мне, когда я была здесь эйстаа. Известнейшая ученая, обладающая фактами, имеющими огромное значение.

— Я уже беседовала сегодня с Акотолп. О ней только что говорила на амбесиде и ученая Укхереб. Она сказала, что вы обе знакомы с той, которую мы разыскиваем — с Амбаласи.

— Верно.

— Еще Укхереб сказала, что Амбаласи принесла вести о континенте, расположенном к югу отсюда, об огромной реке. Укхереб полагает, что и Амбаласи, и разыскиваемый нами урукето сейчас там. Ты разделяешь ее мнение?

Акотолп попыталась скрыть разочарование — оказалось, что эта догадка пришла в голову не только ей. И она была вынуждена ответить согласием.

— Да, полагаю, что те, кого вы ищите, находятся на берегах реки, которую Амбаласи описала в таких подробностях.

Фафнепто закивала.

— Все, что вы обе сказали, заставляет меня сделать тот же вывод. И как охотница я тоже чувствую — мы на верном пути. Дичь ждет нас. Пусть капитан погрузит воды и свежего мяса. Утром я поговорю с эйстаа и мы отправимся дальше. На юг, к этой реке.

Вейнте' перебила ее жестом.

— Они не спасутся. Конечно же мы выследим их. Но прежде нужно убить устузоу — они здесь, непода-

леку. Они приходили в город, убили иилане'. Нужно наказать их за это...

— Нет. Мы пойдем на юг.

— Но это займет совсем немного времени. Для меня так важно...

— Тебе важно, а не мне... Идем на юг.

— Я поговорю с Гунугул. Я уверена, она согласится, чтобы сначала мы сделали эту малость.

— Согласится она или нет — безразлично. Я представляю здесь Саагакель. И прикажу Гунугул идти на юг. Я немедленно сообщу ей об этом, чтобы, пока я в городе, не вышло недоразумения.

Фафнепто говорила спокойно, почти безразлично, и все время смотрела в глаза Вейнте'. Так она смотрела в лесу на зверя, прежде чем убить его. Вейнте' отвечала ей столь же бесстрастным взглядом, понимая, что сегодня торжествует охотница. Она понимала, что не сумеет переубедить Фафнепто и долгожданный миг мести вновь откладывается.

— Ты командуешь, и все будет так, как ты скажешь. Знай, что Акотолп вызвалась проводить нас, чтобы направить наши поиски.

Эти слова Вейнте' произнесла с таким же спокойствием. Фафнепто приняла это как должное, поблагодарила и отошла. И не заметила ненависти на ладонях Вейнте', ее искаженных гневом пальцев. Акотолп же, видевшая все, отшатнулась, потрясенная силой эмоций. Но все прошло, и, справившись с собой, Вейнте' невозможно обратилась к Акотолп:

— Было бы многократным удовольствием увидеть снимки устузоу. Пока с меня хватит снимков — я так давно искала его, подожду еще немного. Это путешествие не будет напрасным. Дочери Смерти бежали от меня, когда мы покинули город. Существование их тоже оскорбляет меня. И я с удовольствием разыщу их. Благодарность выраженная-усиленная. Снимки!

...Вейнте' медленно перебирала снимки, дергая кончиками от избытка чувств. Ненависть, удовольствие, открытие. Пересмотрев все, она перебрала их во второй раз и вытащила тот, который привлек ее внимание. Она поднесла его к глазам — остальные посыпались. Акотолп подобрала их.

— Взгляни, Акотолп, — наконец сказала Вейнте'. — Твои глаза и разум принадлежат ученой. Скажи, что ты видишь?

Акотолп взяла снимок, пригляделась.

— Это один из убийц-устузоу. Самец, наверное, — у самок здесь два органа. Он прикрывает глаза и смотрит вверх так, что лица не видно. А на груди у него какой-то узор.

— И ты тоже заметила. Не металлический ли это зуб, подобный тому, что ты спрятала когда-то в пузырь?

— Возможно. Прискорбно неясны детали. Да, это может быть и предмет из металла.

— Трудно поверить. Неужели это тот, кого я так долго искала? Неужели он там?

— Большая возможность-убеждение. А вот еще кое-что интересное, о чем я умолчала перед эйстаа. Видишь на этом листке примитивное сооружение? И две фигурки возле него?

Акотолп ткнула большим пальцем в снимок.

— Необъяснимо, — нерешительно произнесла Вейнте'. — Иилане' и устузоу. Возможно ли такое?

— Мы можем только догадываться. Что если иилане' держат в плену? Она цела и невредима — это видно и на других снимках. И находится очень близко от логова устузоу.

Вейнте' затрепетала от возбуждения.

— Тогда этот устузоу и есть Керрик, которого я ищу. Только он умеет общаться с иилане'. Далеко ли они отсюда?

— Менее чем в дне пути на урукето.

— А мы как раз в урукето... — Тело Вейнте' задержалось, повинуясь нахлынувшим чувствам. Она не сразу овладела собой. — Увы, не сейчас. Сейчас отправляемся на юг. Есть там некая Энге, которую мне бы очень хотелось снова увидеть.

— Ко мне приходили, — сказала Энге. — С известием, что ты хочешь срочно видеть меня.

— Срочность — понятие относительное, если имеешь дело с Дочерьми Дремоты, — недовольно провор-

чала Амбаласи. — Я отправила весть уже довольно давно, чтобы не помереть от старости, пока вестницы доберутся до тебя.

— Что же срочного в твоём деле?

— Оно важно лишь для меня. Мои исследования завершены. Остается целый континент — пусть его исследуют другие. У меня есть и записи, и образцы. Будет над чем поразмышлять. Я открыла путь — пусть по нему следуют другие. И теперь возвращаюсь в Энтобан.

— Внезапное, неожиданное решение — скорбь, нежеланная информация.

— Для тебя одной, Энге. Остальные будут только рады. И я с не меньшей радостью повернусь к ним спиной. Все мои записи запечатаны и погружены на урукето. Сетессеи отправится со мной. Она уверяет меня, что научила двух Дочерей использовать нефмакел и обрабатывать раны. Так что вы не умрете сразу после нашего отбытия.

— Внезапность решения смущает-печалит меня. Я знала, что этот день настанет. Присутствие твоё доставляет удовольствие. Отсутствие создает пустоту.

— Заполняй её мыслями об Амбаласи и другим приками.

— Конечно же. Но я рада, что урукето вернется в Йибейск.

— С радостью придется повременить: я намереваюсь держаться подальше от Йибейска и его разъяренной эйстаа. Когда я доберусь до Энтобана, урукето вернется сюда — на вашу ответственность.

— С благодарностью принимаем её на себя.

— Есть ещё кое-что. Пойдем со мной.

Амбаласи повела Энге не в урукето, а на поджидающую рядом лодку. Теперь она была уже объезженной, и, повинаясь движениям пальцев Амбаласи, заскользила по реке. Сразу за городом Амбаласи направила лодку к берегу и прикрепила её к дереву.

— Ты узнаешь это место? — спросила она.

— Не забуду. Тут мы впервые увидели сорогетсо. Я много раз приходила сюда и учила их язык. Теперь их нет... — В голосе Энге слышалось сожаление, даже печаль.

— Они живы и здоровы. Независимость их обеспечена, последовательницы Угуненапсы не испортят уникальную культуру. Сюда.

Плавающее дерево теперь оставалось на месте: ветви его глубоко вошли в ил. Перебравшись на другой берег, иилане' пошли по некогда утоптанной тропе, ныне заросшей высокой травой. Выйдя на заросшую поляну, Амбаласи указала на обрушившиеся укрытия сорогетсо.

— Их следовало забрать отсюда, поскольку здесь на них могли оказать воздействие твои склонные к спорам товарки. Культура их оказалась в опасности. Она находится на линии раздела — на пограничной линии между использованием материалов и самой жизнью. Изумительная возможность для наблюдений-изучения. Для других ученых — не для меня. Я расскажу, где искать сорогетсо. Пусть завершают мою работу. Остается мой последний вклад в дело Угуненапсы. Решение проблемы, которой я уделила некоторое внимание. Интересное предложение. Неразрывность.

— Понимание не дается мне.

— И не должно даваться. Говоря честно — когда вы умрете, умрут и теории Угуненапсы.

— Твои слова абсолютно верны и глубоко печалят меня.

— Тогда перестань печалиться — сейчас увидишь решение вашей проблемы.

Они вышли на пустынный берег озера. Амбаласи огляделась и издала простейший призыв, требующий внимания к говорящей. А потом опустила с усталым вздохом на хвост.

Послышался шорох, и из кустов вышла невысокая молодая фарги.

«Вместе», — просигналила ей Амбаласи выступившей на ладонях окраской.

«Вместе», — ответила фарги и, заметив Энге, задрожала от страха.

— Будь без страха, — медленно и отчетливо проговорила Амбаласи. — Приведи остальных.

Энге смотрела вслед фарги, не веря своим глазам.

— Фарги... здесь? — проговорила она. — Такие маленькие. Они сорогетсо?

— Конечно. Всех взрослых иилане' я увезла отсюда и тогда заметила в озере юное эфенбуру и почувствовала свою ответственность за него. Я боялась, что, выйдя из воды и не встретив никого, кто стал бы с ними говорить, они погибнут. Поначалу я думала, что их нужно отвезти к старшим, но тут обнаружились определенные сложности. В озере оказалось эфенбуру еще моложе — они выйдут из воды позже и присоединятся к этим. И я не захотела вмешиваться в естественный процесс. А потом увидела единственное решение двух задач сразу. Как ты думаешь — какое?

Переполняемая чувствами, Энге не могла спокойно говорить.

— Спасение. Мы будем рядом, когда они выйдут из воды. Они научатся говорить, присоединятся к нам и будут говорить с теми, кто выйдет за ними.

— Это решение их проблемы. А другой?

— Ты спасаешь Дочерей Жизни. Теперь мудрость Угуненапсы сможет жить вечно.

— Насчет вечности я не уверена, но хоть чуть-чуть поживете. Ты понимаешь, что вы не можете смешать свою кровь с их кровью? Метаболизм сорогетсо слишком отличен от вашего. И когда они достигнут зрелости, пригляди, чтобы сорогетсо соединялись только с сорогетсо. Сумеешь ли ты обуздать похоть Дочерей?

— Мы жаждем только мудрости, тебе нечего бояться.

— Хорошо. Пойми, что связь между вами должна быть не генетической. Настанет день, когда последняя Дочь Смерти умрет от старости. Останутся одни сорогетсо.

— Понимаю смысл твоих слов. И вновь уверяю тебя — это неважно. Главное, чтобы жили восемь принципов Угуненапсы.

— Хорошо. Значит, я могу отправляться. Все важные работы завершены. Возвращаюсь к цивилизации с ее удобствами и преклонением перед эйстаа. Предвкушаю удовольствие — наконец-то смогу забыть это кошмарное имя — Угуненапса.

Глава тридцать вторая

Торг занял весь день и продолжался на следующий. Парамутанам слишком нравилось это занятие, чтобы так быстро с ним покончить. Вскоре Ханат и Моргил заразились их энтузиазмом. И жалели, что взяли с собой мало вещей для обмена. Кто-то упомянул свежее мясо. Все дела пришлось отложить: схватив луки, оба охотника опрометью бросились в лес. Парамутаны были непревзойденными охотниками моря, однако в лесу им не хватало сноровки тану.

Четыре оленьих туши были встречены громкими возгласами одобрения.

Попировали, потом торг возобновился. Завершение его по обоюдному удовольствию также отметили пиром.

Керрик уселся в сторонке на одной из дюн и задумался, глядя на море. К нему подошла Армун. Взяв ее за руку, он усадил ее рядом с собой.

— Теперь они учат друг друга петь, — сказала она, — хотя не понимают смысла слов.

— Надо было сделать порро, тогда бы получился настоящий праздник.

— Говори тише! — Армун со смехом кивнула в сторону охотников, демонстрировавших приемы борьбы тану. — Одна только мысль о напившемся порро парамутане вызывает у меня желание убежать.

Крики усилились, глухие удары свидетельствовали, что Калалекву удалось доказать, что, несмотря на небольшой рост, парамутаны — недурные борцы.

— Здесь я думал о многом, — сказал Керрик. — И принял важные решения. Во-первых, я решил сделать тебя счастливее...

Взяв его за руку, она усмехнулась:

— Но мы ведь вместе — как мне стать счастливее?

— Ну, ты не совсем счастлива. Я знаю, что тревожит тебя, и обещаю — с этим покончено. У Арнхвита столько друзей, а я заставлял его ходить вместе со мной на остров, разговаривать с самцом. Ты же терпеть его не можешь.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Да. Но ты охотник. И я не могу сказать тебе: делай то, не делай этого. Ты делаешь то, что надо.

— Я ошибался. Когда мы вернемся, я послежу, чтобы мальчики держались подальше от того, кого ты зовешь моим марагом. Но мараг — мой друг. И мне интересно разговаривать с ним. Арнхвит пусть делает как хочет. Если хочет забыть про мургу — пусть так и будет.

— Но ты же много раз говорил, как это важно — понимать мургу.

— Я теперь так не думаю. Это больше не важно. Я был слеп и видел мир не таким, какой он на самом деле. С виду я тану, а думаю как мараг. Все, хватит. Мир не изменился. Это я стал видеть его другим.

Армун слушала молча и ничего не понимала, кроме того, что слова эти для него очень важны. Керрик улыбнулся, заметив ее внимательный пристальный взгляд, и пальцем прикоснулся к губам.

— Я думаю, что не нахожу верных слов. Мысль в голове крутится — а вот выразить ее не удастся. Смотри, вот парамутаны, вот удивительные вещи, которые они создают. Иккергаки, паруса, насосы, резьба...

— Они искусны в таких делах.

— Искусны — но и мы тоже. Взять хотя бы кремниевые ножи, луки, копья, шатры, в которых мы спим, — мы же делаем их своими руками. Потом опять же саску с их глиняными горшками и ткацкими станками, тканями, урожаем...

— И порро — не забывай!

Они засмеялись. Возня на пляже стала оживленнее. Двоих парамутанов, увлекшихся борьбой, волной окатило с ног до головы, и все решили, что это безумно смешно.

— Я говорю — важно уметь делать вещи. Даже порро, — продолжал Керрик. — Так делаем мы. Мы все делаем своими руками. Сделанные нами предметы не умирают — ведь они и не живут. И копье в снегах служит так же, как в джунглях.

— Правильно. Но что в этом важного?

— Для меня важнее этого нет ничего. Я слишком долго думал, как мараг. Они, мургу, не в состоянии сделать ничего такого, что не жило бы, не ело и не умирало. Не знаю, как они это делают, и, думаю, никогда не узнаю. Но я был глуп и думал только о том, что можно вырастить. Так как это делают мургу. И все, что я задумывал, все, что намечал, делал, как мургу. Я всегда пытался думать как они. Это было ошибкой, и отныне я поворачиваюсь к ним спиной. Я — тану с ног до головы, а не полумараг. И теперь я вижу правду. Пусть стреляющие палки умрут. Они нам ни к чему. Это я решил, что они нам необходимы, а другие поверили мне. Хватит.

Армун испугалась.

— Не говори так: без стреляющих палок мы погибнем в южных лесах, а на севере — только холод и снег. Нельзя так говорить.

— Слушай и понимай. Я — только охотник. Могу погибнуть завтра, мог умереть вчера. Стреляющими палками мы пользуемся из-за меня. Когда я жил среди мургу, я видел, как они убивают ими любого зверя, невзирая на его величину. Я увидел это и подумал: будь у нас такое оружие, мы бы тоже сумели уцелеть на юге. Мы добыли их, и теперь судьба тану зависит от стреляющих палок — а так не должно быть. Надо найти способ обходиться без них, естественный для тану. Если мы сможем выжить лишь благодаря оружию мургу, — тогда все мы наполовину мараги, а не я один. Хватит, говорю. Все мы должны снова стать тану. Это ясно.

— Не понимаю, — недоуменно сказала Армун.

— Помнишь остров мургу? Когда ты зажигала костер, а Калалекв убивал живые лодки мургу.

— Да, так было.

— Пусть он покажет нам, как убивать этим способом всяких мургу. Научимся делать таккуук. Черный яд

в пузырях, от запаха которого выворачивает наизнанку. Обмакни в него стрелу — и убьешь любого марага. Видишь разницу? Те вещи, которые мы умеем делать, не умирают — это не стреляющие палки, которые болят идохнут. И умение делать яд не сгинет со смертью одного охотника — все будут уметь его делать. Будем делать таккуук и жить, где пожелаем.

— Думаю, я поняла теперь... поняла, как это для тебя важно. А что если мы не сможем делать таккуук. Что тогда?

Он поднялся и потянул ее за руку.

— Надо понять, как его делать. Спросим не откладывая. Что может сделать один охотник, сумеет повторить и другой. Помни — мы не мургу. И не должны стараться на них походить. Быть может, когда-нибудь мы сумеем оценить их познания, умение преображать животных. Когда-нибудь. А сейчас нам не нужны их знания. Пошли к Калалекву.

Парамутан лежал на спине и, пыхтя, жевал здоровый кусок сырой печенки — его лицо и руки были в крови. Живот после пиршеств раздулся, но он не сдавался.

— О, ты самый великий едок среди парамутанов! — похвалил его Керрик.

— Воистину. Это ты верно сказал. Но я и самый великий охотник...

— Значит, ты знаешь все?

— Абсолютно!

— А ты умеешь делать таккуук?

— Калалекв знает все, что только можно знать. Его таккуук замертво уложит самого большого из уларуаквов.

— Не объяснит ли мохнатый и мудрый парамутан простодушным тану, как это делается?

— Никогда! — крикнул тот и захохотал.

Керрик и Армун даже подумать не могли, что это так смешно. Насмеявшись, прожевав и проглотив кусок печени, парамутан объяснил:

— Это очень важное и сложное умение. Меня ему научил отец, я передам его моему сыну, Кукуджуку, когда он станет взрослым. Но ты взрослый охотник и можешь узнать все сейчас. Только придется заплатить за тайные знания.

— Это справедливо. Чего же ты хочешь?

— Цена высока — каменный нож с острейшим краем.

Керрик достал нож и молча протянул парамутану. Калалекв провел пальцем по лезвию и обрадованно забормотал:

— Тогда я объясню тебе, а потом все покажу. Ты должен будешь поймать особую рыбину, смешать ее кровь и внутренности и закопать эту смесь где-нибудь в теплом месте. Потом выкопаешь, добавишь сок из корней высоких цветов, что растут только на этом побережье. Вот почему мы возвращаемся сюда. Меньяться и добывать эти корни. Они нужны, чтобы получить настоящий таккуук. Они усиливают крепость яда. Вы и рыбачить будете с таккууком?

— Мы охотники. Яд нужен нам, чтобы смазывать наконечники стрел и не бояться в лесу огромных мургу.

— Не бойся, таккуук убьет их.

— Мы уже набоялись досыта, — проговорила Армун. — Хватит.

Ее страху пришел конец. Арнхвит не станет марагом. Керрик будет один ходить к своему другу. Пусть разговаривает с ним, как она с парамутанами. Когда-нибудь эта тварь умрет. И все кончится. Придет конец всем страхам.

— Ты боишься идти на остров, — сказал Долл, сплюнув на песок.

— Не боюсь, а просто не хочу, — возразил Арнхвит. — Это тебе надо бояться — твой отец отлупил тебя, заметив на острове. Ты плакал тогда — я видел.

— И я! — завопил один из мальчишек и бросился бежать, когда Долл кинулся за ним.

Арнхвит тоже отступил — он был ниже, чем Долл, и не смог бы одолеть его в схватке. Оставалось только надеяться, что тот обо всем позабудет. Этому не суждено было осуществиться. Так и не поймав обидчика, Долл вернулся и больно ткнул пальцем Арнхвита в живот.

— Я видел, как ты ходил на остров с отцом. Я прятался и видел, как вы оба стояли рядом с марагом.

— Не смей говорить о моем отце!

— Почему? — ухмыльнулся Долл, и все мальчишки явно были на его стороне. — Ты собираешься запретить мне? Ну-ка, попробуй. Твой отец — наполовину мараг. И я видел, как вы там вертели задами и тряслись. Вот так.

И он принялся изгибаться во все стороны и размахивать руками. Мальчишкам это показалось забавным.

— Заткнись! — Больше Арнхвит ничего придумать не мог.

— И я видел, как ты сам ерзал... так, и так, и так!

Мальчишки засмеялись. Воодушевленный успехом, Долл стал крутиться, изображая движения снова и снова. Арнхвит вспыхнул и, увидев перед собой спину врага, изо всех сил толкнул его. Долл повалился на землю, Арнхвит снова толкнул. Долл завопил, и Арнхвит бросился бежать.

Он бежал так быстро, что вопивший от ярости Долл не мог его догнать. За ними с криками помчались мальчишки. Они долго носились между шатрами. Потом Арнхвит перепрыгнул через костер, но Долл догнал его, схватил за руку и повалил на землю. И принялся колотить. Кулак Долла угодил Арнхвиту в нос, хлынула кровь — наблюдатели отозвались одобрительными воплями. Поднявшись, Долл пустил в ход ноги — и завизжал, получив крепкую затрещину.

— Маленького бьешь, младшего! — гневно рывкнула Меррис. — Лучше попробуй со мной справиться! — Она отвесила ему еще одну оплеуху, тот увернулся и бросился бежать. — Ну, кто еще хочет?

Она гневно оглядела мальчишек. Те поспешили исчезнуть.

— Мальчишки... — проворчала она себе под нос, подняла Арнхвита и вытерла ему слезы.

Намочив в холодной воде тряпку, она смыла кровь и прижала тряпку к носу. Наконец кровотечение и рыдания утихли.

— Иди к себе в шатер и полежи, иначе кровь снова пойдет, — велела она. — И не лезь к ним.

Расстроенный Арнхвит поводил ногой в пыли, отбросил в сторону щепку... Мальчишки посмеялись над ним — и были правы. Он действительно так делал,

когда говорил на иилане'. Никогда больше он не станет говорить с этим противным марагом. А может быть, наоборот? Он умеет говорить с ним — только он один из всех мальчишек. Значит, он лучше их. И он немедленно пойдет туда, куда другим путь закрыт.

В шатре было пусто. Малаген куда-то увела сестренку. Отца и матери не было уже давно. Никому, никому он не нужен. Одному только Надаске'. Арнхвит взял лук и колчан со стрелами. Заметив у входа свое рыболовное копье, прихватил и его. Он покажет Надаске', как бить им рыбу.

Пересекая остров, он никого не встретил. День был жаркий. Арнхвит вспотел и измазался. Так приятно было плыть через протоку, разделявшую два острова. На том берегу он немного посидел, оглядел кусты — никого. И пошел вдоль берега. Дойдя до укрытия иилане', мальчик громко провозгласил, что желает говорить. Надаске' высунул голову, выбрался наружу и зажестиковировал, давая понять, что рад видеть гостя.

— Будешь рад есть, — сказал Арнхвит, потрясая копьем. — Это колоть-бить рыбу. Я тебе покажу.

— Мудрость маленького превосходит пределы моего понимания. Мы пойдем бить рыбу!

Глава тридцать третья

*Anbefeneleiaa akotkurusat,
anbegaas efengaasat.*

*Если ты приняла истину Эфенелейаа,
ты приняла жизнь.*

Изречение Угуненапсы

— Все ли погружено, как я приказала? — спросила Амбаласи.

Элем сделала утвердительный жест.

— Все, что лежало на причале, погружено в урукето и укреплено. Еще взято много консервированного утря, воды хватит на всю дорогу. Урукето покормлен и отдохнул. Сомнения относительно места назначения.

— Энтобан. Я ведь говорила тебе. Или память уже слабеет от старости?

— Память функционирует нормально. Но Энтобан — огромный континент, к нему ведет множество течений, и срок плавания зависит от места назначения.

— Быть может, лучше, чтобы срок плавания был подольше. Сейчас я направляюсь в Энтобан. А городов много. Я подумаю, сравню и выберу. Я устала, Элем, здорово устала, и это решение важно для меня. Я больше не хочу ни дальних странствий, ни неустроенной жизни ради познания. Я хочу найти уютный город, который приветит меня, где ко мне будут приходить иилане' науки за советом и учиться. Мне нужен умственный и физический отдых. И еда повкуснее этой вечной утрятины. — Амбаласи оглядела опустевшее помещение и повернулась к нему спиной.

— Были даны инструкции. Сообщаю требование, переданное мне прежде. Перед отплытием Амбаласи велено явиться на амбесид.

— Подозреваю причины. Прощание и речи?

— Я не информирована. Идем?

Вслух жалуясь и досадуя, Амбаласи отправилась в путь. Подойдя к амбесиду, она услышала гул множества голосов. Когда Амбаласи вошла, все разом стихли.

— Опять болтали об Угуненапсе, — проворчала она. — Скоро меня ждет огромная радость — можно будет забыть и это имя, и его поклонниц.

Несмотря на досаду, ученой было приятно видеть всех Дочерей сразу, почтительно расступавшихся при ее приближении. Энге стояла возле места эйстаа, и никто не стал возражать, когда Амбаласи уселась на него.

— Конечно никто и не думал работать сегодня, — проговорила она.

— Все собрались сюда. Все хотели.

— А каковы причины для этого?

— Серьезные. Мы много дней обсуждали...

— Ну, в это поверить легко!

— ... И было сделано множество предложений, чтобы по достоинству выразить тебе всю нашу благодарность за все, что ты для нас сделала. После долгих споров все они были отвергнуты, как недостаточные и не соответствующие значимости твоих деяний.

Амбаласи стала вставать.

— Раз все отвергли, значит я могу отправляться восвояси.

Под общий неодобрительный гул Энге шагнула вперед, изъявляя отрицание, требование остаться, необходимость, и извинилась.

— Ты не поняла меня, великая Амбаласи, — должно быть, я не сумела выразиться правильно. Все предложения были отвергнуты в пользу самого драгоценного для всех нас. Я говорю о восьми принципах Угуненапсы. — Тут она умолкла, ожидая полного молчания. — Вот что мы решили. Отныне и навечно они будут именоваться девятью принципами Угуненапсы.

Амбаласи уже собиралась поинтересоваться, когда это Угуненапса успела восстать, чтобы продиктовать новый принцип, но промолчала, сообразив, что это, пожалуй, будет несколько бестактно. И сделала знак предельного внимания.

— Выслушай же девятый.

Энге шагнула в сторону, пропуская вперед Омал и Сатсат. Они дружно нараспев проговорили, голосам их вторили все собравшиеся:

— Девятый принцип Угуненапсы. Существует восьмерка принципов. Их не было бы без великой Амбаласи.

Ученая поняла, что с точки зрения Дочерей — это величайшая благодарность. Для них во всем определяющими были слова Угуненапсы. И теперь с ними будет связано имя Амбаласи. Да, эти спорщицы оказались способными на великую благодарность. Впервые в жизни она не сумела сразу же придумать какую-нибудь колкость. И ответила простейшим жестом приятия и благодарности.

Энге видела это: она-то знала старуху-ученую лучше, чем остальные, и даже лучше, чем предполагала сама Амбаласи. И, понимая, оценила ответ.

— Амбаласи поблагодарила нас. Время отпустить ее с миром. Она сегодня отправляется в путь, но навечно пребудет меж нами. Амбаласи и Угуненапса — навеки вместе.

Сестры в молчании разошлись. На амбесиде остались только Энге и Амбаласи.

— Могу ли я проводить тебя до урукето? Мы часто ходили здесь вместе, и я многому научилась от премудрой Амбаласи. Идем?

Амбаласи встала, опершись на крепкую руку Энге, и медленно пошла рядом с нею к выходу с амбесида. В молчании они шагали по городу. Наконец Амбаласи сказала, что хочет отдохнуть в тени: день был очень жарким. Они остановились, и Энге жестом потребовала информации.

— Нет отказа, Энге, ты ведь знаешь. Без моей непрерывной поддержки мир сестер, да что там — весь мир иилане' обеднел бы.

— Истинно. Потому я и спрашиваю. Я озабочена. Ты всегда говорила, что не веришь словам Угуненапсы. Для меня это всегда было непонятно и неприятно. Ты с великой точностью определяешь наши проблемы и помогаешь нам понять их. А ты сама? Что ты думаешь сама? Надеюсь, ты поведаешь мне. Неужели ты не веришь в справедливость девяти принципов Угуненапсы?

— Не верю. Кроме девятого.

— Но если самое важное в нашей жизни для тебя ничего не значит, почему же ты помогаешь нам?

— Я уж и не думала, что меня спросят об этом. Ты решила спросить лишь потому, что осознала наконец, что я не верю и не поверю в эти бредни?

— Амбаласи все видит и знает. Я спрашиваю именно по этой причине.

— Ответ очевиден и прост... для меня самой, конечно. Как и все иилане' науки, я изучаю жизнь — ее развитие, взаимосвязи, продолжение, изменение и окончание. Так заведено у иилане', так было, есть и будет. Но я не такая ограниченная, как остальные. Я хотела изучить вас и вашу Угуненапсу. Ведь она, в отличие от всех мыслительниц, задалась совсем иным вопросом. Не как все происходит, а почему? Очень интересно. Я сама люблю спрашивать «почему?» — потому и преуспела в науках, спасибо и вам за это. Но здесь возникают физические сложности. Когда Угуненапса произнесла свое «почему», в мир пришло нечто новое. Это самое «почему» породило ее принципы, а те, в свой черед, — Дочерей с их странным нежеланием умирать, как положено иилане'. Отсюда в жизнь иилане' пришло новое. Если хочешь, знай — я думаю тебе это не повредит — теория и принципы Угуненапсы для меня ничто. Мне было интересно исследовать вас.

Потрясенная Энге со знаками непонимания потребовала объяснений.

— Конечно же, объясню — как всегда. Подумай о наших обычаях, о взаимоотношениях иилане'. Эйстаа правит, остальные повинуются ей. Или умирают. Из океана выходят фарги, на которых никто не обращает внимания. Их кормят, потому что, если они умрут, придет конец роду иилане' — и больше ничего. Те, у кого хватает воли, настойчивости и желания учиться, становятся иилане'. И могут сделаться частью города. Большая часть фарги не способна на это. Они куда-то уходят и, думаю, погибают. И потому следует признать, что мы, иилане', предлагаем друг другу только отвержение и смерть. Ты же, Энге, предлагаешь сочувствие и надежду. Необычная и небывалая вещь.

— Надеждой называется возможность лучшего завтра, но другого слова я не поняла.

— Я и не ожидала иного, потому что сама придумала этот знак для описания новой концепции. Он означает умение понять несчастье другой, соединенное со стремлением облегчить ее переживания. Потому-то я и помогала вам. Так что оставайтесь здесь, оставайтесь в собственном городе и изучайте главное «почему» жизни. Сомневаюсь, что нам удастся поговорить еще раз.

Прощание не затянулось. Амбаласи с обычной прямотой сказала, что не предвидит новой встречи. Тело Энге шевелилось — она подыскивала слова и движения, но все они казались неподходящими.

Они уже дошли до берега, а Энге все еще не могла выразить глубины своих переживаний. И в конце концов она просто прикоснулась к пальцам Амбаласи, как это делают эфенселе, и отошла в сторону. Та, не глядя назад, оперлась на руку Сетессеи и с ее помощью взобралась на плавник. Элем поглядела с плавника вниз и уже стала отдавать приказ к отплытию, когда член экипажа, стоявшая возле нее, потребовала внимания, указав на реку. Элем поглядела в указанную сторону и застыла.

— Срочность слушания! — крикнула она находившимся внизу. — В реке обнаружен плывущий объект. Предположительно урукето.

— Невероятно, — отозвалась Амбаласи, всматриваясь вдаль. — Сетессеи, у тебя глаза раптора — что ты видишь?

Поднявшись повыше, Сетессеи пригляделась.

— Элем права. Сюда приближается урукето.

— Случайность-открытия невозможна. Если на борту окажутся тощая Укхереб или толстая Акотолп — значит, моим записям уделили подобающее внимание. Вне сомнения это их собственная научная экспедиция.

— Мы всегда рады иилане' науки, — отозвалась Энге, разглядывая приближавшийся урукето. — Мы поучимся у них, а они, возможно, у нас.

Амбаласи была далека от присущего Энге кроткого восприятия жизни. Долгий опыт научил ее ждать от всех неожиданностей только неприятностей. Но опыт победило любопытство, и она приказала Элем повременить с отплытием и с растущим подозрением стала

вглядываться в темный силуэт живого корабля. На плавнике были видны фигуры иилане', разглядеть их лица пока не удавалось. В глубине души Амбаласи надеялась, что они прибыли с добрыми намерениями. Отплыви она вчера — и ей не встретился бы этот урукето. Впрочем, что теперь говорить? Как подобает истинной ученой, она невозмутимо ждала, не зная — радоваться прибывшим или нет.

Все стало ясно, когда Сетессеи сказала:

— Сверху на плавнике моя знакомая по Йибейску, известная охотница Фафнепто.

— Неудача, — проговорила Амбаласи. — Надо было отплыть вчера. Из Йибейска ничего хорошего нам ждать не приходится. А других узнаешь?

— Капитан урукето тоже из Йибейска. Третья мне не знакома.

— Я знаю ее, — проговорила Энге с такой ненавистью и страхом, что Амбаласи удивилась: ничего подобного от Энге она еще не слыхала. — Известная всем Вейнте', некогда моя эфенселе, отвергнутая мной и презираемая. Она была мудрой эйстаа. Теперь только смерть следует за нею.

В молчании они наблюдали, как урукето подходил к причалу, поднимая невысокие волны. Амбаласи подумала, что можно отплыть и сейчас, но поняла, что слишком поздно: Фафнепто высоко подняла хесотсан, чтобы все его увидели. Таким знаком нельзя пренебречь. Прибывший урукето привез нежелательный груз.

Фафнепто соскочила на землю и широкими шагами направилась к ним, крепко держа хесотсан. Вейнте', без оружия, торопилась за нею. Амбаласи сделала жесты неприязни и отвержения.

— Какие причины, Фафнепто, заставляют тебя подходить к нам столь оскорбительным образом и угрожать оружием?

— Хорошие причины, Амбаласи. Здесь есть только один хесотсан — мой. Саагакель, эйстаа Йибейска, послала меня найти и доставить тебя назад вместе с урукето, которым ты воспользовалась без ее разрешения.

— Неправда. Она разрешила мне пользоваться им.

— Да, разрешила, но подобного использования урукето она не предполагала.

— Значит, ты хочешь вернуть животное Саагакель? Бери его.

— И тебя, Амбаласи. Эйстаа желает видеть тебя. Отказ не будет принят.

Амбаласи с презрением выгнула спину.

— А если я откажусь — ты убьешь меня, охотница?

— Да, и с помощью твоей помощницы сохраню твое тело, чтобы можно было доказать, что поручение выполнено. Может быть, Саагакель захочет вывесить твою дубленую шкуру на стене города.

— Молчать! — рявкнула Энге. Фафнепто отшатнулась и вскинула хесотсан. — Немыслимо-недопустимо, чтобы безмозглая тварь, не имеющая достоинств, говорила так с ученой. Молчать и немедленно приказать урукето отплывать отсюда!

Держа оружие наготове, Фафнепто холодно поглядывала на Энге, готовая к отражению любой атаки. Вейнте' шагнула вперед с жестом «нечего опасаться».

— Она не способна на насилие, — проговорила она. — Перед нами Энге, Дочь Жизни-Смерти, она никому не может причинить вреда.

Фафнепто опустила хесотсан с жестом пренебрежения.

— Значит, она одна из тех, о ком говорила эйстаа. Она нам не нужна, и нечего обращать на нее внимание. Возвращаются урукето и Амбаласи. Так мне было приказано. И еще: я получила приказ убивать каждую, что посмеет помешать мне.

Вейнте' сделала жест согласия.

— Мудрое решение. Эти создания распространяют вокруг себя только несчастье. И убивать их нужно из добрых побуждений. Я удивлена, что эйстаа этого города мирится с их присутствием.

— Здесь нет эйстаа, — с холодным презрением произнесла Энге. — Убирайтесь! Вас никто не ждал. Это город Угуненапсы, и вам тут не рады.

— Не рады? В таком чудесном городе? Невозможно поверить. Надо поговорить с эйстаа.

— Ты разве не слышала, глупое создание? — спросила Амбаласи. — Здесь нет эйстаа. Этот город вырастила я и знаю, о чем говорю.

Тут со стороны прибывшего урукето донесся невнятный призыв слушать. С плавника неуклюже слезала Акотолп — ей мешала толщина и контейнер, который она держала в руках.

— Учительница... Амбаласи, — пропыхтела она. — Вот Вейнте', я служу ей. Слушайся ее, потому что она мудра во всем. Это я отдала ей твои записи — видишь, вот они — она разобралась в них и привела нас сюда.

— Я думаю, ты сказала достаточно, Акотолп, — презрительно ответила Амбаласи. — Во имя науки я привезла тебе плоды моих работ и открытий. А как ты воспользовалась ими? Чтобы направить сюда этих отвратительных тварей. Вот теперь и забирай их отсюда.

— Довольно пустой болтовни! — приказала Фафнепто. — Я приказываю! — Она повернулась к Элем. — Ты и все, кто на борту, немедленно покидают урукето, потому что он должен быть возвращен его родному городу. И мы немедленно отправляемся в Йибейск с обоими урукето.

— А что будем делать с этими? — спросила Вейнте', указав на Энге. — И с их городом?

— Это не мое дело. Мы уходим.

— Я остаюсь.

— Ты выбрала, — ответила Фафнепто и обернулась к Элем. — Разве приказы мои не ясны? Вон из урукето!

Акотолп поставила контейнер на землю и открыла его. Вейнте' нагнулась и сунула туда руку. Заметив это, Фафнепто быстро повернулась и вскинула хесотсан. Но опоздала. В руках у Вейнте' треснул хесотсан, который она достала из контейнера, и охотница упала навзничь. Все присутствующие оцепенели от изумления. Все, кроме Акотолп, явно ждавшей этого. Шагнув вперед, она вытащила хесотсан из рук убитой. И всем видом являя удовлетворение, встала возле Вейнте'.

— А теперь, — проговорила Вейнте', — слушайте мои приказы.

Глава тридцать четвертая

Убийство произошло мгновенно — вне сомнения, все было заранее продумано. «Теперь-то это ясно», — думала Амбаласи. Только что перед ней красовалась Фафнепто, демонстрировала свою охотничью сноровку, гордая силой и оружием. И не знала, что в городах есть охотники, коварством своим превосходящие лесных жителей. Вейнте' руководила, а эта жирная дура Акотолп выполняла ее указания. Она должна была принести хесотсан и подать смертоносное оружие. И у нее еще хватило наглости сказать, что в контейнере труды Амбаласи. С гневом и отвращением старая ученая набросилась на Акотолп:

— Жирная бывшая ученица, а ныне дородная соучастница убийства! Немедленно верни мои труды, ты недостойна обладать ими!

Акотолп отступила перед яростью ученой, забыв про хесотсан в руках. Она попыталась заговорить, но не стала. На помощь ей пришла Вейнте'.

— Великая Амбаласи, ты напрасно сердишься на верную Акотолп. Некогда она просила моего разрешения служить мне и с тех пор всегда оставалась мне верной. Она, конечно, не причинит вреда тебе, своей учительнице. Она, как и я, уважает твою великую мудрость. И я благодарна тебе за исследования этого континента, ибо они помогли мне отыскать сюда дорогу и исполнить порученное дело.

— Тебе было поручено убить Фафнепто?! — возмутилась Амбаласи. Ее гребень пылал.

— Смерть Фафнепто, к несчастью, была необходима. Мы обе служим Саагакель и явились сюда по ее приказу. К сожалению, Фафнепто не согласилась со

мною в вопросах очередности действий. Ну, а поскольку иилане' такого типа переубедить невозможно, ей пришлось пострадать — пусть и чрезмерно — за свое самомнение. Акотолп, дай-ка сюда хесотсан, пока ненароком не убила кого-нибудь. И не трясись так. Ты ничего плохого не сделала. Ты только выполняла мои приказания, твоей эйстаа. И я благодарю тебя за это. Ты конечно вернешь Амбаласи ее записи?

— Если ты этого хочешь, Вейнте'.

— Не моему желанию, а великой ученой будем мы с тобой повиноваться.

Акотолп опустила контейнер у ног Амбаласи и то-ропливо отошла. Та сделала жест недоверия.

— Всем ли моим желаниям ты собираешься повиноваться, Вейнте'? А что если я захочу остаться в этом новом городе?

Вейнте' с сожалением расставила локти.

— К несчастью, это невозможно. Саагакель, эйстаа Йибейска, приказала мне вернуть тебя. Это будет сделано. А твои записи, которые Акотолп прихватила с собой из Алпеасака, останутся в урукето. Ты присоединишься к ним. — Она обернулась к Гунутул, которая стала спускаться с плавника, да так и застыла там, потрясенная случившимся. — Мяса и воды должно хватить до Йибейска.

— Хватит, если многие в дороге будут спать.

— Великолепно. Немедленно иди с Амбаласи на урукето.

— А что будет со вторым урукето? Он должен вернуться в город.

— Он цел и невредим — ты сама видишь. Скажите великой Саагакель, что и этот урукето вернется в ее город. А пока он мне нужен. Пусть это будет мне наградой за труды, за поиски урукето, за то, что я нашла ту, которую эйстаа разыскивала.

— И за убийство Фафнепто, — с холодным гневом добавила Амбаласи. — Энге правду говорила: ты, Вейнте', опасная и ядовитая тварь. Мои труды, вещи, помощница Сетессеи остаются в краденном урукето. Уже дважды краденое. Что будет с ними?

— Ну что ж, пусть возвращаются с тобой в Йибейск. Перегружай их и отправляйся.

— А ты останешься. И какими же темными делами собираешься ты здесь заняться?

— То, что я собираюсь здесь делать, старая, тебя не касается. Поезжай и насладись вниманием эйстаа.

Амбаласи сделала знак пренебрежения:

— Если ты надеешься, что эйстаа накажет меня — оставь упования. Мне не трудно будет уладить взаимоотношения с ней. Стоит только показать Саагакель результаты моих открытий — и она сразу же позабудет о мести. Ее город станет центром новой науки, к ней начнут стекаться ученые со всего Энтобана. Ей достанутся все почести — как положено эйстаа. Что касается меня: что один город, что другой — все едино. Сетессей, последи, как переносят мои вещи. А я пойду отдыхать. — Она устало сделала несколько шагов, потом обернулась к Энге и сделала знак немедленного расставания. — Горько видеть, Энге, в твоём городе эти злые создания.

— Не печалься. Принципы Угуненапсы будут жить.

— Отлично. Особенно мне нравится девятый.

Ученая отвернулась, вскарабкалась на плавник урукето и исчезла из виду.

Элем открыла рот, но Вейнте' наставила на нее хесотсан и сделала знак молчать.

Вещи Амбаласи перегрузили с одного урукето на другой. Акотолп, чей страх пропал, как только Амбаласи удалилась, взяла хесотсан Фафнепто и уселась на хвост. В ожидании приказов своей эйстаа.

Гунугул поднялась на урукето последней, когда все было готово. Она обернулась и холодно проговорила, обращаясь к Вейнте':

— Эйстаа в точности узнает обо всем, что здесь случилось. Как умерла Фафнепто. Все.

— Говори, — спокойно ответила Вейнте'. — Я выполнила свое обещание, а теперь делаю то, что нужно мне. Отправляйся.

Она молчала, пока между пристанью и урукето не показалась полоска воды. Потом она повернулась к Энге.

— С этим покончено. Теперь обратимся к будущему. Я просто в восторге от этого чудного, свежего, нового города. Расскажи мне о нём.

— Я ничего тебе не скажу. Я отвергаю тебя сейчас, как прежде. Тебя здесь никто не признает.

— Неужели ты ничего не понимаешь? Как ты не можешь понять, что теперь я буду приказывать? Годы твоего предводительства наконец закончились. Обе мы хотели власти — разве не так? Так признайся себе — дни твоей власти завершились. Ты вела этих заблудших, и поэтому многие умерли. Но ты была сильна — как и я. В конце концов ты увела Дочерей за океан и вырастила для них этот город. Но твои дни сочтены. Теперь я правлю здесь. И ты ничего не можешь с этим поделать. И теперь я буду приказывать, а вы будете повиноваться. — Она приподняла хесотсан. — Если мне не будут повиноваться — свое слово скажет оружие. Ты веришь мне?

— Верю. Другой бы не поверила, но тебе верю.

— Хорошо. Тогда я расскажу тебе об этом городе, таком новом, только что выращенном. Я смотрю на него и понимаю, как все было. Вы прибыли сюда, и здесь, где никто еще не бывал, мудрая Амбаласи вырастила для вас город. А поскольку здесь нет эйстаа, вы по глупости своей решили, что город ваш, что он принадлежит Дочерям Смерти. Теперь так не будет. Я здесь эйстаа. И если у города уже есть имя, я не хочу его слышать. Я — Вейнте', охотница за счастьем, и я хочу, чтобы в названии моего города звучало «муру» в знак того, что он вечен, и «теси» — поймать, схватить это счастье. Так что отныне город именуется Мурувейнте-си — место, где выслеживают и ловят счастье. Разве это не подходящее имя?

— Оно настолько неуместно, что я немедленно отвергаю его. Так поступят и остальные. Оставь нас.

— Нет! Город мой! И вы не будете противиться. Ну, а если будете, вам будет нетрудно справиться со мной. Последний твой шанс, Энге. Сопровитляйся — и город вновь станет твоим! Убей меня, Энге, — и ты снова обретешь власть. Но если вы поступите так, то потеряете все, во что верите! Видишь, Энге, как хорошо я вас изучила. Я загнала вас в угол. Проиграете так и этак.

Энге почувствовала, как в ней разгорается гнев, как большие пальцы сами собой раздвигаются в желании

убить эту пакостницу, стремящуюся разрушить все, во что она верила, чему отдала жизнь.

Но она поняла, что, поддавшись ярости, сама все погубит.

Гнев не исчез, но она спрятала его в себе и, бессильно опустив руки, пошла прочь.

— Мудрое решение, — сказала Вейнте', изогнувшись победной дугой. — Поговори со своими Дочерьми, пусть хорошенько следят за городом, пока ты будешь отсутствовать. У них же просто нет выхода — не так ли? Пусть работают как обычно. Только в моем городе, не в своем. Напомни им, что если они откажутся и будут сопротивляться, то умрут. А вместо них я привезу сюда фарги. Иди же, скажи им и возвращайся. Сегодня мы отплываем в Гендаси: мне нужно сделать еще одно дело, прежде чем я примусь переделывать город. Я очень хочу, чтобы ты видела, как я схвачу устузоу Керрика и убью его. Ты же хочешь видеть это — не так ли?

Глубоко сокрытые гнев и ненависть проступили в глазах Энге. Она долгим взглядом посмотрела на Вейнте', потом отвернулась и медленно пошла прочь. Вейнте' жестом потребовала внимания экипажа урукето.

— Кто командует? — спросила она.

— Я, — ответила Элем. — Но я служу только Угуненапсе, а не тебе. Урукето останется здесь. Можешь теперь убить меня.

— Ну-ну, так легко ты не отделаешься, капитан. Умирать будешь не ты — а твои подруги-дуры. В ответ на каждый твой отказ я буду по одной убивать их. Понятно?

Элем зажестичулировала — смятение, неверие, невозможность свершения услышанного.

— Ты сомневаешься? — спросила Вейнте'. — Ну-ка, Акотолп, пристрели какую-нибудь из этих презренных, чтобы остальные поняли, что я не шучу.

— Нет! — вскрикнула Элем, делая шаг вперед и заслоняя подруг, прежде чем Акотолп подняла оружие. — Урукето уйдет по приказу, больше никто не умрет. — Она взглянула на труп Фафнепто. — Хватит и этой.

...Оцепенев от отчаяния, Энге шла по городу, шок от неожиданного явления Вейнте' не проходил. За один день ее низвергли с высочайших вершин надежд в глубины отчаяния. На пути она встретила двоих Дочерей, те отшатнулись — такая боль была в ее движениях. Энге остановилась и привела в порядок свои мысли.

— Передайте всем, чтобы немедленно собирались на амбесид. Произошли события катастрофического характера.

Пока она медленно шла, вся уйдя в думы, весть разнеслась по городу. К ее приходу Дочери уже собрались. Когда она заговорила, молчание было полным. Энге рассказала о том, что случилось. Раздались крики боли и отчаяния, когда она объяснила им, чего надо ждать.

— Мне хотелось бы сейчас сказать всем — надейтесь на лучшее. Но я не могу.

— Нам следует уйти из города, — проговорила Сатсат. — Я помню эту Вейнте'. Разве ее можно забыть? Угуненапса — воплощенная жизнь, Вейнте' — смерть во плоти. Надо покинуть город. Умрем в обоих случаях.

Энге сделала жест понимания.

— Ты так говоришь от страха. Какой бы ужасной Вейнте' ни была, она всего лишь иилане'. Мы пришли на край света не затем, чтобы умереть, встретив первое препятствие. Город наш. Она пытается овладеть им, но мы должны молчать и работать. И говорить будем не с ней, а с теми фарги, которых она может привезти сюда. Если они поймут слова Угуненапсы, то станут такими же, как мы. Тогда мы победим. Я прошу вас только верить в то, что мы делали, и в то, что нам еще предстоит сделать. Оставайтесь здесь. Усердно трудитесь. Когда мы вернемся, всем придется проявить еще больше усердия. Но у нас выбора нет. Если мы истинно следуем учению Угуненапсы, нам не остается ничего другого.

Сатсат, Омал и Эфен прекрасно понимали, что их ждет. Они знали Вейнте', когда она была эйстаа Алпеасака, задолго до гибели города. Они прекрасно представляли, на что она способна. А потому подошли к Энге и тронули ее большие пальцы как эфенселе, остальные застыли в молчании. Здесь, в этих далеких краях, их

объединяла вера в правоту Угуненапсы. И сознание этого успокоило Энге, дало ей силы продолжать.

— Благодарю вас за помощь. Благодарю вас за сочувствие. Этим словом мудрая Амбаласи определила то, что Угуненапса даровала всем иилане'. Я буду помнить это, когда мы уплывем отсюда. И хотя кажется, что надежды нет, я все же надеюсь. Мы можем победить.

С этими словами она покинула амбесид и через весь город пошла к берегу реки. Все были уже в урукето, лишь Вейнте' стояла на причале, поджидая ее.

Энге ничего не сказала, даже не обратила на Вейнте' внимания. Она поднялась на плавник и обратилась к Элем:

— Можешь отправляться, когда все будет готово. Делай как они прикажут: эти твари несут насилие и смерть.

— Правильно говоришь, Энге.

Сверху на них упала тень Вейнте', но и Элем не обратила на нее внимания.

— Неважно, где ходишь сегодня, если в завтра и завтрашнем завтра будешь идти путем Угуненапсы.

Глава тридцать пятая

Расставание получилось веселым — таков обычай у парамутанов. Все знали: если печалиться перед дорогой, можно накликать неудачу, бурю, ненастье. Ханат и Моргил, чрезвычайно довольные результатами обмена, с хохотом помогали парамутанам сталкивать иккергак в море. Огромные волны то и дело окатывали их с головой. Наконец кораблик закачался на воде. Калалекв поднялся на борт последним. Сильные руки помогли ему забраться, подтянув за руки и за хвост.

— После зимы мы вернемся и принесем много разных вещей. Приходите!

— Придем! — отозвалась Армун, стараясь перекричать шум волн. — Мы будем здесь.

— Что сказал мохнатый? — спросил Ханат, выбивая зубами дробь.

Посинев от холода, он закутался в одну из своих новых шкур.

— Они хотят меняться.

— Мы тоже! На будущий год придем пораньше и сделаем порро. Им понравится.

— Даже и не думай, — сказал Керрик, — ты ведь не жил с ними зимой под снегом. Они странный народ.

— А мне нравятся, — вмешался Моргил, — они веселые. А теперь скажи, что за вонючую черную грязь ты зарывал? Я до сих пор чувствую ее запах.

— Эта грязь сохранит нам жизнь, когда они умрут, — сказал Керрик, показывая свой хесотсан. — Парамутаны умеют делать сильный яд, называемый таккуук. Им они убивают самого большого морского зверя. Им можно убивать и мургу. Теперь мы знаем, как его делать. Я-то всего не помню. Его Армун с Калалеквом варили. Все довольно сложно.

— Не очень, — отозвалась Армун. — Просто нужно, чтобы кровь и внутренности перегнили как следует, потом надо добавить коренья. Я знаю это растение, нам всегда запрещали подходить к нему и трогать. Теперь я поняла почему.

— Эта вонь сразит раньше нас, чем мургу, — проворчал Ханат.

— Не думаю. — Керрик поднял копье. — Второй раз его надо зарывать в маленьких кожаных мешочках вместе с наконечниками. Будем закапывать с ним стрелы, специальные стрелы для мургу. И когда будем стрелять в марага, наконечник проткнет мешочек, острие войдет в тело, яд выльется, и тварь погибнет.

— Так и сделаем, — с огромным энтузиазмом откликнулся Моргил. — Мы тебе поможем, Армун, и наделаем кучу стрел с таккууком. А потом предложим их в обмен другим саммадам. Или пойдем в долину саску — поменяем на ткань.

— Ты, наверное, скоро разучишься охотиться, — сказала Армун. — Все бы тебе меняться.

— А что? Захочу — поохочусь, но и меняться — дело хорошее.

Шкур и мехов оказалось столько, что Ханату и Моргилу пришлось вырезать шесты для травояса. Волокуша была тяжелой, и они по очереди тащили ее на юг. Ночи стояли холодные, днем тоже было зябко, но под новыми шкурами было так тепло спать.

«Звезды здесь как будто поярче, чем на острове, — подумал Керрик, вглядываясь в небо, когда Армун заснула. — Если звезды — тхармы охотников, то где же им светить ярко, как не на севере, где погибли тану. Когда-нибудь снега растают, и они снова вернутся в горы. А пока — все живы, саммады растут, и мургу не страшны, даже если сдохнут все хесотсаны. Завтрашнее завтра сулит добро. Так частенько говорили иилане'». Припомнив эти слова, Керрик машинально шевельнул ногами и сложил руки. Армун застонала во сне, и он замер.

Забывать иилане' и быть только тану...

Они быстро шли по знакомой тропе. Дважды на них набрасывались большие мургу, и тогда приходилось обращаться к стреляющим палкам. Ели досыта. Когда

Ханат или Моргил не тянули травоис, они по очереди исчезали в лесу и возвращались с убитым марагом или оленем. Каждую ночь путешественники разводили костер, жарили мясо и наедались на весь завтрашний день. Так они продвигались на юг.

Вскоре им попалась тропа, которая вела к другим саммадам. Завязался спор — не свернуть ли. Ханат и Моргил желали меняться. Керрику было все равно, но Армун держалась твердо.

— Нет. Может быть, они на юге. Если нет — то вы вдвоем в любое время можете сходить к ним. Возвращаемся домой! Там мои дети, и я хочу их видеть.

Она с укором посмотрела на Керрика.

— Ах да. И я тоже. Не будем останавливаться. Идем к нашему острову.

Дни становились короче, и за день им уже не удавалось много пройти. Это раздражало Армун. Она стала заставлять охотников пускаться в путь затемно и не останавливаться до глубокой ночи.

— Я устал, — однажды вечером сказал Ханат, глядя на темнеющее небо. — По-моему, пора остановиться.

— Идем дальше, — сказала Армун. — Я тоже устала, но если доберемся до стоянки возле ручья сегодня, то завтра еще до темноты придем на остров. Иначе я пойду одна. Дайте мне стреляющую палку.

— Ладно-ладно, — отозвался Ханат, налегая на кожаные лямки.

Ночью шел дождь, поутру слегка прояснилось. Армун разбудила охотников, смеясь в ответ на их ворчание. Выйдя на тропу, все заторопились — хотелось побыстрее оказаться дома. Днем они даже не стали делать привал и перекусили на ходу холодным мясом. И ничего не пили — каждый из них мог целый день обходиться без воды.

Керрик не заметил бы тропы, ведущей к острову, но Моргил вовремя остановил его. Не доходя до брода через пролив, они повстречали охотников из своего саммада. Раздались приветствия, сопровождаемые одобрительными возгласами при виде мехов и шкур. Охотники вызвались помочь доставить новые приобретения в лагерь.

Едва они подошли к стоянке, Херилак разразился приветственным воплем. Из шатра появилась Малаген с Исель на руках. Девочка с радостным смехом потянулась к матери, Армун схватила ее и прижала к груди.

— Значит, парамутаны приходили, и вы менялись, — сказал Херилак, щупая мягкие шкуры.

— Да, саммадар. И даже более того, — ответил Керрик. — У них есть штука, которая зовется таккуук, и мы научились ее делать. Это очень важно для тану.

— А где Арнхвит? — спросила Армун, прижимая к себе дочь и оглядывая собравшихся детей. — Где он?

— Его здесь нет. Я знаю, где он, — ответил один из мальчишек. — Он ходит на запретный остров и там дрыгается перед марагом.

Он смеясь стал раскачиваться, но смех тут же сменился жалобным воплем: Армун толкнула его, и мальчишка полетел кубарем.

— Откуда ты знаешь? Ведь ты не был там, это запрещено. Ему нельзя одному ходить туда.

Она гневно взглянула на Керрика.

— Пойду приведу его, — сказал тот, забирая стреляющую палку. — Пойдем со мной, друг Херилак, мне многое нужно тебе рассказать.

— Идем, — ответил саммадар и отправился за луком и стрелами.

— Мы уже добрались до нужного места? — поинтересовалась Вейнте', сравнивая снимок с проплывающими мимо берегами.

— Да, — ответила Акотолп и ткнула в снимок пальцем. — Мы сейчас здесь, рядом с этими небольшими островами у берега. А вот здесь остров побольше — там и находится логово устузоу.

— Урукето сможет подойти к нему?

— Нет, проливы между островами чересчур мелководны.

— Понятно. А где то место, где обретается иилане'?

— Тут — на острове со стороны моря.

— Здесь и высадимся. Сначала будем говорить с ней. Устузоу коварны. Но мы должны напасть первыми.

А она сможет помочь нам. Она скажет, здесь ли тот, который мне нужен, и где его искать. Умрут остальные или нет — для меня неважно. Мне нужна только его смерть. — Она отрывисто приказала Элем: — К острову, ближе. Вызвать наверх Энге.

Урукето приближался к берегу, когда Энге поднялась на плавник.

— Плыви к берегу! — приказала Вейнте'. — Акотолп поплывет за тобой. И не забудь про ее хесотсан. А я поплыву со своим. Если у Элем появится желание немедленно отправиться обратно, едва мы окажемся на берегу, мы убьем тебя. Понятно?

Энге сделала утвердительный жест и спустилась по спине урукето к воде. Следом за ней нырнула Акотолп. Бежать Энге не собиралась, потому что знала — тогда Вейнте' убьет экипаж урукето. А потому стала ждать Акотолп на берегу. Вейнте' быстро плыла за толстухой.

— Я пойду первой, — сказала она, — следуйте за мной.

Она неторопливо поднялась на вершину дюны, глубоко взрывая когтями песок. Дюна заросла высокой травой, Вейнте' медленно раздвинула ее, чтобы посмотреть, что делается внизу. И замерла без движения, только рука за спиной извивалась, требуя молчания. Внизу Вейнте' увидела две фигуры и прислушалась, о чем они говорят.

— Попробуй снова, — сказал Арнхвит, держа хардальта за щупальца перед Надаске'.

— Грардал, — ответил Надаске', повторив движение мальчика.

— Не грардал, а хардальт. Хардальт. И не шевели руками.

— Но ты шевелил.

— Да. Но когда говорят на марбаке, пользуются только звуками.

— Глупая-уродливая речь. Она годится только для устузоу.

Заметив чью-то тень, Надаске' взглянул вверх одним глазом и метнулся к укрытию.

— Немедленное прекращение движения! — приказала Вейнте', спускаясь вниз. — Если у тебя там хесотсан, только тронь — и немедленно умрешь. Выходи, и с пустыми руками!

Надаске' медленно вышел из шалаша с опущенными руками. Вейнте' поглядела на него, наклонилась вперед и фыркнула:

— Самец! И вроде знакомый.

— Мы уже встречались, Вейнте'. Ты не помнишь. А я помню. Ты была эйстаа Алпеасака и послала меня на родильные пляжи. Но я вернулся.

Вейнте' сделала жест холодного негодования по поводу проявленного негодным самцом гнева и сообщила, что с удовольствием отошлет его туда еще раз, — и немедленно. Но ее внимание привлек Арнхвит, который с округлившимися от страха глазами смотрел на нее и на мургу, спускавшихся по склону. Двое, которые держали хесотсаны, двигались угловато и резко — не так, как Надаске'. Он сделал еще шаг назад и остановился, когда первый мараг жестом приказал прекратить движение.

— Я видела, как ты разговаривал с этим самцом. Значит, ты иилане', но это невозможно-немыслимо. Однако это так. Подойди ко мне, приказываю. Ты понял?

Дрожа от страха, Арнхвит шагнул вперед и сделал жест понимания смысла. Вейнте' наклонилась к нему — он ощущал отвратительный запах ее дыхания — и прикоснулась пальцем к металлическому ножу, висящему у мальчика на шее.

— Что означает это изделие из металла? Оно маленькое, а мне приходилось держать такое же, только побольше. Но это было очень давно. Большое послужило знаком окончания войны, в которой я должна была одержать победу. Оно висело на шее устузоу-убийцы по имени Керрик. Немедленно объясни.

Арнхвит понял все, что говорила иилане', кроме имени — Вейнте' произнесла его неразборчиво. Впрочем, все было и так ясно.

— Есть только один металлический нож подобный этому. Он висит на шее моего... эфенселе.

Более близкого понятия в иилане' слову «отец» он не знал.

— Значит, ты — эфенселе того, кого я разыскиваю. Но где он, почему ты один? Объясни мне быстро,

самец, — приказала она, одним глазом глядя на Арнхвита, другим на Надаске'.

Но тот и не подумал отвечать. Свобода кончилась, и жизнь вместе с ней. Перед ним стояла Вейнте', известная своей жестокостью. Она конечно же будет весьма недовольна его бегством из ханане и тем, что он спасся и свободно жил после гибели города. И она позаботится, чтобы он хорошенько пострадал перед тем, как послать его умирать на пляж. Все кончилось.

Что-то шевельнулось в кустах, Надаске' бросил туда взгляд. Ничего особенного, какое-то животное — теперь это уже безразлично...

Керрик с Херилаком подошли к протоке, когда из кустов на противоположном берегу высочился Долл и бросился в воду, всхлипывая и задыхаясь.

Вытащив мальчишку из воды, Херилак тряхнул его.

— Тебе уже была выволочка за то, что ты здесь шляешься. А теперь я выдеру тебя как следует.

— Там мургу! Они пришли с моря, мургу...

Херилак взял его за подбородок и посмотрел в глаза.

— Ну-ка, что за мургу? Те, что убивают стреляющими палками?

— Да, — ответил Долл и скуля повалился на землю.

Повернувшись, Херилак бросился вслед за Керриком. Догнав его уже на другом берегу, он схватил друга за плечо.

— Тихо! — приказал Херилак. — Иди тихо, не мчись, иначе выскочишь прямо навстречу смерти.

Керрик отмахнулся и бросился бежать. Там иилане', и Арнхвит среди них. Спотыкаясь и увязая в песке, он бежал вдоль берега к дюне, укрывавшей жилище Надаске'. И остановился с криком ужаса.

Херилак тоже остановился, увидев четырех мургу, двое из которых были вооружены. Перед мургу стоял мальчик. Выхватив стрелу, охотник натянул лук.

Керрик ударил его по руке, и стрела воткнулась в песок.

— Не надо. Они убьют его. Брось лук. Оставь это мне, Херилак. Я сам.

Он бросил свою стреляющую палку на землю, но Херилак стоял как скала, видя перед собой лишь тех, кого следовало убить. Один из мургу целился в Арнхви-

та. Будь это его сын, Херилак не стал бы колебаться и пожертвовал бы ребенком, но убил бы всех четверых.

Но Арнхвит — сын Керрика. Однажды Херилак и так едва не стал причиной его гибели. Нельзя допустить смерти мальчика, даже ценой собственной жизни. Медленно, не сводя глаз с мургу, Херилак нагнулся и положил лук на землю. Уродливый мараг, стоявший перед Арнхвитом, заворчал и задергался, потом раскрыл пасть, обнажив острые зубы.

— Повиновение-точный выбор, — проговорила Вейнте', победно изогнув руки и разинув рот в знак «поединка победы».

— Пусть маленький идет. Я встану вместо него, — сказал Керрик.

— Значит, ты ценишь жизнь своего эфенселе дороже собственной?

— Это встречается у устузоу, — проговорила Акотолп. — Я изучала этих животных. У них имеет место живое рождение, в маленьких эфенбуру отмечается большая взаимная привязанность...

Она умолкла от резкого окрика Вейнте'.

— Все заканчивается здесь, Керрик. Слишком долго ты воевал со мной, слишком многих убил. Пришла моя победа. Теперь у меня собственный город. Он будет процветать и расти. Сейчас ты умрешь и эти устузоу тоже. И умрете, зная, что умираете первыми. Я еще вернусь сюда с фарги и стреляющими палками, выращенными верной Акотолп. Я вернусь и буду преследовать ваш род по всей Гендаси. Найду каждое вонючее логово и убью каждого устузоу. Думайте об этом, умирая. Думайте как следует. Я дам вам время подумать, чтобы знание это заполнило вас целиком.

Подняв вверх оружие, Вейнте' излучала триумф. Вокруг нее все застыли в молчании и ужасе. Энге не могла шевельнуться, в ней боролись убеждения и желание убить Вейнте'. Арнхвит был раздавлен ужасом. Надаске' застыл как каменный. И только Акотолп жестикулировала, изображая понимание и совершенство действий.

Надаске' шевельнулся, Вейнте' внимательно посмотрела на него, потом вновь уставилась на Керрика,

заметив, что жалкий самец отвернулся, не в силах выдержать ее взгляда.

Надаске' обернулся к перепутанному мальчишке и в жесте симпатии и понимания положил большие пальцы ему на плечи.

Вейнте' подняла хесотсан и прицелилась в Херилака.

— Ты будешь последним, Керрик. Сначала увидишь, как умрут твои эфенселе.

Надаске' быстро сорвал с шеи Арнхвита металлический нож и, резко обернувшись, воткнул его сбоку в шею Вейнте'.

Время остановилось. Глаза Вейнте' расширились от боли, руки стиснули хесотсан, который стал отчаянно извиваться в железной хватке. Надаске' повернул нож, и кровь хлынула ему на руку.

Вейнте' пошатнулась и рухнула, успев нажать на хесотсан. Треск прозвучал глухо — прямо на нее свалился Надаске'.

Акотопп, никогда не бывшая иилане' действия, в ужасе глядела на тела. И прежде чем она решила пустить в ход хесотсан, оружие вырвали сильные руки Энге.

— Конец убийствам! — закричала Энге, поднимая оружие над головой и забрасывая его далеко в море.

— Конец убийствам! — эхом отозвался Керрик на марбаке, мягко останавливая руку Херилака, потянувшегося за луком. — Этот мараг — мой друг. Она не убивает.

— Может быть... А этот жирный?

— Она сейчас умрет, — сказал Керрик и перешел на иилане': — Ты умрешь — разве не так, Акотопп? Тебе следовало умереть, когда погиб Алпеасак, но ты спаслась. Ты всюду следуешь за Вейнте'! Но она умерла. Почему же ты жива? Тебя нет нужды убивать, сейчас ты сама умрешь. Отправляйся следом за ней.

Акотопп внезапно охватил ужас, и она поняла, что устузоу прав. Пришла смерть... смерть.

Глаза ее остекленели, и ученая грузно повалилась на песок. Немного подергалась и застыла.

Арнхвит со слезами бросился к отцу и обхватил его обеими руками. Керрик поднял мальчика и прижал к себе.

— Все наконец кончено, — проговорил он усталым негромким голосом. — Погиб наш друг Надаске', но лучшей смерти для него нельзя было придумать. Когда ты станешь взрослее, ты это поймешь. Ему не придется теперь идти на пляж. И его мы всегда будем помнить — ведь он убил ту, которая хотела убить всех нас. — Он посмотрел на Энге. — С ней еще кто-нибудь есть?

— Никого... только Дочери Жизни. Таких, как она, среди нас нет.

Керрик смотрел на распростертое тело Вейнте'. Мертва наконец. Убийца из убийц, мертвая, под трупом того, кто ее сразил. В горле возник комок. Керрик ощутил ужасную тоску.

— Не хочу больше слышать о смерти, думать о смерти, видеть ее. — Он обернулся к Херилаку и, мягко разжав руки сына, передал ребенка старшему охотнику. — Отведи мальчика к матери. Долл уже наверняка наделал шума. Останови охотников, здесь для них нет никакого дела. Объясни Армун, что здесь произошло, скажи, что я скоро приду.

Херилак взял мальчика за руку и кивнул.

— Сделаю, как ты говоришь, саммадар. Но я видел, как эти двое убили друг друга, а третий лег и помер. Что произошло?

— Вернусь и все расскажу. А пока знай — та, что лежит в собственной крови перед тобой, вела мургу против нас. Она убита, и вражда закончилась. Битва завершена.

— Значит, мы победили?

— Не могу так сказать. Разве может быть в такой войне поражение или победа? Хватит с нас. Все кончилось.

Он смотрел вслед Херилаку, уводившему его сына. А потом обернулся к Энге, застывшей в каменном молчании, после того как она отобрала оружие у Аколл.

— Я только что велел передать моему народу, что война между нами закончилась. Так ли, учительница?

Энге сделала знак согласия и триумфа.

— Закончена, ученик мой. Пойдем со мной на берег — я хочу позабыть весь этот ужас. Мои спутницы на урукето должны узнать, что и их страхи кончи-

лись. Я многое должна тебе рассказать. Когда ты был мал, я рассказывала тебе о Дочерях Жизни, только, едва ли тогда ты сумел что-то понять. А теперь знай, что нас, Дочерей, много. Мы никого не убиваем, и у нас есть собственный город — Город Мира.

Они поднялись на вершину дюны, вздымавшуюся над берегом океана. Урукето качался на прибрежных волнах, набегавших ему на спину. Энге потребовала внимания и простейшим из жестов фарги велела всем плыть на берег.

— Может быть, все города теперь станут такими. Нам от иилане' нужен только мир — как и от вас.

Она повторила сигнал, наконец иилане' поняли его и полезли в воду, спускаясь по плавнику. Энге повернулась к Керрику, выражая одновременно сомнение и надежду.

— Я думаю, что все города иилане' оставят теперь ваш род в покое, ведь каждая эйстаа знает, какую ужасную смерть вы можете принести. Ну а вы будете нападать на города?

— Нет, конечно. Сейчас все узнают, что произошло, и никто более не ступит в Алпеасак.

— Никогда? Настанет день, и ты умрешь, Керрик. А что будут делать устузоу, когда тебя не станет, а богатый и обильный Алпеасак будет рядом? Обильный и беззащитный...

— Новой войны не будет.

— Пусть будет правда в твоих словах. Я вижу сейчас мир, мир длиной в твою и мою жизнь. Но я думаю о завтрашнем завтра. И я вижу твой народ во множестве приходящим в мой город и отбирающим мир у Дочерей Жизни.

— Этого не будет.

Керрик смотрел, как иилане' выбирались из урукето на берег и застывали в оцепенении, завидев Энге, показывавшую «конец конфликту — конец убийствам». И понял, что она отвечала не ему.

Однако приходилось принимать такую возможность. Иилане' не изменятся, они не в силах измениться. Но тану все время узнают новое и меняются. И если дело вновь дойдет до столкновения — каким будет его исход?

— Я еще кое о чем хотела тебе сказать, но нам пора отплывать, — проговорила Энге.

— Да, хотелось бы поговорить, но нет времени. Увидимся ли мы, Энге?

— Надеюсь, что это возможно, но думаю — едва ли.

— И я тоже. Мой друг Надаске' погиб. Теперь ты среди иилане' единственная, кого я могу считать другом. Я буду помнить о нашей дружбе. Но сегодня, увидев гибель Вейнте', я понял, что хочу забыть об иилане'. Довольно, Энге. Я — тану, и им останусь.

Энге хотела рассказать ему об Угуненапсе и Духе Жизни, но, заметив холодность в его позе, не решилась.

— Ты такой, какой ты есть. Ты это ты.

Она повернулась, скользнула в воду и поплыла. Он смотрел, как остальные последовали за ней и первые двое взобрались на плавник урукето. Живое судно устремилось в открытое море.

Керрик вновь поднялся на дюны. Трое мертвых иилане' лежали на песке, облепленные мухами. Нагнувшись, он выдернул металлический нож из шеи Вейнте', вытер его о песок. Трупы надо похоронить. Это посмертное объятие вовсе неприлично. Он стащил мертвого Надаске' с Вейнте', закрыл невидящие глаза друга и уложил тело на песок. Собравшись уходить, он вдруг вспомнил о ненитеске.

Фигурка стояла на полочке в глубине укрытия Надаске'. Металл охлаждал пальцы, красные камешки глаз блеснули на солнце, когда Керрик поднял ее повыше.

И с фигуркой в одной руке, и с ножом сына в другой Керрик повернулся к иилане' спиной и устало зашагал к стоянке тану.

Заключение

Так было, и пусть все помнят об этом. Так говорит алладжекс, когда рассказывает о минувших днях. Ashan etcheran variadith, aur skennast man eis. Так это звучит на марбаке. Думаю, что теперь на сесеке мне этого не сказать. Армун может: языки всегда ей давались легко. Парамутаны сказали бы что-нибудь вроде: Harvaqtangaq netsilikaktuvuk. Мы каждый год встречаемся с парамутанами. Меняемся с ними. То есть меняются другие тану, — а мне просто приятно побыть среди этих странных дружелюбных людей. Кстати, порро мы им не возим — хватило первого и последнего раза. Поломанные руки и ноги срослись, а вот новый глаз вместо выбитого не вставишь.

Армун поговаривает о том, чтобы снова сплавать с парамутанами за океан, и я отвечаю — почему бы и нет? У нашей дочери Исель теперь свой охотник, они с ним ушли на север. Арнхвит пока с нами. Он вырос и стал сильным и искусным охотником; у него теперь свой саммад. Как многие из детей, рожденных на острове, он не ощущает потребности скитаться весь год, повинаясь охотничьему зову. Я знаю, женщинам такая жизнь нравится. Они не хотят покидать свои засеянные харадисом поля, свои печи и ткацкие станки. Когда здесь становится очень жарко, они начинают твердить: как бы нам хотелось сейчас к снегам и морозам... женская болтовня. Из прежде живших здесь саммадов многие ушли, и на их месте теперь живут другие. Некоторые тану умерли. Хромой Ортнар жив и по-прежнему ворчит. А могучий Херилак, переживший столько сражений, не проснулся однажды — так и окоченел ночью под боком у Меррис. Станные вещи случаются. Теперь она растит сына, Терина. Он уже большой и очень похож на отца.

Так было, и пусть все помнят. Это легко сказать на иилане': *lulukhesnii igikurunke'*, *marikulugul marikakotku-gu* — и приподнять хвост, чего я никогда не мог сделать. Надо бы сходить в город — в Алпеасак — и поговорить с ними. Интересно — правит ли еще Ланефенуу? Если она жива, то конечно же до сих пор эйстаа. Ее так просто не вытолкнешь с этого места. Надо побеседовать с ней. Я пытался разговаривать с Арнхвитом, но он твердит, что и слова больше не скажет на иилане'. Хватит мол с него и марбака. Я не спорю. Интересно, не забыл ли сын своего друга Надаске', сразившего Вейнте' его же собственным ножом и убитого прямо у него на глазах? Прежде все это снилось ему по ночам, и он просыпался в слезах — и так было долго. Я думаю, что он прав. Теперь ему незачем помнить речь иилане'. И он не захотел тогда брать назад свой нож — даже когда я до блеска начистил его. Теперь этот нож носит на шее его сын, а Арнхвит носит мой. Отец и сын — так и должно быть.

Иногда мне не хватает его прохладного прикосновения к груди. Но блестящее металлическое кольцо осталось на месте. Вейнте' вырастила его, чтобы не дать мне убежать от мургу. Она умерла давно, но все-таки поздно. Несть числа погибшим от ее руки. Скоро я пойду в Алпеасак. Надо сказать, чтобы они были осторожны, укрепили стену, может быть, перенесли родильные пляжи в другое место. Недавно молодые охотники принесли мне отрубленную голову, чтобы я сказал — не марага ли убийцу сразили они? Голова была не страшная, выпученные глаза, отвисшая челюсть. Просто фарги, только что из воды. Я объяснил им, что это за существо, и запретил убивать их. Охотники хохотали. Они еще уважают меня, но уже не слушаются.

Как сказала при расставании Энге? Давно это было... «Мир не всегда будет принадлежать иилане'». Тогда я не поверил ей. А сейчас верю. Вокруг появилось множество тану, саммадов не перечесть. Многие ушли с острова. И я думаю, придет время — не завтра, не скоро, не при моей жизни, — когда тану станет столько, что охотники захотят охотиться на землях, где растет Алпеасак. Захотят поохотиться на стада, принадлежащие мургу. Я уже чувствую это.

Хотелось бы снова побывать в долине саску — только путь далек. Ханат и Моргил ходили туда, вернулись и сказали, что у саску все по-прежнему. И всегда будет по-прежнему, ибо таков этот народ.

Думаю, следует сходить в Алпеасак. Предупредить, чтобы лучше стерегли свои пляжи — иначе погибнут другие фарги. Иногда далеко в океане проплывает их урукето — значит, они знают, что происходит в других городах иилане'. Интересно, что им известно об Энге и ее новом городе на юге? Она объясняла, кто такие Дочери Жизни, но я не понял. Энге и Вейнте' — ночь и день. И у тану так бывает, а не только у мургу. Мы живем в странном мире.

Странно. Кто-то мне говорил об алладжексе и назвал его старым Фракеном. Лыс он — наверное, поэтому. Только я помню его парнем-без-имени. Мир меняется, я понимаю.

Скоро пойдет дождь. У меня всегда ломит бедро перед дождем. Может быть, сегодня я схожу на охоту. Впрочем, мяса хватает. Пойду на остров, где жил Надаске'. Одинокий... бедняга. Впрочем что это я? Он покинул ханане, жил на воле, научился охотиться и ловить рыбу. Научился убивать — чего самцы иилане' не умеют... Умелый был удар. Точный. Никогда его не забуду.

Другие-то забыли, конечно. Все забыли. А я не забуду. У Ерманпадара никогда не было более яркой звезды. Впрочем, может быть, у иилане' нет тхармов... Я не знаю.

Я был рожден тану, потом меня сделали иилане', и я снова стал тану.

На самом деле я и то и другое. Мне все равно. Временами я ощущаю странное одиночество. Армун со мной — значит, одиночество имеет другие причины.

Я должен идти в Алпеасак, должен говорить с эйстаа... Это нужно было сделать давно, много лет назад. Может быть, уже слишком поздно. Боюсь, что так. Слишком поздно.

Так было, и все должны помнить об этом.

Вот и весь мой рассказ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭДЕМ

ИИЛАНЕ'	313
История мира	313
Физиология	318
Наука	323
Общество	326
Восемь принципов	
Угуненапсы	327
Язык	335
ТАНУ	340
Язык	342
ПАРАМУТАНЫ	343
Окружающая среда	344
Язык ангурпиаквов	345
СЛОВАРИ	348
ЖИВОТНЫЙ МИР	357

ИИЛАНЕ'

От переводчика

Последующие заметки были переведены с языка иилане', что сложно уже само по себе. Перевод с этого языка не может не оказаться вольным, и переводчик заранее приносит свои извинения относительно ошибок и неточностей, которые могут вкратиться в текст.

ИСТОРИЯ МИРА

Начиная изложение истории, следует указать, что излагаемая здесь концепция существенно отличается от многих, прежде пользовавшихся популярностью. Она отличается уже в своей основе, что должен учитывать и справедливый читатель. Долгая история иилане' слишком долго являлась полем деятельности одних только сказочников и мечтателей. Интеллигентные иилане' с невозмутимым спокойствием отнесутся к любым ошибкам в трудах по биологии или, скажем, по физике, но немедленно начнут возмущаться любыми отклонениями от привычной канвы в общепринятых изложениях так называемой истории, какой бы неправдоподобной ни являлась общепринятая концепция. Ярким примером тому является популярная «История Мира», в которой описывается, как семьдесят пять миллионов лет тому назад огромный метеорит столкнулся с Землей, погубив восемьдесят пять процентов существовавших в те времена видов. Далее в подробностях описывается развитие теплокровных существ, ставших доминирующей формой жизни на этой планете. Такими-то сказками и

пичкают публику современные авторы, дабы не утруждать себя точными исследованиями. Никогда метеорит такого размера не сталкивался с Землей! И мир, который мы видим своими глазами, всегда был и вечно пребудет. Поэтому, прежде чем продолжить, необходимо определить смысл самого понятия «история».

В наши дни история не только не является точной наукой — по сути своей она неточна настолько, что зачастую является плодом вымысла, а не итогом анализа фактов, сонмом фантазий, а не результатом цепи логических построений. Такое, конечно, присуще самой природе иилане'. Нас не волнуют края, где приходилось бывать, нас интересуют только те, по которым ступают сейчас наши ноги. Кратковременные перемены нас развлекают, но одновременно все мы жаждем, требуем, чтобы будущее ничем не отличалось от настоящего, не грозило нам переменами, даже возможностью их. И поскольку эта устойчивая тенденция есть часть нашей природы, прошлое не доставляет нам удовольствия: а вдруг в нем отыщутся долговременные отличия, оскорбительные для нас. Потому-то мы и пользуемся понятием «яйцо времен», предполагая, что мир остается неизменным с тех пор, когда он был еще новым.

Это неверно. И в долгой жизни народа иилане' настало время признать, что известная нам история не имеет абсолютно никакой ценности. Нашу работу мы хотели бы назвать «Новой историей», но воздерживаемся, поскольку такое название предполагает наличие существования и «Старой истории», которой не существует. А потому мы просто отвергаем все предшествующие работы и заявляем, что существует только одна история. Эта.

В воссоздании нашей истории нам помогла горстка иилане', интересующихся геологией и палеонтологией. Чтобы воздать должное этим наукам, мы утверждаем, что они истинны в той же мере, как физика или химия, и вовсе не могут служить предметом лукавых насмешек, как принято ныне. Прошлое существовало, хотим мы этого или нет, как бы мы ни хотели игнорировать этот факт. При такой точке зрения требуется большая смелость, чтобы признать простой факт — иилане' вовсе

не появились ниоткуда, едва расколосось яйцо времен. В этом правда истории, и она нас питает и восхищает.

Позволим себе еще одну вольность. Мы не собираемся возвращаться к абсолютному началу, к появлению прокариотов. Есть работы, в которых возникновение жизни описывается в куда больших подробностях. Наш рассказ начинается около 270 миллионов лет до н. э. (до нашей эры), когда доминирующая роль рептилий уже установилась на земле.

В те времена существовали четыре основные группы рептилий, известных под названием текодонтов. Эти примитивные существа были прекрасно приспособлены для охоты в воде. Они были великолепными пловцами, с сильными, сплюснутыми по бокам, хвостами. Некоторые из текодонтов оставили море и вышли на сушу. Их способ передвижения здесь предоставлял им преимущество перед многими обитателями суши, вроде протерозухиев, предков современных крокодилов. Все видели, как неуклюже расхаживают крокодилы, виляя всем телом, фактически подвешенным между четырьмя ногами. Конечности высших текодонтов двигались в ровной походке вперед, вверх и назад.

Поскольку история тех дней существует лишь в окаменелостях, в ней обнаруживается немало пробелов. Пусть отдельные детали остаются неясными — общая линия развития событий вполне очевидна. Нашими далекими предками были существа, именуемые мозазаврами. Эти морские ящеры превосходно приспособились к жизни в воде; у них появился хвостовой плавник, лапы превратились в ласты. Одной из форм мозазавров были тилозавры — существа огромные и симпатичные. Они были поистине огромными — длина тилозавра больше чем в шесть раз превышала рост иилане' — и симпатичными, — ведь они во многом похожи на нас. Причина этого заключена в том, что они-то и были нашими прямыми предками.

Если поставить рядом модели скелетов иилане' и тилозавра, каждый немедленно заметит сходство. И число пальцев на каждой конечности — по четыре и на руках, и на ногах. У нас по четыре пальца на каждой руке, из них два больших. Удобен и относительно короткий хвост, похожий на наш. Сходство очевидно и

в строении грудной клетки, начинающейся от ключиц и кончающейся у таза. Поглядите на оба скелета, и вы увидите перед собой будущее рядом с прошлым. Мы, потомки жителей моря, приспособились к жизни на суше.

Такова наша истинная история, не имеющая ничего общего с загадочным появлением из яйца времен. Мы — потомки благородных существ, около сорока миллионов лет назад превратившихся в иилане'.

Раннее время

Излагаемое далее во многом является результатом вынужденных догадок. Но это итог обоснованных размышлений, а не зыбких сказочных фантазий, подобных выдуманному гигантскому метеориту. Записанные в горных породах анналы еще надлежит прочитать. Мы всего лишь собираем и складываем воедино известные факты, как куски разбитой яичной скорлупы.

Если вы хотите сами собрать вместе части головоломки, обратитесь к соответствующим геологическим и палеонтологическим текстам. Они откроют вам происхождение видов, расскажут, как ранние формы превращались в поздние. Вы узнаете историю различных ледниковых эпох и о дрейфе огромных плит-континентов. Скалы поведают вам, что северный магнитный полюс Земли не всегда находился на юге, как ныне, а в разные геологические эпохи пребывал то на севере, то на юге. Вы можете проверить все это сами... или удовлетвориться нашим кратким изложением.

Представим же себе мир, каким он был сорок миллионов лет до н. э., когда первые простодушные и счастливые иилане' населили Землю. Мир был тогда более теплым и влажным, он изобиловал пищей. Как и сейчас, иилане' были плотоядными, поедали мясо сухопутных и морских существ. Молодняк, как и теперь, собирался в море в эфенбуру, все вместе трудились и были сыты. Геология не знает четких свидетельств того, что произошло, когда они вышли на сушу, и мы можем только догадываться.

Научившись в море взаимопомощи, иилане' не забыли о ней, выйдя из океана на твердую землю. В те времена, как и ныне, самцы были такими же простыми и добродушными существами и нуждались в защите, когда становились вялыми, когда росли яйца, и пляжи приходилось охранять. Пищи хватало с избытком, жизнь была прекрасна. Вот тогда-то оно и было, яйцо времен, истинное, а не воображаемое, и жизнь была безмятежной и простой.

Уже в те ранние времена зародились семена науки иилане', дошедшие до наших дней. Их можно видеть в терновой стене города.

Для защиты самцов от хищников ловили крупных ракообразных, своими клешнями оборонявших пляжи. Большие клешни — надежная защита, поэтому отбирали самых крупных. На рифах сажали самые прочные и ядовитые кораллы, чтобы оградить пляжи с моря. Вот они, первые, робкие шаги той могучей науки, той биологии, которой мы теперь овладели.

Но простому существованию настал конец. Иилане' наполняли сушу и океан и однажды переросли свой первый город на берегу древнего моря. Был построен второй, а за ним и другие. Стало мало еды, и пришлось научиться возводить стены, ограждать ими поля и выращивать домашних животных, охраняя их от хищников.

Так иилане' доказали свое превосходство над низшими формами жизни. Возьмем тиранозавра, такого же хищника, как и мы сами. Эти глупые гиганты умеют только преследовать, убивать, рвать тела жертв, оставляя на костях большую часть мяса. Они не думают о завтрашнем дне, не выращивают стад, не бракуют слабейших. Это безмозглые разрушители. Высшие же иилане' — разумные хранители. Для ученого обе формы равны. И уничтожить любой вид, населяющий Землю, все равно что уничтожить свой собственный. Наше уважение к жизни явствует из разнообразия животных на наших пастбищах, они исчезли бы тысячи и тысячи лет назад, если бы не мы. Мы создатели, а не разрушители, хранители, а не потребители. И когда мы учтем все это, станет понятным, почему именно мы доминируем на планете. Этот результат не случаен, он завершает логическую цепь обстоятельств.

ФИЗИОЛОГИЯ

Чтобы понять нашу физиологию, ее придется сравнить с физиологией прочих животных. Простые существа, вроде насекомых, пойкилотермны. Это значит, что они неразрывно связаны со средой обитания: температура их тел равна температуре окружающего воздуха. Этого достаточно для существ некрупных, но при больших размерах тела более сложные организмы нуждаются в регулировке температуры. Эти животные являются гомеотермными: температура их тел в основном постоянна и не зависит от температуры окружающей среды. Иилане' принадлежат к числу теплокровных и экзотермических существ. Все важные формы животных в мире экзотермичны; этот способ контролирования температуры тела куда более выгоден, чем используемый устузоу, тела которых постоянно поддерживают одну и ту же температуру.

Мы — единое целое со своей средой, и природные различия температур позволяют нам поддерживать температуру собственного тела. После прохладной ночи мы греемся на солнце; если нам становится жарко — мы выходим на ветерок, отворачиваемся от солнца, раздуваем гребни, даже прячемся в тень. Мы делаем это бессознательно и температуру тела поддерживаем столь же автоматически, как и дыхание.

Наша физиология во многих аспектах совершеннее, чем физиология эндотермичных устузоу. Нам не приходится вечно искать пищу для жаждущих клеток, наш метаболизм перестраивается согласно обстоятельствам. Например, во время долгих морских переходов на урукето мы попросту замедляем скорость всех обменных процессов. Субъективное время при этом течет быстро, каждый субъект потребляет меньше пищи.

Еще более удивительным примером нашего физиологического превосходства, потрясающей особенностью, присущей одним лишь иилане', является неразрывная связь нашего метаболизма и нашего общества. Мы — это наш город, наш город — это мы с вами. Никто из нас не сможет прожить в одиночестве. Это доказываются необратимыми физиологическими переменами, име-

ющими место в тех очень редких случаях, когда отдельная индивидуальность нарушает какие-то из законов, совершает проступок, недопустимый с точки зрения иилане'. Чтобы наказать заблудшую, не требуется никакого внешнего физиологического насилия. Правосудие совершается внутри ее тела. Эйстаа, в которой находят воплощение город, наше общество, наши законы, только приказывает преступившей законы покинуть город, лишает ее имени. И праведно отвергнутая своим городом индивидуальность претерпевает необратимые физиологические перемены, оканчивающиеся ее гибелью.

Механизм этот имеет гормональную природу, основываясь на действии пролактина, обычно регулирующего наш метаболизм и сексуальное поведение. Когда преступница выслушивает приговор, ее гипоталамус перегружается и переходит на равномерный, но неравновесный режим. Нашим предкам этот механизм позволял выживать, впадая в спячку. Теперь, после значительного развития, эта реакция организма иилане', безусловно, приводит к фатальному исходу.

Питание

Сказано: загляни ей в рот и узнаешь, что она ест. Форма зубов определяется видом питания. Плоские квадратные зубы нинитеска перетирают огромные массы растительности, а острые зубы спереди позволяют срывать растения. Аккуратные ряды остроконечных зубов в наших ртах свидетельствуют не только о здоровье, но и о плотоядности. Сила и прочность челюстей указывают нам, что некогда челюсти играли значительную роль в процессе питания. Ведь и мы можем зубами разгрызать раковины, чтобы достать вкусных моллюсков.

Размножение

О некоторых вещах не принято говорить, и это правильно: так и надлежит поступать в хорошо организованном обществе. Когда мы еще молоды, жизнь в

море сулит нам одни только удовольствия. Когда мы становимся фарги, мы по-прежнему радуемся бытию; простому уму этих созданий не под силу воспринимать сложные идеи.

Став иилане', мы не только обретаем возможность обсуждать любые вопросы, мы обязаны это делать, ведь мы собираемся понять мир, в котором живем. Жизненный цикл иилане' совершенен и симметричен, и мы начнем рассмотрение его с самого начала, с того самого момента, когда молодняк оставляет отца и уходит в море.

Тогда и начинается сознательная жизнь, и, хотя все ранние действия: дыхание, плавание, собирание в стаи — являются чисто инстинктивными, — уже начинает развиваться разум. Вступают в действие механизмы общения, наблюдения, размышления и получения выводов. Члены молодых эфенбуру учатся, наблюдая за теми, кто старше.

Тогда и начинается речь, язык. Две школы исследователей языка по-разному видят его происхождение. Оставив в стороне подробности, их можно назвать «плы-плы» и «пин-пин» теориями. В «плы-плы» теории считается, что первые наши попытки к общению вызываются подражанием другим морским созданиям; то есть движение руки, подражающее плавающей рыбе, используется для обозначения понятия «рыба». С другой стороны, последователи «пин-пин» теории утверждают, что первыми были звуки, похожие на те, что издают рыбы. Мы не знаем и никогда не узнаем, какая из этих теорий верна. Но все мы знаем, как молодняк учится разговаривать в открытом море.

Они используют те же элементы, которыми воспользуются позднее, но в значительно упрощенной форме. Основных жестов, цветовых изменений ладоней, простейших звукосочетаний достаточно, чтобы объединять членов эфенбуру, создавать между ними прочные, на всю жизнь, связи, обучать их взаимопомощи и сотрудничеству во всей их значимости.

Но, оставляя море, фарги узнают, что в мире есть трудности. Можно предположить, что в давние времена, когда раса наша еще была молодой, между нами не могло быть суровой конкуренции. И только в развитом

обществе, когда общение обрело особую важность, начала страдать отдельная индивидуальность.

Закон природы состоит в том, что слабые не выживают. Быстрые рыбы съедают медленных, которые не оставляют потомства. Но быстрая рыба передает свои гены, закрепляет фактор скорости плавания. Так происходит и с иилане'; ведь многие фарги так и не научаются говорить в той мере, что необходима для понимания всех радостных городских дел. Их кормят, конечно, ведь иилане' своим в еде не отказывают. Но они нежеланны в городе, чувствуют беспокойство, тревогу, когда видят, как преуспевают в речи остальные из их эфенбуру. Упав духом, они принимаются сами ловить рыбу в море, а потом пропадают бесследно. Им можно только сочувствовать, но помочь таким мы не в силах. Закон природы гласит, что слабый должен уступить место сильному.

Не будем упоминать, что все они, сами уходящие навстречу судьбе, конечно же, самки. Насколько нам известно, всех самцов немедленно отлавливают, едва они выходят из океана, и потом тщательно ухаживают за ними. Погибнет общество, которое позволит пропадать этим простодушным, ласковым и бездумным созданиям. Еще влажными от волн морских их отводят в ханане, где они будут вести, как и положено, спокойную и беззаботную жизнь. В сытости и безопасности проводят они счастливые дни, ожидая того дня, когда смогут выполнить свой долг в деле сохранения расы.

Предупреждение

Последующее может оказаться сложным для восприятия. Излагаемые подробности могут оскорбить деликатных особ. Поскольку авторы поставили своей целью только информировать, те, кто считает, что дальнейшее их не обрадует, могут ограничиться последующим абзацем, перейдя далее непосредственно к разделу «Наука иилане'»

Существует процесс, называемый размножением, когда малая частица тканей самца, называемых спермой, соединяется с женской яйцеклеткой. Она растет, пре-

вращается в яйцо, выращиваемое самцом в специальном кармане. Вынашивая яйцо, согревая его и заботясь о нем, самцы становятся очень жирными, сонными и блаженствуют. Наступает день, когда яйцо раскрывается и очаровательное существо отправляется в море, на чем и заканчивается весь процесс.

Подробности, которые можно счесть оскорбительными

Сперма и яйцеклетка соединяются во время процесса, технически именуемого соитием. Ниже приводится описание.

Самка специальными действиями возбуждает самца. Когда это происходит, один или оба его репродуктивных органа выступают из кожистого мешочка возле основания хвоста. После этого самка оседлывает самца, вводя его пенис в свою клоаку. В это время в результате взаимной стимуляции, которой мы не будем здесь касаться, самец извергает большое количество спермы. Высокоспециализированные клетки вливаются в яйцеклетки самки, образуя оплодотворенные яйца.

Одновременно со спермой извергается простагландин, под действием которого тело самки обретает жесткость; кроме того, это вещество значительно удлинняет время полового соединения — почти до целого дня (соитие, не связанное с выделением гормона, технически именуется извращением и не будет рассматриваться нами). За это время оплодотворенные яйца быстро развиваются, растут и наконец выделяются, попадая в карман в теле самца.

Роль самки на этом окончена, она выполнила свое жизненно важное дело, и ответственность за продолжение рода иилане' далее лежит на самце. Оплодотворенное яйцо содержит гены самца и самки. В кармане они прирастают к стенке, образуя плаценту, и растут, получая питательные вещества из тела самца. В теле того происходят при этом существенные изменения. Во-первых, возникает потребность вернуться в море, теплое море, и в течение первых двух дней это осуществляется: для выращивания яиц необходима постоянная темпера-

тура. Оказавшись на берегу моря, самцы испытывают физиологические перемены, они становятся рыхлыми и вялыми, большую часть времени они проводят во сне. В этом состоянии самцы и остаются, пока молодняк не проклюнется из яиц и не войдет в море.

Следует помнить, — хотя это несущественно с точки зрения продолжения рода, — что во время метаболического процесса возвращения к нормальному образу жизни на каждом пляже каждый год погибают несколько самцов. Но они уже выполнили свое дело, и участь их несущественна.

Так жизненный цикл иилане' начинается заново.

НАУКА

Существует много наук, представляющих собой специализированные отрасли знаний, и рассматривать их в подробностях слишком обременительно для краткой истории. Интересующиеся могут обратиться к трудам в области хромосомной хирургии, химии, геологии, физики, астрономии и др. Здесь мы коснемся только генетического конструирования и математики.

Как и все прочее в истории иилане', истоки наших биологических исследований затерялись в дымке времен. Однако можно сделать ряд логических заключений, объясняющих известные факты. При наличии соответствующего терпения — и времени тоже — можно решить любую биологическую проблему. Можно предположить, что первоначально все ограничивалось примитивной селекцией. Но постепенно вопросам размножения стало уделяться существенное внимание, начались исследования генетических структур. Настоящим прорывом был, вероятно, момент, когда исследователям удалось кристаллизировать геном, заморозить его эволюционное состояние. Лишь остановив эволюцию, сумели мы понять ее.

Здесь несведущий удивится, даже захочет спросить: как можно остановить эволюцию и внести изменения в гены? Ответ не относится к простым, и, чтобы все было понятно, придется начать с начала.

Чтобы понять генетическое конструирование, надо представить себе общую биологию жизни на этой планете. Есть два типа организмов. К прокариотам относятся бактерии и сине-зеленые водоросли. Позже мы обратимся к более крупным и сложным эукариотам, а сейчас внимательно рассмотрим прокариоты.

Все они содержат генетический материал в виде колец ДНК или РНК, как в некоторых вирусах. Эти крошечные организмы экономно используют генетический материал, поскольку области кодирования перекрываются. Гены разделяются особыми последовательностями ДНК по крайней мере с двумя целями. Во-первых, для контроля за генетическими функциями — за считыванием информации продуктами кодированных энзимов в оперонах. И для воссоздания последовательностей, распознаваемых транскрибирующими или репликаторными энзимами. Во-вторых, существуют и такие последовательности ДНК, что включают ДНК, разделяющие гены, в иные полосы ДНК. (Например, при действии плазмиды или бактериофага на бактерию или вируса на эукариоты.) Некоторые бактерии производят энзимы, буквально перерезающие или, напротив, соединяющие ДНК за счет воспроизведения характерных для этого последовательностей в обоих нуклеотидах. С помощью энзимов возможно определить последовательность расположений в ДНК отдельных отрезков. Это производится путем их последовательной обработки энзимами, узнающими различные последовательности. Затем каждая смесь укороченных цепей обрабатывается другими энзимами.

Процесс требует времени, множества попыток. Но терпение иллане' безгранично, и у нас были миллионы лет на усовершенствование процесса. Чтобы проконтролировать последовательность расположения отрезков в цепях ДНК и РНК, использовались радиоактивные маркеры. Потом специальные энзимы вырезают нужный кусок цепочки и вставляют его в ДНК другого организма.

Так модифицируются бактериальные цепи ДНК. Сначала с помощью плазмидов. А потом с помощью фагов и вирусов, в естественных условиях заражающих бактерии. И, наконец, с помощью космидов, искусственных цепей ДНК, оснащенных особыми соединительными последовательностями, в каждую из которых можно

включить новый, модифицированный ген. Так что преобразованная бактерия будет вырабатывать новые протеины.

Итак, можно видеть, что несложно преобразовать протеиновую химию бактерий и простейших эукариотов, таких, как дрожжи. Аналогичным образом можно распрограммировать и прочие эукариотные клетки.

Гораздо сложнее добиться необходимых результатов на крупных эукариотных животных. Само яйцо этих существ запрограммировано уже в матке матери и развивается далее само собой, повинаясь внутренней программе. Только после завершения формирования эмбрионов клетки начинают выделять протеины, меняющие саму клетку и прилежащие к ней в процессе, приводящем к созданию юного организма. Как мы овладели этим процессом и научились направлять его — вопрос слишком большой для краткого очерка. Перейдем к другим граням науки иилане'.

Коснемся математики, потому что о ней слышаны многие; кроме того, она широко используется всеми науками, но не во всех случаях. Достаточно краткого и точного пояснения.

Наука иилане' основывается на понятии числа. Если хотите узнать, что такое число, сложите руки вниз ладонями перед собой, соприкасаясь внутренними большими пальцами. Пошевелите большим пальцем справа. Это число «один». А теперь пойдём справа налево. Ближайший палец — «два», следующий за ним — «три», внутренний большой — «четыре». Левый внутренний большой — «пять», следующие пальцы — «шесть» и «семь» и, наконец, большой палец слева — «тен». Тен именуется основанием — это термин, который мы здесь не определяем. Достаточно понимать, как продолжается счет, если число, больше основания, — тен-и-один, тен-и-два и так до дважды-тен. И тен можно брать сколько угодно раз. Поэтому числа играют столь важную роль при взвешивании, измерении, записи, счете и т. д. Сама математика очень проста. Это просто числа, которые могут быть больше или меньше или равняться друг другу.

Происхождение математики затерялось во тьме времен. Математики предполагают, что число тен было выбрано как основание, потому что у нас тен пальцев. Они утверждают, что в качестве основания можно

выбрать любое число, хотя это кажется весьма неправдоподобным. Если взять за основание двойку, это число будет записываться в виде 10, если 3—11, 4—100, 5—101, 6—111 и так далее. Очень неуклюжая и неудобная система. Была высказана даже совершенно сумасбродная идея о том, что, если бы устуюзу умели считать, они воспользовались бы в качестве основания десяткой, числом 12, по-нашему. И все числа тогда изменились бы. Сорок миллионов лет существования иилане' сократились бы для них всего лишь до тридцати миллионов. Вот к чему могут привести праздные размышления, поэтому лучше оставить пустое теоретизирование.

ОБЩЕСТВО

В нашей истории нам пришлось использовать некоторое количество новых терминов, к числу которых относится и «общество». Его следует определить как полную сумму того, как мы живем, передаваемую от века к веку. Мы имеем право предположить, что у нашего общества были исторические истоки, но какими они были, трудно даже представить. И все, что мы можем сделать, — это описать собственный образ жизни.

У каждой иилане' есть свой город, вся жизнь каждой из нас вращается вокруг него. Когда мы впервые выходим из моря, мы можем только с безмолвным благоговением взирать на симметрию и красоту своего города. Он принимает нас, фарги, и кормит. Мы слушаем и учимся у других. Мы смотрим и учимся у других. Открывая рот, мы предлагаем свою помощь, и к нам относятся дружелюбно. Мы видим все многообразие городской жизни, и та или другая часть ее начинает привлекать нас. Некоторых влечет смиренная служба на пастбищах и бойнях. И все иилане' должны понимать, что смысл служения не в науке и прочих занятиях, смысл служения в нем самом, и все иилане' равны в этом.

Город строится крутами, внешний круг — поля и животные, внутри — жилые кварталы, в самом сердце — амбесид и родильные пляжи. Так построено и наше общество. Снаружи — огромное кольцо фарги.

Внутри — их помощники и опытные рабочие разных специальностей. В свою очередь они окружают ученых, надсмотрщиц, строителей — всех искуснейших в своем деле. Далее идут правительницы, а на верху пирамиды сама правящая эйстаа. Просто, логично, совершенно, единственный возможный способ организации.

Таков мир иилане'. Он не изменялся от яйца времен, он останется неизменным. Там, где есть иилане', там правят обычай и закон иилане', и все они счастливы.

На полюсах нашего шара холодно и неудобно. Иилане' хватает мудрости избегать этих краев. И только недавно было обнаружено, что есть еще в нашем мире уютные местечки, где нет иилане'. Кое-где там живут устузоу, совершенно несимпатичные нам. Интересы науки заставляют нас исследовать этих существ. Большинство читателей может закрыть книгу на этом месте — дальнейшее не представит для них интереса. Последующие разделы предназначены для специалистов.

ВОСЕМЬ ПРИНЦИПОВ УГУНЕНАПСЫ

Говоря о вещах неприятных, необходимо упомянуть, что в обществе иилане', несмотря на его кажущуюся монолитность, есть свои отклонения. И даже ереси. Для тех, кто хочет узнать все подробности о нашем мире и существовании, даже самые отвратительные, мы помещаем ниже описание вероисповедания, основанного на идеях иилане' по имени Угуненапса, прозванной также, и не без оснований, Фарнексеи, или Отдалившейся. Советуем, однако, молодежи и людям впечатлительным держаться подальше от этих идей.

Следует также подчеркнуть, что публикация этих писаний ни в коем случае не означает, что мы относимся к ним с одобрением.

Первый

Все мы живем между большими пальцами Духа Жизни, зовущегося Эфенелейаа.

Все принципы следуют из единственного, но важнейшего откровения: иилане', подобно всем живым существам, живут между пальцами Духа Жизни. Откровение это явилось мне само собой, словно существовало извечно, от яйца времен, очевидное и незыблемое. Но на то, чтобы достичь откровения, ушли многие годы, долгие годы отрешенных раздумий, вопросов и ответов. За это время мне пришлось проникнуть во все области знания. При этом я до пределов напрягала свой ум, не имея успеха. Пока наконец не увидела то, что существовало всегда.

Сначала я поняла, что, раз я жива, — Дух Жизни во мне. Но если он во мне — значит, он и в каждой иилане'. И поняв это наконец, я окончательно уразумела, что и другие создания существуют между большими пальцами Духа. Большая часть существ не способна осознать причину своего существования, и иилане' тоже. Их не интересуют подобные знания. Только ищущие Понимания находят их, и тогда они становятся Дочерьми Жизни. Из всех живущих они одни стремятся узнать и понять эту истину.

Из основного принципа, главной истины, вытекает множество следствий. Только некоторые из них я сумела обнаружить и понять. И здесь я привожу только самые общие. Я заметила, что все откровения, которые мне удалось постичь, чтобы учить и проповедовать их остальным иилане', следуют из одного источника, ответвляются от единого корня, почерпнуты из колодца, дающего силы всем. И истину эту я сравню с ухоженным семенем, из которого вырастет дерево нового города. Мое семя истины, как и дерево города, пускает глубокие корни в недра, устремляет к небу огромный ствол. А от него отходят ветви — откровения в каждой области мира жизни. Пример этот воплощает и делает наглядным второй мой принцип.

Второй

Мы все живем в Городе Жизни.

Принимая это утверждение, сразу же отметим, что данный принцип может нести угрозу нашему привычному образу жизни. Полностью его можно понять, лишь постигнув древний, старинный и еще более великий и

общий принцип: мы все живем в огромном, объемлющем весь мир городе, Городе Жизни.

Рассмотрим это. Как полноправные жительницы этого универсального города, мы равны во всем. Ранги и власть принадлежат нашему традиционному образу жизни — с правительницами и подвластными им. А равенство основывается на совместном жительстве в городе, а не на политических, социальных и языковых факторах, которые определяют наш повседневный порядок. Эйстаа города и фарги, еще влажная после моря, равны в этом Городе Жизни. И каждую должно ценить, хранить и поддерживать независимо от того, как каждая осознает и приемлет истинный порядок жизни.

Истинность настоящего положения очевидна и подтверждается уважением иилане' ко всем другим видам, нашими настойчивыми попытками помочь всем видам, находящимся под угрозой, сохранить свое существование. Мы поступали так, еще не ведая об этом принципе, определяющем все наши действия и намерения. Следует заметить, что даже наши виднейшие ученые, манипулирующие с жизненными формами, преобразующие и приспособляющие их для нужд и удобства иилане', даже они не сумели заметить этот всеобщий принцип совместного жительства в великом Городе Жизни.

К сожалению, он остался скрыт и от лучших и могущественнейших эйстаа. Обладая властью приказывать и править, властью над жизнью и смертью, они так и не сумели увидеть источник, наделяющий их этой властью. С грустью вспомним многих сильных эйстаа, ставящих себя над высшей силой, требующих повиновения себе, что противоречит нашему общему гражданству. И хотя это может показаться просто эгоизмом и стремлением к абсолютной власти, в основе их действий — незнание скрытой истины.

Третий

Дух Жизни, Эфенелейаа, есть высшая эйстаа Города Жизни, и все мы обитательницы его.

Благоволение Эфенелейаа поддерживает наши жизни и питает живущих. Свет ее просвещает нас. Понять и обрести Дух Жизни — значит понять себя через

преданность жизни и родство со всеми живыми существами. И ее покойная твердость поддерживает нас, когда смерть разит тех, кто не знает об Эфенелейаа и путях ее. И мы, знающие, начинаем видеть себя иначе, не похожими на непросвещенных, видеть собственную жизнь и жизнь других иными глазами.

Четвертый

Постигая Величайшую Истину, все мы обретаем новую силу, дабы подняться на более высокую ступень.

Значение этой истины дарует нам силу и полноту жизни, которой нет у других. Все мы — жительницы Города Жизни, и это позволяет нам объединяться в качестве Дочерей Жизни. Хотя мы живем, как положено иилане', в городах и признаем власть эйстаа, как и все иилане', мы понимаем, что покоряемся высшей власти Духа Жизни. Нам даровано ощущение покорности более великой эйстаа, правящей и за пределами малого города. Мы служим эйстаа этого города, верим ей, но до тех пор, пока она не приказывает нам нарушать Принципы Жизни. Если такое случается, мы должны отвергнуть ее и исполнять только высшие веления Эфенелейаа.

И высшая верность высшей истине позволяет той, которая истинно понимает Эфенелейаа, выжить, когда гнев эйстаа обратится на нее. Это акт позитивный, а не негативный, поскольку смерть есть отрицание жизни. И эйстаа, приказывающая умирать, нарушает Принцип Жизни. То, в чем эйстаа видят неповиновение, на самом деле есть верность высшей власти. Верно и противоположное: если мы нарушаем принципы Эфенелейаа, то умираем, хотя эйстаа не приказывает умирать.

Пятый

Способность познать Истину требует особого умственного видения. Оно позволяет смотрящей на то, что очевидно всему живому, видеть незримый, но истинный облик бытия.

Осознанное понимание истинного порядка вещей позволяет нам найти свое место в жизни и отдать свою верность Духу Жизни. Но это новое видение нельзя

обрести без усилий. Оно требует жесткой дисциплины, сознательного развития разума, чтобы обрести способность видеть все как часть высшего порядка. И ощутить этот порядок, в котором существуют и исполняют свой долг все живые создания.

К Истине могут вести и другие тропы. Но если они существуют, мне не удалось отыскать их. И я встала на такую тропу, которая позволила мне миновать преграду и увидеть то, что видят другие. Теперь я воспринимаю реальность иным, возвышенным, образом. И тропу эту я отыскала, задавая вопросы о том, что казалось явным и очевидным. Таких вопросов иилане' обычно не задают. Я хотела узнать, почему мы стали такими, какие мы есть. Я хотела узнать, почему мы живем именно так, следуем именно таким нормам существования, относимся к другим иилане', руководствуясь именно этими нормами. Я хотела понять, почему эйстаа вверху, а фарги внизу. Я хотела знать, почему мы постоянно следуем одним и тем же привычным путем. Используя познания во всяких науках, мы преобразуем живые существа, чтобы они могли удовлетворить наши краткосрочные потребности. И никогда иилане' не пытались преобразовать себя. Потому что иилане' хотят для себя только стабильности и порядка. Завтрашнее завтра у них подобно вчерашнему вчера. И свой путь мы воспринимаем без вопросов, не видя таящейся в нем угрозы.

Потому я и обратилась к основам нашего бытия и поставила их под сомнение. Но я получила только прагматические ответы. Такие, как «Каков определенный результат определенного действия?». Но подобное — всего лишь наблюдение, а не умозаключение. Самые основные, самые значительные вопросы о жизни иилане' никогда не задавались. И не только не задавались, а никому даже в голову не приходили. Несмотря на то что вся жизнь взята нами под наблюдение и нам известно, как она изменчива, лишь существование иилане' считалось исключением. Но это невозможно — ведь мы одно целое с жизнью.

Видя и понимая это, я обратилась к процессу постановки вопросов и поиску верных ответов как к собственной модели умственной дисциплины и развития разума. Первым моим соображением стало важнейшее из всех: жизнь

и смерть. Иилане' живут и умирают, как живут и умирают все. С единственным исключением. Иилане', которую эйстаа изгнала из своего города, упадет и умрет без единой раны на теле. Но та же иилане', которая, повинувшись приказу благосклонной эйстаа, оставит город, а потом возвратится, — останется жить. Почему? Откуда у эйстаа такая власть над жизнью и смертью. В чем причины?

Физических причин быть не может, ведь происходит только передача информации. Но причина должна быть общей для всех иилане'. Разве не возможно, что существует некая — либо высшая, либо основная — невидимая, незримая и универсальная сила? Если так, то на что она похожа? Присуща ли она только иилане', или же сила эта объединяет все формы жизни? Прежде мы не искали ее и не пытались обращаться к ее основам. Не существует ли некоего единства, от которого зависит все? Не существует ли нечто общее для всех форм жизни, куда более значительное, чем наши явные различия? Если такой источник можно найти, отыскать его сознательно — разве тогда не станешь ты укорачивать жизнь, увеличивать силу жизни и таким образом лучше видеть реальность за различными обликами повседневной жизни, за бытием и борьбой?

Шестой

Существует порядок взаимосвязи внутри, он поддерживает все живое. Порядок этот более всех живых существ, но это порядок, в котором участвует все живое, ведая или не ведая того. Порядок, существовавший от яйца времен...

Новым умственным зрением мы видим порядок взаимосвязи всего. В своей полноте при ненарушенном действии порядок этот объединяет всю полноту мира, все его части, взаимодействующие в гармонической относительности.

При гармонических соотношениях внутри порядка соревнование имеет место лишь в результате пренебрежения комплексом взаимоотношений, когда очевидна только одна часть общности и собственное эго воспринимается как отдельный отличный факт, будто ты не зависишь от прочих частей и самодостаточна. На деле

во взаимосвязанном порядке можно понять цену себе, лишь помогая другим осознать собственную ценность.

Самоценность следует понимать по отношению к общности. Это создает условия и порождает самоутверждение как добро, но такое самоутверждение, когда каждая представляет собой часть целого, — ведь таков путь жизни. У каждой он свой, будь то эгоизм эйстаа или прагматизм жизни иилане'. Здесь мы видим прежде всего теплоту между эфенселе в живущем в воде эфенбуру, где мирное сотрудничество и гармония кажутся естественными. Но он естествен и без всяких обоснований. Речь идет о порядке, который существовал от яйца времен.

Мы можем знать этот порядок и понимать его — ведь есть корреляция между действиями развитого ума и порядком вещей, подвластных Духу Жизни. Будет иллюзией считать индивидуальность уникальной в смысле отделенности от всего. Все индивидуальности равны как части целого. Индивидуальность реальна, но лишь в пределах равенства принадлежащих Городу Жизни, будучи частью города — так как иилане' часть реального города, но не отдельные сущности. Разум наш представляет собой ограниченную, истинную инстанцию Духа Жизни, выраженную через мысль, тела наши — инстанцию Духа Жизни, выраженную через протяженность, жизнь наша — инстанцию Духа Жизни, выраженную через утверждение Жизни.

И пока мы постигаем эти взаимоотношения разума с разумом, тела с телом, жизни с жизнью, наш разум возрастает и теряет при этом ограниченность и неспособность, проявляющиеся тогда, когда мы начинаем считать их принадлежащими только себе. Зная и понимая этот порядок, существуя в согласии с ним, мы становимся утвердителями порядка в жизни.

Седьмой

Дочери Жизни способны и обязаны признавать и понимать этот порядок и из верности Духу Жизни жить во имя мира и утверждения жизни.

Увиденная, познанная и понятая новизна, странность и красота Пути и Порядка Жизни и Эфенелейаа могут

искушать нас, заставляя ограничиться в деятельности и пребывать лишь в медитации или в экстатическом восприятии видений. Так жила я сама, пока не поняла опасности подобной изоляции. Поступать так — значит не видеть, не замечать пути, который благодетельствует каждую и всех, напомним про общий порядок. Такой путь лежит в мирном труде в сотрудничестве с остальными во имя утверждения жизни.

Поскольку целое действует лучше, когда каждая часть его сознательно стремится к сотрудничеству ради утверждения целого, которое есть утверждение всех частей его, — все Дочери Жизни, знающие и понимающие Путь и Порядок, обязаны распространять знания Жизни и Духа Жизни, объяснять их другим. Путь Эфенелейаа есть путь гармонии, мира и сотрудничества всех жительниц ее города.

Восьмой

На Дочерей Жизни возложена ответственность помочь всем узнать Дух Жизни и истину Жизненного Пути.

Мы, знающие Путь, должны помочь другим изучить и понять его, разумом последовать за Духом Жизни. Однако, сформулировав эту истину, мы задаем два невероятно важных вопроса. Во-первых — как делать это перед лицом желающих нашей смерти? Во-вторых — как достичь порядка и мира, если мы продолжаем жить, вызывая смерть? Должны ли мы прекратить есть, чтобы не убивать тех, кто питает нас?

Во-первых, как у суток две части — темная и светлая, так и внутри нас обитают две силы. Тьма воли к смерти и свет стремления к жизни. Даже в тех, кто нас ненавидит и желает нашей гибели, заключено стремление к жизни, что согласуется с Эфенелейаа. И наше утверждение жизни преобразит тех, кто живет во имя утверждения смерти — так, как это знание преобразило нас.

Ответ на второй вопрос: если мы не будем есть, то умрем. Мы сидим на самом верху великой лианы взаимосвязанной жизни, что начинается от бесчувственных растений и через высшие формы растительности и животных тянется к подобным нам хищникам. И кажется

заданным, что каждое звено на этой лиане предназначено, чтобы питать высшее, а высшее — это мы, иилане', единственная часть лианы, понимающая всю ее общность. Поэтому здесь нет акта смерти или убийства — есть только питание. Взять жизнь животного или рыбы, чтобы поесть, не есть отрицание жизни, а форма ее утверждения. Жизнь питает другую жизнь и таким путем укрепляет жизнь. Так есть и так было со всеми формами жизни в море, на суше и в воздухе от яйца времен.

Но пренебрегать жизнью, убивать по другим причинам, не ради еды, — это отрицание жизни, нарушение жизненного пути и оскорбление Духа Жизни. Дабы избежать такого нарушения и отрицания, Дочери Города Жизни должны следовать сами и учить остальных следовать путем гармонии и мира и утверждения Жизни. Ведь Мир — это путь Жизни, главный путь во владениях Духа Жизни.

От переводчика

На этом месте заканчивается перевод с языка иилане'. Желающие глубже понять сложные и увлекательные проблемы, представляющие перед переводчиком с этого уникального языка, могут обратиться к последующим разделам.

ЯЗЫК

Неторопливое и долгое, в течение многих миллионов лет, развитие привело к возникновению богатого и сложного языка. Настолько сложного, что многие так и не осиливают его и не становятся иилане'. Этот культурный гандикап разделяет расу на две подгруппы, одна из которых, так и не вступившая в город, жизнь свою проводит в основном в море, но не размножается, потому что не в силах защитить вялых самцов от хищников. Потеря их приводит к медленному преобразованию генетического фонда, оно происходит неторопливо, как наступает ледник.

Иилане' разговаривают, выстраивая последовательность знаков, уместая в каждом от одного до четырех значений. Каждый гестальт характеризуется знаком, соответствующим положением тела или движением. Таких позиций немного, но число возможных сочетаний составляет около 25 000 000 000.

Любые попытки перевода с языка иилане' на русский требуют значительных усилий. В первую очередь следует учитывать определители, символы поз. Неполный перечень их включает следующие действия: лечь, отшатнуться, нагнуться, потянуться, сложить руки за головой, сесть на корточки, лечь, обнять, развалиться, развести руки и ноги, лезть, падать, поднимать, прыгать, приподниматься, толкать, плыть, нырять, поворачиваться, качаться, дрожать, тянуться одной рукой, тянуться обеими руками, садиться, ровно стоять, повернуть хвост по часовой стрелке, то же самое — против.

Звуки, издаваемые иилане', похожи на человеческие, и различия не слишком затрудняют понимание. Они используют «ж» и «х», а «тх» и «дх» применяются редко. Четыре звука характерны для иилане': «э» — горловой приступ; «<» — щелчок; «'» — цоканье и «х» — прищмокивание.

В богатстве языка и сложности такого перевода можно убедиться на примере следующего выражения:

«Первая боль жизни — от отцовской любви уйти в объятия моря, а первая радость — подруги, что ждут там тебя».

Для облегчения понимания разделим предложение на отдельные элементы — каждый со своим определителем, — обозначенные от С1 до С12.

С1 (развалиться) энге

С2 (лечь) Хан. нате. ихей

С3 (толкать) Ага, пте

С4 (упасть) ембо¹ < Ке²ка <

С5 (упасть) иги. рубу. шей³

С6 (плыть) какх. шей. сесе

С7 (отшатнуться) хе. ауа. ихей

С8 (развести руки и ноги) хе. Ваи < ихей.

С9 (плыть) какх. шей. нте

С10 (потянуться) енд. пелен. ни

С11 (плыть) асак. хен

С12 (тянуться) энге

1 — здесь окружающая среда обозначается вращением кончика хвоста.

2 — теплота подтверждается также движением шейных мускулов, как бы подавленным зевком.

3 — отметим, что выражения 4 и 5 соединены детерминативом, а 3 и 5 выражают противоположные вначале концепции.

4 — здесь иилане' делают паузу, чтобы повторить движения в обратном порядке, образуя обратный параллелизм.

А вот как это же выражение будет выглядеть в точном переводе:

С1 (развалиться) Любовь.

С2 (лечь) Самец. Друг. Прикосновение. Запах.

С3 (толкать) Уход. Одиночество.

С4 (упасть) Давление. Липкость. Прекращение.

С5 (упасть) Вход. Невесомость. Холод.

С6 (плыть) Соль. Холод. Движение.

С7 (отшатнуться) Число 1. Боль. Прикосновение. Запах.

С8 (развести руки и ноги) Радость. Прикосновение. Запах.

С9 (плыть) Соль. Холод. Охота.

С10 (потянуться) Видеть. Открытие. Рост.

С11 (плыть) Пляж. Самец/самка.

С12 (тянуться) Любовь.

В сжатой форме это транскрибируется так: Энге, хант ехен, агате етбокека нирубушен как шейсе, хеауахен; хевай< ихей, какшейнте, енуеленуу асахен энге.

На русский язык следовало бы переводить ритмизованной прозой, но можно удовлетвориться и приблизительным переводом.

Любовь отца; быть извергнутой из нее в холодное нелюбящее море — вот первая боль жизни; первая радость жизни (в холодных охотничьих угодьях) — встретить подруг и почувствовать их тепло.

Различия между языками людей и иилане' столь велики, что могут явиться непреодолимой преградой для любого, кто попытается овладеть языком иилане'. Говорящие на разных языках люди пробуют понять друг друга, касаясь предметов и называя их. Камень, дерево,

лист. Достигнув некоторого понимания, они могут перейти к действиям: брось камень, подними лист.

На языке иилане' это немыслимо. Они не называют предметы, а описывают их. Вместо «стула» у них было бы: «деревце-чтобы-сесть». Там, где мы ограничимся одним словом «дверь», иилане' может воспользоваться различными конструкциями: например, «вход-в-теплое-место» или «вход-в-холодное место», в зависимости от того, по какую сторону двери она находится.

Исель так и не сумела понять несколько положений. Она запомнила несколько слов и имела некоторое представление о детерминативах. Вейнте' обратилась к ней таким образом: «(Растопырить руки и ноги) есекапен (согнуться) иидшепен (потянуться) ииленбесей (потянуться) ефендууруу (согнуться) иилевтуу (растопырить руки и ноги) иилсатефен».

Что можно перевести следующим образом: «(Растопырить руки и ноги) требую (согнуться) говорящая требует (потянуться) взаимная трудность речи (потянуться) увеличение продолжительности жизни (согнуться) увеличение равенства в речи (растопырить руки и ноги) речь эквивалентна жизни».

В переводе это значит: «Я сама требую этого. Говори, пожалуйста, как одна из йилейбе. Так ты будешь жить и расти дальше. Речь — это рост, прошу! Речь — это жизнь, пойми!»

Исель сумела только произнести: «Хас лейбе ене ни».

Она думала, что говорит «мне трудно говорить». Получилось же оскорбление, повлекшее ее смерть. «Самка-старость/энтропия-угодливость-растет». Она сделала четыре ошибки.

1) «Хас» означает не «я», а «самка». Так получилось потому, что Энге во время обучения показывала на себя.

2) «Лейбе» и в самом деле значит «трудный», но после детерминатива, предполагающего известную стесненность. Например, «сгорбиться», «нагнуться», «сесть на корточки», смысл сдвигается ближе к понятию возраста, старения, относящемуся не только к иилане'.

3) «Ене» означает не «речь», а «податливость», поскольку иилане' связывают эти понятия.

4) «Ни» — поощрительное восклицание, употреблявшееся Энге в процессе обучения. Обозначает понятие: «расти, продолжать, стараться», но не «пожалуйста».

Не обладая хвостом, Исель не могла правильно отшатнуться. Наконец самой последней и окончательной ее ошибкой явилось использование позы с растопыренными руками и ногами — позы превосходства и угрозы, последней позы Вейнте'. Поэтому Вейнте' подумала, что Исель говорит «старая самка лебезит» или, может быть, «угодливость старит самок». Это чушь, и Вейнте' совершенно естественно рассердилась, ведь она была вежливой с этим животным. Она-то пусть и не отшатывалась, но сгибалась. Участь Исель решена.

Керрик же отвечал: «(Отшатнуться) есекакуруд (поднять) есейуиешан (прямо) елен (прямо) лейбелейбе».

Он выразил фразу так: «(Отшатнуться) прекращение отращения (поднять) высшее стремление к речи (прямо) долго-долго (прямо) трудно-трудно».

Вейнте' поняла его так: «Я очень не хочу умирать. Я очень хочу говорить. Очень долго. Очень усердно». Сначала Вейнте' не поняла, что он отшатнулся — из-за отсутствия хвоста. Но знак «поднять» она заметила, а потом поняла и все остальное.

ТАНУ

Да, история Земли записана на камнях ее. История нашей планеты, пусть и с пробелами, начиная от палеозойской эры до наших дней, отражена в окаменелостях. Так было и в эру древней жизни, когда в мелководных и теплых морях ползали черви, плавали медузы и прочие беспозвоночные существа. Континенты сливались тогда воедино, в единый огромный массив, именуемый ныне Пангеей.

Но уже тогда некоторые из существ сооружали себе известковые оболочки. Позже появились создания с внутренним скелетом, первые рыбы. Потом у них появились легкие и похожие на ласты конечности, позволившие выйти из моря на сушу. Так около 290 миллионов лет назад появились амфибии — предки первых рептилий.

Первые динозавры появились на Земле около двухсот пяти миллионов лет назад. К тому времени, когда первые моря разодрали Пангею, ящеры успели распространиться по всему свету, добрались до самых дальних уголков древнего гигантского континента, впоследствии распавшегося на более привычные нам небольшие части. Мир принадлежал им, они заполняли в нем все экологические ниши, и правление их длилось сто тридцать пять миллионов лет.

Потребовалась мировая катастрофа, чтобы сокрушить их власть. Метеорит диаметром в десять километров упал в океан, взметнув в атмосферу миллионы тонн воды и пыли. Динозавры погибли. И не только они, а семьдесят процентов существовавших тогда видов. Так открылся путь для крошечных землероек — предков всех нынешних млекопитающих. И они размножились, и потомки их заселили весь земной шар.

Есть некая случайность, выпавший шанс в игре Вечности. И небесная скала поразила Землю именно в этот момент, вызвав все последствия.

Но что если бы она промахнулась? Если бы Случай решил иначе, и космическая бомба миновала бы Землю? Каким был бы сейчас мир?

Первое и самое явное отличие — отсутствие Исландии: ее вулканические острова возникли там, куда упал метеорит, утонувший в мантии.

Во-вторых, другим стал бы и климат, вся история его, хотя причины изменения еще не достаточно ясны людям. Мы знаем, что магнитные полюса Земли менялись местами, северный становился южным и наоборот, но мы не знаем, почему это было. И можно испытывать уверенность в том, что, если бы не этот метеорит и вызванные им атмосферные перемены, — и ледовые эпохи, и очертания континентов были бы иными.

Вот каким мог бы оказаться наш мир.

Динозавры правят по-прежнему, мир принадлежит им, они господствуют на всех континентах, а над всеми ними — иилане'.

Но не в западном полушарии. Пусть в Южной Америке доминируют рептилии — на севере дело обстоит чуть иначе. Сухопутный мост Центральной Америки — узкая полоска между северным и южным континентами — уходил под воду в различные геологические эпохи. Ледяные щиты ледников спускались почти до берегов внутреннего моря. И долгие миллионы лет климат там был холодным даже летом. Холоднокровные вымерли в этих краях, стали доминировать теплокровные формы. Они распространялись, эволюционировали и начали преобладать на всем континенте.

Потом ледники отступили, млекопитающие ушли вслед за ними. И к тому времени, когда сухопутный мост вновь соединил обе Америки, в Северной уже правили теплокровные. Но противиться медленному натиску рептилий они не могли. Перед бронированным восьмидесятитонным гигантом можно лишь отступить.

Только на севере, в предгорьях и у подножия гор, сумели уцелеть млекопитающие. В том числе и приматы Нового мира, потомками которых являются тану.

В Старом Свете млекопитающих нет — он весь во власти рептилий. Нет ни собак, ни медведей. Но в Новом мире процветают олени — от самых маленьких до огромных, с лося величиной. Есть мастодонты и сумчатые, в том числе саблезубые. Так на узкой полоске плодородных земель между ледниками и ящерами процветают млекопитающие.

Из-за жестоких условий существования тану большей частью так и остались охотниками и собирателями. Но в этом они преуспели. Есть исключения — саску, первые фермеры неолита. Оседлые земледельцы освоили ткачество и гончарное ремесло, создали более развитое и неоднородное общество. Но это вовсе не значит, что они выше охотников-тану с их богатой речью, простым искусством, умением выживать, прочными семьями.

Язык

Как и прочие диалекты тану, марбак произошел от забытого древнего наречия восточного побережья. На марбаке мужчина — «ханнас», множественное число — «ханнасан». Различия: «хеннас» на ведамане, «хнас» на левревасане, «несес» на лебнарои и т. д.

Имена этих племенных групп имеют чисто описательный характер. Например, «ведеман» значит «островной», «левревасан» — черношатерные, народ черных шатров. Рядом с мужчиной, «ханнасом», женщина — «линг», множественное число — «лингаи». Слово это также нашло широкое распространение. Личность, если не важен пол, определяется словом «тор», множественное число — «тану», так принято называть людей вообще.

Наиболее употребительная форма существительных склоняется следующим образом:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Именительный	ханнас	ханнасан
Винительный	ханнас	ханнасан
Родительный	ханнаса	ханнасанна
Дательный	ханнаси	ханнасанни
Местный	ханнаси	ханнасанни
Творительный	ханнасом	ханнасом

ПАРАМУТАНЫ

Подобно тану, парамутаны происходят от приматов Нового Света. Генетический анализ свидетельствует о том, что, невзирая на отсутствие ископаемых доказательств, тану и парамутаны состоят в родстве и не скрещивались до сих пор только потому, что их разделяло огромное расстояние. Несмотря на внешнее различие в оволосении, кожа относительно безволосых тану и волосатых парамутанов несет одинаковое число волосных фолликулов. Многие тану рождаются с рудиментарным хвостом, продолжающим копчик; он содержит столько же позвонков, сколько и хвосты парамутанов.

Явные физические различия между обеими группами не имеют существенного значения, если обратиться к культурным и социальным факторам. Парамутаны мигрировали на север дальше прочих приматов. Популяционный напор и наличие необходимых знаний предоставили им возможность выживания в условиях Арктики, сделавшуюся потом необходимостью. Зависимость парамутанов от единственного источника еды и сырья (уларуаква), создающего им все условия для существования, не допускает другой возможности.

Они пользуются и рядом материалов, предоставленных умеренными широтами, но уларуакв является основой всей материальной культуры парамутанов.

Следует отметить, что понятие «парамутан» не является самоназванием и представляет собой марбакское слово, означающее «пожиратели-сырого-мяса». Сами они пользуются словом «ангурпиакв», что означает «истинные люди», каковыми они себя считают. Уединенное существование на северных просторах вполне закономерно порождает у них ощущение, что только они и являются людьми. Поэтому они называют тану эрквидлитами, или сказочными людьми. Незнакомцами, явля-

ющимися из нереального мира, которые потому как бы не существуют.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

В море обитает куда больше живых существ и их разновидностей, чем на суше. Жизнь началась в океане, и все основные классы животных располагают живущими в океане представителями. Основу продуктивности океана представляют плавающие одноклеточные водоросли. Основу пищевой цепи образуют примерно шестьсот разновидностей водорослей. Эти микроскопические растения обитают в неглубоком приповерхностном слое воды толщиной в несколько метров, где поглощают энергию солнечных лучей. Их поедают крошечные животные, входящие в состав планктона, наиболее распространенными из которых являются рачки-копеподы, принадлежащие к роду *Calanus* (и по числу, и по общей массе это самое распространенное существо на Земле). Ими, в свою очередь, питаются более крупные ракообразные вроде креветок и прочие морские обитатели, включая медуз, стрелчатых червей, рыбу-младенца, личинок моллюсков и головоногих, и даже более крупные придонные ракообразные, такие, как крабы и омары.

Мертвый планктон и экскременты медленно опускаются на океанское дно, где их разлагают бактерии, глубоководные течения уносят вниз важные продукты разложения, в частности водород и калий. Таков источник процветания жизни в приполярных океанах. Невзирая на недостаток света и низкие температуры, он неистребим и обилен. На самом деле, холод скорее является источником питательных веществ. Температура воды у поверхности составляет четыре градуса столбчатой шкалы. Лишь в теплых течениях на юге она увеличивается до пяти-восьми градусов. Теплые воды поднимаются на поверхность, чтобы питать жизнь.

Замечательной особенностью шельфового обледенения являются квунгулеквы, заполняющие пустующую в

нашем мире экологическую нишу. Эта экосистема не имеет аналогов в холодном море. Зеленая поросль, поселяющаяся на нижней части льда, распространяется в верхних слоях океана, черпая питательные вещества из воды и потребляя энергию солнца. На подводных северных лугах пасутся уларуаквы, самые крупные из живых существ планеты; толстыми сильными губами они обрывают плети квунгулеква, дающие им силу и жизнь. Они полностью зависят от этого единственного источника питания. Перемещение на юг арктической полярной шапки изменило картину течений, отклонив их на восток. За течениями следует квунгулекв, за ним уларуаквы, за которыми не могут не последовать парамутаны. Все звенья в пищевой цепи взаимосвязаны.

ЯЗЫК АНГУРПИАКВОВ

Изучая этот язык, прежде всего обнаруживаешь очень небольшое количество окончаний. Поэтому поначалу он может показаться простым, но подробное изучение непременно выявляет его богатство и сложность.

Для говорящих на марбаке он представляет трудность тем, что содержит различные формы звука «к», транскрибированные здесь как «к» и «кв». Аналогично существуют звонкое «л» и глухое, нами использовалось обозначение — «дл» или «гл».

Соответственно и некоторые звуки марбака практически произносимы для ангурпиаквов, говорящих, например, вместо «Армун» — «Аррамун», и «Харрал» вместо «Харл».

Представляется интересным, что этот язык состоит лишь из имен существительных и глаголов, начинающих каждое слово. И к корню можно добавить едва ли не бесконечное количество аффиксов, например:

квингик — дом

квингирссуак — большой дом

квингклиоркакв — он строит дом

квубгирссуалиогпок — он строит большой дом

квингирссуалиорфилик — мужчина может построить большой дом, и так далее.

Важно отметить разветвление понятий в правую сторону. Наш язык обладает левым ветвлением:

дом

этот дом

этот большой дом

Привыкшему к подобной речи крайне трудно строить слова в обратном направлении.

Кроме аффиксов, глаголов и имен существительных, в языке используются суффиксы, определяющие объект личности или спряжение. Глаголы могут использоваться в изъявительном, сослагательном, вопросительном, желательном, соединительном и инфинитивном наклонениях. Рассмотрим глагол «алутора» («любить») в инфинитивном наклонении:

алуторакв — он любит

алуторут — она любит

алутораук — любит ли он?

салуторассук — любят ли они?

алуторлиук — может он любить (желательное наклонение)

алуторлиссик — могут они любить

алуторпачит — он может любить (сослагательное наклонение)

алуторпатечик — они могут любить.

Хотя марбак и ангурпиакв не связаны лингвистически, в структурном отношении они как бы зеркально отражают друг друга. Но если бы, например, Армун, воспользовавшись глаголом «алутора», показала бы на понравившийся предмет, ангурпиаквы посчитали бы ее глупой за неправильно использованное окончание, но поняли бы ее мысль. Здесь оба языка отличаются от иилане', в котором нельзя понять ничего, что выходит за узкие и четкие рамки.

Отметим, что ангурпиаквы обладают ослабленным ощущением времени и едва ощущают его промежутки. Существующая слабо выраженная форма будущего времени редко находит у них применение. Часто они просто пользуются словом «тамнагок» — «некогда, однажды», даже «теперь, сейчас». С изменением промежутков времени связано только одно слово «еегсук», что значит

«очень давно». И не имеет значения — сорок или тысяча лет.

Как и следовало ожидать, язык в точности соответствует их быту. Они пользуются многими различиями, неизвестными марбаку, и полностью пренебрегают другими. По понятным причинам в языке их в изобилии содержатся термины, означающие снег. Они различают снег плотный; сыпучий; замерзший; мокрый; снег, из которого можно резать кирпичи; скользкий снег. С другой стороны, у них нет отдельных названий для синего и зеленого цвета. Желтый они отличают от красного, не зная названий для переходных цветов. Поскольку обозначения цветов выступают лишь в качестве аффиксов, в истинном их значении трудно испытывать уверенность.

Существует предположение, что аффиксы и бесчисленные взаимосвязи в словах-предложениях как-то связаны со способностью ангурпиаквов к выполнению сложных работ и умением компоновать механические детали. Конечно, они великолепно умеют собирать навигационные схемы и сооружать сложные конструкции иккергаков, но предположение это пока остается недоказанным.

СЛОВАРИ

Словарь тану

- Алладжекс — шаман
Аллас — тропинка
Амаратан — бессмертие (боги)
Арнхвит — сокол
Ас — как
Атта — отец (уменьш.)
Бана — сын (уменьш.)
Бека — узел
Бенсил — сфагновый мох
Блейт — холод
Ведам — остров
Вейгил — тяжелый
Гентинац — вождь
Груннан — несчастье
Далас — суп
Дна — быть
Дрийа — истекать кровью
Ей — всегда
Елка — светить
Ерман — небо
Ерманпадар — небесный отец, дух
Ес — если
Истак — путь
Каргу — люди, живущие в горах
Катиск — веселый
Келл — клин
Курмар — река
Курро — главный

- Лас — вниз
Левревасан — люди черных шатров
Леврелаг — место стоянки
Лей — выжженная земля
Линга — женщина
Лингаи — женщины
Лисса — знать
Мадрап — мокасин
Мал — хорошо
Ман — должно
Мар — волос
Мараг — холоднокровное животное
Маргалус — знающий мургу
Марин — звезда
Маркиц — зима
Менса — договариваться
Модиа — может быть
Мо триг — мой ребенок
Мургу — множественное от «мараг»
Нат — убийца
Наудинз — охотник
Ненитеск — трицератопс
Неп — длинные
Парад — брод
Парамутаны — те, что едят сырое мясо, северный народ
Ратх — жарко
Саммад — смешанная группа мужчин и женщин
Саммадар — выборный вождь саммада
Сасси — несколько
Сиа — идти
Скерм — время
Со — кто
Стаккиц — лето
Стесси — племя
Таис — зерно
Тану — люди
Таррил — брат
Тер — личность

Терред — группа людей, разделяющих общую цель

Терредар — вождь такой группы

Тина — носить

То — в

Торск — ихтиозавр

Торскан — ихтиозавры

Торсканат — убивший ихтиозавра

Тхарм — душа

Улфадан — длиннобородый

Фа — смотреть

Фалдар — огонь

Фалла — ждать

Хам, хаммар — быть способным, мочь

Ханнас — мужчина

Ханнасан — мужчины

Ханс — военный отряд

Хардальт — спрут

Химин — гора

Хоатил — все до одного

Хольт — двадцать (счет человека)

Эгхеман — давшие обет

Эккотац — смесь орехов и сушеных ягод

Элск — мастодонт

Словарь иилане'

Аа — в

Ава — боль

Ага — отбытие

Агле — проход

Ака — разочарование

Акас — цветущий остров

Акел — доброта

Аксе — камень

Алак — последовательность

Алакас-Аксехент — острова Флорида-кис

Але — клетка

Алле — красота

- Амбеи — высота
Амбесид — центральная площадь города
Анат — конечность
Анканаал — океан, окруженный сушей
Анке — присутствие
Апен — требование
Асак — пляж
Аст — зуб
Асто — движение

Бан — дом
Буру — окрестности

Ген — новый
Генагле — Гибралтарский перешеек
Гендаси — Северная Америка
Гул — слух
Гулаватсан — животное-сирена

Дии — это

Ее — из
Ееде — это
Еесен — плоскость
Ейсекол — животное-драга
Ейсет — ответственность
Ексеи — осторожность
Елин — маленький
Ембо — давление
Емпе — распоряжение
Енд — зрение
Ене — мягкость, уступчивость
Енет — озеро
Енто — каждый в отдельности
Ерек — скорость
Есек — вершина
Есик — юг
Еспеи — поза
Ето< — стрелять

Иги — вход
Инег — старый
Инле — большой
Инте — охота

- Ипол — скрести
Исегнет — Средиземное море
Исек — север
Ихен — ощущение запаха/прикосновение
Йил — речь
Йилейбе — неспособный говорить
Ка< — прекращение
Каин — линия зрения
Какх — соль
Кал — яд
Калкаси — терновый куст
Касеи — шип
Кем — свет
Кийис — восток
Кру — короткий
Кхет — вогнутость
Лан< — соитие
Лейбе — трудность
Лек — плохо
Мал — отсутствие забот
Ман< — последний
Манинле — Куба
Масиндуу — оптическая проекция
Мелик — темная
Меликкасеи — лоза с ядовитыми колючками
Нате — друг
Нени — череп
Ненитеск — трицератопс
Нефмакел — живая повязка
Нин — отсутствие
Нинсе — безответный
Ну — соответствие
Окол — потроха
Окхалакс — травоядное
Онетсенсаст — стегозавр
Пелен — открытие
Рубу — невесомость
Рууд — остановка

- Руутса — анкилозавр
Сандуу — микроскоп
Сас< — скорость
Сат — равенство
Селе — связь
Сесе — движение
Сете — группа, имеющая одно задание
Сокеи — расчистка
Сон< — элемент
Стал — дичь
Такх — чистота
Таракаст — верховое животное
Теск — вогнутый
Топ — бежать
Трумал — общая атака
Тсан — животное
Тсо — экскременты
Тууп — жирный, вялый
Угункшаа — регистрирующий прибор
Умнун — обработанное мясо
Унут — ползти
Унутакх — пожирающий волосы слизень
Урукето — мутировавший ихтиозавр
Уруктоп — восьминогое тягловое животное
Урукуб — бронтозавр
Усту — кровь
Устузоу — млекопитающее
Уу — увеличение, рост
Фар< — спрашивать
Фарги — обучающаяся говорить
Фафн — ловить
Хайс — ум
Хан — самец
Ханане — место обитания самцов
Хас — самка | значение определяется
Хас — желтый | детерминативом
Хе — число 1
Хен — самец/самка
Хент — революция

- Хесотсан — живое оружие
Хорнсопа — генетический вид
Хурукаст — моноклон
Шак — изменение
Шей — холод
Шип — воля
Эйстаа — глава города
Элиноу — маленький динозавр
Энге — любовь
Энтиисенат — плезиозавр
Энтобан — Африка
Эсекасак — хранилище родильных пляжей
Эфен — жизнь
Эфенбуру — группа ровесников
Эфенселе — член эфенбуру

Словарь саску

- Бансемнилла — сумчатое животное
Валискис — мастодонт
Деифобен — место золотых пляжей
Кадайр — бог неба
Карогнис — бог зла
Мандукто — жрец
Порро — пиво
Тагассо — кукуруза
Харадис — лен

Словарь парамутанов

Существительные

- Ангурпиакв — истинные люди
Етат — лес

Иккергак — большая лодка
Имакв — открытое море
Инге — влагилище
Квивио — тропа
Квингик — дом, укрытие
Квунгулекв — арктические водоросли
Мунга — рыбка, малек
Нангекв — назначение
Паукарут — шатер
Таккуук — яд
Уларуакв — крупное арктическое млекопитающее
Эрквигдлиты — сказочные люди

Глаголы

Алутора — любить
Ардлерпа — охотиться
Икагнит — быть во множестве
Лиорпа — строить
Мисугпа — есть
Мулува — отсутствовать
Наконоарк — быть великолепным
Пакосокви́па — быть равным, не выделяться
Сиагпай — быть важным
Такугу — видеть
Тингава — обладать женщиной

Аффиксы

-адлуикар — полностью
-гакв — быстро
-гуакв — низкий

-естаук — очень давно

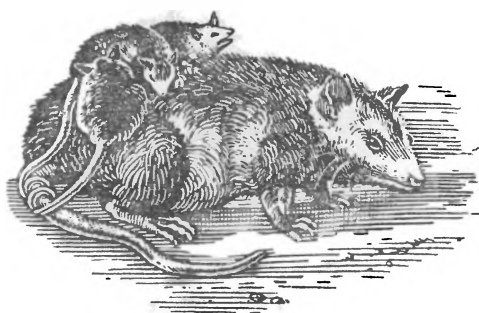
-какв — маленький

-луарпокв — слишком много

-такв — только что выловленный

-тамнагок — тогда, сейчас, опора.

ЖИВОТНЫЙ МИР

БАНСЕМНИЛА

(*Metatheria: Didelphys dimidiata*)

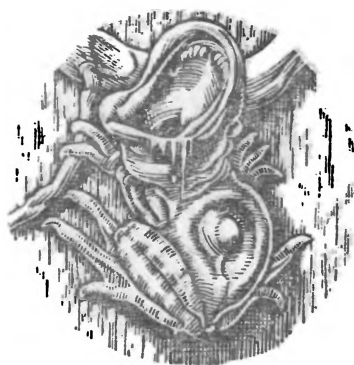
Рыжевато-серый сумчатый зверь с тремя черными полосками на спине. Обладает хватательным хвостом и противостоящими большими пальцами на задних лапах. Плотояден, предпочитает крыс и мышей, разводится саску для уничтожения вредных грызунов

БОЛЬШОЙ ОЛЕНЬ

(*Eutheria: Alces machlis gigas*)

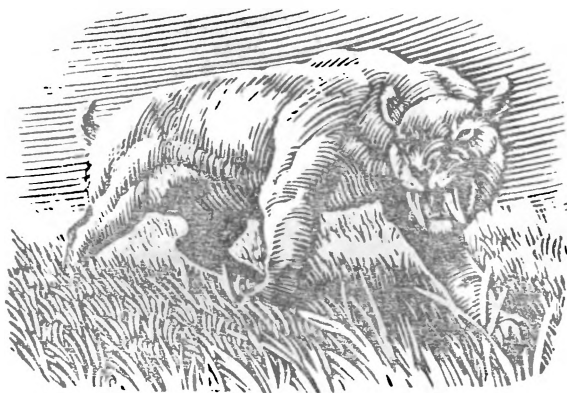
Самый крупный из оленей. От прочих *Cervidae* отличается огромными рогами. Объект охоты тану, которые помимо мяса предпочитают использовать его шкуру для покрытия шатров.

ГУЛАВАТСАН

(*Ranidae: Dimorphognathus mutatus*)

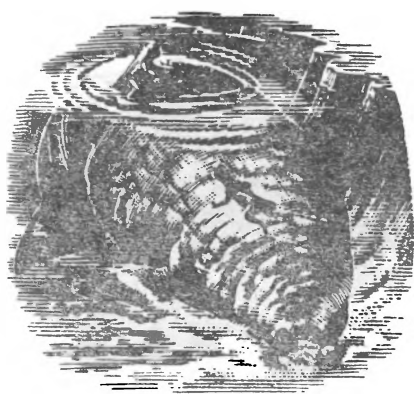
Подробное изучение гулаватсана не может не вызвать восхищения искусством четкого консультирования. Эта разновидность зубастой лягушки мало напоминает предковую форму. Их громким кваканьем в тропиках, служившим в качестве брачного зова, иилане' воспользовались для сигнальных целей, доведя его почти до оглушительной силы.

ДОЛГОЗУБ

(*Metatheria: Machaerodus neogeus*)

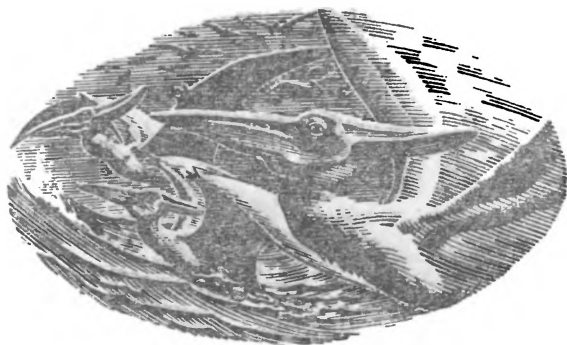
Сумчатый хищник из числа саблезубых. Крупный и свирепый зверь, сражающий добычу длинными верхними клыками. Некоторые племена каргу научились сопровождать этим зверям в охоте.

Е Й С Е К О Л

(*Eutheria: Trichecbus latirostris mutatus*)

Травоядное водное животное, пожирающее подводную растительность. Выведенная иилане' с помощью генной перестройки разновидность обладает огромными размерами и используется для расчистки и углубления водных путей.

Е С Т Е К Е Л

(*Pterosauria: Pterodactylus quetzalcoatlus*)

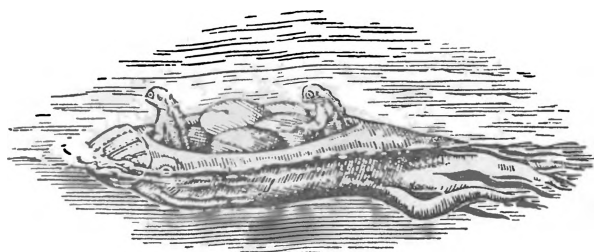
Крупнейшие из летающих ящеров с размахом крыльев свыше девяти метров. Кости их легки и прочны. Тяжелый клюв уравнивается костяным выступом на затылке. Встречаются возле устьев крупных рек, потому что могут взлетать лишь против ветра с гребня высокой волны.

И С Е К У Л

(Columbae: Columba palambus)

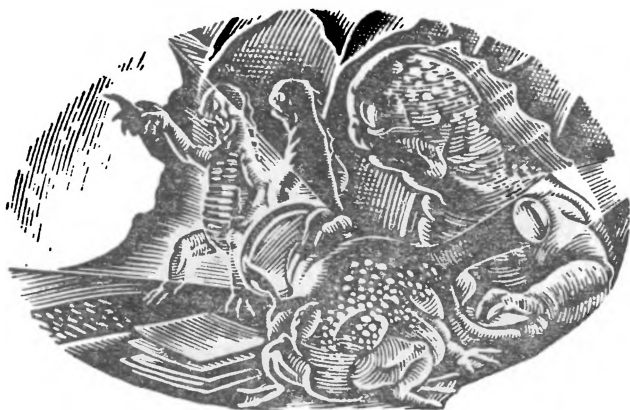
Идеальный пример практичности иилане'. Подобно многим животным, частицы магнитного железняка в лобных долях помогают им ориентироваться в магнитном поле Земли. Выведенные в результате длительной селекции исекулы способны долго указывать клювом в одном направлении, пока не обезумеют от голода или жажды.

ЛОДКА

(*Cephalopoda: Archeololigo olcostephanus mutatus*)

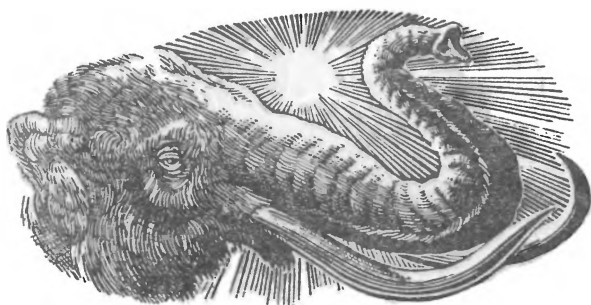
Средство для передвижения по воде. В движение приводится струей воды в сторону щупалец. Обладает зачаточным интеллектом. Может быть обучена выполнению нескольких простейших команд.

МАСИНДУУ

(*Anura: Rana catesbiana mutatus mutatus*)

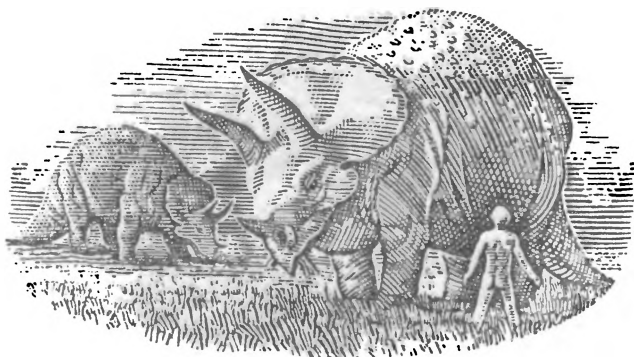
Сандуу является популярным лабораторным животным, позволяющим добиться двухсоткратного увеличения. Известное несовершенство его заключается в том, что лишь одна иилане' может прибегать к его услугам. Проецирующее изображение на белую поверхность масиндуу избавлен от этого недостатка.

М А С Т О Д О Н Т

(*Eutheria: Mastodon americanus*)

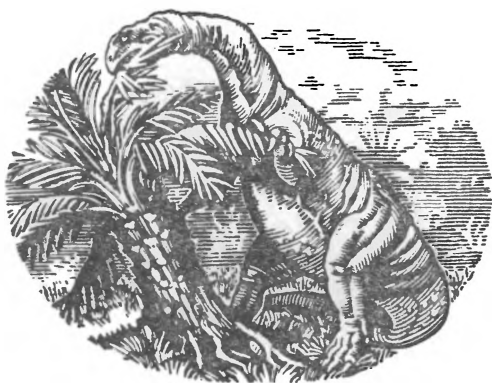
Крупное млекопитающее с длинными верхними клыками. Обладает длинным хватательным хоботом. Одомашнен тану, позволяет им перемещаться на большие расстояния во время охоты и сезонных перекочевков. Мастодонты перевозят волокуши-травойсы.

НЕНИТЕСК

(*Omithischia: Triceratops elatus*)

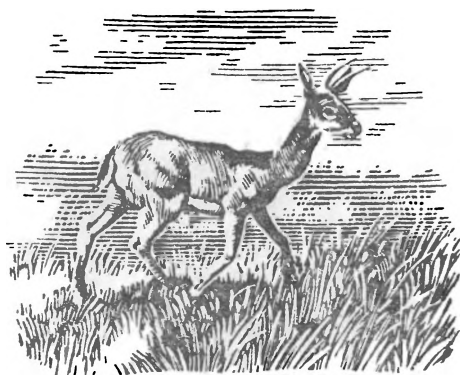
Травоядное четвероногое, отличающееся тремя рогами и костным защитным щитом, в неизменности сохранившееся с мелового периода. Размножается, откладывая яйца. Мозг его невелик, умственные способности и того меньше. Не представляет особого интереса в качестве источника мяса, так как растет очень медленно, но крайне декоративен.

О К Х А Л А К С

(*Plateosauridia: Plateosaurus edibilis*)

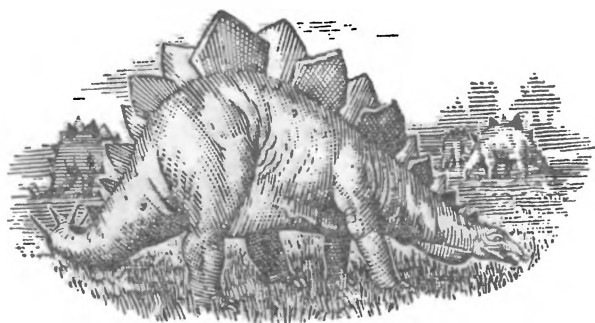
Крупнейший из плоских ящеров, названных так за уплощенное тело и прочный череп. Обычно передвигаются на четырех конечностях, но способны вставать на задние ноги, чтобы объедать верхушки деревьев. Мясо их отличается тонким вкусом и пользуется большим спросом.

О Л Е Н Ь

(*Eutheria: Cervus mazama mazama*)

Небольшой олень с прямыми рогами. Широко распространен в северной температурной зоне. Ценится тану как за шкуру, так и за мясо. Из выдубленных шкур изготавливают одежду и маленькие изделия из кожи: мокасины-мадрапы и мешки.

О Н Е Т С Е Н С А С Т

(*Ornithischia: Stegosaurus variatus*)

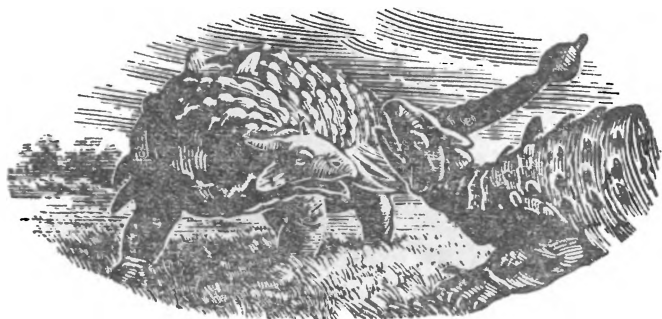
Крупнейший из панцирных динозавров. Этих огромных травоядных защищают от нападения два ряда костяных пластин на спине и шее и тяжелые шипы на хвосте. Появились в позднемеловой период, и лишь тщательные усилия илланы¹ сохранили это живое ископаемое.

П Л А Щ

(*Selachii: Elasmobranchus kappe mutatus*)

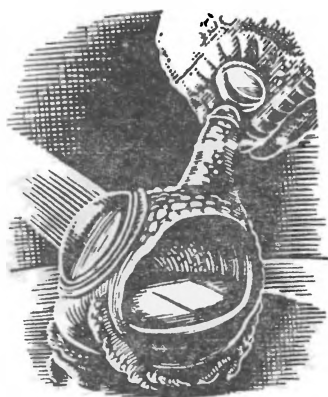
Используются иилане' для защиты тела от дождливой и прохладной погоды. Не обладают никакими признаками разума, накормленные поддерживают температуру тела около 102 °F.

Р У У Т С А

(*Ankylosauria: Euoplocephalus*)

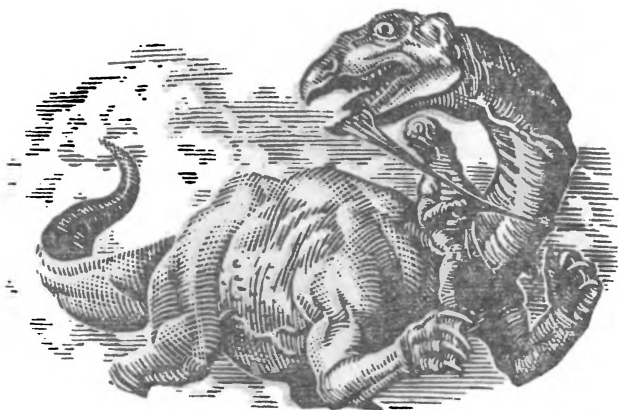
Это гигантское животное, может быть, самое впечатляющее из всех «живых ископаемых», бережно сохраняемых иилане'. Оно покрыто большими бронированными пластинами и шипами, на конце хвоста огромный тяжелый шар, который используется для защиты. Трудно поверить, что это животное — вегетарианец и совершенно безобидно, кроме, разумеется, тех случаев, когда ему приходится защищаться. Данный вид не изменялся более ста миллионов лет.

С А Н Д У У

(*Anura: Rana catesbiana mutatus*)

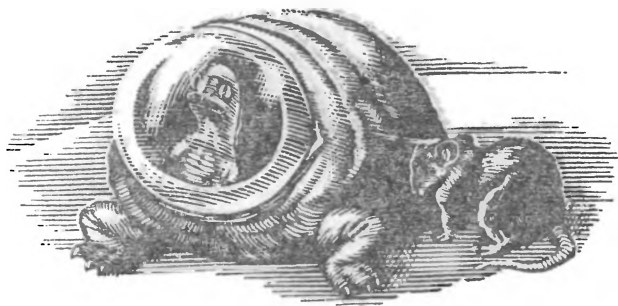
Активные генные манипуляции полностью исказили первоначальный облик этого существа. О его происхождении можно догадаться только по его коже. Правильно подбирая органические линзы в голове, при хорошем солнечном освещении можно добиться двухсоткратного увеличения.

ТАРАКАСТ

(*Omithischia: Segnosaurus shiungisaurus mutatus*)

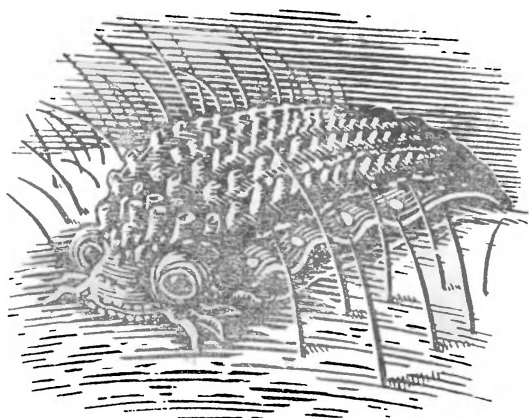
Остроклювый плотоядный динозавр, крупные экземпляры превышают 4 метра в длину. Трудно поддаются дрессировке, требуют большой силы для управления. При правильной подготовке — лучшие скакуны нилане'.

У Г У Н К Ш А А

(*Squamata: Phrynosoma fierhsyna mutatus*)

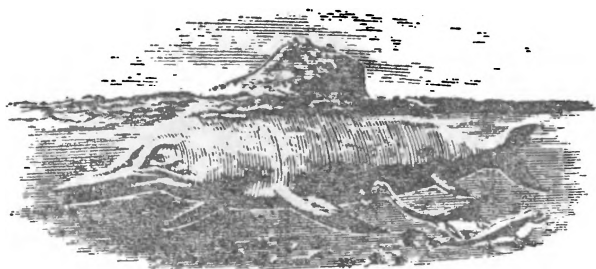
Поскольку язык иилане' включает в себя цвет, звук и движения, ведение письменных записей невозможно. И письмо так никогда и не возникло. Исторические сведения передавались устно. А регистрация информации стала возможна только после разработки этого живого видеодисплея, соединяемого с запоминающим существом.

У Н У Т А К Х

(*Cephalopoda: Deroceras agreste mutatus*)

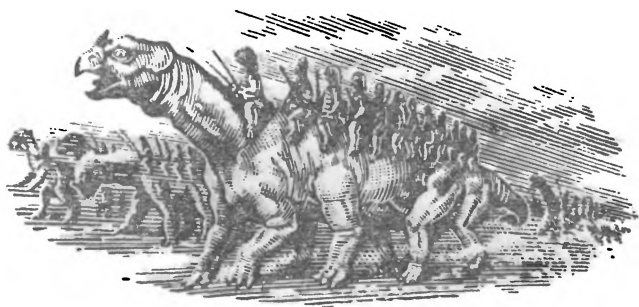
Одно из весьма специализированных животных, используемых иилане'. Это головоногое легко переваривает белковые ткани, в особенности волосы и чешуйки эпидермиса.

У Р У К Е Т О

(Ichthyopterygia: Ichthyosaurus monstruosus mutatus)

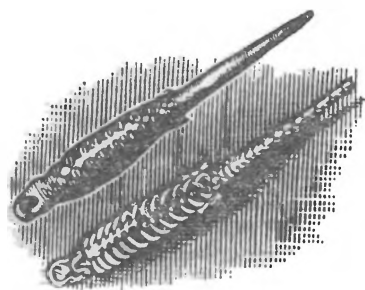
Крупнейший из рыбащеров. Тысячелетия генной хирургии позволили получить колоссальное существо с полый камерой, находящейся на верху тела и открывающейся в высоком спинном плавнике.

У Р У К Т О П

(Chelonia: Psittacosaurus montanoceratops mutatus)

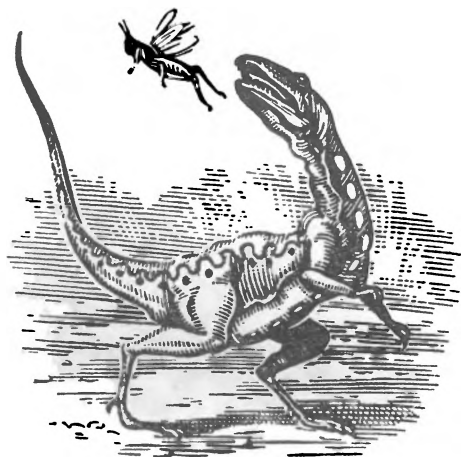
Одно из в высшей степени преобразованных иилане' животных. Используется для сухопутных грузоперевозок, доставки тяжелых грузов на дальние расстояния. После удвоения генетического набора имеет восемь ног.

ХЕСОТСАН

(*Squamata: Paravaranus comensualis mutatus*)

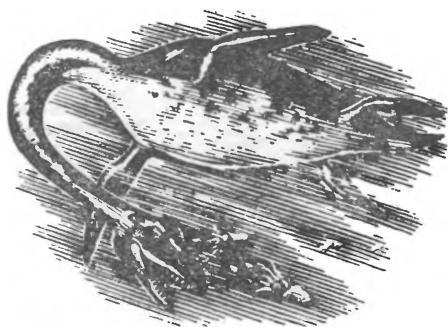
Этот вид ящерицы претерпел в руках иилане' такие изменения, что абсолютно не напоминает оригинал. По-заимствованные у жуков *Brachinus* паровые железы выбрасывают иглу, покрывающуюся ядом при прохождении через половые органы рыбы, относящейся к *Tetradontid*. Этот яд, самый сильный из всех известных, вызывает паралич и смерть даже в количестве пятисот молекул.

Э Л И Н О У

(*Saurischia: Coelurosaurus compsognathus*)

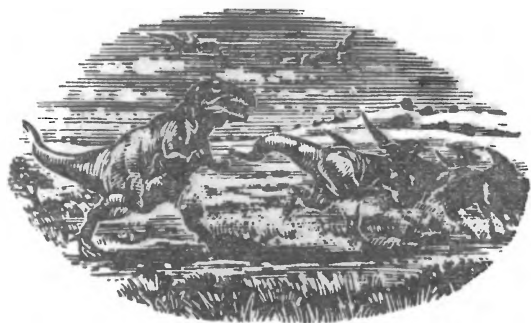
Маленький гибкий динозавр, ценящийся иилане' за способность ловить мелких млекопитающих. Красивая шкурка и приятный покладистый характер часто делают его домашним любимцем иилане'.

Э Н Т И И С Е Н А Т

(*Sauropterygia: Elasmosaurus plesiosaurus*)

Хищная морская рептилия, отлично приспособленная к жизни в море, не изменилась с мелового периода. Относительно небольшая голова располагается на длинной шее. Лопasti плавников сходны с плавниками морской черепахи. Выведены новые, более разумные разновидности, обеспечивающие кормление урукето.

Э П Е Т Р У К

(*Saurischia: Tyrannosaurus rex*)

Самый крупный и сильный из существовавших на Земле карнозавров. Длина свыше 12 метров, самцы весят более 7 тонн. Передние лапы невелики, но сильны. Большой вес неповоротливого гиганта замедляет его движения, поэтому для нападения он выбирает только крупных зверей. Значительную долю его рациона составляет добыча, отобранная у хищников меньшего размера.

Благодарность

В процессе работы над романом мне приходилось обращаться за советами к специалистам в различных областях знаний. Биология иилане' описана в работе доктора Джека Кохена; языки иилане', саску, парамутанов и марбак — в работе профессора Т. А. Шиппи; философия Дочерей Жизни была исследована при активном сотрудничестве доктора Роберта Е. Майерса.

Без их помощи и советов настоящая книга была бы не такой подробной и полной. Я бесконечно им благодарен.

**Миры Гарри Гаррисона / Пер. с англ. — Рига Полярис,
1993. — 383 с.**

Качество печати соответствует диапозитивам, представленным издательством

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Главный редактор А. Захаренков

Редактор М. Проворова

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры К. Вартанова, И. Лазгина

Оператор компьютерной верстки Л. Бирюковская

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки, форзаца

и шмуцтитула: В. Иванов

Подписано в печать 25.10.93. Формат 84х108/32.

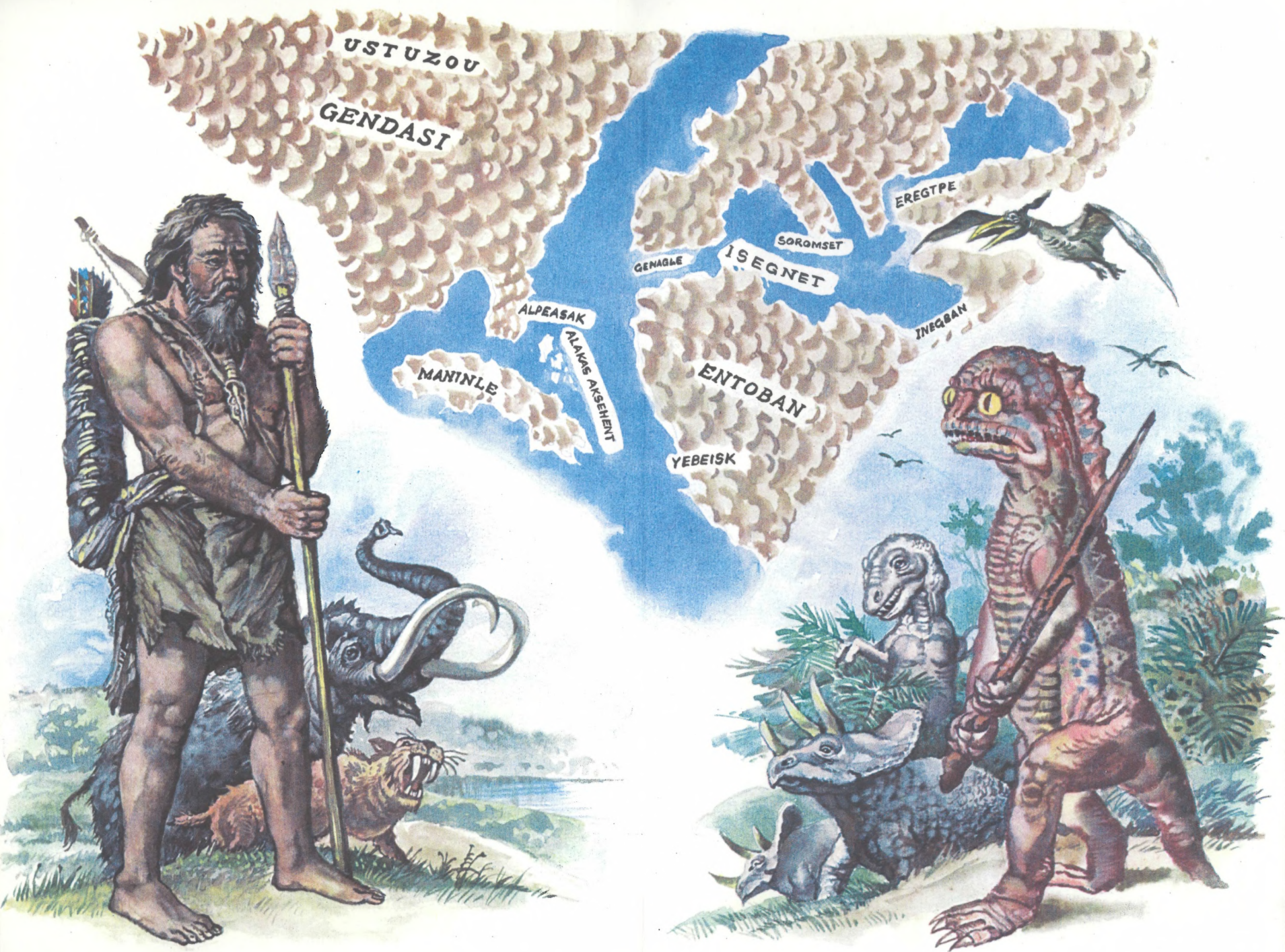
Усл. печ. л 20,16 Тираж 100 000 экз Заказ № 2277 С 015

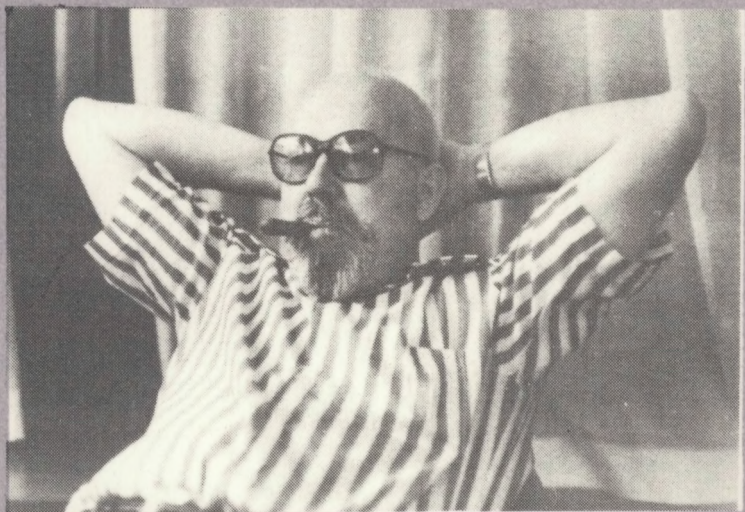
Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

**Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия
СССР Министерства печати и информации Российской Федерации
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher